Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 4(56)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Смоленск
2021

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, зампредседателя*), М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Б.В. Носов (*Москва*), А. Тишер (*Вюрцбург, Германия*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), М. Хикки (*Блумсберг, США*), С. Майер-Фиракер (*Германия*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, Ю.А. Грибер, А.Г. Егоров, Ю.Е. Ивонин, Д.Е. Комаров, О.В. Козлов, Е.А. Кучинская, Л.В. Павлова, Л.В. Рацибурская, А.М. Ранчин, В.В. Сергеев, А.Г. Сильницкий, Н.А. Фатеева

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Скулачева Т.В., Костюк А.Э. Стих и проза: лингвистические различия и их функции 5
Краснова О.Н. Ассоциаты «натура» и «природа»: текстовые связи с глубинными художественно-психологическими характеристиками образа повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина 14
Смирнов А.С. «Слово» героя как предмет изображения в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» 24
Минаева О.Н. Письмо из гротескного мира: «Хулио Хуренито» И. Эренбурга и «Голый год» Б. Пильняка 39
Андреев В.С., Павлова Л.В., Романова И.В. Цветообозначения В. Набокова: смыслы и приемы создания 47
Стрыгин А.Ю. Сенсорная образность стихотворений Р. Брука в переводах В.В. Набокова: синестезия и метафизика 62
Радионова А.В. Концепция добра в произведениях Бориса Васильева....75
Шанина Ю.А. Традиции мистицизма и духовная проблематика в романе У. Голдинга «Зримая тьма» 87

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Максимчук Н.А., Троицкий Е.Ф. Устойчивые обороты с зоонимической лексикой в аспекте фразеографии (на материале Словаря смоленских говоров).....99
Стрельцов А.А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: словообразовательный аспект.....113
Демидова М.М., Козлова Л.Н. Особенности передачи русской разговорной субстантивной лексики на английский язык.....130
Белютина Ю.А. Речевой портрет Дональда Трампа (по материалам предвыборных выступлений в кампаниях 2016 и 2020 годов).....145
Артемова В.С., *Дмитриева М.Н.* Парадигматика и синтагматика имени прилагательного в швейцарском варианте немецкого языка 155
Тришина М.Н. О калейдоскопичности концепта «Противостояние» в дискурсивных и культурных практиках (на материале немецкого языка) 163
Сильницкий А.Г., Дедова Н.А. Анализ структуры семантического пространства образных метафор романа Р. Брэдбэри «451 градус по Фаренгейту».....174

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Козлов О.В. Народные дома как центры культурно-просветительной работы в преддверии революции и в первые годы советской власти (на материалах Западного региона России) 190
Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда и политика по национальному вопросу на территории генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах 201
Семенов С.Е. Между тылом и фронтом. Смоленские железнодорожники – труженики тыла Великой Отечественной войны 216
Богатчикова К.С. Востриков С.В. Духовное наследие как основа цивилизационной идентичности России 232
Ивонин Ю.Е. Репрезентация императорской власти и самопрезентация Карла V Габсбурга 251
Сироткин С.О. «Сначала свобода, потом Союз»: Конституция и Союз США в трактовке Уэнделла Филлипса 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ивонина Л.И. Визуализация и структуризация истории: размышления по поводу одного проекта 268

MEMORIA

Каиль М.В. Memoria. Памяти Олега Владимировича Козлова (28.04.1950–25.11.2021) 274

Сведения об авторах 277

Содержание журнала «Известия Смоленского государственного университета» за 2021 год 280

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.В. Скулачева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Москва, Россия

А.Э. Костюк
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 801.61

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-5-14

СТИХ И ПРОЗА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ИХ ФУНКЦИИ[1]

Ключевые слова: *лингвистика стиха; стих и проза; синтаксис стиха; интонация стиха; воздействие стиха.*

В статье описываются лингвистические отличия стиха от прозы, устойчиво присутствующие в стихотворных текстах, написанных на разных языках, в разные периоды, в рамках разных систем стихосложения, литературных направлений и индивидуальных стилей. Самые устойчивые лингвистические особенности стиха складываются в неожиданную картину: все они так или иначе затрудняют логическое понимание текста. В стихе растет количество сочинительных связей между клаузами, то есть количество сложносочиненных предложений растет, а количество сложноподчиненных падает в стихах каждого из исследованных авторов, в стихе по сравнению с прозой в 2–3 раза сужается тональная рамка, то есть стих в 2–3 раза монотоннее, чем проза. То, что существует интонация, специфическая именно для стиха, доказывается экспериментом, в котором информанты могли отличить стих от прозы только по интонации. Информантам давались делексикализованные стихотворные и прозаические тексты (то есть тексты, где запись чтения стиха технически обрабатывалась так, что оставалась только частота основного тона), и информанты с легкостью отличали стих от прозы, причем как для классического стиха А. Блока, так и для свободного стиха М. Кузмина. Описаны также некоторые механизмы затруднения восприятия текста на уровне лексической семантики и семантики текста. Вы-

[1]Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-012-00534 А (руководитель – Т.В. Скулачева).

сказано предположение, что все описанные механизмы обеспечивают активизацию образного мышления и частичное подавление логического и критического мышления.

Известно, что тексты, написанные стихом и прозой, по-разному воздействуют на читателя. Тем не менее мы очень мало знаем о том, как именно это происходит, какими лингвистическими механизмами обеспечивается и чем, собственно, различается воздействие стиха и прозы. Вот стихотворение А. Барто «Бычок»:

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
– Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

Что происходит с бычком? Перескажем текст прозой:

Бычок идет, качается и жалеет о том, что доска кончается и он сейчас будет падать.

На самом деле А. Барто описывала конкретную игрушку, производившуюся в тот момент: наклонная доска, по ней идет деревянный бычок с ножками на шарнирах и падает, когда доходит до конца наклонной доски и переходит на плоскую поверхность стола или пола, на которых стоит доска. Однако большинство современных читателей незнакомы с игрушкой, описываемой А. Барто. И, когда текст пересказан прозой, странность происходящего становится заметна сразу: бычок идет, сейчас будет падать, но вместо того, чтобы остановиться, продолжает идти и только расстраивается. Наши студенты после прочтения прозаического пересказа предлагали разные трактовки: у бычка депрессия («будет падать, но ему уже все равно»), у бычка чувство долга («будет падать, но надо, Вася, надо») и так вплоть до алкогольного опьянения у бычка. При этом в стихе каждому человеку с детства, когда он впервые сталкивается с этим стихотворением, кажется, что он прекрасно понимает текст. То есть в стихе мы полностью удовлетворены пониманием текста и только при пересказе прозой замечаем, что не поняли, что происходило в тексте.

На протяжении последних 15 лет мы собирали и фиксировали те особенности, которые появляются в стихе регулярно, независимо от языка, периода, системы стихосложения, литературного направления или индивидуального стиля, то есть те закономерности, которые, предположительно, характеризуют стих как таковой. Найденные устойчивые закономерности сложились в неожиданную картину: в стихе в отличие от прозы на всех лингвистических уровнях устойчиво проявлялись механизмы, мешающие осмыслению логики текста.

Начнем с синтаксиса, так как по нему к настоящему моменту получен максимум данных. На материале русского, английского, французского, немецкого стиха обнаружен устойчивый рост сочинения между клаузами и падение количества подчинительных связей. В прозе же, наоборот, растет

подчинение между клаузами. Приведем для примера таблицы по русскому стиху и французскому стиху (около 30 000 связей между клаузами) [Скулачева, Буякова, 2010].

Таблица 1

Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе русских авторов

Автор		Фольклор	Симеон Полоцкий (1629–1680)	М.В. Ломоносов (1711–1765)	В.А. Жуковский (1783–1852)	А.С. Пушкин (1799–1837)	М.Ю. Лермонтов (1814–1841)	Ф.И. Тютчев (1803–1873)
Связи с сочинительной семантикой	в стихе	712 (92,2)	208 (62,3)	461 (54,7)	367 (81,7)	545 (74,1)	648 (77,5)	526 (78,6)
	в прозе	288 (68,4)	566 (46,0)	278 (22,8)	439 (62,0)	186 (36,3)	880 (57,0)	366 (28,6)

Таблица 2

Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе русских авторов (продолжение)

Автор		А.А. Фет (1820–1892)	М. Кузмин (1872–1936)	А.А. Блок (1880–1921)	В. Хлебников (1885–1922)	А.А. Ахматова (1889–1966)	А.Т. Твардовский (1910–1971)	И. Бродский (1940–1996)
Связи с сочинительной семантикой	в стихе	445 (79,8)	105 (62,5)	314 (70,9)	34 (76,4)	316 (77,6)	394 (65,1)	139 (51,5)
	в прозе	309 (30,6)	510 (40,5)	496 (42,8)	268 (46,7)	256 (36,4)	240 (32,6)	308 (29,0)

Таблица 3

Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе французских авторов

Автор		Вольтер (1694–1778)	В. Гюго (1802–1885)	Ж. Нерваль (1808–1855)	Ш. Бодлер (1821–1867)	С. Малларме (1842–1898)	П. Верлен (1844–1896)	П. Валери (1871–1945)	П. Элюар (1895–1952)
Связи с сочинительной семантикой	в стихе	725 (71,7)	937 (73,7)	154 (73,0)	258 (57,8)	91 (39,2)	383 (57,0)	251 (54,5)	348 (76,5)
	в прозе	637 (38,7)	274 (26,3)	264 (32,5)	330 (34,5)	442 (28,6)	512 (27,0)	477 (26,8)	394 (34,0)

Когда необходимо привлечь внимание читателя к логическому построению текста, автору требуется максимум подчинительных конструкций, чтобы показать иерархию событий по важности и их логическую взаимосвязь. В стихе же часто идет перечень равноправных и равновесных предложений без четко заданных взаимоотношений между ними:

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.
Отзвуки, песня далекая,
Но различить – не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.
Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.
В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

(А. Блок)

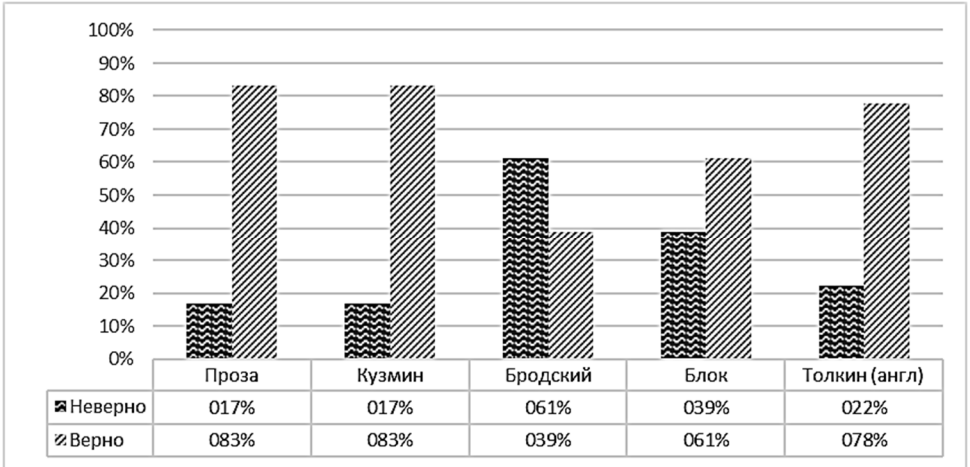
Таким образом, в стихе на синтаксическом уровне растет количество сочинительных и падает количество подчинительных связей, то есть стих устойчиво мешает нам легко и быстро понять логику текста.

Не менее интересна интонация стиха. Интонация стиха более монотонна, чем интонация прозы. Как было показано в [Кривнова, Костюк, 2020; Скулачева, Костюк, 2020], тональная рамка (то есть диапазон, в рамках которого происходит изменение частоты основного тона) в 2 раза уже в стихе, чем в прозе. По

нашим данным, на материале английского стиха тональная рамка в стихе была в 3 раза уже, чем в прозе. То есть стих в 2–3 раза монотоннее, чем проза (рис. 1).

Рис. 1. Интонограммы чтения стиха и прозы

Из стиха исчезают выделения, самой высокой точкой оказывается начало строки, дальше частота основного тона постепенно падает в узком диапазоне, причем без выраженного падения на конце, характерного для конца предложения в прозе. Нами был проведен эксперимент, показавший, что информанты могут отличить стих от прозы только по интонации. Информантам был предложен делексикализованный звучащий текст (стих и проза). Делексикализация – метод, при котором записывается нормальное чтение информанта, а затем запись технически обрабатывается так, что слышна только интонация (частота основного тона). Как видно из рисунка 2, информанты достаточно легко отличали стих от прозы только по интонации, что доказывает: интонация, специфичная для стиха в отличие от прозы, действительно существует (рис. 2).



	Проза	Кузмин	Бродский	Блок	Толкин (англ)
Неверно	017%	017%	061%	039%	022%
Верно	083%	083%	039%	061%	078%

Рис. 2. Определение информантами делексикализованных текстов как стихотворных / прозаических только по частоте основного тона

Единственный отрывок стиха, который опознавался немного хуже других, был отрывок из стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью». Но информанты получали лишь по 30 секунд записи, и фонетисты (Л.М. Захаров) рекомендовали нам в будущем брать по 60 секунд для таких сложных текстов.

Отметим, что аналогичный эксперимент, в котором информантам давалось около 20 делексикализованных стихотворных текстов, привел к еще более интересным последствиям. Между третью и четвертью информантов не смогли дойти до конца эксперимента, жалуясь на подавленное состояние, головную боль, тошноту и т.д. Это говорит о том, что стиховая интонация, выделенная в чистом виде, без параллельного воздействия других уровней организации действует не просто сильно, а слишком сильно, вызывая неожиданную общую реакцию организма.

Интересный случай был описан нам О.А. Казакевич. Ольга Анатольевна вечером у себя дома анализировала запись камлания селькупского шамана (молитва, в том числе языческая, имеет такую же ровную интонацию, как стих, ср.: [Янко, 2010]). То, что слышали соседи сверху, напоминало результат делексикализации – через междуэтажное перекрытие можно было услышать интонацию, но не слова. По-видимому, воздействие на соседей напоминало результаты нашего второго эксперимента: соседи вызвали милицию, так как им показалось, что происходит что-то ужасное.

Интонация, подобная стиховой, существует в молитве на разных языках, при пограничных эмоциональных состояниях [Янко, 2010; 2015]. По нашим предварительным данным, такая интонация появляется, когда речь нацелена на определенное воздействие (стих, молитва, медитация, гипноз), или в речи человека, подвергшегося определенному гормональному (стресс, пограничные эмоциональные состояния) или химическому (алкогольное или наркотическое опьянение) воздействию. По-видимому, такая интонация является маркером определенного режима обработки информации мозгом, того, что называлось образным мышлением, в отличие от логического.

Механизмы, затрудняющие логическое понимание текста, есть и на других уровнях организации текста. Ю.Д. Апресян в устной беседе предположил, что одно из главных отличий семантики стиха – то, что в стихе контекст часто не дает возможности легко и быстро выбрать одно значение многозначного слова. Так, в стихотворении А. Блока «В голубой далекой спаленке» слово «опочил» частью информантов понимается как «умер», а частью – как «заснул».

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоем – туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спаленке –
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

Возможны и другие механизмы, затрудняющие легкое и однозначное понимание логики текста. Так, в стихотворении М. Кузмина «Тразименские тростники» один и тот же объект на протяжении короткого текста оказывается озером, морем и рекой. Причем, если в прозе это будет явной ошибкой, в стихе читатель просто вычленяет общий знаменатель: вода, тростники и т.д. – и не беспокоится об уточнении информации.

Затрепещут тразименские тростники, затрепещут,
Как изменники,
Что болтливую болтовню разболтали
У реки
О гибели прекрасной богини,
Не о смешной Мидасовых ушей тайне.
В стоячей тине
Они не знали,
Что румяная спит Фетида,
Не мертва, но покоится дремотно,
Ожидая золотого востока.
Мужественная дева воспрянет,
Протрет лавандовые очи,
Удивленно и зорко глянет
Сивиллой великого Буонаротта
(Не напрасны были поруки!),
И озеро багряных поражений
Римскую медь воротит,
И трепетуны-тростники болтушки
Умолкнут
При возврате родимого солнца.

Мы начали серию экспериментов совместно с нейролингвистами (Н.А. Слюсарь), и первые же эксперименты подтвердили, что мозг обрабатывает стих и прозу по-разному [Influence of Verse, 2021]. В частности, в

стихе человек перестает замечать ошибки, которые с легкостью замечает в почти дословном прозаическом пересказе того же текста. Подобные результаты получены в настоящий момент для русского, английского, немецкого, турецкого языков, следовательно, есть основания полагать, что это воздействие стиха как такового, не зависящее от конкретного языка.

Можно предположить, что существуют разные режимы обработки информации мозгом, приблизительно соответствующие образному и логическому мышлению в их повседневном понимании. С одной стороны, мы можем думать о Новом годе следующим образом: «Новый год наступает каждые 365 или 366 дней, в году двенадцать месяцев, в месяце от 28 до 31 дня…» и т.д. С другой стороны, мы можем думать, что Новый год – это запах корицы и мандаринов, елка и шарики. Критическое мышление, в том числе способность замечать ошибки, тесно связана с логическим мышлением. Ошибочно названное количество дней в году будет сразу замечено. В то же время во втором случае мы не задумываемся о том, достаточно ли совершенны елка и шарики или у них есть какие-либо недостатки. То есть критическое мышление тесно связано с логическим мышлением, но не с образным.

Описанные в статье закономерности, по-видимому, являются особенностями речи при более активном образном мышлении и частично подавленном логическом. Это может происходить в речи, нацеленной на более активное включение образного мышления и подавление логического (стих, молитва, медитация, гипноз), а также для типов речи, где такое подавление логического мышления происходит в результате гормонального (стресс, пограничные эмоциональные состояния) или химического воздействия (алкогольного и наркотического опьянения).

ЛИТЕРАТУРА

Кривнова О.Ф., Костюк А.Э. Рамочная тональная конструкция в фонетической структуре стиха и прозы // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна. 2020. М.: Буки-Веди, 2020. С. 86–98.

Скулачева Т.В., Буякова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 37–54.

Скулачева Т.В., Костюк А.Э. Лингвистические особенности стиха и их функции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, №. 3. С. 155–168.

Янко Т.Е. Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог-2010». М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 609–621.

Янко Т.Е. Лингвистические технологии анализа звучащего поэтического текста // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 174–183.

Influence of Verse on Cognitive Processes: a Psycholinguistic Exiperiment / T. Skulacheva [et al.] // Plotting Poetry 4. 2021. Prague.

T.V. Skulacheva
Candidate of Philological Science,
Supervising Researcher,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of
The Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

A.Ye. Kostyuk
Postgraduate Student,
Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Verse and Prose: Linguistic Peculiarities and Their Functions

The article describes stable linguistic regularities which differentiate verse from prose. They are typical of verse in different languages and historical periods, they belong to different systems of versification, literary trends and individual styles. The most regular linguistic mechanisms in verse show the same general peculiarity – they hinder comprehension of logic in a text. A number of coordinating clauses grows while number of subordinate ones decreases in a verse in comparison with prose of the same author. The tonal pitch frame of a verse becomes two or three times narrower than in prose, that is why verse is twice or thrice more monotonous than prose.

The fact that specific verse intonation does exist is proved by the experiment where informants could differentiate verse and prose only by intonation. Informants were offered to listen to a delexicalized verse and prose texts (where recording of verse reading was processed in such a way that only basic frequency remained audible) and they easily differentiated verse from prose for both classical verse (by A. Blok) and free verse (by M. Kuzmin). In addition, the article describes other mechanisms associated with lexical and text semantics. A hypothesis is suggested that all mechanisms applied in a verse activate imaginative thinking and hamper logical and critical thinking.

Key words: *linguistics of verse; verse and prose; syntax of verse; verse intonation; impact of a verse text.*

REFERENCES

Krivnova O.F., Kostyuk A.E. Tonal pitch frame in the phonetic structure of verse and prose [Ramochnaya tonal'naya konstruktsiya v foneticheskoi strukture stikha i prozy]. *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatei: sb. st. k yubileyu V.A. Plungyana* [VAProsy yazykoznaniya: Mega-collection of nanoarticles: collection of articles. To the anniversary of V.A. Plungyan], 2020, pp. 86–98 (in Russian).

Skulacheva T.V., Buyakova M.V. Verse and prose: Coordination and subordination [Stikh i proza: sochinenie i podchinenie]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2010, no. 2, pp. 37–54 (in Russian).

Skulacheva T.V., Kostyuk A.E. Linguistic peculiarities of verse in comparison to prose and their functions [Lingvisticheskie osobennosti stikha i ikh funktsii]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 2: Yazykoznanie*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 155–168 (in Russian).

Yanko T.E. Linguistic technologies of analyzing the spoken poetic text [Lingvisticheskie tekhnologii analiza zvuchashchego poeticheskogo teksta]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2015, no. 23, pp. 174–183 (in Russian).

Yanko T.Ye. Prosody of sentences without illocution [Prosodiya predlozheny so «snyatoi» illokutivnoi siloi]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Tr. Mezhdunar. konf. po komp'yuternoi lingvistike i eye prilozheniyam «Dialog-2010»* [Computational linguistics and intellectual technologies: tr. int. conf. on computational linguistics and its applications «Dialogue-2010»]. Moscow, Publishing house of Russian State University for the Humanities, 2010, pp. 609–621 (in Russian).

Skulacheva T., Slioussar N., Kostyuk A., Lipina A., Latypov E., Koroleva V. Influence of verse on cognitive processes: a psycholinguistic exiperiment. Prague, *Plotting Poetry*, no. 4, 2021 (in English).

О.Н. Краснова

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

УДК 82.0

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-14-23

АССОЦИАТЫ «НАТУРА» И «ПРИРОДА»: ТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ С ГЛУБИННЫМИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н.М. КАРАМЗИНА

Ключевые слова: *ассоциация; ассоциативная цепочка; междисциплинарный подход; глубинные художественно-психологические свойства; повествователь.*

Материалом изучения в статье является повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», предметом – ключевое слово «натура» и ключевое понятие «природа», выступающие в качестве эксплицированных ассоциатов повествователя. Цели работы: установление и анализ текстовых связей (знаков текста) ассоциативного уровня с глубинными художественно-психологическими характеристиками образа повествователя в аспекте художественно-психологического смыслопорождения, а также выявление приемов активации внимания читателя, создания эмоционального отклика.

Междисциплинарное исследование проведено на стыке психологического направления литературоведения, коммуникативной стилистики, психологии. Прослеживается механизм репрезентации ценностных представлений, установок, убеждений повествователя: 1) через «многослойность» ассоциаций, касающихся системы его взглядов и раскрывающихся через художественно-психологическую взаимосвязанность и взаимозависимость действующих лиц; 2) через опорный элемент ассоциативной цепочки, а также реализованные в ходе ассоциативного развертывания многозначность слова-ассоциата, наложение смыслов, семантическую пульсацию, включенность в

различные художественно-психологические контексты; 3) через различное для героев доминантное содержание ассоциатов, являющееся художественно-психологической основой образования ассоциаций повествователя между ними и содержащими их текстовыми фрагментами; 4) через структурно-семантическое построение ассоциативной цепочки, имеющей отношение к одному герою, но содержащей репрезентанты, относящиеся к другому герою, что раскрывает восприятие обоих повествователем.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, в курсах литературы XVIII века, учебных пособиях, программах спецкурсов.

Изучение ассоциации, восходящее к Платону и Аристотелю, получило дальнейшее развитие в психологии (Т. Браун, Т. Циген, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Ч. Остгуд, Г. Эббингауз, А.П. Нечаев, И.М. Сеченов, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), философии (Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Милль, И. Гербарт), филологии (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Н.В. Крушевский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Ф.Ф. Фортунатов, В.Ф. Асмус).

Комплексная по своей сути проблема ассоциаций на современном этапе привлекает внимание и активно изучается рядом гуманитарных наук, в частности, на их стыке: когнитивной лингвистикой (Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Н.В. Дмитрюк, В.П. Абрамов, В.П. Яцуга, И.О. Прохорова, В.М. Швецова, А.И. Хартикова), психолингвистикой (А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина, А.А. Залевская, Е.Ф. Тарасов, В.А. Пищальникова, И.Г. Овчинникова, В.В. Андриевская, Ю.Н. Филиппович, В.П. Белянин, Л.В. Сахарный, И.А. Зимняя), коммуникативной стилистикой (Н.С. Болотнова, И.А. Пушкарева, И.И. Бабенко, В.А. Ефремов, А.А. Васильева, С.М. Карпенко, Е.И. Горошко), когнитивной поэтикой (И.А. Тарасова, А.П. Чудинов, Л.О. Бутакова), психопоэтикой (В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин). Методы психологии и лингвистики используются в исследованиях А.А. Леонтьева, В.П. Белянина, И.Г. Овчинниковой, Н.А. Гасицы, А.М. Новиковой, В.В. Сайгина, А.А. Штеба, И.А. Зимней; философии и культурологии – в работах Н.И. Мартишиной, Ю.А. Трофимовой; социологии и психологии – Т.И. Лариной, Ж.В. Пузановой, Н.А. Ивановой, Л.А. Паутовой.

Обращение литературоведения к проблемам ассоциации обусловлено задачами исследования художественной проблематики (В.А. Недзвецкий, Н.С. Сафонова), сюжетосложения (В.Е. Хализев), эстетических и речевых характеристик (В.Н. Топоров, О.Б. Лебедева, М.П. Глазкова), стилистических особенностей (Е.С. Богданова, М.Л. Купченко).

В междисциплинарных литературоведческих работах на стыке литературоведения, психологии и философии, литературоведения и лингвистики ассоциация рассматривается в соответствии с изучаемым аспектом: памяти и нарратива (О.В. Переходцева), модусов художественности (Ю.С. Игушева),

художественного мышления автора (Е.А. Дубеник), сюжетостроения (Г.А. Жиличева).

Предпринятое нами исследование является междисциплинарным и рассматривает художественный текст на стыке литературоведения, коммуникативной стилистики, психологии. Выбранный подход обусловлен целями исследования: выделение, анализ, систематизация текстовых связей (знаков текста) ассоциативного уровня (ассоциатов, ассоциативных цепочек, средств их репрезентации и актуализации) с глубинными художественно-психологическими характеристиками образа повествователя в аспекте художественно-психологического смыслопорождения, ведущего к указанным глубинным свойствам. Также будут выявлены приемы активации внимания читателя, создания эмоционального отклика. В рамках статьи рассматриваются ключевое слово «натура» и ключевое понятие «природа» в текстовых позициях, где означенные ключевые слова выступают в качестве эксплицированных ассоциатов повествователя, связанных с текстовой доминантой «чувствительность».

Ассоциаты «природа», «натура» составляют семантическую пару и являются лексическими дублетами. Первый названный ассоциат репрезентирован в речи повествователя и Лизы, второй – повествователя и Эраста, реализуясь в тексте через соответствующие ассоциативные цепочки. Ассоциат «природа» вводится от лица повествователя, говорящего об «изрядном разуме и добром сердце» Эраста, «добром от природы, но слабом и ветреном» [Карамзин, 1984, *510*][1]. Поименованный ассоциат контекстуально употребляется в значении «прирожденное свойство, качество человека или их совокупность; натура, характер» [Словарь русского языка, 3, *438*].

Он открывает ассоциативную цепочку, касающуюся образа жизни, мысли и личности героя, сформировавшегося как человек «светского круга»: «рассеянная жизнь – свое удовольствие – светские забавы – скучал и жаловался – красота Лизы – читывал романы, идиллии – живое воображение – беспечно гуляли – целовались, как горлицы – счастливая праздность – нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало» [Карамзин, 1984, *511*]. При этом репрезентанты, имеющие отношение к героине, поставлены в контекст, содержащий атрибуты привычного бытия Эраста. Такое их положение не только структурно, но и семантически «уравнивает» все звенья цепочки, художественно-психологически проявляя восприятие Лизы Эрастом как элемент будущего развлечения (впрочем, неосознанное, что проявляют актуализаторы, связанные с воображением и нерефлексированным чтением героя).

Суждения повествователя о герое «сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы» [Там же, *510*] включены и в другой художественно-

[1] Здесь и далее ссылки на произведение Н.М. Карамзина даются по источнику: Карамзин Н.М. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Л., 1984.

психологический контекст. Упомянутые суждения составляют цепочку, содержащую актуализаторы, касающиеся представлений повествователя об исходных возможностях человека в мире. Слово-ассоциат «природа», появляющееся в конце данной цепочки, употребляется в значении «совокупность естественных свойств, склонностей, потребностей человека, человеческого организма» [Словарь русского языка, 3, *437*]. В упомянутом контексте каждый элемент в свернутой форме представляет тот или иной «дар природы – судьбы» Эрасту: молодость, приятность[2], богатство, разум (включающий и образование), доброе сердце.

Дар молодости, кроме Эраста, есть и у других юношей – персонажей повести: «юный монах – с бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек…», «молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни…», «молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели». Но только Эраст в полной мере владеет остальными из перечисленных «даров». Исключение составляет лишь «доброе сердце», которое становится опорным элементом цепочки, ведущей ко второму блоку представлений повествователя о человеческих возможностях, где речь идет о препятствиях к их реализации. Из-за «слабости и ветрености» своего «доброго сердца» Эраст приходит к тому, что «был до конца жизни своей несчастлив»[3] [Карамзин, 1984, *519*].

Завершающий член цепочки «нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало» непосредственно примыкает к другой цепочке, открывающейся экспозицией ассоциата «натура». «“Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям”, – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет» [Там же, *511*].

Названная ассоциативная цепочка имеет двухчастную структуру. Первая часть «призывает меня – свои объятия – чистые радости» актуализирует семантику порыва героя к открытой им для себя естественности. «Натура» в приведенном контексте реализует пучок значений: 1. То же, что природа. 2. Сущность, основное свойство кого-, чего-либо. 3. Характер, нрав, темперамент. 4. То, что реально существует, действительность [Словарь русского языка, 2, *407*]. Указанная особенность предопределяет наложение смыслов и двойную семантическую пульсацию в отношении Эраста и предмета его влечения – Лизы: натура как суть личности героя; как его биологические импульсы; как естественная жизнь Лизы; как ее женская сущность.

Вторая часть цепочки обозначает стадии и результат процесса размышления Эраста, данные в несобственно-прямой речи повествователя, что

[2]Имя «Эраст» переводе с греческого – «прелестный, милый» [Петровский, 2000].

[3]Такой исход, указанный повествователем, соотносится с положением Аристотеля в «Никомаховой этике»: «Человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько, то сообразно наилучшей и наиболее полной» [Аристотель, 1997, *7*].

образует референтную «рамку»: «думал он – решился – оставить большой свет». Характер этого решения – ответа на зов «натуры», который почувствовал Эраст, проясняет противоречащее ему уточнение повествователя «по крайней мере на время», имеющее значение уступительности с прогнозом темпорального ограничения.

Таким образом, в процессе ассоциативного развертывания цепочек к ассоциатам «природа», «натура», репрезентированным в речи повествователя и Эраста, кумулируется эффект художественно-психологической оппозиционности ценностных представлений обоих героев, их жизненных установок.

Ассоциат «натура» связан в тексте повести также с образами Лизы и ее матери. «Еще до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зеленом покрове натуры» [Карамзин, 1984, *511*]. Появлению ассоциата предшествует отражающая душевное состояние Лизы цепочка, опорным элементом которой является словосочетание «смотрела на белые туманы», что соответствует «всматриванию» героини в ее дальнейшую неясную судьбу. Следующие элементы цепочки составляют параллель чувствам Лизы: «которые волновались в воздухе» – душевному волнению; «подымаясь вверх» – эмоциональному подъему; «оставляли блестящие капли» – слезам. Таким образом, слово «натура» в существующем контексте реализует пучок значений, связанных, кроме природы, также с душевной организацией и действительностью.

Дополнительным актуализатором является ключевое слово «подгорюнившись», синтаксически связанное с опорным элементом и передающее контекстуальную семантику печали влюбленности и тревожных предчувствий. Ассоциативно (по сходству) с проанализированной цепочкой связана примыкающая к ассоциату «натура» фраза «Везде царствовала тишина», отражающая «тишину» в душе Лизы, время на ее раздумья о происшедшей встрече с Эрастом.

Текстовый фрагмент, содержащий две цепочки, ведущие к ассоциату «натура», связан с образами обеих героинь. «“Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!” – Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно, в самом деле, показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру» [Там же, *511*].

Первая цепочка касается восприятия окружающего пространства Лизой после душевного подъема из-за влюбленности. Большое количество конкретизаторов с семантикой высокой степени принятия окружающего и преобладающей кинестетической модальностью («весело», «хорошо»,

«приятно»), входящих в состав конструкций с обобщенным значением времени («никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!») и передающих смысл однократности, неповторимости, создают художественно-психологический образ открытия для себя любви Лизой, глубины ее чувства, высокой степени значимости для нее переживаемого.

Другая цепочка является двухчастной. В первой ее части перечислены действия матери в ответ на призыв дочери выйти на луг («подпираясь клюкою, вышла»). Во второй, контрастной по отношению к первой, дается восприятие окружающего матерью через восприятие дочери, от установки «вышла на луг, чтобы насладиться утром» до видения через «фильтр» дочери, которая «такими прелестными красками описывала» его. В результате наложения таких «рамок» создаются художественно-психологические эффекты эмоционального «перетекания» и наполнения эмоциями, когда утро «показалось ей [матери] отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру».

Итак, «натура» для Лизы насыщается чувствами любви и через нее наполненностью жизнью и новым смыслом, для матери – смыслом и радостью через Лизу. Обе эти взаимосвязанные «рамки» охватывает «рамка» взгляда повествователя[4].

Взаимосвязано у матери с дочерью и ощущение времени. Прежнее его восприятие матерью как доживания с единственной целью «пристроить к месту» дочь меняется под влиянием ее эмоционального порыва, «сжимающего» время до одного момента. Лизой переживается его уникальность, матерью – повторяемость. В первой части фразы обозначается длительность процесса течения времени для матери, а также значительная его исчерпанность («шестой десяток доживаю на свете»). Во второй части акцентируется нежелательность его завершенности («все еще не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо»), соотносимая с семантикой обновления в третьей части («на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается»).

Вся сцена, насыщенная разнообразными маркерами времени и глубоких чувств, взятая в рамку взгляда повествователя, содержит его оценочные ассоциации, выражающие отношение к текстовой «реалии действительности» [Смирнова, 2018, *113*]. Связанный с семантикой времени и чувств опорный элемент «старушка, подпираясь клюкою», концентрирующий отношение сочувственной жалости повествователя к героине, структурно

[4]М.М. Бахтин говорит о «двух ценностных контекстах, двух конкретных точках для соотнесения к ним конкретных ценностных моментов бытия, при этом второй контекст, не теряя своей самостоятельности, ценностно объемлется первым (ценностно утверждается им); и оба этих контекста в свою очередь объемлются единым ценностно-утверждающим эстетическим контекстом автора-художника» [Бахтин, 1986, *80*].

«нанизывает» и семантически усиливает остальные ассоциации, выраженные через подбор мелиоративных атрибутов («прелестные краски», «отменно приятное», «любезная дочь»). Таким способом организованный контекст, основанный на «семантической ауре» [Болотнова, 2009, *520*], вызывает у читателя восприятие матери как беззащитной, эмоционально открытой, наивной, на образном уровне повести «бедной».

Сцена Лизы с матерью обрамлена фразами-маркерами христианства: «Как все хорошо у господа бога!»; «Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет». Данная структурная особенность, характеризуя связанность для матери понятий любви и бога, дополняет отношение повествователя к описываемому, характеризует его мировоззренческие представления о невозможности нарушения христианских нравственных норм (совести, доверия). Это также составляет оппозицию взглядам Эраста с его «слабым и ветреным» сердцем.

На уровне текстовой парадигматики отмечаются дополнительные ассоциации между рассматриваемыми ассоциатами «природа», «натура» по мере их появления в тексте. При этом дифференцируется различное для героев доминантное художественно-психологическое содержание ассоциатов. «Природа» для повествователя в зависимости от задач его рефлексии и художественно-психологического контекста – это прирожденное свойство, характер человека или его склонности, потребности. «Натура» у Эраста – это чувственные импульсы, природа как инстинкт, неуправляемый чувственный порыв, у Лизы – одухотворяемая любовью природа, воспринимаемая как сама жизнь. У матери «натура» – жизнь в природе с постоянным ощущением присутствия бога, эмоциональной связи с богом через его любовь к человеку и красоту мира.

Ассоциации повествователя противопоставляют ассоциат «натура» в контексте размышлений Эраста («натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям») и Лизы («блестящие капли на зеленом покрове натуры»), где контрастно сочетаются ожидания – предвкушения радости от «натуры» у героя и слезы у героини («блестящие капли») в реальности. В дополнительную ассоциативную связь по контрасту вступают приведенный выше контекст Эраста с контекстом повествователя («общая радость природы чужда твоему сердцу»), где с помощью актуализатора «радость» противопоставляются основанные на образах мечты «радости» «натуры» и результат их реализации.

Особенно резкой контрастностью отличается ассоциативная связь фрагментов с ассоциатом «натура»: «грозно шумела буря… казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности» и «вся натура пребывала в молчании». «Громкая» протестная реакция в первом фрагменте сочетается с «тишиной» во втором, что, маркируя оба фрагмента, относящиеся к сюжетно

важным моментам жизни Лизы, создает художественно-психологический эффект эмоционального напряжения. Дополнительную контрастность образует перекрестная смена речевого поведения героев и звуков природы. В первом фрагменте «грозно шумела буря»; «Эраст молчал – искал слов и не находил их», во втором – «вся натура пребывала в молчании»; «Лиза рыдала – Эраст плакал…» Оппозиция отсутствия звуков в природе и плача Эраста создают в рассматриваемом контексте художественно-психологический эффект молчаливого обвинения с одной стороны и покаяния – с другой. Покаяние героя обусловлено не только тем, что он поддался «презрительному сладострастию», «употребил во зло любовь ее», но и тем, что подсознательно решил расстаться с Лизой. Соединенные ассоциацией повествователя, стоящие рядом элементы цепочки «Лиза рыдала – Эраст плакал» представляют в одинаковой по форме эмоциональной реакции плача героев различное их художественно-психологическое наполнение. Чувства героини, опечаленной разлукой, ясны, цельны, отличаются высокой степенью связанности с ними физического (соматического) компонента, что говорит о включенности всего организма в переживаемое, о напряжении всех его духовных сил. «Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти»; «прощаясь с ним, прощалась с душою своею»[5] [Карамзин, 1984, *517*].

У Эраста чувства «дробятся», они не ясны ему до конца. В этом отношении показательна его последняя фраза, обращенная к героине перед отъездом: «Прости, Лиза!», в которой осциллируют значения «прощай» и «извини». Что касается связанности эмоционального и физического компонентов, то в ассоциациях повествователя отмечается внешняя ее сторона у героя («держа в объятиях») и внутренняя – у героини («бледную, томную, горестную подругу»).

Таким образом, отмечаем резкое расхождение этических позиций повествователя и Эраста, касающееся ответственности в сфере отношений между людьми, причем, в отличие от повествователя, у Эраста мы не можем говорить о последовательных, сознательно принятых, понятийно оформленных убеждениях [Словарь по этике, 1981, *350*].

Обобщая вышеизложенное, сделаем выводы. На ассоциативном уровне текста референтные «рамки» взглядов героев представляют собой «многослойные» ассоциации повествователя, касающиеся системы его взглядов. Раскрывается она через художественно-психологическую взаимосвязанность и взаимозависимость действующих лиц.

Реализованная в ходе ассоциативного развертывания многозначность слова-ассоциата, наложение смыслов, семантическая пульсация, включенность в различные художественно-психологические контексты раскрывают когнитивные и ценностные представления повествователя. Особое значение при этом приобретает опорный элемент, ведущий и соединяющий

[5]Чувства и реакции Лизы можно сопоставить с материнскими: «бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего… день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать» [Карамзин, 1984, *507–508*].

блоки цепочек, структурно «нанизывающий» и семантически связывающий остальные ассоциации.

Различное для героев доминантное содержание ассоциатов является художественно-психологической основой образования ассоциаций повествователя между ними, а также содержащими их текстовыми фрагментами.

При расположении в ассоциативной цепочке, имеющей отношение к одному герою, репрезентантов, относящихся к другому герою, происходит семантическое и эстетическое взаимодействие репрезентантов, проявляющее художественно-психологическое восприятие одного героя другим. Структурно-семантическое построение всей цепочки раскрывает восприятие обоих повествователем.

В качестве эффективных приемов активации читательского внимания и создания эмоционального отклика можно отметить следующие: различное художественно-психологическое наполнение рядом стоящих элементов цепочки, соединенных ассоциацией повествователя; перекрестная смена речевого поведения; перекрестная смена эмоций при увеличении их силы.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Никомахова этика. М.: Эксмо-пресс, 1997. 169 с.

Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

Карамзин Н.М. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1984. 672 с.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Астрель, 2000. 477 с. URL: https://www.studmed.ru/petrovskiy-n-a-slovar-russkih-lichnyh-imen-bolee-3000-edinic_4684a7d2d52.html.

Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 430 с.

Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.

Смирнова Л.Г. Функционирование слов с оценочным компонентом значения в речи // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4(44). С. 109–122.

O.N. Krasnova
Graduate Student,
Institute of Mass Communications, Philology and Political Science,
Altai State University
Barnaul, Russia

Associates «Character» and «Nature»: Text Links with Deep Artistic and Psychological Characteristics of the Narrator's Image in «Poor Lisa» by N.M. Karamzin

The study material in the article is the story «Poor Liza» by N.M. Karamzin. The subject includes the key word «character» and the key concept «nature» acting as the narrator's explicated associates. The research purpose is to establish and analyze textual links (text signs) of the associative level with deep artistic-

psychological characteristics of the narrator's image in the aspect of artistic-psychological sense generation, as well as to identify methods of activating the reader's attention and creating an emotional response.

The interdisciplinary research has been carried out at the junction of the psychological direction of literary criticism, communicative stylistics and psychology. The mechanism of representation of the narrator's value ideas, attitudes and beliefs is traced through 1) «multi-layered» associations concerning the system of his views. They are revealed through the artistic-psychological interconnectedness and interdependence of the story characters; 2) a supporting element of the associative chain, as well as polysemy of the word-associate, superposition of meanings, semantic pulsation, inclusion in various artistic-psychological contexts implemented in the course of associative explication; 3) a dominant content of the associates, which is different for the characters and serves as an artistic-psychological basis for the formation of the narrator's associations between them and their text fragments; 4) a structural-semantic construction of an associative chain related to one character, but containing representatives related to another character, which reveals the narrator's perception of both characters.

The results of the study carried out in this article can be used in research and teaching activities, 18th century literature courses, textbooks, special course programs.

Key words: *association; associative chain; interdisciplinary approach; deep artistic and psychological properties; narrator.*

REFERENCES

Aristotle. Nikomakhov's ethics [Nikomahova etika]. Moscow, Eksmo-press, 1997. 169 p. (in Russian).

Bakhtin M.M. To the philosophy of action [K filosofii postupka]. Philosophy and sociology of science and technology [Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki]. Yearbook 1984–1985. Moscow, Nauka, 1986, pp. 80–160 (in Russian).

Bolotnova N.S. Philological analysis of the text [Filologichesky analiz teksta]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 520 p. (in Russian).

Dictionary of ethics [Slovar' po etike]. Ed. by I.S. Kon. 4th ed. Moscow, Politizdat, 1981. 430 p. (in Russian).

Dictionary of the Russian language. USSR Academy of sciences. In 4 volumes [Slovar' russkogo yazyka. AN SSSR. V 4-kh tt.]. Ed. by A.P. Yevgen'yeva. 3rd ed., stereotype. Moscow, Russky yazyk, 1985–1988 (in Russian).

Karamzin N.M. Collection of works in 2 vols. Vol. 1 [Sobr. soch.: v 2-kh t. 1]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1984. 672 p. (in Russian).

Petrovsky N.A. Dictionary of Russian personal names [Slovar' russkikh lichnykh imen]. Moscow, Astrel, 2000. 477 p. *Available at*: https://www.studmed.ru/petrovskiy-n-a-slovar-russkih-lichnyh-imen-bolee-3000-edinic_4684a7d2d52.html.

Smirnova L.G. Functioning of words with an evaluative component of meaning in speech [Funktsionirovanie slov s otsenochnym komponentom znacheniya v rechi]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4 (44), pp. 109–122 (in Russian).

А.С. Смирнов

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
Гродно, Республика Беларусь

УДК 82-311.2+82-155

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-24-38

«СЛОВО» ГЕРОЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Ключевые слова: *«Евгений Онегин»; структура повествования; «слово» героя; молчание; письмо Татьяны; личностность; «самостоянье человека»; авторская позиция.*

В результате исследования были определены цели и принципы авторской селекции, трансформации и презентации прямых высказываний персонажа, входящих в повествовательную структуру пушкинских произведений. Было выявлено, что предельное авторское ограничение количества прямых высказываний персонажа обеспечивает им максимальную степень выделения в тексте и повышает семантическую значимость их формальной организации.

Анализ полиморфных прямых высказываний персонажей «Евгения Онегина» показал, что в задачу «слова» героя входит не столько аутентичная характеристика высказывающегося субъекта, сколько экспликация авторской позиции по отношению к нему.

Было установлено, что степень индивидуализации автором речевого поведения персонажей определяется их личностной значимостью («самостоянье человека») и находится с ней в прямой корреляционной зависимости.

На примере анализа высказываний Ольги Лариной было показано, что «слово» героини и молчание ее собеседников как «минус-слово» служат выявлению ее нулевой экзистенциальной человеческой сущности.

Способом индивидуализации развернутых высказываний персонажа (песня девушек, элегия Ленского, письма Татьяны и Онегина) в «Евгении Онегине» также является частичное либо полное несовпадение их с авторскими по определенным формальным признакам.

Анализ элегии Ленского показал ее полное совпадение с авторским «словом», что, наряду с исключительно цитатной природой содержания элегии, служит свидетельством авторской деперсонализации героя.

Анализ письма Татьяны выявил наличие в нем «прозаической» и «стихотворной» частей, маркерами которых служат обращения «вы» и «ты», что, наряду с другими дифференцирующими признаками, отделяет письмо Татьяны от формально сходного с ним письма Онегина и наделяет это высказывание героини уникальными формальными характеристиками, а саму Татьяну – высшей среди других персонажей романа степенью личностного начала.

Хрестоматиен тот факт, что непосредственная передача в художественном произведении собственной речи героя является одним из самых распространенных способов его характеристики. «Живая речь действующих лиц… была и будет одним из реальных средств, какими располагают поэты, чтобы познакомить и сблизить нас со своими героями» [Белецкий, 1964, *170*]. «Характеристика речевая – раскрытие отличительных черт и свойств характера героя (а также уровня культуры, принадлежности к определенной общественной группе и т.д.) средствами его собственно прямой речи» [Аксенова, 1974, *445*]. При всей справедливости приведенных цитат обе они демонстрируют лишь частичное (свойственное своему времени и уровню развития литературоведческой науки) понимание роли и функций сообщения автором читателю прямой речи персонажей как наиболее адекватной, условно аутентичной формы их изображения. Отчасти эта же методологическая позиция присуща одному из наиболее развернутых исследований функций прямой речи персонажей – книге Л.Я. Гинзбург «О литературном герое» (см. главу четвертую «Прямая речь»), в которой ее автор, указывая на особое место внешней и внутренней речи действующих лиц среди всех средств литературного изображения человека, мотивирует свою точку зрения именно тем, что «прямая речь персонажей обладает… возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [Гинзбург, 1979, *150*].

Между тем начиная с 1960-х годов в западном (в настоящее время и в отечественном) литературоведении активно развивается нарратология, область изучения которой выходит за пределы художественной литературы (со структуралистской «точки зрения нарративными являются не только роман, повесть и рассказ, но также и пьеса, кинофильм, балет, пантомима, картина, скульптура и т.д.» [Шмид, 2003, *19*]) и предметом которой являются общие структуры «всевозможных нарративов, т.е. повествовательных произведений любого жанра и любой функциональности» [Там же, *9*]. При этом в центре исследований оказываются различные повествовательные инстанции и их соотношение в едином нарративном пространстве художественного текста. При смещении исследовательского интереса с характерологической функции слова героя на нарративную оно уже не понимается как служебный инструмент изображения действующего лица, а выступает непосредственным предметом изображения как единица повествовательной структуры художественного текста и смыслосозидательный элемент произведения. Соответствующим образом резко возрастает семантическая значимость формальных характеристик слова героя, репрезентирующих не столько самого персонажа, сколько авторскую позицию по отношению к нему.

Например, в «Евгении Онегине» немаловажным оказывается не только содержание высказывания персонажа, но и форма авторской презентации его прямой речи (письма, реплики в диалогах, внутренние монологи и т.д.) и даже количество и объем высказывания.

Время работы Пушкина над первой главой «Евгения Онегина» (1823) приходится на период, когда создавались «южные» поэмы (1820–1824). По замечанию Ю.В. Манна, сопровождаемому арифметическими выкладками, отличительным структурным признаком русской романтической поэмы, унаследованным ею от хронологически более ранних форм лирики, было наличие пространного монолога главного героя [Манн, 1995, *146, 152*], в свою очередь, в форме исповеди центрального персонажа («почти непременной черты романтической повести» [Там же, *232*]) «переданного» романтической прозе. «Южные» поэмы Пушкина в этом отношении традиционны: обмениваются монологами Пленник и Черкешенка («Кавказский пленник»), исповедуется перед Марией Зарема («Бахчисарайский фонтан»), «Братья разбойники» почти полностью представляют собой рассказ героя, а пространные реплики в диалогах героев «Цыган» даже визуально разрывают ткань авторского повествования, будучи маркированы по образцу драматических произведений. Не то в первой главе «Евгения Онегина» с ее более чем скромной речевой презентацией героя.

Роман открывается онегинским внутренним монологом в 14 строк. По его поводу В.В. Набоков, скорее всего, справедливо предположил, «что на самом деле таков и был замысел нашего поэта: начать рассказ с неопределенности, дабы затем эту первоначальную туманность для нас прояснить» [Набоков, 1998, *103*]. Исполнение этого авторского намерения в первой главе остается исключительно за повествователем, так как вторая (и последняя в этой главе) собственная реплика Онегина («…Всех пора на смену; Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел» [Пушкин, 1950а, *18–19*]) занимает чуть больше двух строк.

Разумеется, всерьез говорить о самостоятельных характерологических, сюжетных и т.п. задачах вступительной и особенно «театральной» реплик героя в силу их текстуальной скромности не приходится, однако следует отметить, что с их участием в первой главе «Евгения Онегина» закладываются основы той модели репрезентации прямой речи персонажей, которая (модель) будет транслирована в последующие главы романа и использована в других пушкинских произведениях: при большом количестве ситуаций говорения Онегина в первой главе романа собственные высказывания героя остаются недоступными для читателя, заменяясь в тексте их авторскими сжатыми описаниями.

С появлением в «Евгении Онегине» новых героев и новых стилей моделирования повествовательной реальности в романе генерируются новые и модифицируются уже опробованные в первой главе формы авторского диалогизированного речевого присутствия в тексте, поэтому сразу оговоримся, что предметом нашего рассмотрения будут только лишь романные презентации собственной прямой речи персонажей. Другие формы, вроде

представленных М.М. Бахтиным «романных образов чужого стиля… в системе прямой авторской речи», когда принадлежащее повествователю сообщение выговаривается на языке персонажа (определенного литературного направления, стиля, жанра и т.п.) [Бахтин, 2012, *516–521*], выводим за рамки исследования по двум причинам. Первая состоит в цитированном исследовании М.М. Бахтина, концептуально представившем на материале «Евгения Онегина» различные виды диалогического слияния повествовательных инстанций автора и героев в высказываниях повествователя.

Вторая заключается в том, что изъятая из сложноорганизованного повествовательного контекста, свободная от стилистически разнообразных форм авторского соприсутствия прямая речь персонажей даже специфическими особенностями своей формальной организации выявляет авторские интенции и, в силу этого, может быть самостоятельным и плодотворным материалом аналитического рассмотрения.

В «Евгении Онегине» Пушкин тщательно дозирует прямые высказывания персонажей. Смысл авторской речевой дискриминации героя (как специфического способа экспликации авторской позиции по отношению к нему) с особой очевидностью проявляется в пушкинском «Станционном смотрителе» – в авторской репрезентации рассказа Самсона Вырина о его неудачной попытке вернуть дочь, анализом которого будет методически целесообразно предварить рассмотрение «Евгения Онегина».

В «затекстовой» событийной реальности (в нарратологической терминологии «события» – «фикциональный материал, служащий для нарративной обработки» [Шмид, 2003, *158*]) «Станционного смотрителя» источником сведений о петербургских перипетиях Вырина, безусловно, выступает он сам, однако при конвертации его жизненной истории в «повесть Белкина» образуется сверхсложная повествовательная конструкция. Во-первых, как только смотритель приступает к рассказу, Пушкин тотчас же меняет первое лицо рассказчика на третье: «Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. – Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель…» [Пушкин, 1950б, *135*]. Смотритель – вместо ожидаемого и логичного «я». Во-вторых, «рассказ Вырина не только включен в субъективное повествование сентиментального писателя-путешественника, который является нарратором, но к тому же еще и обработан всезнающей верховной инстанцией повествования. Двойная нейтрализация субъективности Вырина придает средней части рассказа видимость объективного повествования» [Шмид, 2013, *31–32*].

Показательно, однако, что при такой замысловатой авторской интерференции повествовательных инстанций, затрудняющей атрибуцию («трудно определить, чью точку зрения выражает эмфатическое восклицание “слезы негодования!”. Это может быть и аутентичная характеристика, которая дается с точки зрения объективной инстанции повествования, или

же интерпретация субъективного и ограниченного сентиментального нарратора… но возможно также, что мы имеем дело с горизонтом восприятия самого героя» [Там же, *32*]), деперсонифицирующей повествование и – в пределе – предоставляющей право голоса объективному миру («мир как объект повествования сам выражает себя в слове, т.е. повествует сам о себе. У Пушкина… акцент с нарратора смещается на повествуемый мир как субъект повествования» [Там же, *61*]), рассказ смотрителя переведен из прямой речи в несобственно-прямую отнюдь не полностью. Прямая речь Вырина воспроизводится шесть раз, три из которых – это отягощенные необходимостью развития сюжета разговоры смотрителя с Минским [Пушкин, 1950б, *139*], кучером [Там же, *140–141*] и служанкой в доме Минского [Там же, *141*], а другие три – «беспримесные» одиночные реплики.

Две из них прямо используют притчевую образность («его высокоблагородие не волк и тебя не съест» [Там же, *137*]; «“Авось, – думал смотритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою”» [Там же, *138*]), а заключительная представляет собой «конденсацию» притчи «в паремию, пословично-афористическую сентенцию (ср. из “Станционного смотрителя”: *сегодня в атласе да бархате, а завтра метут улицу вместе с голью кабацкою*…)» (курсив В.И. Тюпы) [Тюпа, 2006, *212*].

Такие совпадения позволяют сделать вполне однозначный вывод о целях и принципах авторской селекции и трансформации принадлежащего персонажу речевого материала. Собственными высказываниями Вырина автор маркирует его как человека притчевого типа сознания, а сохранение в виде прямой речи редких реплик героя на фоне всего остального его же сообщения, но преобразованного в несобственно-прямую речь, обеспечивает им, кроме гарантированной аутентичности, максимальную степень выделения в тексте.

В «Евгении Онегине» персонажем с еще более жестко регламентированной автором «свободой слова» является Ольга Ларина.

Все авторские характеристики Ольги свидетельствуют об отсутствии в ней личностного индивидуализирующего начала: внешность ее трафаретна («любой роман Возьмите и найдете верно Ее портрет» (2, XXIII)), а внутренняя жизнь более чем поверхностна – переход от скорби по убитому жениху до замены его другим и замужества «с улыбкой легкой на устах» (7, XVIII. IX. X) демонстративно сжат до одной строфы.

Кроме этого, Ольга подчеркнуто лишена какой-либо сюжетной активности[1]. «Картина счастливой любви» (4, XXV–XXVII) Ленского и Ольги включает описания переживаний и действий одного лишь Ленского, представляя Ольгу как эмоционально и физически пассивный объект: упомина-

[1]Надо отметить, что и проявлений физической активности Ольги во всем романе всего лишь два, когда она «легче ласточки влетает» (5, XXI) в комнату проснувшейся Татьяны и прыгает с крыльца «на встречу бедного певца» (6, XIII).

ния о каких-либо ее личных проявлениях отсутствуют, а два из трех глаголов в описаниях общих действий влюбленных – «сидят» (4, XXV, XXVI). Аналогичным образом представлена Ольга и в ее скороспелом романе с безымянным уланом, на фоне активных действий которого («Другой увлек ее вниманье, Другой успел ее страданье Любовной лестью усыпить, Улан умел ее пленить, Улан любим ее душою…» (7, XVIII. IX. X)) инертность героини особенно показательна, как показателен и единственный (и также «обездвиженный») глагол, отражающий степень участия Ольги в новой любовной истории, – «стоит».

Если подобные авторские характеристики как бы обнуляют личностность Ольги, ее человеческую самость, то собственные (предельно дозированные автором) высказывания героини вообще превращают ее в отрицательную величину.

Прямая речь Ольги, вероятно, редчайший пример того, как формальные признаки высказывания превалируют над его содержательным наполнением, обладая гораздо большей информативностью и семантической значимостью, чем само сообщение.

Начнем с того, что «звонкий голос Оли» пробивается к читателю сквозь авторскую цензуру всего лишь трижды, что невероятно мало для полноценного романного персонажа и чрезвычайно показательно для выявления имплицитной авторской позиции.

Еще более примечательно, что все собственные высказывания Ольги – вопросительные конструкции, которые с каждым разом последовательно сокращаются вдвое («Ну, говорит, скажи ж ты мне, кого ты видела во сне?» (5, XXI); «Зачем вечор так рано скрылись?» (6, XIV); «Что с вами?» (6, XIX)) и, наконец, сводятся к «нулю звука» в ироническом авторском комментарии («И скоро звонкий голос Оли В семействе Лариных умолк» (7, XII)), объединяющем речевое и сюжетное исчезновение со страниц романа Ольги, увозимой уланом в полк опять-таки в качестве пассивного объекта. Другими словами, как физически Ольга не выступает активным деятелем, так и метафизически, ограничивая речевое поведение героини одними лишь вопросами, автор лишает ее права на самостоятельное, от собственного лица и имени активное утверждающее высказывание с «положительным знаком». Каждое речевое движение Ольги в романе не идет в «направлении из внутреннего пространства во внешний мир» (О. Розеншток-Хюсси) потому, что ей попросту нечего сказать «от себя». Высказываясь по воле автора таким образом, Ольга всякий раз только пытается спровоцировать ответное высказывание собеседника, требуя от внешнего мира «дополнения себя».

Но и на этом этапе все три диалога героини у Пушкина подчеркнуто одинаковы: реакции собеседников (внешнего мира) на гносеологические (и онтологические) запросы Ольги почти тождественны. Дважды ее вообще не удостаивают никаким ответом: «”Ну, говорит, Скажи ж ты мне, Кого ты ви-

дела во сне?” Но та <Татьяна. – *А. С.*>, сестры не замечая, В постеле с книгою лежит, За листом лист перебирая, И *ничего не говорит*» (5, XXI, XXII); «“Зачем вечор так рано скрылись?” Был первый Оленькин вопрос. Все чувства в Ленском помутились, И *молча* он повесил нос» (курсив в цитатах наш) (6, XIV). Последний же Оленькин вопрос в романе получает от Ленского (автора?) малосодержательный ответ, по сути равнозначный молчанию: «Она глядит ему в лицо. “Что с вами?” – Так. – И на крыльцо» (6, XIX).

Несостоявшиеся диалоги Ольги выступают пародическими (в тыняновском смысле: «пародичность… есть применение пародических форм в непародийной функции» [Тынянов, 1977, *290*]) аналогами других романных диалогов, где ответными репликами также является молчание, на тесную связь которого с универсальным указывает Ю.Н. Чумаков, «Молчание, тавтология, невнятица – традиционные способы означения бытия в его сверхэмпирической запредельности. Условность романтических монологов в “Онегине”, когда слушатель во время их длительного произнесения не отвечает ни единым словом, безусловна в онтологическом смысле» [Чумаков, 1999, *62–63*].

Вслед за Ю.Н. Чумаковым онтологизацию категории молчания у Пушкина отмечает М.Н. Виролайнен: «Соотношение речи и молчания у Пушкина можно изучать так же, как и его поэтический язык. Взаимодействие речи и молчания у Пушкина прежде всего *событийно*» (курсив М.Н. Виролайнен) [Виролайнен, 2003, *438*]. С такой позицией солидаризируется и С.Г. Бочаров: «Зона молчания в пушкинском тексте – это не зона отсутствия, оно, молчание, присутствует в тексте *реально* и *событийно*, потому что присутствует и ощущается нами *граница*, обрыв от речи к молчанию (и переход обратный, прорыв: “Минута – и стихи свободно потекут”) – эти прорыв и обрыв ощущаются как “порог, который требует преодоления”» (курсив С.Г. Бочарова) [Бочаров, 2003, *8*].

На первый взгляд, такие оценки категории молчания мало подходят для характеристики несостоявшихся диалогов Ольги с ее безмолвными слушателями. Необходимо, однако, учитывать как минимум двойную принадлежность «слова» героев (и молчания как «минус-слова») в эпическом произведении: «слово в эпосе есть всегда слово автора… хотя то или иное слово и целая совокупность слов может быть отдана почти в полное распоряжение герою… т.е. каждое понятие, образ и предмет живет в двух планах и осмысливается в двух ценностных контекстах – в контексте героя и в контексте автора» [Бахтин, 2003, *77*]. В сюжетном плане героев молчание Татьяны и Ленского как реакция на Ольгины запросы означает лишь их отказ от ответа, тогда как в художественном целом романа, в идеологическом контексте автора оно выносит Ольге приговор. «“Евгений Онегин”… заполнен сомнениями: а возможен ли диалог с… нулем? Или даже с мнимой величиной? И способна ли жизнь обратить человека в нуль, в мнимость, начисто лишив его какого бы то ни было содержания, заменив содержание модой и пред-

рассудками?.. С нулем и мнимой величиной нельзя, однако, не только “беседовать”, а то и “болтать”, ибо нули и мнимые величины в собеседники никоим образом не годятся» [Турбин, 1996, *178*].

Еще одним способом введения прямого слова героя в пушкинском романе являются письма персонажей. С одной стороны, вполне в русле литературной традиции своего времени, письма представляют собой исповеди адресантов. Однако, что специфично для «Евгения Онегина», и здесь, как в случае с прямой речью героев, немаловажными оказываются не только содержательные, но и формальные стороны посланий.

Ориентация романа на воссоздание «жизни действительной» («Онегин, добрый мой приятель» (2, II)) и одновременное указание на его принадлежность сфере литературы (Онегин – «герой моего романа» (2, II)) (подробно см.: [Лотман, 2003, *410–411*]) привели к экспликации полиморфных самостоятельных (то есть свободных от какого-либо внешнего воздействия на говорящего, например, вопрошающей реплики собеседника в диалоге) речевых жестов высказывающихся (в том числе и эпистолярно) субъектов. Возможность выхода этих персонажей за пределы литературного плана романа (или вообще внеположность ему), а следовательно, их относительная свобода от управляющих воздействий автора, моделирующего романную действительность[2], выразилась в демонстративном несовпадении формальной организации их и авторских высказываний (см. табл. 1).

Таблица 1

Формы организации высказываний автора и персонажей в «Евгении Онегине»

Авторский текст	Песня девушек	Письмо Татьяны	Письмо Онегина	Элегия-послание Ленского
Онегинская строфа	Нет	Нет	Нет	Да
Нумерация строф	Нет	Нет	Нет	Да
Ямб	Хорей	Ямб	Ямб	Ямб
Рифмы	Белый стих	Да	Да	Да

Крестьянки, поющие «хором по наказу» своей барыни (а якобы не автора-демиурга), представляют собой максимально условно-независимый от авторской

[2]Разумеется, говорить о подлинной свободе персонажа от автора нельзя, однако для «Евгения Онегина» существенна принципиальная авторская установка именно на такое соотношение автора и отдельных героев. «Утверждение, что герой не является реализацией ни одной из щедро перечисленных литературных возможностей, приводит читателя к убеждению, что герой вообще *не является* литературным персонажем» (курсив Ю.М. Лотмана) [Лотман, 2003, *452*]. Ср. также более общую мысль Ю.М. Лотмана: «“Поэзия действительности” рисовалась Пушкину как выход за пределы любых застывших форм литературы в область непосредственной жизненной реальности. Ставилась, таким образом, практически неосуществимая, но очень характерная как установка задача создать текст, который бы не воспринимался как текст, а был бы адекватен его противоположности – внетекстовой действительности» [Там же, *410*].

воли элемент действительности, что выражается столь же максимальной степенью удаленности формальных характеристик их песни от авторского «слова». Она написана не онегинской строфой, на нее не распространяется авторская нумерация, и вместо рифмованного ямба использован нерифмованный хорей.

Элегия Ленского, напротив, максимально приближена к авторскому «слову» и даже частично «переплетается» с ним: помимо полного совпадения всех формальных характеристик, даже рифмы начальных строк элегии-послания Ленского заданы предшествующими строками автора («Стихи на случай сохранились; Я их имею; вот они: “Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни?”» (6, XXI)). «Элегия Ленского включена в общий строфический строй романа. Совершенно чуждая элегиям 1820-х гг., строфика накладывала на текст Ленского пласт пушкинской интонации. Поскольку элегия имеет насквозь цитатный характер, распадаясь на знакомые читателю штампы и обороты, без связующей стихии пушкинской интонации (образуемой не только строфикой) она представляла бы собой пародию в чистом виде» [Лотман, 2003, *674*].

Замечания Ю.М. Лотмана не могут завуалировать тот факт, что ни содержательно, ни формально элегия не содержит в себе ничего, что наделяло бы ее автора «лица необщим выраженьем» (Е.А. Баратынский). Вторичности мотивов и образов Ленского, отмеченной самим Ю.М. Лотманом [Там же, *675–677*], соответствует полное «поглощение» «слова» Ленского строфикой Пушкина, не только совершенно чуждой элегиям 1820-х годов, но и, что не менее существенно, чужой для Ленского. Последовательно нивелируя малейшие формально выраженные проявления собственного голоса Ленского, Пушкин, как и в случае с Ольгой, демонстрирует отсутствие у того какого-либо личностного начала.

Не случайно собственные «невиннейшие стихи» Ленского, как пустая и произвольно (кем угодно) наполняемая форма, независимо от его воли, но по воле зло иронизирующего автора романа «делаются стихами, достойными Баркова, а элегический поэт – бессознательным и непреднамеренным порнографом» [Проскурин, 1999, *161*] (см. также: [Там же, *173–176*]). Не случайно и то, что перспективы развития личностного потенциала Ленского (великий поэт, воин / декабрист, помещик (6, XXXVII; XXXVIII, XXXIX)) не реализуются в романной действительности и сообщаются читателю в форме только «виртуального сюжета» после гибели героя. И если Ольга всего лишь обрекается автором на молчание, то с Ленского, по-видимому, начинается галерея пушкинских героев, которые подменяют «самостоянье человека, залог величия его» литературными образцами и чья нулевая, вследствие такой подмены, экзистенциальная сущность карается автором физической смертью (как и Ленский, герои «Повестей Белкина» «Сильвио, Владимир и Вырин наказаны за то, что, перенося буквально книжные представления в жизнь, остаются “одномерными” и неспособными к развитию» [Бетеа, Давыдов, 1999, *209*]).

Письма Татьяны и Онегина, визуально отграниченные от авторского «слова», при внешнем сходстве (оба астрофичны и не нумерованы) отличаются друг от друга как по собственным формальным характеристикам, так и по

предваряющим письма героев авторским маргиналиям. Между первым авторским упоминанием о письме Татьяны и его представлением читателю десять строф (3, XXII–XXXI), тогда как в случае Онегина – ни одной. Шесть из десяти строф занимает развернутая «пушкинская мотивировка “перевода” письма Татьяны» [Бочаров, 1974, *72*], тогда как письмо героя подается читателю «точь в точь» (8, XXXII) без каких-либо упоминаний об авторском вмешательстве.

С.Г. Бочарову принадлежит анализ пушкинской мистификации читателя, связанной с тем, что помещенное в текст романа письмо героини якобы представляет собой авторский стихотворный перевод действительного письма Татьяны, написанного прозой по-французски. «Пушкинское письмо Татьяны – “мифический <в терминологии Новалиса. – *А. С.*> перевод” с “чудесного подлинника” сердца Татьяны» [Бочаров, 1974, *78–79*]. Авторское указание на долгий путь исходного любовного импульса от сердца Татьяны до пушкинских стихов, включающий ряд последовательных стадий «перевода» (сердце – разум – французские слова – прозаический текст – русский перевод – стихотворное переложение) с неизбежным редуцированием на каждой из них первоначальной эмоции, и объявление «гениальных русских стихов… “списком бледным” с французского послания влюбленной барышни» [Там же, *75–76*] должно было заставить читателя только догадываться о первоначальном «чудесном подлиннике».

Между тем перечень предположительных фиктивных стадий авторского «перевода» письма Татьяны должен быть дополнен еще одной, непосредственно (хотя и неочевидно) присутствующей в пушкинском тексте.

В письме Татьяны к Онегину необычно варьируются формы обращения к адресату. Начальное «пустое вы» («Я к вам пишу») по ходу письма сменяется «сердечным ты» («То воля неба: я твоя»), чтобы вновь вернуться в конце послания («Но мне порукой ваша честь»). И если переход от «вы» к «ты» психологически можно объяснить любовным порывом героини, устраняющей дистанцию между собой и предметом страсти, то обратный переход в таком случае выглядит совершенно нелогичным.

Ю.М. Лотман в своем комментарии обращает внимание на переход от «вы» к «ты», никак его не поясняя, и не отмечает возврата к официальной форме обращения [Лотман, 2003, *625*]. В.В. Набоков возводит колебания местоименных форм к французским эпистолярным романам, в частности к «Новой Элоизе» Руссо, отмечая возвращение официального обращения, но не объясняя его [Набоков, 1998, *330*]. Еще до Набокова также к посланиям Юлии возводил письмо Татьяны, опираясь на мнение В.В. Сиповского, Н.Л. Бродский, никак не комментировавший вариации форм обращения Татьяны к адресату [Бродский, 1932, *110*].

Между тем психологически необъяснимое возвращение от «ты» к «вы» не единственная странность в письме героини. Если отдельные ее высказывания («Не правда ль? я тебя слыхала: Ты говорил со мной в тиши, Когда я бедным помогала»), явно не соответствующие действительным отношениям

между героями, можно объяснить любовной экзальтацией Татьяны, то на фантастичности других ее утверждений автор настаивает хотя и косвенно, но весьма определенно. Так, например, в описании Пушкина зарождение любви Татьяны к Онегину представляет собой протяженный во времени процесс. Сначала «Онегина явленье У Лариных произвело На всех большое впечатленье» (3, VI), за исключением самой Татьяны. Следствием визита стали соседские сплетни, которые, естественно, со временем дошли до слуха героини, вызвав сначала ее досаду, потом пробудив безадресные любовные переживания, которые, наконец, сфокусировались на Онегине. В эпистолярной версии самой Татьяны какой-либо временной промежуток между встречей с Онегиным и вспышкой страсти к нему демонстративно отсутствует: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала, Вся обомлела, запылала И в мыслях молвила: вот он!».

Объяснения «странностям» письма Татьяны можно найти в эпистолярной культуре пушкинского времени. В это время письмо выходит из бытовой действительности в сферу литературы: «письмо, бывшее документом, становится литературным фактом» [Тынянов, 1974, *265*]; ср. также: «связанный традициями своего времени и литературной среды, к которой он принадлежал, Пушкин ощущал письмо как своеобразную литературную форму» [Сидяков, 1974, *5–6*].

Будучи частью пушкинского романа, то есть литературного произведения, письмо Татьяны при этом не перестает быть письмом, то есть текстом «реальности», и его структура и внутренняя архитектоника определяется не только идущими от автора, но в том числе и внелитературными факторами – канонами эпистолярной культуры.

В письмах пушкинской эпохи, состоящих из прозы и стихов, встречаются те же местоименные разночтения в обращениях к адресатам, как и в послании Татьяны. В прозе официальное «вы» маркирует возрастную, сословную, светскую и т.п. дистанцию, разделяющую адресанта и адресата, в то время как поэтическое «ты» снимает это разделение, моделируя внутренний мир стихотворной части как в большой мере условный. Встречаются такие случаи и в письмах самого Пушкина. Например, письмо В.Л. Пушкину (28 (?) декабря 1816 года) начинается стихами с обращением «Тебе, о Нестор Арзамаса». С переходом к прозе (и в дальнейших стихах письма) племянник обращается к дяде уже исключительно на «вы»: «В письме Вашем Вы назвали меня братом…» [Пушкин, 1977, *10*]. Многочисленные «ты» стихотворной части письма Н.И. Гнедичу (24 марта 1821 года) («Ты, коему судьба дала И смелый ум и дух высокой… О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый… Твой глас достиг уединенья» и т.п.) показательно сменяются официальным «вы» при переходе к прозе: «Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Иванович, нашло меня в пустынях Молдавии» [Там же, *27–28*].

Комментируя пушкинские поиски способов оформления письма Татьяны, Л.С. Сидяков, ссылаясь на П.А. Вяземского, передающего намерение Пушкина «написать письмо прозою» и отказ от него, замечает: «Смена стиха

прозой создавала бы, конечно, очень резкий контраст частей текста… сохранение стихотворной формы исключало чрезмерное противопоставление его остальному тексту главы» [Сидяков, 1974, *8–9*]. Пушкинский текст письма Татьяны представляет собой не столько смену прозы стихами, сколько их контаминацию. Начало и финал письма с обращением на «вы» отражают реальные обстоятельства жизни Татьяны, но, дойдя в своих излияниях до опасной черты, когда следующим шагом должно было стать предложение себя Онегину, Татьяна переходит к спасительной «стихотворной» форме («То в вышнем суждено совете… То воля неба: я твоя»), мгновенно переносящей ее и ее адресата из реальности в мир условных формул и отношений.

Если астрофичность и выпадение из авторской нумерации дистанцируют письмо Татьяны от авторского «слова», то разделение его на «прозаическую» и «стихотворную» части отграничивает послание героини от формально сходного с ним письма Онегина. Уникальными формальными характеристиками Пушкин резко индивидуализирует письмо Татьяны и наделяет ее высшей среди других персонажей романа степенью личностного начала.

Таким образом, в результате проведенного исследования были определены цели и принципы авторской селекции, трансформации и презентации прямых высказываний персонажа, входящих в повествовательную структуру пушкинских произведений («Станционный смотритель», «Евгений Онегин»). Было выявлено, что предельное авторское ограничение количества прямых высказываний персонажа обеспечивает им максимальную степень выделения в тексте и повышает семантическую значимость их формальной организации.

Проведенный анализ полиморфных прямых высказываний персонажей «Евгения Онегина» показал, что в задачу «слова» героя входит не столько аутентичная характеристика высказывающегося субъекта, сколько экспликация авторской позиции по отношению к нему.

Было установлено, что степень индивидуализации автором речевого поведения персонажей определяется их личностной значимостью («самостояньем человека») и находится с ней в прямой корреляционной зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Е. Характеристика речевая // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 445.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1: Философская эстетика 1920–х годов. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.

Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 513–551.

Белецкий А.И. В мастерской художника слова // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М.: Просвещение, 1964. С. 51–233.

Бетеа Д., Давыдов С. Угрюмый Купидон: Поэтика пародии в «Повестях Белкина» // Современное американское пушкиноведение: сб. статей / ред. У.М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 201–222.

Бочаров С.Г. Поверх барьеров: вст. ст. // Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 7–10.

Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 208 с.

Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Мир, 1932. 247 с.

Виролайнен М.Н. Речь и молчание у Пушкина // Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 437–444.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 223 с.

Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство – СПБ, 2003. 847 с.

Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство – СПБ; Набоковский фонд, 1998. 928 с.

Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 5. М.; Л.: АН СССР, 1950а. С. 5–213[3].

Пушкин А.С. Письма // Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1977. 462 с.

Пушкин А.С. Станционный смотритель // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1950б. С. 129–144.

Сидяков Л.С. Стихи и проза в текстах Пушкина // Ученые записки Латвийского гос. университета им. Петра Стучки. Т. 215: Пушкинский сборник. Вып. 2. Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1974. С. 4–31.

Турбин В.Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: МГУ, 1996. 232 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.

Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. 432 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб.: СПбГУ, 2013. 356 с.

A.S. Smirnov
Candidate of Philological Science,
Associate Professor,
Department of Russian Philology,
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, the Republic of Belarus

The Hero's Word as a Subject of the Image in A.S. Pushkin's Novel «Eugene Onegin»

As a result of the study, we have determined goals and principles of the author's selection, transformation and presentation of the character's direct statements that are part of the narrative structure of Pushkin's works. It is revealed that the

[3] Ссылки на «Евгения Онегина» даются в статье по этому изданию с указанием в круглых скобках номера главы арабскими цифрами и номера строфы – римскими.

author's limitation of the character's direct statements provides them with the maximum degree of emphasis in the text and increases the semantic significance of their formal organization.

The analysis of the characters' polymorphic direct statements in «Eugene Onegin» has showed that the hero's «word» includes not as much an authentic characteristic of the subject being expressed as an explication of the author's position in relation to him.

It is found that the degree of individualization of the characters' speech behavior, applied by the author, is determined by their personal significance («human self-stability») and is in direct correlation with it.

The analysis of Olga Larina's statements taken as an example has shown that the heroine's «word» and her interlocutors' «silence» as a «minus-word» serve to reveal her zero existential human essence.

The character's detailed statements (the girls' song, Lensky's elegy, Tatyana's and Eugene's letters) in «Eugene Onegin» are individualized by their partial or complete discrepancy with the author's statements on certain formal grounds.

The analysis of Lensky's elegy has showed its complete coincidence with the author's «word», which, along with the exclusively quoting nature of the elegy content, serves as evidence of the hero's depersonalization by the author.

An analysis of Tatyana's letter revealed the presence of «prosaic» and «poetic» parts in it, the markers of which are various forms of appeal. It, along with other differentiating features, separates Tatyana's letter from Eugene's formally similar letter. It endows the heroine's statement with unique formal characteristics and gives Tatyana the highest degree of personality among other characters of the novel.

Key words: *«Eugene Onegin»; narrative structure; hero's word; silence; Tatyana's letter; personality; «human self-stability»; author's position.*

REFERENCES

Aksenova Ye. Speech characteristics [Kharakteristika rechevaia]. Dictionary of literary terms [Slovar' literaturovedcheskikh terminov]. Moscow, Prosveshchenie, 1974. p. 445 (in Russian).

Bakhtin M.M. Author and hero in aesthetic activity [Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti]. Collected works in 7 vols. Vol. 1 [Sobranie sochineny v semi tomakh. T. 1]. Moscow, Russkie slovari. Languages of Slavic Culture Publ., 2003, pp. 69–263 (in Russian).

Bakhtin M.M. From the background of the novel word [Iz predystorii romannogo slova]. Collected works in 7 vols. Vol. 3 [Sobranie sochineny v semi tomakh. T. 3]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2012, pp. 513–551 (in Russian).

Beletsky A.I. In the studio of the artist of the word [V masterskoi khudozhnika slova]. Selected works on literary theory [Izbrannye trudy po teorii literatury]. Moscow, Prosveshchenie, 1964, pp. 51–233 (in Russian).

Betea D., Davydov S. Sullen Cupid: The poetics of parody in «Belkin's Tales» [Ugriumy Kupidon: Poetika parodii v «Povestiakh Belkina»]. Contemporary American Pushkin Studies [Sovremennoye amerikanskoye pushkinovedenie]. St. Petersburg, Akademichesky proyekt, 1999, pp. 201–222 (in Russian).

Bocharov S.G. Over the barriers: Introductory article [Poverkh bar'yerov: Vstupitel'naya stat'ya]. Virolainen M.N. Speech and silence: Plots and myths of Russian literature [Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoi slovesnosti]. St. Petersburg, Amfora, 2003, pp. 7–10 (in Russian).

Bocharov S.G. Pushkin's poetics. Essays [Poetika Pushkina. Ocherki]. Moscow, Nauka, 1974. 208 p. (in Russian).

Brodsky N.L. Comments on the novel by Alexander Pushkin «Eugene Onegin» [Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgeny Onegin»]. Moscow, Mir, 1932. 247 p. (in Russian).

Chumakov Yu.N. Pushkin's verse poetics [Stikhotvornaya poetika Pushkina]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg, 1999. 432 p. (in Russian).

Ginzburg L.Ya. About the literary hero [O literaturnom geroye]. Leningrad, Sovetsky pisatel, 1979. 223 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. Pushkin. [Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB, 2003. 847 p. (in Russian).

Mann Yu.V. The dynamics of Russian romanticism [Dinamika russkogo romantizma]. Moscow, Aspekt Press, 1995. 384 p. (in Russian).

Nabokov V.V. Comments on the novel by Alexander Pushkin «Eugene Onegin» [Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgeny Onegin»]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB; Nabokov's Foundation, 1998. 928 p. (in Russian).

Proskurin O.A. Pushkin's Poetry or the Moving Palimpsest [Poeziya Pushkina, ili Podvizhny palimpsest]. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie, 1999. 462 p. (in Russian).

Pushkin A.S. Eugene Onegin [Evgeny Onegin]. Completed works in 10 vols. Vol. 5 [Polnoye sobranie sochineny v 10 t. T. 5]. Moscow; Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950, pp. 5–213 (in Russian).

Pushkin A.S. Letters [Pis'ma]. Collected Works in 10 vols. Vol. 9 [Sobranie sochineny v 10 t. T. 9]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1977. 462 p. (in Russian).

Pushkin A.S. Station master [Stantsionny smotritel']. Completed works in 10 vols. Vol. 6. [Polnoye sobranie sochineny v 10 t. T. 6]. Moscow; Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950, pp. 129–144 (in Russian).

Shmid V. Narratology [Narratologiya]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2003. 312 p. (in Russian).

Shmid V. Pushkin's prose in poetic reading: «Belkin's Tale» and «The Queen of Spades» [Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii: «Povesti Belkina» i «Pikovaya dama»]. St. Petersburg, SPbSU, 2013. 356 p. (in Russian).

Sidyakov L.S. Poetry and prose in Pushkin's texts [Stikhi i proza v tekstakh Pushkina]. *Uchenye zapiski Latviyskogo gosudarstvennogo universiteta im. Petra Stuchki,* 1974, vol. 215, iss. 2, pp. 4–31 (in Russian).

Turbin V.N. Poetics of Pushkin's novel «Eugene Onegin» [Poetika romana A.S. Pushkina «Evgeny Onegin»]. Moscow, MSU, 1996. 232 p. (in Russian).

Tynyanov Yu.N. Poetics. Literary history. Cinema [Poetika. Istoriya literatury. Kino]. Moscow, Nauka, 1977. 574 p. (in Russian).

Tyupa V.I. Analysis of literary text [Analiz khudozhestvennogo teksta]. Moscow, Akademiya, 2006. 336 p. (in Russian).

Virolainen M.N. Pushkin's speech and silence [Rech' i molchanie u Pushkina]. Speech and silence: Plots and myths of Russian literature [Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoi slovesnosti]. St. Petersburg, Amfora, 2003, pp. 437–444 (in Russian).

О.Н. Минаева

Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Россия

УДК 82-311.6 – Эренбург, Пильняк

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-39-47

ПИСЬМО ИЗ ГРОТЕСКНОГО МИРА: «ХУЛИО ХУРЕНИТО» И. ЭРЕНБУРГА И «ГОЛЫЙ ГОД» Б. ПИЛЬНЯКА

Ключевые слова: *гротеск; модернистский роман; литература о Революции 1917 года; модернизм и ранний соцреализм; Эренбург; Пильняк; «Хулио Хуренито»; «Голый год».*

В центре статьи – прием гротеска в романах «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга и «Голый год» Бориса Пильняка. Выбор материала объясняется тематической, стилевой и хронологической близостью двух произведений. Мы показываем, что, вопреки общему воплощению революционных элементов как гротескных, в произведениях двух авторов этот прием реализован по-разному. Эренбург изображает непреодолимо гротескным любого человека. Результатом такого видения становится сплошная карнавальность, из которой некуда выходить, ибо мир классических форм – химера. Пильняк, наоборот, изображает мир, в сущности, классическим, при том что иногда в нем торжествует хаос, принуждая героев оказываться в гротескных ситуациях. Авторам с модернистским бэкграундом, видимо, свойственно задействовать гротеск как инструмент в передаче революционного мира. В то же время гротеск может затрагивать или непосредственно персонажа, или сюжетную ситуацию.

«На следующий вечер Учитель познакомил меня в отдельном кабинете “Кафе де ля бурс” с низким жирненьким господином. У него имелись тощие, тщательно закрученные усики на розовом, опрятном лице и в петлице неизбежная ленточка Почетного легиона… Это была совершенно необычайная автобиография, прерываемая восхвалениями блюд и выбором напитков» [Эренбург, 1962, *78*].

Перед нами описание Мосье Дэле – одного из героев романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито». Полуделикатес-полутруп с «…неморгающими, совершенными в своей бессмысленности глазами» [Там же, *75*], находящийся на грани между человеческим и животным. Философские рассуждения персонажа неизбежно сочетаются с репликами про блюда, которые пробовал или пробовал и любит герой. «Пищеварение и сластолюбие занимают его необычайно» [Рубашкин, 1990, *75*]. Образ совмещает черты

живого и неживого, человеческого и нечеловеческого – одним словом, преодолевает любые попытки себя ограничить, распределить в какую-либо отдельную, раз и навсегда определенную клеточку. Гротеск?

Понятие гротеска заключено в излишней преувеличенности, за которой Михаил Бахтин увидел в первую очередь характерную для народной смеховой культуры нестабильность образа и неочерчиваемость формы [Бахтин, 1990]. В отличие от классического, гротескное тело выходит за свои границы, находится в состоянии непрерывного взаимообмена между телесной оболочкой и окружающим миром [Там же]. Сам по себе гротеск архаичен и, по мнению О. Фрейденберг, восходит к первобытному искусству, где тождественные по смыслу образы различаются по форме, иначе говоря, находятся в постоянной ситуации смены маски, перехода от одной формы к другой [Фрейденберг, 1997, *62*].

Роман Ильи Эренбурга вышел в свет в 1923 году, в его центре – русская Революция 1917 года, скатывание в нее, жизнь после нее. Революция предполагала строительство будущего; Эренбург использует весьма архаичный прием для эстетического отражения Революции. Насколько широко применяется гротеск в изображении Революции в романе Эренбурга? Какая семантика гротеска делает этот прием удобным для использования в романе Эренбурга и, вероятно, иных произведениях о Революции?

Мир гротескных героев в романе Ильи Эренбурга. Воплощение героев в технике гротеска – ключевой прием романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито». Здесь все до одного гротескны.

Эрколе Бамбучи – коренной римлянин, итальянский бродяга, наконец, бездельник, считающий любую работу осквернением своего высокого античного происхождения. Вынужденный в красной России впервые в жизни зарабатывать себе на хлеб насущный, он... трудоустраивается памятником:

«Эрколе, обрадованный, вспомнив родной Рим, статуи богинь, чертей на порталах церквей и рисовавшую его англичанку, сначала решил объявить себя художником. “Но тебя могут заставить восемь часов в день рисовать картины”. Раздумье. Плевок. Решение найдено – он будет не художником, а картиной, то есть не картиной, а статуей.

На следующий день, прорвав все заграждения, он проник на заседание археологической комиссии и начал изображать богов, полководцев и тритонов Рима. А домой ушел с вожделенным удостоверением, гласившим, что “товарищ Эрколе Бамбучи состоит под защитой Отдела охраны памятников искусства и старины РСФСР”» [Эренбург, 1962, *172*].

Человек-памятник. Сатира о законченном лентяе? – скорее нет: Эрколе и там, в Риме, в общем-то был памятником, воплощением Античности и одновременно – степени «вырождения» [Нордау, 1902] античного мира. Перед нами насколько живой человек, настолько и живая руина давно окончившегося рассвета европейской истории.

Американец мистер Куль. «Лицо его, широкое, плоское, упитанное, ничего особенного не выражало. Зато у него были необычайные ноги, в носатых рыжих ботинках, они лежали на двух вращающихся пюпитрах, несколько выше уровня головы. Он одновременно читал библию, диктовал стенографистке письмо министру изящных искусств Чили, слушал по телефону цены на скот в Чикаго, беседовал с нами, курил толстую сигару, ел яйцо всмятку и разглядывал фотографию какой-то полногрудой актрисы. Для этого к креслу, напоминавшему зубоврачебное, были приделаны станки, трубки, автоматические держатели в форме дамских пальчиков и целая клавиатура непонятных мне кнопок...» [Эренбург, 1962, *21*]. Мистер Куль – человек-автомат, полуодушевленное нечто (человек??? предмет???). Он разговаривает, коммуницирует, у него есть эмоции и идеалы, но ощущение какого-то прибора не покидает нас, когда мы встречаемся в романе с мистером Кулем. Конечно, тут есть сатира на идеального американца с его находчивостью, оптимизмом и бесконечной верой в прогресс. Но есть и образ героя, которые находится в состоянии перехода от человека к машине (или наоборот).

Прочь от цивилизованного мира – и мы обнаруживаем Айшу, чернокожего африканца, вывезенного во Францию, но остающегося необразованным. Перемещения во Францию достаточно, чтобы сделать Айшу французским патриотом, готовым воевать и убивать на фронтах Первой мировой войны. Там же этот герой теряет руку. «Его очень смущал не наполненный ничем рукав. Тогда Хуренито купил ему особенную механическую руку американской фирмы “Ультима”». Опять тело, теряющее границу, переходящее в приставляемый и отделяемый протез. Это так называемый цивилизованный мир своими амбициями и жестокостью превратил невиновного и ничем не причастного Европе африканца в гротескную фигуру? – вряд ли! Такая интерпретация была бы сильнейшим упрощением – ведь Айша восхищается подаренным ему протезом куда больше, чем собственной рукой. «Искусственной рукой Айша чрезвычайно гордился и даже говорил, что, не будь это так больно, он бы отрезал другую, обыкновенную руку, чтобы получить “Ультиму”» [Там же, *112*].

Наконец, Хулио Хуренито. «…[Г]осподин в котелке был такой диковиной, что вся “Ротонда” дрогнула, на минуту замолкла, а потом разразилась шепотом удивления и тревоги… Выше висков под кудрями ясно выступали крутые рожки, а плащ тщетно старался прикрыть острый, воинственно приподнятый хвост» [Там же, *12*]. Обычный человек, в плаще и котелке, или инфернальная сущность, у которой хвост с рожками? Хуренито – не пойми кто. Он представляется мексиканцем, но не столь однозначно восприятие окружающих: «Даже учитель поплатился. Однажды он вышел погулять и наткнулся на застывшего в мечтательной позе военного. “Жид, иди сюда!” – “Я мексиканец”» [Там же, *208*]. Двойное восприятие как мексиканца или черта актуализирует средневековые представления – ср.

Дж. Трахтенберг «Дьявол и евреи» [Трахтенберг, 1998, *11*]. Фантастическая же биография (родился в Гуанахуате, умер в Конотопе), способность перемещаться между любыми точками на Земле, постоянное пребывание в путешествии отсылают к образу Агасфера. Отвержение Шимоном Маркишем любого сближения Хулио Хуренито с евреями как смехотворной идеи [Маркиш, 2020, *305*] излишне категорично, равно как и противоположная идея Бориса Парамонова о еврейскости Хуренито (цит. по: [Кантор, 2017, *495*]) излишне смела, ибо в текстовом плане ни на чем не основана. Скорее, образ, в котором герой заявляется мексиканцем, но целый ряд деталей отсылает и к еврейству, реализует таким образом преодоление формальной очерченности, то есть гротескность.

Все утратили цельность, а может быть, никогда ее и не имели, цельность. И такие герои осуществляют Революцию – ибо других-то нет. И чем может оказаться Революция, кроме как карнавалом, протекающим порой на цирковой сцене, а в остальное время превращающим весь мир в нечто, напоминающее цирк – естественную среду человеческого обитания. «Если б я видел лишь до завтрашнего дня и не умел бы приподнимать листки отрывного календаря, я бы сказал вам: вы величайшие реакционеры. Свобода, о которой вы же говорите, слава богу (“Долой попов!”) и войне, отправлена в архив. Но вы здесь не живете, вы бредите, и в бреду не о том вспоминаете, чего у вас не было, а прозреваете далекое будущее. Я приветствую ваше безумие, шалые крики, бессмысленные резолюции и эту арену цирка, на которой вы богомольно и вполне серьезно кувыркаетесь перед ошарашенной Европой!» [Эренбург, 1962, *160*].

Классические герои в гротескном мире. «Голый год» Бориса Пильняка. В мире Эренбурга гротескным представляется человек – и человеческая неопределенность, карнавальность выливаются вовне, в окружающий мир, в историю. Универсальная ли перед нами схема? Кажется, что нет. Роман Б. Пильняка «Голый год» – брат-близнец Эренбургова. Произведение написано в те же ранние 1920-е, опубликовано в эмигрантском издании, сочинено в тогдашней советской терминологии «попутчиком». И тоже не чуждо гротеска [Ауэр, 2009, *96–102*]. Однако техника его гротеска, равно как и задачи гротеска в системе романов Пильняка, иные.

«Иван Емельянович Ратчин, правнук Дементия, отец Доната, сорок лет тому назад, кудрявым юношей стал за прилавок, – с тех пор много ушло: иссох, полысел, надел очки, стал ходить с тростью, всегда в ватном сюртуке и в ватной фуражке. Родился здесь же, в Зарядьи, в своем двухэтажном доме за воротами с волкодавами, сюда ввел жену, отсюда вынес гроб отца, здесь правил» [Пильняк, 2009, *10*].

Ратчин – член семейства, представитель определенной социальной группы, носитель отчетливой биографии. Перед нами герой, занимающий определенную ячейку и оформленный в самых разных аспектах. И он таков

не один. Скорее, каждый герой обладает принадлежащим ему социальным статусом и занимается связанным с положением в обществе видом деятельности. Начальник народной охраны товарищ Ян Лайтис состоит на государственной службе при новом, красном, режиме. Но он же – идейный большевик и чекист. И его поведение соответствует и убеждениям, и службе.

«Колокол прозвучал жалобно. У ворот стоял товарищ Лайтис с нарядом солдат. Отпер калитку Андрей Волкович. Товарищ Лайтис спросил:

– Где здесь есть квартира овицера-дворянина-здудента Волковися? Андрей Волкович безразлично ответил:

– Обойдите дом, там по лестнице, во второй этаж.

Сказав, позевнул, постоял у калитки лениво и лениво пошел в дом, к парадному входу. Товарищ Лайтис с нарядом, гуськом, по доскам, средь дворовой муравы проложенным, пошел к заднему ходу. Лестница привела к заколоченной двери.

– Не здеся.

– Двери ломайте! <...>

– Где здеся квартера Волковича?

– Он не здесь! Он внизу! От парадного влево две комнаты!

– Обыскать! Дом оцепить.

В доме Андрея Волковича уже не было. Товарищ Лайтис показал Сергею Сергеевичу мандат, где за подписью Лайтиса поручалось товарищу Лайтису произвести обыск и арест... [Там же, *37–38*]».

В стабильном мире каждый герой находится на своем месте или хотя бы стремится к нему. И вот такие основательные герои вдруг оказываются посредине немыслимой гротескной истории.

«Семен Матвеев Зилотов взял со стола пятиугольный картон, где в центре, в кружке написано было слово – Москва, а в углах – Берлин, Вена, Париж, Лондон, Рим. Молча подошед к Сергею Сергеевичу, Семен Матвеев сложил углы пятиугольника: Берлин, Вена, Париж, Лондон, Рим сошлись вместе. Снова разогнув углы, Семен Матвеев поновому сложил пятиугольник – Берлин, Вена, Париж, Лондон, Рим склонились к Москве, и картон стал походить на помидор, окрашенный снизу красным.

– Зришь сей знак? – сказал с великою строгостью Семен Матвеев Зилотов. – Иностранные грады, вместе сошедшись, поклонились граду Москве. Но Москва осталась в унижении.

Семен Матвеев подошел к печке и вылил жидкость из одного тигелька в другой, появился сизый дым, зашипело, запахло жженою серой. <...>.

– Клянись: пентаграмма, ей-черту! И открою великую тайну. Зришь, что творится в России?

– Известное дело – хамодержавие, голод, разбой, – что творится!.. – ответил Сергей Сергеевич. – Свинина – семьдесят пять! Что творится?! Россия кверх ногами ходит. – Сергей Сергеевич улыбнулся. – Ты вот пойди, купи-ка мне колбасы копченой! хе-хе! – Сергей Сергеевич желчно повеселел: – Хо-хо!.. Андрей, Андрей-то как! – “пожалуйте во второй этаж!” Хо-хо!.. Видал?!. Хо-хо!

– Постой! – воскликнул Семен Матвеев Зилотов и стукнул рукою по глобусу. – Россия против всего мира? В России голод, смута, смерть? – и будет двадцать лет!.. Клянись, – познаешь тайну!.. <...> Через двадцать лет Россия спасется. В монастыре, из игуменьиной келии, – там теперь Лайтис, товарищ, – есть переход теплый в зимнюю церковь. Во алтаре!

– Ты про что?

– Иностранец – Лайтис, товарищ! Во алтаре! Чрез двадцать лет будет спаситель. Россия скрестится с иностранным народом. Спаситель предается арабским волхвам. Я воспитаю.

– Ты про что?

– Ольгу Семеновну Кунц – с иностранцем Лайтисом. Красавица. Девственница. Кровью алтарь обагрится. А потом все сгорит, и иностранец, – огнем!

– Ты про что? хочешь мстить за Волковича? –

Сергей Сергеевич спросил серьезно и тихо.

– Нет, Россию спасти!»

Дичь? – дичь. Да эта ситуация так и воспринимается внутри романа: «Да ты про что? с голоду, что ли? Ты бы, вместо снадобий, щи бы варил!.. Уж пора!..» Собеседник Зилотова не видит мистериального характера пока еще лишь предполагаемой сцены. Между тем соединение Оленьки Кунц и Лайтиса на алтаре старого храма могло бы быть самым настоящим событием перехода в его древнейшем, архаическом смысле. Христианский топос встречается с языческим действом, модернистское увлечение мистикой – с ожившими первобытными культами... Служение Иштар в атеистической красной России XX века... Но примечательно, что сцена – не преодоление всевозможных границ и форм, а, скорее, визуализация причудливой, но глубоко рациональной схемы. Она вполне прочитываема через архаические схемы, присутствующие в фольклоре и описанные в работах О.М. Фрейденберг, где «...‘блуд’ оказывается метафорой спасения, а женское божество производительности – божеством эротической любви, или жрицей ее...», причем «...подлинная семантика ‘блудницы’ раскрывается в том, что она, как и ‘спаситель’, связана с культом города и с победой как избавлением от смерти» [Фрейденберг, 1997, *79*].

Выплеск через край в действительности оказывается возвращением к старой, архаической норме. Когда норма православной империи оказывается павшей, то не разумно ли вернуться к чему-то более древнему и еще раньше проверенному временем? Например, к язычеству. Движение к язычеству, видимо, не импонировало лично Борису Пильняку, но писатель видел его в окружающем мире и признавал живучесть его (ср. рассказ «Тысяча лет»).

В ситуации же «Голого года» вся задуманная сцена ритуального примирения исконной допетровской России с культурной и покрасневшей Европой оказывается тщетной, ибо лишена как таковой переходности:

«– А тебе сколько лет?

– Девятнадцать, скоро двадцать.

– Однако! Я в твоем возрасте мужа, как чумы, боялась.

– Вон Оля Кунц почти каждый месяц. У нее какая-то повитуха есть... очень дешево. Ты удивляешься, теперь все...

– Нет, обязательно к доктору! Никаких повитух. И вообще аборт нисколько не полезен».

В основу ритуала положена ошибка – размещение героини в по праву не принадлежащей ей клеточке. Результатом становится не мистическое

действо, а арест за участие в контрреволюционной деятельности – «Товарищ Лайтис подписал мандаты на арест Оленьки Кунц и Сергея Сергеевича. Обыватель Сергей Сергеевич. Подлинно, – был ли Сергей Сергеевич только провокатором и мелким буржуа?.. Впрочем, компарт дал приказ арестовать Лайтиса».

В обоих романах, и у Ильи Эренбурга, и у Бориса Пильняка, изображение мира накануне и непосредственно во время Революции связано с гротеском. Однако гротеск реализуют и используют эти авторы по-разному. Пильняк, как кажется, опирается на традицию европейского классического романа, который старается идти к общему и передавать закономерности. Поэтому гротескны в раннем романе Бориса Пильняка ситуации. Кто виноват в гротесках из «Голого года»? – время. Это оно закружило героев, взбило мир вокруг них в первобытный хаос. Осядет. «Голый год» – пройдет время, и мир вернется к обычному своему облику, к своему обычному виду. Люди не гротескны, мир не гротескный, но время от времени он становится таковым в моменты транзита, когда один образ разбился, а другой еще не сложился. В мире Ильи Эренбурга гротеск связан не с событиями, не со временем, а с людьми, которые постоянно пребывают в ситуации перехода: меняют маску и социальный статус, очеловечиваются или дичают, рождаются или умирают, теряют свою человечность... Соответственно, и мир вокруг них – это цирк, карнавал, которые злят, утомляют, но из которых в этом мире по крайней мере некуда сбежать.

Авторам с модернистским бэкграундом, видимо, свойственно задействовать гротеск как инструмент в передаче революционного мира. И такой выбор естественен, ибо революция – всегда переход от старого к новому. Общество, страна, люди перетекают в какую-то новую форму. Но один инструмент используется по-разному даже весьма близкими авторами, поскольку в одном случае гротеск – это временное нарушение естественного течения событий, а в другом – неизбывная сущность человеческого бытия. Гротеск может быть направлен или на сюжетную ситуацию, или на действующую персону.

ЛИТЕРАТУРА

Ауэр А.П. «Перед лицом вечности…»: Статьи о художественном мире Б.А. Пильняка. Коломна: КГПИ, 2009. 211 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

Кантор В.К. Изображая, понимать, или Sentencia sensa: философия в литературном тексте. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2017. 832 с. (Серия «Российские Пропилеи»).

Маркиш Ш.П. Русско-еврейская литература: от и до. Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2020. 544 с.

Нордау М. Вырождение / пер. с нем. В. Генкена; предисл. В. Авсеенко. 3-е изд. Киев; СПб.: Ф.А. Иогансон, 1902 (Киев). 292 с.; 21.

Пильняк Б.А. Голый год. Повесть непогашенной луны. Рассказы. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 411, [5] с.

Рубашкин А. Илья Эренбург: Путь писателя. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1990. 528 с.

Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи. М., Иерусалим: Гешарим, 1998. 294 с.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Эренбург И.Г. Собрание сочинений. В 9 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 1. 536 с.

O.N. Minaeva
MA, Postgraduate Student,
State University of Social Studies and Humanities
Kolomna, Russia

Writings from the Grotesque World: «Julio Jurenito» by Ilya Ehrenburg and «The Naked Year» by Boris Pilnyak

In the article we focus on grotesque nature of Ilya Ehrenburg's and Boris Pilnyak's creative prose, viz. «Julio Jurenito» and «The Naked Year». These novels were written almost at the same time. They share commonality in issues and style. We compare these novels to trace how the both writers use grotesques in their works about Russian Revolution.

Despite both Ehrenburg and Pilnyak sharing one technique, they realize it in a quite different manner. Ilya Ehrenburg finds grotesque in every human being. Thus, the world, where people live, act and communicate, can be nothing more but an inevitable and everlasting carnival where everybody takes part, willingly or unwillingly but without any chance for escape. A solid, «classic» world is just a mirage.

On the contrary, Pilnyak casts his protagonists into a world with clear distinctions – physical, territorial, moral, etc. For some period of time, chaos does override cosmos, forcing protagonists to find themselves in the middle of a very grotesque situation. However, the prevalence of grotesque is somewhat transitional while the cosmos is perennial.

Writers with a modernist background typically use grotesque when they set their plot in the age of Russian Revolution. But at the same time, there is an essential junction when they recognize grotesque in a human personality or in situations how people live and act.

Key words: *grotesque; Modernist novel; Russian Revolution in literature; Modernism and early Social realism; Ilya Ehrenburg; Boris Pilnyak; Julio Jurenito; The Naked Year.*

REFERENCES

Auer A.P. «At the Verge of Eternity…»: Articles on the artistic world of B.A. Pilnyak [«Pered litsom vechnosti…»: Stat'i o khudozhestvennom mire B.A. Pil'nyaka], Kolomna, 2009. 211 p. (in Russian).

Bakhtin M.M. Francois Rabelais' creative work and folk culture of the Middle Ages and Renaissance [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p. (in Russian).

Ehrenburg I.G. Collected Works in 9 volumes [Sobranie sochineny. V 9 tomakh]. Moscow, Goslitizdat, 1962. Vol. 1. 536 p. (in Russian).

Freidenberg O.M. The poetics of plot and genre [Poetika syuzheta i zhanra]. Moscow, Labirint, 1997. 448 p. (in Russian).

Kantor V.K. To imitate for comprehension or Sentencia sensa. Philosophy in a literary text [Izobrazhaya, ponimat', ili Sententsia sensa: filosofiya v literaturnom tekste]. Moscow & St. Petersburg, Center of Humanitarian Initiatives; Universitetskaya kniga, 2017. 832 p. (in Russian).

Markish Sh.P. Russian-Jewish literature: on the up and up [Russko-yevreiskaya literatura: ot i do]. Orenburg, Orenburg Publishing House, 2020. 544 p. with illustrations (in Russian).

Nordau M. Degeneration [Vyrozhdenie]. Tr. from German by V. Genken; preface by V. Avseyenko. Kiev & St. Petersburg, F.A. Ioganson's Publishing House, 1902. 292 p. (in Russian).

Rubashkin A. Ilya Ehrenburg. The writer's progress [Il'ya Erenburg: Put' pisatelya]. Leningrad, Sovetsky pisatel, 1990. 528 p. (in Russian).

Trakhtenberg J. The Devil and the Jews [D'javol i evrei]. Moscow, Jerusalem, Gesharim, 1998. 294 p. (in Russian).

В.С. Андреев, Л.В. Павлова, И.В. Романова

Санкт-Петербургский государственный университет –
Смоленский государственный университет
Санкт-Петербург – Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-47-62

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В. НАБОКОВА: СМЫСЛЫ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ[1]

Ключевые слова: *В. Набоков; цветообозначения; хромостезия; словари колоративной лексики поэта.*

Словари цветообозначений дают представление о цветовой картине мира исследуемого автора и являются сегментом общей панорамы его поэтического мира. Подобные словари обычно представляют собой алфавитный порядок лексем, обозначающих цвет, с указанием количества словоупотреблений, а также фрагменты текстов со ссылками на источник. Владимир Набоков создал и на протяжении многих лет поддерживал миф о своих удивительных взаимоотношениях с цветом, поэтому изучение его цветовой картины мира – особый случай. Основой настоящего исследования стал созданный авторами статьи «Словарь цветообозначений в

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Санкт-Петербургского государственного университета ID 72828386.

лирике Владимира Набокова». Принцип его составления основан на «цветной азбуке», изложенной писателем в двух автобиографических вариантах («Другие берега» и «Speak, Memory: An Autobiography Revisited»), а также в романе «Дар», где Набоков фактически представил словарь-справочник собственных цветообозначений и придал характеристикам цвета форму словарного толкования. Отдельное внимание в статье уделяется наиболее экстравагантным способам наделения цветообозначений смыслами. Иллюстрацией этих способов является реконструкция смыслов следующих авторских цветообозначений: «галльский глянец», «смоленская каша» и «гуттаперчевое» – «клистирное» – «sienne brûlée, сепия».

«Так что вы могли бы тоже…»

«Да, но с оттенками, которые ему не снились, – и не сонет, а толстый том».

Владимир Набоков «Дар»

Если нас спросят: «Что означают слова “красный”, “синий”, “черный”, “белый”?», то в ответ мы, конечно же, можем указать на предметы соответствующих цветов. Но дальше этого наша способность объяснить значение данных слов не идет.

Людвиг Витгенштейн «Заметки о цвете»

Словари цветообозначений того или иного автора позволяют составить представление о цветовой картине мира данного автора, являясь сегментом общей панорамы его поэтического мира. Цвет раскрывает, дополняет, порой диаметрально меняет смысл предметов, явлений, состояний. На эту тему пишется немало исследований, защищаются диссертации [Мартьянова, 2013, *56–67*; Цегельник, 2007; Разумкова, 2009; Трифонова, 2014; Спивакова, 2009; Выродова, 2008; Кочетова, 2010; Рыбальченко, 2011; Шкиль, 2005; Ермаковская, 2011 и др.]. К проблеме выделения колоративного лексико-семантического поля у исследуемого автора или группы авторов обращаются преимущественно лингвисты. Распределение колоративной лексики в их работах осуществляется по разным принципам: по алфавиту, по способам словообразования, группируется по синонимам, по концептосферам, по объектам, наделяемым цветом (например, флора, фауна, астрономические, гидрологические объекты и т.д.), по особенностям функционирования: основное лексическое значение и дискурсивные смыслы в индивидуально-авторском стиле [Андреев 2015; Andreev, Popescu, Altman, 2017]. Выделяется даже специальное направление, получившее название «лингвистика цвета» или «лингвоцветовая картина мира» [Комарова, Талапина, 2011].

Например, один из образцов словарей колоративной лексики поэта – «Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского» Валентины Полухиной [Полухина,

2016] – составлен с опорой на принцип организации «Словаря цвета» В.К. Харченко [Харченко, 2009], с одной стороны, и с другой – с учетом уже имеющихся описаний цветовой палитры Бродского в исследованиях И.Е. Цегельник, А.В. Трифоновой и Т. Патеры [Patera, 2002–2003], но отличается от них прежде всего объемом материала (учитывающего, кроме прочих, неопубликованные произведения) и более широким пониманием того, что называть цветообозначением. Например, В.П. Полухина, помимо основных цветов и их оттенков, а также индивидуально авторских сочетаний, включила в словарь концепты «свет» и «тьма». Сам словарь представляет собой алфавитный порядок лексем, обозначающих цвет, с указанием количества словоупотреблений, а также конкорданс к ним – цитаты со ссылками на источник.

Владимир Набоков создал и на протяжении многих лет поддерживал миф о своих удивительных взаимоотношениях с цветом, оттого весомость живописной составляющей его художественного мира возрастает в разы. Неудивительно, что цветообозначения не обошли своим вниманием набокововеды [Прокофьева, 1995; Носовец, 2002; Тырышкина, 2002; Дмитриева, 2008].

Подробное описание знаменитой «цветной азбуки», казалось бы, значительно облегчает исследователю творчества Набокова колористические штудии: в двух автобиографических вариантах, русском («Другие берега», 1954) и английском («Speak, Memory: An Autobiography Revisited», 1967), писатель фактически представил словарь-справочник собственных цветообозначений, по крайней мере придал характеристикам цвета форму словарного толкования. Его можно пополнить примерами из романа «Дар», герой которого, Федор Годунов-Чердынцев, наделен особенностями цветовосприятия (хроместезией) букв, близкими до тождественности к авторским (см. табл. 1). Исследователи охотно прибегают к авторским буквенно-цветовым подсказкам, когда возникает такая необходимость: «В русской версии автобиографии “Другие берега” мы читаем о вечерней охоте на мотыльков. Рассказчик стоял в ожидании около кустов сирени, в то время как «молодая луна цвета “Ю” висела в акварельном небе цвета “В” <…>. Немного раньше из рассказа о хроместезии мы узнаем, что буква “Ю” имеет цвет латуни, а “В” – розоватая, телесного оттенка. Эти хроместетические цвета букв кириллицы не только подходят для описываемых предметов, но и обозначаемые ими звуки перекликаются со звуками ключевых слов, то есть [u] в слове “луна” и [v] в слове “акварельном”. В менее очевидном случае использования хроместетического алфавитного символа о луне говорится как о «большом небесном “О”». Это использование буквенного символа еще более уместно, чем может показаться, потому что хроместетический цвет буквы “О” – оттенок, описываемый Набоковым как цвет “миндального молока”» [Джонсон, 2011, *30*].

Таблица 1

Набоковские колористические определения-соответствия

Группы	Пояснения-соответствия		
Черно-бурая[2]	«Другие берега»	«Память, говори»	«Дар»
	густое, без галльского глянца, A[3]	долгое а английского алфавита <…> имеет у меня оттенок выдержанной древесины, меж тем как французское a отдает лаковым черным деревом	<…> различные, многочисленные «а» на тех четырех языках, которыми владею, вижу едва ли не в стольких же тонах – от лаково-черных до занозисто-серых – сколько представляю себе сортов поделочного дерева
	довольно ровное (по сравнению с рваным R) P	r (запачканный складчатый лоскут)	
	крепкое каучуковое Г	крепкое g (вулканизированная резина); густой каучуковый тон мягкого g	
	Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного	чуть более бледное j[4]	
	темно-коричневое, отполированное Я		
		h – коричнево-желтый шнурок от ботинка	
Белесая, белесоватая[5]	цвет вермишели (Л)	вермишельное l	
	цвет смоленской каши (Н)	овсяное n	
	цвет миндального молока (О)	оправленное в слоновую кость ручное зеркальце o	
		французское on, которое вижу как напряженную поверхность спиртного в наполненной до краев маленькой стопочке, кажется мне загадочным	

[2] В английском варианте Набоковым выделены две группы «Черная» и «Бурая», в отличие от объединенной группы в русскоязычной автобиографии.

[3] Здесь и далее тексты В.В. Набокова цитируются по электронному ресурсу. URL: http://nabokov-lit.ru.

[4] По сравнению с мягким g.

[5] Именно так и в русском, и в английском вариантах: не белая, а белесая. «В белесой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету <…>». Это диета для глаз, не для желудка. Акцент делается не на слове *диета*, а на определении – *бледная.*

	цвет сухой булки (Х)		
	цвет шведского хлеба (Э)		
Мутных промежуточных оттенков	клистирное Ч		Если бы у меня были под рукой краски, я бы вам так смешал sienne brûlée и сепию, что получился бы цвет гуттаперчевого «ч»
	пушисто-сизое Ш	пушисто серая, трехстебельковая русская буква, заменяющая английское sh, столь же древняя, как шелест нильского тростника, воздействует на ее английское представление	
	такое же[6], но с прожелтью, Щ		
			Не знаю, обращали ли вы когда-либо внимание на вату, которую изымали из майковских рам? Такова буква «ы», столь грязная, что словам стыдно начинаться с нее
Красная	вишнево-кирпичное Б (гуще, чем В)	b имеет оттенок, который живописцы зовут жженой охрой	
	розово-фланелевое М	m – как складка розоватой фланели	Рекомендую вам мое розовое фланелевое «м»
	розовато-телесное (чуть желтее, чем V) В	<…> я все-таки нашел ныне совершенное соответствие v – «розовый кварц» в «Словаре красок» Мерца и Поля	
Желтая	оранжеватое Е	разнообразные e да i	
	охряное Е		
	светло-палевое И		
	палевое Д	сливочное d	
	золотистое У	ярко-золотистое y	
	латуневое Ю	u, чье алфавитное значение я могу выразить лишь словами «медь с оливковым отливом»	
	гуашевое П	незрелое яблоко p	

[6] Как Ш.

Зеленая[7]	пыльно-ольховое Ф	ольховое f	
	пастельное Т	фисташковое t	
		зелень более тусклая[8] в сочетании с фиалковым – вот лучшее, что могу придумать для w	
Синяя, переходящая в фиолетовую	жестяное Ц		
	влажно-голубое С	s представляется не поголубевшим с, но удивительной смесью лазури и жемчуга	<…> вы бы оценили мое сияющее «с», если я мог бы вам насыпать в горсть тех светлых сапфиров, которые я ребенком трогал, дрожа и не понимая, когда моя мать, в бальном платье, плача навзрыд, переливала свои совершенно небесные драгоценности из бездны в ладонь, из шкатулок на бархат, и вдруг все запирала, и никуда не ехала, несмотря на бешеные уговоры ее брата, который шагал по комнатам, давая щелчки мебели и пожимая эполетами, и если отодвинуть в боковом окне фонаря штору, можно было видеть вдоль набережных фасадов в синей черноте ночи изумительно неподвижные, грозно алмазные вензеля, цветные венцы…
	черничное К	черничное k	
		Поскольку между звуком и формой существует тонкая связь, я вижу q более бурой, чем k	
	блестяще-сиреневое З	грозовая туча z	
		стальное x	

Нами был составлен «Словарь цветообозначений в лирике Владимира Набокова» [Павлова, Романова, 2020a; Павлова, Романова, 2020b]. В силу того, что на сегодняшний день даже среди специалистов по цвету нет единства в классификации цветов [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005; Харченко, 2009; Крамкова 2010, *570*; Стефанов, 2015], мы выбрали принцип

[7] О русских буквах этой группы: «все это суше, чем их латинские однозвучия».
[8] По сравнению с t.

следования за авторской рубрикацией, приведенной Набоковым при описании «цветной азбуки» в указанных произведениях.

Авторское описание цвета учитывалось при распределении цветов и оттенков в ту или иную группу. Помимо хроматических (спектральных) и ахроматических (черного и белого), которые Набоков понимает по-своему (например, в русском варианте «цветной азбуки» он выделяет черно-бурую группу, которую составляют в основном коричневые цвета и оттенки, в спектральных у него отсутствует отдельная группа оранжевого цвета, он включен в желтую, голубой – в синюю, а синяя группа объединена с фиолетовой), в Словаре представлены и «промежуточные» (серый и его оттенки).

Набоков выделил рубрики: «Черно-бурая», «Белесая», «Мутных промежуточных оттенков», «Красная», «Желтая», «Зеленая», «Синяя, переходящая в фиолетовую». Эти рубрики он наполнил соответствующими названиями цветов. Например, среди характеристик букв «Желтой группы» встречаются «оранжеватый», «охряный», «палевый», «светло-палевый», «золотистый», «латуневый», «сливочный», «ярко-золотистый», «медь с оливковым отливом». Попутно отметим, что форма выражения цветообозначения у Набокова может варьироваться от отдельного колоратива («пастельное», «охряное» и т.п.) до многословных конструкций (например, белесое О характеризуется как «оправленное в слоновую кость ручное зеркальце»; или см. развернутое до самостоятельного эссе описание синего С в «Даре» и т.д.). В некоторых «расшифровках» авторского видения цвета содержатся ссылки на научные труды и искусствоведческие параллели: «“розовый кварц” в “Словаре красок” Мерца и Поля»[9], «оттенок, который живописцы зовут жженой охрой» и т.д.

К своим цветообозначениям Набоков привел пояснения-соответствия из разных сфер жизни. В «Белесой группе» большинство таких пояснений привнесены из тематической группы «Еда»: «вермишель», «миндальное молоко», «сухая булка» и т.д.; «Зеленая группа» наполнена «растительными» соответствиями: «ольховое», «незрелое яблоко», «фисташковое» и др.; «металлические» соответствия попадаются в «Синей группе» – «жестяной», «стальной» и т.д.

Звуковых пояснений-соответствий в «цветной азбуке» Набокова практически нет. Единственное исключение-ономатопея – «пушисто серая, трехстебельковая русская буква, заменяющая английское sh, столь же древняя, как шелест нильского тростника, воздействует на ее английское представление». В качестве объяснения парадоксального (когда речь идет о виртуозе звукоорганизации текста Набокове) отсутствия звуковых пояснений

[9]Считается, что выражение *розовый кварц* как название цвета на английском языке было впервые зарегистрировано именно в этом издании: Maerz A., Paul M.R. A Dictionary of Color, McGraw-Hill, N.Y., 1930, содержащем свыше 7000 образцов с основными цветовыми характеристиками. URL: https: //wiki2.wiki/wiki/rose_(color)#cite_note-26 (дата обращения: 12.09.2021).

цвета можно привести авторское откровение: «У меня нет музыкального слуха, и я горько сожалею об этом недостатке. Когда я прихожу на концерт, а это бывает примерно раз в пять лет, я пытаюсь в порядке игры проследить за связью и взаимоотношениями звуков, но меня хватает не более чем на несколько минут. Зрительные впечатления, отражения рук на лакированном дереве, лысина, прилежно склоненная над скрипкой, – все это побеждает <…>» [Набоков, 2018, *49*].

Складывается впечатление, что Набоков всеми силами стремится помочь читателю максимально приблизиться к авторскому видению мира в цвете. Однако, зная набоковскую склонность к мистификации, литературной игре, изощренности в составлении шахматных задач, следует быть начеку. Приведем несколько примеров.

Двусмысленный «галльский глянец». В комментарии, сопутствующем черно-бурым характеристикам разноязычных А, на первый взгляд, все кажется предельно ясным. «Долгое а английского алфавита», «французское а» в «Память, говори» описываются с привлечением древесно-мебельных признаков («оттенок выдержанной древесины», «отдает лаковым черным деревом»). По сути так же, но чуть более развернуто подано в «Даре»: «<…> многочисленные „а“ на тех четырех языках, которыми владею, вижу едва ли не в стольких же тонах – от лаково-черных до занозисто-серых – сколько представляю себе сортов поделочного дерева».

Велик соблазн по инерции, в этом же мебельно-лаковом ключе, однозначно истолковать и цветообраз, возникший при описании русского А, – «густое, без галльского глянца». Французское а «отдает лаковым черным деревом», следовательно, галльский (французский) глянец = лаковое черное дерево, а «без галльского глянца» = матовое черное дерево. Наглядно, к тому же ассонансно-аллитерационно звучно: «галльский», «глянец».

Безоговорочности этого, весьма правдоподобного, истолкования несколько мешает то, что «галлы» может быть сказано не только о французах, так называются шарообразные выросты на листьях или других органах растений (лат. galla – чернильный орешек). Из этих растительных новообразований изготавливали чернила, служившие основным средством письма вплоть до начала XX века. Такими чернилами пользовался обожаемый Набоковым Пушкин. «Пушкин писал орешковыми чернилами и пользовался гусиным пером (лишь в последние годы он изредка осваивал перо стальное). Сочетание маловыцветающих чернил с прочной тряпичной бумагой ручной выделки предопределило хорошую сохранность пушкинских рукописей» [Пушкин, 1995, *32*]. В зависимости от добавленного железа цвет галловых чернил, невероятно стойких, менялся от красно-черного до коричнево-черного. Естественнонаучная составляющая мировоззрения Набокова, неоднократно подчеркивающего

ее равнозначность творческой составляющей, заставляет учитывать возможность и подобного истолкования: без галльского глянца = бархатистый устойчивый цвет высохших чернил из галлов[10].

Характеристика черного цвета построена на неоднократно используемом Набоковым в разных произведениях приеме – *возможность двух толкований: общеизвестного и специфического, «для всех» и «для равных»* – тем самым лишается однозначности.

Бессмысленно *смоленская* каша. Не предвещал поначалу особых трудностей цвет «смоленской каши», отнесенный Набоковым в «Белесую группу» и использованный при характеристике русского Н. Англоязычная параллель – «овсяное» n – прекрасно сочетается с «кашей» и кажется ее конкретизацией. Кулинарная реалия (цвет овсяной каши) подтверждается реалией художественной: «К утреннему чаю он приходил в столовую и ел овсяную кашу того же понурого, серого цвета, что и небо над Большим Двором <…>» («Истинная жизнь Себастьяна Найта»).

Однако и здесь, как в случае с «галльским глянцем», объяснение, кажущееся столь очевидным (смоленская каша = овсяная каша = каша белесого цвета[11]), уводит на ложный путь. Традиционная смоленская каша – это не овсяная каша. В «Поваренной книге русской опытной хозяйки», составленной Е.А. Авдеевой и Н.Н. Масловым и вышедшей в Петербурге в 1912 году, сказано: «Так называемая смоленская или манная крупа, из которой приготовляются все роды нежной молочной каши, и между прочим, знаменитая “гурьевская каша” <…>. Крупа эта очень мелкая; если она вполне хорошего качества, то должна быть не желтоватого, а белого цвета и свободна от мучнистых частиц» [Авдеева, Маслов, 1912, *39*]. Из этого описания следует, что смоленская каша = манная каша = каша белого цвета, без примеси серого или желтого.

Остановиться окончательно на этом объяснении не позволяет тот факт, что в целом ряде кулинарных книг смоленской крупой называют не манную, а гречневую, специально обработанную – обдирную, то есть избавленную от оболочки практически до самого ядра. «<…> по своей известности заслуживает упоминовения выделка так называемой смоленской крупы, приготовляемой из гречи. От обыкновенной гречневой крупы она отличается тем, что особенно мелка и нежна. По своему достоинству она выше так

[10]Отметим, что французское и древесное соседствует в переводе Набокова «Николки Персика» Ромэн Роллана: «Я знаю: когда уходит один, приходят трое, и *дуб*, *из которого строят галлов*, удалых ребят, растет все по-прежнему прямо, и густо, и крепко. *Дерево то же, но ныне изделье другое* <…>».

[11]По-видимому, овсяная каша не вызывала у Набокова приятных ассоциаций. Сопутствующий ей в «Истинной жизни Себастьяна Найта» эпитет – «понурая» – можно применить для прояснения смысла метафоры «овсяная каша» в письме Набокова Эдмонду Уилсону: «Как продвигаются твои русские штудии? Что бы ты ни делал, держись подальше от овсяной каши из Гончарова-Аксакова-Салтыкова-Лескова».

называемой манной крупы. Помещик Рачинский, который посылал смоленскую крупу для детей английской королевы, получил от нее золотую медаль, при особом письме. На лондонской всемирной выставке смоленская крупа заслужила одобрение знатоков; но не была удостоена никакой награды» [Соловьев, 1855, *388–389*].

Цвет манной крупы и цвет обдирной гречневой заслуживают отнесения в «Белесую группу», но оттенки их, безусловно, различаются. Уточнить набоковский оттенок смоленской каши из гречи не представляется возможным. Не поможет и обращение к набоковским художественным произведениям: «К ужину была гречневая каша, маргарин вместо масла <…>» («Подвиг»), «Она только что вернулась из санатории, жадно ела гречневую кашу и рассказывала, что Лужину лучше <…> («Защита Лужина»). Ситуации, в которых персонажи едят гречневую кашу, содержат мотивы разочарования, непонимания, но судить о каких-либо цветовых ее особенностях не позволяют. С манной кашей дело обстоит иначе: она упоминается в романе «Дар» как образ сопоставления к опавшим цветам акации (парадигма «цветы (акации) → каша (манная)»): «На тихой улочке за церковью, в пасмурный июньский день, осыпались акации, и темный асфальт вдоль панели казался запачканным в манной каше». Манная каша «встраивается» Набоковым в «младенческий» ряд, заданный предшествующим растительным образом, тем самым подхватывая тему детства: «Там каштановое деревцо, подпертое колом (ибо, как младенец не умеет ходить, оно еще не умело расти без помощи), вдруг выступило с цветком больше него самого» («Дар», парадигма «дерево (каштановое) → младенец»).

В кашеподобных характеристках цвета используется еще один набоковский прием – *обманная в силу избыточности конкретизация.* По-видимому, белесый = цвет каши (смоленской, будь она из манки или гречи, или хорошо знакомой Набокову по Кембриджу овсяной, принципиального значения не имеет, что делает определение «смоленская» бессмысленным).

Живописное представление «неживописного» цветосмысла. Характеризуя один из «мутных промежуточных оттенков», Набоков, словно стараясь компенсировать эту невнятную «мутность», прибегает к лексикону художников и использует объективно-профессиональные названия: «Если бы у меня были под рукой краски, я бы вам так смешал sienne brûlée и сепию <…>». Sienne brûlée, жженая сиена – разновидность охры, красно-коричневый пигмент[12]. Сепия – коричневый пигмент[13], получаемый из так называемого «чернильного мешочка» каракатицы (натуральная сепия), или карандаш, брусок коричневого пигмента со связующим, обычно каолиновой глиной (искусственная сепия). Какой «промежуточный оттенок» можно получить, если смешать два коричневых в своей основе пигмента? Коричневый. Завороживающее звучание «sienne brûlée», «сепия» вызывает

[12]Encycolorpedia. URL: https://encycolorpedia.ru/e97451 (дата обращения: 12.09.2021).
[13]Encycolorpedia. URL: https://encycolorpedia.ru/704214 (дата обращения: 12.09.2021).

в памяти полотна Караваджо, Рембрандта – великих мастеров разнообразных оттенков земляных цветов, виртуозов приема киароскуро, позволяющего объемно «извлекать» предмет из темноты. Стоящее неподалеку определение «гуттаперчевый» кажется привлеченным по созвучию, как это уже казалось с «галльским глянцем», поскольку является частью характеристики буквы Ч. Ничего общего с коричневым цветом (кроме наличия Ч) гуттаперча не имеет. Гуттаперча – смола, по химическому составу идентичная с натуральным каучуком; так же, как каучук, поддающаяся вулканизации. Этот кожеподобный материал белого или желтоватого цвета некоторое время использовался при изготовлении обуви и в качестве изолирующего материала в радиопромышленности. По физическим свойствам и соответствующему им применению в набоковском каталоге цветообозначений «законное» место гуттаперчи в «Черно-бурой группе», как раз наполненной резиновыми и каучуковыми соответствиями: «крепкое каучуковое Г», «крепкое g (вулканизированная резина)», «густой каучуковый тон мягкого g». Эстетские sienne brûlée и сепия, сопутствующие изысканно звучащей гуттаперче, также более уместны в группе, содержащей «бурый» (= коричневый) компонент, чем среди «мутных промежуточных оттенков». Но в «Других берегах» Набоков дополняет ряд характеристик коричневого Ч определением «клистирный», тем самым окончательно определяя, какой оттенок этого цвета он считает «мутным промежуточным» и отделяет от «черно-бурых» цветов каучука, шоколада, лакированного дерева. Смысл цветообозначения раскрывается при сведении воедино двух описаний, по раздельности вполне безобидных: Годунов-Чердынцев в «Даре» вполне серьезно может столь поэтично (sienne brûlée, сепия, гуттаперчевое) рассказывать о цвете своего Ч; автор в «Других берегах» вполне может зафиксировать в слове визуальное сходство буквы Ч с клистирной трубкой[14]. Насмешливый смысл раскрывается в ходе параллельного прочтения, когда в выспреннем и высокохудожественном описании «разоблачается» отнюдь не высокохудожественный смысл: гуттаперчевое (каучуковое, резиновое) = клистирное, sienne brûlée, сепия = цвет экскрементов, извлекаемых с помощью клистирной трубки из организма. *«Перевод» высокого (лексики, смысла) в низкое* – еще один прием, используемый Набоковым при создании колористических пояснений.

Таким образом, кроме традиционных номинаций цветов, цветообозначений по типичному носителю оттенка, кроме не менее традиционных путей создания образных колоративов, у Набокова мы наблюдаем оригинальную хромостезию, а также экстравагантные способы наделения смыслами авторских цветообозначений. Среди этих способов, в частности, возможность нескольких (общеизвестного и специфического) толкований,

[14]Шокирующее сравнение, основанное на визуальном признаке сопоставления, ранее встречалось у А. Мариенгофа в «Бритом человеке» (1929): «купол часовни, похожий на клистир».

вводящая в заблуждение избыточная конкретизация, перевод высоких смыслов и лексики в низкие.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева Е.А., Маслов Н.Н. Поваренная книга русской опытной хозяйки. Б/и, 1912. URL: https://sheba.spb.ru/za/povar-hoz-1912.htm (дата обращения: 12.09.2021).

Андреев В.С. Квантитативное описание индивидуально-авторской метафорической системы Г. Лонгфелло // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3(31). С. 201–210.

Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

Выродова А.С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века: на материале поэтических текстов С.А. Есенина и Н.М. Рубцова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2008. 22 с.

Джонсон Д.Б. Миры и антимиры Владимира Набокова. СПб.: Симпозиум, 2011. 352 с.

Дмитриева К.В. Формирование концепта Цвет в идиостиле В. Набокова, И. Бунина, А. Фадеева // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики: мат-лы Всерос. науч. конф. (14–16 ноября 2007 г.). СПб., 2008. С. 261–264.

Ермаковская Т.А. Лексико-семантическое цвето-световое поле в прозе Б.К. Зайцева: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.

Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2011. 220 с.

Кочетова И.В. Регулятивный потенциал цветонаименований в поэтическом дискурсе серебряного века: на материале лирики А. Белого, Н. Гумилева, И. Северянина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2010. 27 с.

Крамкова О.В. Принципы лексикографического описания колоризмов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 568–571.

Мартьянова Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 56–67.

Набоков В. Строгие суждения М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.

Носовец С.Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. На подступах к «Словарю цветообозначений в лирике Владимира Набокова» // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Т. 20. Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2020a. С. 35–105.

Павлова Л.В., Романова И.В. Неканонические обозначения цвета в «Словаре цветообозначений в лирике Владимира Набокова // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Т. 20. Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2020b. С. 106–122.

Полухина В. Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 372 с.

Прокофьева Л.П. Цветовая символика звука как компонент идиостиля писателя (на материале произведений А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого, В. Набокова): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1995. 19 с.

Пушкин А.С. Рабочие тетради. Т. 1. СПб., Лондон, 1995. 267 с.

Разумкова М.В. Лексико-семантическое поле цвета и света как когнитивно-поэтический феномен: на материале произведений К. Батюшкова и О. Мандельштама: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 26 с.

Рыбальченко Е.А. Колоративная лексика в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.

Соловьев Я.А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855. 486 с.

Спивакова Е.М. Язык цвета в идиостиле А. Блока: автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 24 с.

Стефанов С.И. Названия цвета и его оттенков: толковый словарь-справочник. Более 2000 терминов с английскими эквивалентами. М.: ЛЕНАНД, 2015. 248 с.

Трифонова А.В. Поэтический мир Бродского: Перцептивный аспект: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 19 с.

Тырышкина Е.А. Ассоциативное поле как элемент поэтической картины мира В. Набокова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 23 с.

Харченко В.К. Словарь цвета. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2009. 532 с.

Цегельник И.Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитивно-фунциональный подход: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 22 с.

Шкиль С.В. Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилях И.А. Бунина и М.А. Кузмина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2005. 22 с.

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals // Glottometrics. 2017. Vol. 36. P. 32–69.

Patera Tatiana. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky. New York: The Edwin Mellen Press, 2002–2003.

V.S. Andreev
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Research Associate – Head of the Department of Foreign Languages,
Saint Petersburg State University – Smolensk State University
Saint Petersburg – Smolensk, Russia

L.V. Pavlova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Research Associate – Professor of the Department of Literature and Journalism,
Saint Petersburg State University – Smolensk State University
Saint Petersburg – Smolensk, Russia

I.V. Romanova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Research Associate – Head of the Department of Literature and Journalism,
Saint Petersburg State University – Smolensk State University
Saint Petersburg – Smolensk, Russia

V. Nabokov's Colors: Meanings and Methods of Creation

Dictionaries of color designations give an idea of a color picture of the world belonging to the investigated author. They are a segment of the general panorama of the author's poetic world. These dictionaries usually represent the alphabetical order of tokens denoting color, indicating the number of tokens, as well as quotes from text fragments with links to the source. Vladimir Nabokov

created and over the years maintained the myth of his amazing relationship with color, so the study of his color picture of the world is a special case.

The basis of the research is created by the authors of the article. It is «Dictionary of Color Meanings in the Lyrics of Vladimir Nabokov». The principle of its compilation is based on the «color alphabet» set forth by the writer in two autobiographical versions («Other Shores» and «Speak, Memory: An Autobiography Revisited», as well as in the novel «The Gift», where Nabokov actually presented a reference dictionary of his own color terms and gave color characteristics the form of a dictionary interpretation. Special attention in the article is paid to the most extravagant ways of endowing color meanings. An illustration of these methods is reconstruction of the meanings of the following author's color designations: «Gallic gloss», «Smolensk porridge» and «gutta-percha» – «clyster» – «sienne brûl, sepia».

Key words: *V. Nabokov; color designations; chromosthesia; dictionaries of the poet's colorative vocabulary.*

REFERENCES

Andreev V.S. Quantitative description of the individual metaphorical system of H. Longfellow [Kvantitativnoye opisanie individual'no-avtorskoi metaforicheskoi sistemy G. Longfello]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3 (31), pp. 201–210 (in Russian).

Avdeyeva Ye.A., Maslov N.N. Cookbook of an experienced Russian hostess [Povarennaya kniga russkoi opytnoi khozyaiki]. 1912. *Available at*: https://sheba.spb.ru/za/povar-hoz-1912.htm (accessed 12 September 2021).

Dmitrieva K.V. Formation of the concept of Color in the idiostyle of V. Nabokov, I. Bunin, A. Fadeyeva [Formirovanie kontsepta Tsvet v idiostile V. Nabokova, I. Bunina, A. Fadeeva]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Peterburgsky kontekst rusistiki: materialy vserossiyskoi nauch. konf. (14–16 noyabrya 2007)* [Slovo. Dictionary. Literature: Petersburg context of Russian studies: materials of All-Russian scientific. conf (November 14–16, 2007)]. St. Petersburg, 2008, pp. 261–264. (in Russian).

Dzhonson D.B. Worlds and anti-worlds of Vladimir Nabokov [Miry i antimiry Vladimira Nabokova]. St. Petersburg, Simpozium, 2011. 352 p. (in Russian).

Kharchenko V.K. Color vocabulary [Slovar' tsveta]. Moscow, Maxim Gorky Literature Instutite, 2009. 532 p. (in Russian).

Kochetova I.V. Regulatory potential of color names in the poetic discourse of the Silver Age: based on the lyrics of A. Bely, N. Gumilyov, I. Severyanin. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Regulyativny potentsial tsvetonaimenovany v poeticheskom diskurse serebrianogo veka: na materiale liriki A. Belogo, N. Gumileva, I. Severianina. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Tomsk, 2010. 27 p. (in Russian).

Komarova Z.I., Talapina M.B. Lingvo-color picture of the world: achromatic fragment: monograph [Lingvotsvetovaia kartina mira: akhromatichesky fragment: monografiya]. Ekaterinburg, Ural Federal University, 2011. 220 p. (in Russian).

Kramkova O.V. Principles of lexicographic description of colorisms [Printsipy leksikograficheskogo opisaniya kolorizmov]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2010, no 4(2), pp. 568–571 (in Russian).

Martyanova N.A. «Symbolic» of color designations in Russian linguoculture [«Simvolicheskoye» tsvetooboznacheny v russkoi lingvokul'ture]. *Filologiya i chelovek*, 2013, no 4, pp. 56–67 (in Russian)

Nabokov V. Strict judgments [Strogie suzhdeniya]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2018. 416 p. (in Russian).

Nosovets S.G. Color picture of the world of Vladimir Nabokov in the cognitive-pragmatic aspect: Thesis of cand. of philol. sciences [Tsvetovaya kartina mira Vladimira Nabokova v kognitivno-pragmaticheskom aspekte: avtoref. dis. kand. filol. nauk]. Ekaterinburg, 2002. 24 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Non-canonical color designations in the «Dictionary of Color Designations in the Lyrics of Vladimir Nabokov» [Nekanonicheskie oboznacheniya tsveta v «Slovare tsvetooboznacheny v lirike Vladimira Nabokova»]. *Russkaya filologiya. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta,* interuniversity collection of scientific articles. Vol. 20. Smolensk, Smolensk State University, Svitok, 2020b, pp. 106–122 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. On the approaches to the «Dictionary of Color Designations in the Lyrics of Vladimir Nabokov» [Na podstupakh k «Slovariu tsvetooboznachenii v lirike Vladimira Nabokova»] *Russkaya filologiya. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta,* inter-university collection of scientific articles. Vol. 20. Smolensk, Smolensk State University, Svitok, 2020a, pp. 35–105 (in Russian).

Polukhina V. Dictionary of the Color of Poetry by Joseph Brodsky [Slovar' tsveta poezii Iosifa Brodskogo]. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie, 2016. 372 p. (in Russian).

Prokofeva L.P. Color symbolism of sound as a component of the writer's idiostyle (based on the works of A. Blok, K. Balmont, A. Bely, V. Nabokov): Thesis of candidate. of philol. sciences [Tsvetovaya simvolika zvuka kak komponent idiostilya pisatelya (na materiale proizvedeny A. Bloka, K. Bal'monta, A. Belogo, V. Nabokova): avtoref. dis. kand. fil. nauk]. Saratov, 1995. 19 p. (in Russian).

Pushkin A.S. Workbooks [Rabochie tetradi]. Vol. 1. St. Petersburg, London, 1995. 267 p. (in Russian).

Razumkova M.V. The lexico-semantic field of color and light as a cognitive-poetic phenomenon: based on the works of K. Batyushkov and O. Mandelstam. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Leksiko-semanticheskoye pole tsveta i sveta kak kognitivno-poeticheskiy fenomen: na materiale proizvedeny K. Batyushkova i O. Mandel'shtama. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Tyumen, 2009. 26 p. (in Russian).

Rybalchenko Ye.A. Colorative vocabulary in the language of the novel by M.A. Sholokhov «Quiet Don». Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Kolorativnaya leksika v yazyke romana M.A. Sholokhova «Tikhy Don». Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Moscow, 2011. 20 p. (in Russian).

Shchkil S.V. Coloring as a stylistic category in I.A. Bunin and M.A. Kuzmina. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Kolorativ kak stilisticheskaya kategoriya v liricheskikh idiostiliakh I.A. Bunina i M.A. Kuzmina. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Petrozavodsk, 2005. 22 p. (in Russian).

Solovev Ya.A. Agricultural statistics of the Smolensk province [Sel'skokhoziaistvennaya statistika Smolenskoi gubernii]. Moscow, 1855. 486 p. (in Russian).

Spivakova Ye.M. The language of color in A. Blok's idiostyle. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Yazyk tsveta v idiostile A. Bloka. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Vladivostok, 2009. 24 p. (in Russian).

Stefanov S.I. Names of color and its shades: explanatory dictionary-reference. More than 2000 terms with English equivalents [Nazvaniya tsveta i yego ottenkov: tolkovy slovar'-spravochnik. Boleye 2000 terminov s angliyskimi ekvivalentami]. Moscow, LENAND, 2015. 248 p. (in Russian).

Trifonova A.V. Brodsky's poetic world: Perceptual aspect. Thesis for the degree of candidate of philological sciences [Poeticheskiy mir Brodskogo: Pertseptiny aspekt. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Smolensk, 2014. 19 p. (in Russian).

Tsegelnik I.Ye. The color picture of the world of Joseph Brodsky: a cognitive-functional approach. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Tsvetovaya kartina mira Iosifa Brodskogo: kognitino-funtsional'ny podkhod. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Rotov-on-Don, 2007. 22 p. (in Russian).

Tyryshkina Ye.A. Associative field as an element of V. Nabokov's poetic picture of the world: Abstract of thesis of cand. of philol. sciences [Assotsiativnoye pole kak element poeticheskoi kartiny mira V. Nabokova: avtoref. dis. kand. filol. nauk]. Barnaul, 2002. 23 p. (in Russian).

Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. Color and color names in Russian [Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke]. Moscow, KomKniga, 2005. 216 p. (in Russian).

Vyrodova A.S. The linguoculturological space of coloratives in the Russian poetic discourse of the first half of the 20th century: based on the poetic texts of S.A. Yesenin and N.M. Rubtsov. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences. [Lingvokul'turologicheskoye prostranstvo kolorativov v russkom poeticheskom diskurse pervoi poloviny XX veka: na materiale poeticheskikh tekstov S.A. Yesenina i N.M. Rubtsova. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Belgorod, 2008. 22 p. (in Russian).

Yermakovskaya T.A. The lexico-semantic color-light field in the prose of B.K. Zaitsev. Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences [Leksiko-semanticheskoye tsveto-svetovoye pole v proze B.K. Zaitseva. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk]. Moscow, 2011. 22 p. (in Russian).

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals. *Glottometrics*, 2017, vol. 36, pp. 32–69 (in English).

Patera Tatiana. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky. New York, The Edwin Mellen Press, 2002–2003 (in English).

А.Ю. Стрыгин

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия

УДК 82.091

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-62-74

СЕНСОРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Р. БРУКА В ПЕРЕВОДАХ В.В. НАБОКОВА: СИНЕСТЕЗИЯ И МЕТАФИЗИКА

Ключевые слова*: В. Набоков; Р. Брук; сенсорная образность; русская литература; английская литература; синестезия; синестетическая метафора; переводческие трансформации.*

Цель исследования – проведение комплексного компаративного анализа двенадцати стихотворений Р. Брука в переводах В.В. Набокова. В статье раскрываются биографические, стилистические, мировоззренческие и интертекстуальные параллели между двумя авторами и их произведениями. Демонстрируются художественные особенности переводов в контексте восприятия Набоковым творческой личности Брука: 1) Набоков выделяет у Брука концепт «потусторонности», который впоследствии будет многократно осмысляться Набоковым в собственных произведениях; 2) при характеристике поэзии Брука Набоков делает акцент на сенсорных образах; 3) в процессе переводческих трансформаций Набоков детализирует и метафоризирует эстетику чувственного восприятия оригиналов. Акцентируется внимание на структурном анализе сенсорных образов оригиналов в сравнении

с текстами переводов и с учетом особой роли колористики художественных образов Брука и Набокова.

Ранние поэтические опыты В.В. Набокова сыграли значительную роль в его эволюции как общепризнанного мастера прозы. Набоков воспитывался с пониманием поэзии как высшей разновидности литературы и окончательно обратился к прозе только после того, как написал около тысячи стихотворений. Путь к прозе через поэзию не являлся необычным для набоковского поколения русских писателей (А. Платонов, Ю. Олеша, К. Вагинов), однако, в отличие от многих своих современников, Набоков обладал гораздо более классическим, отчасти даже архаическим для 1920-х годов вкусом, вокабуляром и тематическим репертуаром и до определенного момента усиленно отворачивался в своих стихах от «морды модернизма» [Долинин, 2004, *11*]. Это одна из причин, по которой первые сборники писателя («Гроздь» 1922 года и «Горний путь» 1923 года), выходившие под псевдонимом В. Сирин, встретили неоднозначный прием критиков. Многие (Г. Хохлов, Г. Адамович, Ю. Айхенвальд) в той или иной форме отмечают подражательность, переходящую во вторичность. В качестве источников называются Пушкин, Фет, Тютчев, Бунин, Блок [Айхенвальд, 1923]. Г. Струве указывает на отличие поэтической генеалогии зрелой поэзии Набокова от первых сборников: в стихах юного писателя много «староверства», тогда как в более поздних произведениях уже можно найти отсылки к образам Пастернака, Ходасевича или Мандельштама. Значительный вклад в исследование стихотворного наследия Набокова (в том числе его первых сборников) внесли авторы предисловий к отечественным изданиям набоковской поэзии: В. Федоров и М.Э. Маликова [Набоков, 1991; Набоков, 2002, *5–52*]. Развернутый анализ набоковской поэзии в контексте поэтических традиций XIX века и в соотнесенности с творчеством современников и предшественников был предпринят П.М. Малофеевым [Малофеев, 1996]. Д.А. Мухачев и Е.К. Беспалова рассматривали отдельные ранние стихотворения Набокова с точки зрения их принадлежности к «петербургскому тексту» [Мухачев, 2012; Беспалова, 2016].

Начиная с середины 1920-х годов Набоков уходит от юношеского «староверства» и начинает характеризовать свой стиль как «транс-групповой», подразумевая активный синтез классики XIX века и элементов символизма, акмеизма и футуризма [Долинин, 2004, *13–14;* Набоков, 2002, *24–25*]. Важным фактором в трансформации творческого «старообрядчества» молодого Набокова в многогранную синтетическую поэтику стал ряд переводов, выполненных в этот период. В 1922 году выходит перевод повести Р. Роллана «Кола Брюньон», в 1923 году – «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла («Николка Персик» и «Аня в Стране чудес» у Набокова). Работая над поисками эквивалентов английских и французских каламбуров и иронических интонаций, Набоков оттачивал легкий, гибкий, подвижный слог, который в будущем будет характеризовать его как романиста. В 1921 году Набоков

пишет эссе о Руперте Бруке (1887–1915), которое сопровождалось набоковским переводом двенадцати стихотворений Брука. Этот переводческий опыт также стал важным моментом формирования художественно-образной системы оригинального творчества Набокова. На наш взгляд, одну из важнейших ролей в набоковской переводческой трактовке стихотворений Брука играет передача и трансформация их сенсорной образности и эстетики (образная передача цветов, звуков, запахов, вкусов и тактильных ощущений) и ее роль в образном структурном ряду стихотворений.

Набоков и Брук: стилистическая общность. Компаратив «Набоков – Брук» обусловлен рядом факторов, и в первую очередь тем, что стиль Брука произвел на Набокова сильное впечатление – это находит свое отражение в ранних сборниках последнего. В те годы Набоков-читатель не отворачивается от модернизма полностью (в число любимых авторов входят Дж. Джойс и М. Пруст), но из современных английских поэтов он выделяет именно «академистов»-георгианцев, у которых викторианский традиционализм сочетался с отсутствием религиозно-философской проблематики А. Теннисона и Браунинга или аллюзийной сложности Т. Элиота и Э. Паунда [Набоков, 1964]. Георгианское движение относится к предмодернистскому этапу развития английской поэзии (первая четверть XX века). Главным достижением считается одноименная серия антологий «Георгианская поэзия» («Georgian poetry»), издававшаяся единомышленниками Р. Брука с целью сделать новую поэзию более доступной широкой публике. Для первых сборников характерны романтизм и сентиментализм, медитативная пасторальность, гедонистические настроения и приближенный к модернистскому вызов нормам поэзии XIX века. Несмотря на относительный консерватизм, первые сборники поэтов-георгианцев привнесли новую перспективу в английскую поэзию. Последующие антологии лишены подобного новаторства и в этом отношении лишь сильнее контрастируют с выдвинувшимся в литературе на первый план модернизмом.

Набоков в кембриджский период «был очень увлечен» георгианской поэзией, свидетельства чему можно найти в автобиографических романах «Память, говори» и «Другие берега», а также в письме к Э. Уилсону 1942 года, где он упоминает, что «структура» стихотворений его сборника «Горний путь» (1923) была «под сильным влиянием георгианских поэтов, Руперта Брука, де ла Мара и прочих» [The Nabokov-Wilson Letters, 1979]. Набоков, очевидно, говорит не обо всей плеяде авторов, публиковавшихся в антологии «Георгианская поэзия», а подразумевает «академическую» сторону этого движения, противопоставляя ее растущему влиянию модернизма [Набоков, 2002, *17–18*]. Такое противопоставление перекликается с внутренним конфликтом Набокова-поэта того периода: как автор, он также чувствовал эстетическую необходимость обращения к традиционным формам, но в то же время уже не мог игнорировать влияния модернистской парадигмы. Этот резонанс в некоторой

степени объясняет упомянутое влияние «георгианцев» на его первые поэтические сборники.

Глазами синестета: эстетика сенсорного восприятия в произведениях Брука. Мы считаем, что при сопоставлении Брука и Набокова одним из важнейших аспектов анализа является сравнение сенсорной образности оригиналов и переводов[1]. Сенсорная эстетика была особенно важна для Набокова как для синестета. Синестезия – когнитивный феномен, при котором стимуляция какой-либо сферы чувственного восприятия человека и соответствующие ей ощущения вызывают параллельные переживания, не соответствующие данному стимулу [Rogowska, 2011]. Одной из важнейших характеристик феномена является его индивидуальность: не существует двух синестетов с абсолютно идентичным восприятием, хотя исследователи обращают внимание на наличие статистически значимых тенденций среди синестетов с одним типом синестезии [Cytowic, 1995]. Важность исследований синестезии признают авторитетные специалисты нейрокогнитивного направления. Американский нейрофизиолог В. Рамачандран в отношении врожденной синестезии делает следующее заключение: «…этот маленький причудливый феномен не только проливает свет на нормальный процесс обработки сенсорной информации, но и показывает извилистую дорогу, приводящую к наиболее загадочным аспектам нашего сознания, таким как абстрактное и метафорическое мышление. Синестезия может пролить свет на то, какие особенности строения человеческого мозга и генетические особенности лежат в основе важных аспектов творчества и воображения» [Сидоров-Дорсо, Дэй, 2019].

У Набокова была графемно-цветовая синестезия, при которой буквы вызывают у синестета ощущение цвета. В романе «Дар» писатель акцентирует внимание на комплексной природе своей синестезии: «…цветное ощущение создается, по-моему, осязательным, губным, чуть ли не вкусовым чутьем. Чтобы основательно определить окраску буквы, я должен букву просмаковать, дать ей набухнуть или излучиться во рту, пока воображаю ее зрительный узор». Он также указывает на важность зрительного восприятия очертаний буквы для формирования ее цветового впечатления [Набоков, 1990]. В своей первой поэме «Светлая осень» Набоков, по сообщению Б. Бойда, впервые описал свой «цветной слух» (audition colorée, первое официальное название такого типа восприятия) – при этом не только цвет букв, как в «Даре» и автобиографии, но и более общее проявление синестезии – соотнесение определенных букв с разнообразными визуальными впечатлениями [Набоков, 2002, *14*]. Подобные разновидности синестезии также

[1]Существуют исследования, посвященные методам и проблемам репрезентации синестезии в оригинальных и переводных текстах многих писателей и поэтов, в том числе И.А. Бунина [Фененко, 2019], М.И. Цветаевой [Кубракова, 2013] и В.В. Набокова [Новикова, 2019]. На наш взгляд, анализ сенсорной образности в переводах Брука за авторством Набокова поможет углубить понимание этого аспекта в творчестве обоих авторов.

называют идеастезией, поскольку в данном случае триггером синестетического восприятия цвета является структурная сложность концепта графемы (в противоположность однородности сенсорного переживания). В интервью П. Дювалю-Смиту Набоков связывает свое внимание к цвету в художественных произведениях с синестезией [Набоков, 1962]. Однако Набоков не ограничивается «любовью к цвету» и в своих книгах много работает с разными типами сенсорной образности.

В эссе о Бруке Набоков обращает внимание на важность сенсорной образности в творчестве английского поэта: «…разноцветность его настроений зависит отчасти от того, что он как-то не успел разобраться в богатствах своих, не успел при жизни слить все краски земли в единый цвет, в сияющую белизну». Как можно заметить, характеристика поэзии Брука основывается на зрительной (цветовой и световой) образности. В другом фрагменте эссе Набоков описывает свое видение поэзии Брука при помощи не только зрительных, но и тактильных и звуковых образов: «...в его творчестве есть редкая пленительная черта: какая-то сияющая влажность... Эта тютчевская любовь ко всему струящемуся, журчащему, светло-студеному...». «Светло-студеное» – характерное для Набокова метафорическое сопряжение двух аспектов восприятия, характеристика одного через другое, в данном случае – восприятия температуры («студеное») через зрительный стимул («светло-»). Подобная сенсорная характеристика поэзии свойственна многим критическим работам Набокова. В его рецензиях можно встретить такие эпитеты, как «великолепно-звонкие» стихи (о сборнике А. Салтыкова) и стихотворная строка, «насыщенная музыкой» (о стихах С. Кречетова). В восприятии Набокова особая синтаксическая структура Б. Божнева передает «музыкально-воздушные повороты воды», в его стихах «есть и мысль, и пение, и цельность», стихам Фицджеральда свойственна «выразительная и вместе с тем воинственная музыка», а стихотворение С. Черного «катится нежно-гуттаперчевой музыкой». Рецензия «Владислав Ходасевич» полна звуковой символики: «Пушкинский певучий вопль (я говорю только о звуке – о лепете первой строки, о вздохе второй) является как бы лейтмотивом многих стихов Ходасевича… Замечательна музыка стихотворения “Мельница”… Описать певучий говорок этого стихотворения невозможно». Говоря о стихах Бунина, Набоков делает следующее замечание: «…Уловляя световую гармонию в природе, поэт преображает ее в гармонию звуковую, как бы сохраняя тот же порядок, соблюдая ту же череду» (цит. по: [Глазунова, 2012]).

Биография Брука как ключ к «потусторонности». При анализе сенсорных образов стихотворений Брука в переводе Набокова следует учитывать также историко-биографический контекст. После бегства из революционной России и поступления в Кембриджский университет Набоков начинает осмысление своего пути как билингвального писателя-эмигранта. Вспоминая этот

период, Набоков создает образ ностальгирующего изгнанника, одиночки, разочарованного Кембриджем и избегающего влияния английской культуры. Д. Бартон Джонсон, однако, справедливо отмечает, что, как бы ни был молодой поэт погружен в воссоздание образа России, изолировать себя от англоязычной литературы в Кембридже сложно [Nabokov and his fiction: new perspectives, 1999, *177–197*]. В те годы Дж.Б. Шоу, Г.Дж. Уэллс (один из любимых писателей Набокова того периода) были на пике популярности, но в особенности – Р. Брук, закончивший Кембридж несколькими годами ранее. Брук был известен в высших кругах английского общества как подающий надежды поэт и публицист, однако настоящая слава пришла к нему лишь после смерти в 1915 году от отравления крови во время Дарданелльской операции английского флота. Брук в короткое время достиг культового статуса в Англии и был все еще крайне популярен в период пребывания там Набокова. Всеобщее посмертное признание Брука напомнило Набокову столь знакомую романтическую канонизацию Пушкина и Лермонтова на Родине. Отвергнутый новой Россией, чужой в Англии, которая оказалась совсем не похожа на идеальный образ из детства, Набоков увидел в Бруке фигуру поэта, которой мог безоговорочно восхищаться. Ранняя смерть Брука также вызывала ассоциации с героической гибелью друга детства Юрика Рауша фон Траубенберга (1897–1919), офицера деникинской армии. Смерть внезапно превратилась для Набокова из абстракции во что-то реальное, что нашло отражение в его осмыслении стихов Брука.

Набоков видит в Бруке визионера, мистика, он выделяет у него тему смерти и впервые в связи с ней использует в своем эссе слово «потусторонность» («Ни один поэт так часто, с такой мучительной и творческой зоркостью не вглядывался в сумрак потусторонности») [Набоков, 1922]. Смерть отца тремя годами позднее лишь закрепит в произведениях Набокова ощущение двоемирия, оппозиции «там – тут». Эта тема, по выражению Веры Набоковой, «как некий водяной знак, символизирует все его творчество» (цит. по: [Долинин, 2004, *33*]). Сенсорная образность является продуктивной основой для построения бинарных оппозиций (свет – тьма, шум – тишина), которые особенно важны для компаратива «Брук – Набоков» в контексте интереса русского писателя к метафизической концепции «потусторонности» в творчестве англичанина. Противопоставление «тут – там» в творчестве Набокова впоследствии становится референцией двоемирия и даже в его более поздней русской прозе выражается в синтаксических конструкциях, напоминающих парафразы стихов Брука: «Там, там – оригинал тех садов, где мы тут бродили, скрывались; там все поражает своею чарующей очевидностью, простотой совершенного блага; там все потешает душу, все проникнуто забавностью, которую знают дети; там сияет то зеркало, от которого иной раз сюда перескочит зайчик» («Приглашение на казнь»). С другой стороны, любовь Брука к деталям в описаниях реального мира трансформировалась у Набокова в «проецирование» сенсорных, полных конкретики образов на мир потусторонний, благодаря

чему уже в сборнике «Горний путь» Христос перед смертью «с умиленьем сладостным и острым» вспоминает «домик в переулке пестром, / и голубей, и стружки на полу» («На Голгофе»), в раю пахнет как «на даче – в первый день» («И в Божий рай пришедшие с земли...»), а у апостола Петра руки «пахнут еще Гефсиманской росою и чешуей Иорданских рыб» («Когда я по лестнице алмазной...») (цит. по: [Набоков, 2002, *19*]).

Сенсорные образы Брука и трансформации Набокова: «хроматизация» и детализация. В кембриджский период Набокова восприятие творческой личности Брука стало для молодого писателя важным фактором адаптации в иноязычном и инопоэтическом пространстве. Чтение, переводы и процесс написания эссе об англичанине повлияли на первые поэтические сборники русского поэта-эмигранта и сыграли определенную роль в формировании его метафизических взглядов (например, концепции «потусторонности»). Набоков-синестет акцентирует сенсорную образность в эссе о Бруке как важный компонент восприятия его творчества. В нашем исследовании мы проанализируем двенадцать стихотворений Брука, которые были полностью переведены В. Набоковым на русский язык: «Heaven», «Dust», «Clouds», «The Dead IV», «The Soldier», «The Call», «Menelaus and Helen», «The Voice», «Home», «The Jolly Company», «Failure», «The Vision of the Archangels».

Стихотворение «Heaven», очень важное для осмысления темы «здесь – там» («here – after») у Брука, является иронической аллегорией классической платоновской оппозиции «видимый нам мир – мир идеальной реальности», в данном случае: мир рыб – райский «Вечный ручей», безопасный и полный добычи. У Набокова в начале стихотворения вместо образного ряда Брука («deep wisdom dark or clear») возникает синестетическая метафора («влажный свет»), которая повторяется в конце перевода, «закольцовывая» текст переводного стихотворения. Набоков дополняет описание «божественной» справедливости «рыбьего рая» отсутствующим в оригинале образом, построенным на восприятии цвета и яркости: «Там тина золотом горит». Таким образом, в метафизической системе координат стихотворения «идеальный» мир Набоков отождествляет со «светом». В конце оригинального стихотворения можно найти лексическую анафору («And mud, celestially fair; / <…> / And the worm that never dies. / And in that Heaven of all their wish…»). Набоков выбирает для анафоры слово «там» и увеличивает число повторений до семи, что тоже фокусирует внимание читателя на оппозиции «там – тут».

Стихотворение «Dust», как и «Heaven», написано четырехстопным ямбом, сохраненным Набоковым в русском варианте. Его перевод в значительной степени приближен к буквальности, и практически каждый сенсорный образ Брука находит адекватное отражение в переводе. В этом стихотворении тема «потусторонности» и двоемирия появляется у Брука не как

абстракция, а как попытка осмысления смерти близких. Этот важный для Набокова в тот период мотив позднее получит развитие в том числе в «Подлинной жизни Себастьяна Найта», где протагонист чувствует «присутствие» в своей жизни мертвого брата, чью биографию пишет. В этом романе, как и во многих других произведениях Набокова, есть автобиографические моменты: на книжной полке Себастьяна стоит книга Руперта Брука. Внимание Набокова в стихотворении «Dust» должна была также привлечь кульминация, где любовь, преодолевающая границу между этим и тем миром, описывается как близкий Набокову образный синтез разных модальностей сенсорного восприятия: «Singing, or flame, or scent, or hue» («огонь ли, музыка, иль цвет, / иль благовонье…»). Еще один значимый момент в описании этого «междумирья» – при переводе строк «And every mote, on earth or air, / Will speed and gleam…» использована универсальная оппозиция «тут – там» («И станет каждая пылинка, / блестя и рея тут и там»), что подчеркивает «потусторонность» как лейтмотив набоковской переработки творчества Брука. Этот концепт творческого мира Брука оставался с Набоковым вплоть до его последнего романа, «Смотри на арлекинов». Главного героя романа, Вадима, сравнивают с Бруком из-за внешности, а в написанном Вадимом стихотворении «Влюбленность» есть следующие строки: «Напоминаю, что влюбленность / Не явь, что метины не те, / Что может быть потусторонность / приотворилась в темноте» (цит. по: [Nabokov and his fiction: new perspectives, 1999, *190–191*]).

В связи с колористикой текстов оригинала в сравнении с переводами обращает на себя внимание ахроматичность цветовой палитры стихотворений Брука. Ахроматические цвета (черный, белый, серый и все их возможные оттенки) характеризуются только светлотой или яркостью, в отличие от хроматических цветов, которые также можно охарактеризовать через их тон и насыщенность. В 12 оригинальных стихотворениях можно выделить 41 случай употребления лексических единиц, задействующих ахроматическую цветовую образность; хроматических цветов значительно меньше (6 случаев использования). При подсчете к ахроматическим образам были также отнесены оппозиции «свет – темнота», «яркий – темный» и все их возможные вариации («блеск», «тусклый» и т.п.). Несмотря на то, что такие лексические единицы не называют ахроматический цвет как таковой, мы считаем, что они также важны для анализа колористики стихотворений, поскольку косвенно или напрямую характеризуют главный параметр ахроматических цветов – степень яркости.

Подобная цветовая палитра полностью соответствует данной Набоковым в своем эссе характеристике Брука как певца «двоемирия» и «потусторонности»: «Странная нежность глубины смягчает потонувшие в ней краски, раздробляет черный цвет на его составные оттенки… тысячи тысяч

оттенков, цветущих между тьмой и тьмой» [Набоков, 1922]. Набоков-переводчик сохранил ахроматическую палитру оригинальных произведений (40 случаев использования соответствующих лексических единиц в переводах), при этом почти в два раза увеличив количество хроматических цветов (10 лексических единиц). К примеру, в стихотворении «The Voice» Набоков при переводе заменяет «ночь» на «сумрак синий» – сочетание близкого к ахроматическому черному цвету «сумрака» и хроматического «синего», которое содержит аллитерацию, равно как и анаграмму псевдонима Набокова в тот период (Сирин). Подобные анаграммы, как и многие другие способы кодировки авторского присутствия в тексте, станут отличительной чертой творчества Набокова [Nabokov and his fiction: new perspectives, 1999, *15–35*].

«Хроматизацию» образности Брука можно наблюдать также в переводе стихотворения «The Dead: IV». Брук использует для описания неба эпитет «rich», обладающий множеством значений, однако переводчик выбирает гораздо более детализированный вариант – «под небом сладостно-лазоревым». Этот образ сочетает восприятие хроматического цвета («лазоревым») и характеризующую этот цвет эмоционально окрашенную лексическую единицу «сладостно». В переводе стихотворения «Home» Набоков вводит вместо «firelight» («свет камина») значительно более богатый с точки зрения восприятия цвета образ («рубины тлеющих огней»). Сюжет этого стихотворения – еще один из примеров проявления важной для Набокова темы «потусторонности» в творчестве Брука. При этом ощущение «двоемирия» возникает у лирического героя именно за счет зрительного восприятия света и тени: «игра пустая, световая», «теней узоры».

Прославивший Брука сонет «Солдат» («The Soldier») является обращением к потустороннему бытию «по ту сторону», сочетающимся с сенсорным восприятием мира в системе образов Брука, столь заворожившей молодого Набокова. Перевод «made aware» (буквально – «пробудила сознание») как «чувства тонкие / Она дала» акцентирует внимание на сенсорном восприятии. Далее, как уже отметил Д. Бартон-Джонсон, Набоков переводит оригинал, придавая ему нюансы мистического мироощущения: к примеру, «eternal mind» («вечный разум») превращается в «Разум Божественный» [Там же, *177–196*]. Но наиболее интересную трансформацию претерпевает концовка стихотворения, где Набоков делает то, что потом доведет до совершенства в своем творчестве, а именно – детализирует любое впечатление, добавляет ему индивидуальности, конкретности. Набоков превращает «sights» (виды, взгляды) в «цвета», «sounds» – в «напевы», «dreams happy» («мечты счастливые») становятся у него гораздо более конкретным образом («рой мыслей золотистый»). При этом снова, как и в переводе «Heaven», для описания абстрактного потустороннего бытия Набоков использует яркий

хроматический цвет. Еще одна важная трансформация – появление отсутствовавшей у Брука характеристики Англии через образ «тиши ее душистой», который сочетает звуковое и обонятельное восприятие.

Стихотворение «The Call» Брука тематически очень близко рассмотренному нами ранее «Dust», однако здесь появляется мотив любви, бросающей вызов естественному ходу жизни. Брук транслирует свое восприятие любви как могущественной силы через сенсорные образы, которые умножаются и усиливаются в переводческой трансформации Набокова: нейтральное «strong» (сильно) по отношению к любви превращается в «огненной любовью». Переводчик превращает «ряды испуганных звезд» («ranks of frightened stars») в «гул испуганных светил», внося в поэтическую образность оригинала звуковой компонент. Строка «And darkness falls, with scornful thunder» в оригинале сочетает лишь восприятие света («darkness» – «темнота») и звука («thunder» – «гром»), тогда как Набоков добавляет восприятие температуры («холодный гром»), создавая синестетическую метафору благодаря искусно подобранному эпитету для замены английского «scornful» – «презрительный». В стихотворении «Dust» Брук описывает фразой «in light, to light» пограничное состояние душ влюбленных, которые одновременно существуют в нескольких реальностях. При переводе «The Call» Набоков использовал симметричную конструкцию («в темноту из темноты») для описания Смерти, трансформируя оригинальную строку «through all the dark infinity» («сквозь всю темную бесконечность»).

Набоков расширяет образную систему стихотворения «The Jolly Company» («Веселая компания»). Строка «In his lone obscure distress» («в смутном горе одиноком») у Набокова звучит как «в сумраке немом» – таким образом, эмоциональные состояния описываются на «языке» сенсорики. При трансформации Набоков вводит восприятие температуры, («straying late and lonely» становится «Было поздно, было скучно, было холодно»), а две полностью принадлежащие ему строки («Светом нежности взаимной, // светом радостей живых») метафоризируют зрительное восприятие (свет как метафора добра). Один из немногих случаев, когда Набоков опускает построенную на чувственном восприятии метафору Брука, можно обнаружить в переводе стихотворения «Menelaus and Helen». Набоков переводит «And her golden voice / Got shrill as he grew deafer» как «И голос у царевны / ужасно резок стал, а царь – ужасно глух», не сохранив при этом синестетическую метафору оригинала («golden voice» – «золотой голос»).

* * *

Кембриджский период Набокова не только стал основой для множества автобиографических фрагментов его романов, но также отмечен знакомством молодого русского писателя с творчеством Брука – поэта, чье влияние на свои первые стихотворные опыты Набоков сам признавал позднее, пусть и с оговоркой, что в более зрелом возрасте уже не назвал бы его среди любимых авторов.

Эссе о Бруке и переводы его стихотворений авторства Набокова акцентируют внимание на сенсорной образности и метафизической концепции двоемирия. Компаративный анализ оригиналов стихотворений и их переводов выявил, что Набоков тщательно сохраняет (а в некоторых случаях расширяет) эти значимые компоненты образной системы Брука. Речь идет не только о появлении новых, но и об «углублении» и конкретизации образов, присутствующих в оригинале. Эти переводы позволяют обратить внимание на одну из точек зарождения знаменитого набоковского стиля, для которого характерно сочетание многоуровневой сенсорной образности с вариациями фонетического параллелизма, ассонанса, аллитерации и других приемов. Эстетика детализации и метафоризации чувственного восприятия служит способом акцентирования концепта «потусторонности», который в оригинальных произведениях был не столь проработанным, но стал для Набокова одним из ключевых аспектов в понимании Брука и переводческой трансформации его произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1923. 28 января.

Беспалова Е.К. Петербургский и крымский мифы в поэзии Набокова: генезис и корреляция // Вопросы русской литературы. 2016. № 2. С. 12–21.

Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004.

Глазунова С.И. Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1.

Кубракова Е.А. Феномен синестезии в лирике М.И. Цветаевой: особенности трансформации интермодальных образов в переводах на английский язык // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 20. С. 234–248.

Малофеев П.Н. Поэзия Владимира Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996. 19 с.

Мухачев Д.А. Петербург в ранней поэзии В. Набокова // Филология и человек. 2012. № 2.

Набоков В.В. Руперт Брук // Грани: литературный альманах. 1922. Кн. 1. С. 212–231.

Набоков В.В. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 477 с.

Набоков В.В. Стихотворения / сост., подгот. текста, коммент. М.Э. Маликовой. СПб.: Академический проект, 2002. 674 с.

Набоков В.В. Стихотворения и поэмы / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В.С. Федорова. М.: Современник, 1991. 572 с.

Новикова Е.И. Взаимодействие метафоры, сравнения и синестезии как способ достижения образности в рассказах В. Набокова «Нежить» и «Слово» (на материале русского и немецкого языков) // Культурные коды зарубежной литературы: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Г.Г. Ишимбаева. Уфа, 2019. С. 101–109.

Сидоров-Дорсо А.В., Дэй Ш.Э. Синестезия: мнения и перспективы. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. 277 с.

Фененко Н.А. Семантическая синестезия в тексте оригинала и перевода // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 94–99.

Cytowic R.E. Synesthesia Phenomenology And Neuropsychology // A Review of Current Knowledge PSYCHE. 1995. 2(10).

Nabokov and his fiction: new perspectives / ed. by Julian W. Connolly. Cambridge University Press, 1999.

Rogowska A. Categorization of Synaesthesia // American Psychological Association. 2011. Vol. 15, No. 3. P. 213–227.

The Nabokov-Wilson Letters: Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson, 1940–1971 / ed. by Simon Karlinsky. New York and London: Harper & Row, 1979. xii, 346 p.

Набоков В.В. Интервью журналу «Playboy», 1964 г. // Playboy. 1964. Январь. URL: http://reprints.longform.org/playboy-interview-vladimir-nabokov (дата обращения: 18.05.2020).

Набоков В.В. Интервью Питеру Дювалю-Смиту, 1962, июль. URL: http://lib.ru/NABOKOW/Inter02.txt (дата обращения: 21.07.2020).

A.Yu. Strygin
Master of Linguistics,
Postgraduate Student,
Department of Language and Literary Studies,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

Sensory Imagery in Rupert Brooke's Poems Translated by Vladimir Nabokov: Synesthesia and Metaphysics

The goal of the research paper is a comparative analysis of Rupert Brooke's twelve poems and their translations by Vladimir Nabokov. The article deals with biographical, stylistic, metaphysical and intertextual details connecting two writers and their works. The research underlines the following artistic features of translations with reference to Nabokov's perception of Brooke's creative personality: 1) Nabokov emphasizes the «other-world» concept in Brooke's poetry; subsequently this topic has been continually conceptualized in Nabokov's later prose; 2) Nabokov's analysis of Brooke's poetry accentuates sensory imagery; 3) Nabokov's translation expands and elaborates on the originals' sensory aesthetics and metaphorical structure. Sensory imagery in Brooke's poems is structurally compared to the translations with due consideration of coloristics in both writers' works.

Key words: *Nabokov; Brooke; sensory imagery; Russian literature; English literature; synesthesia; synesthetic metaphor; lexical transformation in translation.*

REFERENCES

Aykhenvald Y. Literary notes [Literaturnye zametki]. *Rul*, January 28, 1923 (in Russian).

Bespalova Ye.K. Myths of Saint Petersburg and Crimea in Nabokov's poetry: genesis and correlation [Peterburgsky i krymsky mify v poezii Nabokova: genezis i korreliatziya]. *Voprosy russkoi literatury*, 2016, no. 2, pp. 12–21 (in Russian).

Dolinin A. The real life of Sirin, the writer: Works on Nabokov [Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: raboty o Nabokove]. St. Petersburg, Akademichesky proyekt, 2004 (in Russian).

Fenenko N.A. Semantic synesthesia in the source text and in the target text [Semanticheskaya sinesteziya v tekste originala i perevoda]. *Vestnik VGU. Lingivstika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2019, no. 2, pp. 94–99 (in Russian).

Glazunova S. Colour and sound as a component of Vladimir Nabokov's literary criticism [Tzvet i zvuk kak komponenty kriticheskih rabot Vladimira Nabokova]. *Vestnik KGU*, no. 1, 2012 (in Russian).

Kubrakova Ye.A. The phenomenon of synesthesia in M. Tsvetaeva's lyricism: the transformation of intermodal imagery in English translations [Fenomen sinestezii v lirike M.I. Tsvetaevoi: osobennosti transformatsii intermodal'nykh obrazov v perevodakh na angliysky yazyk]. *Vestnik RGGU: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya*. 2013, no. 20 (121), pp. 234–248 (in Russian).

Malofeyev P. Vladimir Nabokov's poetry [Poeziya Vladimira Nabokova]. Ekaterinburg, Ural State University, 1996. 19 p. (in Russian).

Mukhachev D. Saint Peterburg in Nabokov's early poetry [Peterburg v ranney poezii V. Nabokova]. *Filologiya i chelovek*, 2012, no. 2 (in Russian).

Nabokov V. «Playboy» interview, 1964. *Available at:* http://reprints.longform.org/playboy-interview-vladimir-nabokov (accessed 18 May 2020).

Nabokov V. Collected writings in four volumes, Vol. 2 [Sobraniye sochineniy v chetyrieh tomakh, T.2]. Moscow, Pravda, 1990. 477 p. (in Russian).

Nabokov V. Interview with Peter Duval Smith, July 1962. *Available at:* http://lib.ru/NABOKOW/Inter02.txt (accessed 7 July 2020).

Nabokov V. Poems [Stikhotvoreniya]. St. Petersburg, Akademichesky proyekt, 2002. 674 p. (in Russian).

Nabokov V. Poems and verses [Stikhotvoreniya i poemy]. Moscow, Sovremennik, 1991. 575 p. (in Russian).

Nabokov V. Rupert Brooke [Rupert Bruk]. *Grani: literaturny almanakh*, 1922, Book 1, pp. 212–231 (in Russian).

Novikova Ye.I. The interaction of metaphor, comparison and synesthesia as a way to achieve imagery in Nabokov's stories «The Undead» and «The Word» (based on Russian and German) [Vzaimodeystvie metafory, sravneniya i sinestezii v rasskazakh V. Nabokova «Nezhit'» i «Slovo» (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov]. *Kul'turniye kody zarybezhnoi literatury: sbornik statei III Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Cultural Identities of Foreign Literature: A collection of articles from the 3rd National Research and Practice Conference]. Bashkir State University, Ufa, 2019, pp. 101–109 (in Russian).

Sidorov-Dorso A., Day S.A. Synesthesia: opinions and perspectives [Sinesteziya: mneniya i perspektivy]. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), 2019. 277 p. (in Russian).

Cytowic R.E. Synesthesia phenomenology and neuropsychology. *A Review of Current Knowledge PSYCHE*, 2(10), 1995 (in English).

Nabokov and his fiction: new perspectives. Edited by Julian W. Connolly. Cambridge University Press, 1999 (in English).

Rogowska A. Categorization of synaesthesia. *American Psychological Association*, 2011, vol. 15, no. 3, pp. 213–227 (in English).

The Nabokov-Wilson Letters: Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson, 1940–1971. Edited by Simon Karlinsky. New York and London, Harper & Row, 1979. 346 p. (in English).

А.В. Радионова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-75-86

КОНЦЕПЦИЯ ДОБРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Ключевые слова: *Б. Васильев; проза; этическое; метатекст; добро.*

В статье рассмотрен сформированный из контекстов ряда произведений Б. Васильева метатекст с ядерным понятием «добро». Сделан вывод о том, что он раскрывает концепцию оппозиции подлинного добра и его имитации. Первое есть естественная природная потребность, не подвержено измерению, совершается бесконтрольно, спонтанно, реализуется без специально заданной цели естественным образом в обыденной жизни человека: в заботе о родителях, детях, доме, друзьях, соседях. Представление о нем исходит из внешнего природного мира, из художественного творчества, из опыта предков, сохраненного в фольклоре. Оно медленно созревает в человеке, развивая его способность к жертвенности, проявляется в сотворении пользы другим, объединяет людей, сочетаясь с мудростью, состраданием, веселостью. Ложное добро хуже зла. Является искусственным построением сознания, его отмеряют по необходимости, контролируемо, реализуют в специально организованных, планируемых действиях с целью добычи блага. Представление о нем – это продукт испорченного человеческого сознания. Оно, как заразная болезнь, воспринимается личностью в виде мещанских общественных штампов, набора готовых формул обывательского счастья и проявляется в добыче блага себе, разъединяя людей и сочетаясь с хитростью, оно может быть продано и обменено, как товар. В проявлениях истинно доброго максимально сближены жизнерадостность и трагическое страдание. Это создает высокий уровень напряжения сюжетного действия, благодаря чему наиболее четко проступает черта, разграничивающая истинное добро и его имитацию.

Для многих исследователей творчества Б. Васильева очевидна этическая основа прозы автора, которого называют «олицетворением совести и высокой нравственности» [Запесоцкий, 2014, *11*]. Ни одно произведение не обходится без освещения проблем добра, совести, чести, справедливости. Каждой категории писатель дает свое авторское определение, которое не ограничивается одним текстом, а собирается из контекстов ряда произведений, формируя некий метатекст с ядерным понятием «добро».

С точки зрения этики добро и зло как его противоположность относятся к наиболее общим формам моральной оценки, разграничивающим области нравственного и безнравственного. Этический метатекст с ядерным

понятием «добро» довольно объемен. Различны и способы репрезентации концепции добра. В повести «Летят мои кони» использован поток сознания, голос автора. Но чаще автор доверяет озвучить этические суждения какому-то персонажу, действующим лицам разного уровня. Это часто главный герой, как в повестях «Иванов катер», «Самый последний день», «Красные жемчуга». Но не всегда. Например, в повести «Клавочка» таким учителем стал случайный попутчик в поезде, старичок в очках. Нередко концепция раскрывается в диалогах. В диалоге Тюрберта и Брянова, персонажей романа «Были и небыли», раскрыта концепция добра, согласно которой оно исходит из любви к жизни[1]. В повести «Красные жемчуга» автор изложил два взгляда на природу добра, сталкивая двух трансляторов: учительницу и главную героиню – старуху. Первая декларирует советские идеологические штампы в духе «добро должно быть с кулаками». А старуха в молодости принимала участие в сожжении икон, искренне веря в правильность этих действий, но в старости сердцем почувствовала нужду в вере и благословила внука и его жену словами: «Вот и вы доброе делайте, и будет в душе у вас свет, то самое, значит, что люди счастьем зовут» [Васильев, 1994в, *279*]. В романе «Не стреляйте белых лебедей» Колька пытается понять природу добра в беседе с учительницей Нонной Юрьевной. В повести «Иванов катер» герои также обсуждают рассматриваемые вопросы в диалогах. В повести «Самый последний день» Б. Васильев использовал двойную репрезентацию своей философской концепции. Этическая концепция представлена и в диалогах, и в слове автора.

Только в повести «Летят мои кони» шесть фрагментов текста отданы раскрытию основных аспектов этики. В первом фрагменте дано обстоятельное определение Добра, связанного с детством и Смоленском[2]. Концептуальность этого понятия подчеркнута прописной буквой в его наименовании. Это не просто абстрактное понятие, а нечто совершенно конкретное, в дан-

[1]«Я искренне хочу, чтобы всем – всем на свете! – было хорошо. Я щедрый сегодня, Брянов, потому что люблю жизнь неистово, вот и вся причина. А чтобы любить жизнь, надо любить женщину, потому что женщина и есть воплощение жизни на земле. И я, вероятно, просто не в состоянии сейчас заниматься холодным анализом, и не уничтожайте меня за это.

– Вы сказали дельную мысль, Тюрберт: каждый человек носит в себе возможность сделать людям добро. Я вас правильно понял?

– Добро – это что-то библейское, – проворчал подпоручик. – Я говорил проще.

– И все же вы говорили о добре, которое каждый может отдать, но почему-то мало кто отдает» [Васильев, 1994г, *515*].

[2]«Нет, не танцзалом запомнилось мне детство, а Храмом. Двери этого Храма были распахнуты во все стороны, и никто не стремился узнать имя твоего бога и адрес твоего исповедника, а назывался он Добром. И детство, и город были насыщены Добром, и я не знаю, что было вместилищем этого Добра – детство или Смоленск. <…>

Помощь была нормой, ибо жизнь была не ласкова. Конечно, помощь – простейшая форма Добра, но любой подъем начинается с первого шага» [Васильев, 1994а, *8*].

ном случае добро – это конкретное время (детство) и конкретное пространство (Смоленск), это Бог, о котором не говорят в мире господствующего атеизма. Но сохраняется ощущение Его присутствия в непосредственности и прямодушии детства, в виде принятых смоленским обществом императивов, которые исповедуют если не во Имя Божье, то во имя Добра. В этом произведении автор определил основные аспекты рассматриваемой концепции, которые будут развиваться в дальнейшем и в других произведениях.

Первый аспект – условность категории добра и двойственность ее понимания. В повести «Летят мои кони» добро предстает неким магнитным полем, направляющим стрелку компаса, заложенного в человека. Это не абсолютная категория, но условная, поскольку «зло от чистого сердца во сто крат лучше добра по расчету» [Васильев, 1994а, *63*].

Основной философский вопрос повести «Иванов катер» – каким должно быть добро. Об этом спорит кадровик с главным героем капитаном катера Иваном, потерявшим свой катер из-за того, что с добром встретил и пустил подлого соработника Сергея. В споре кадровик с сарказмом называет Ивана Иисусом Христом, миротворцем чертовым[3]. Главный пафос его речи выражен во фразе «добро добру рознь». Концепция этого персонажа не предполагает непротивления зла насилию, напротив, добро должно бороться методами зла. Но в том и дилемма, что такой взгляд свойственен и Сергею, который, осуждая селян за свойскую взаимопомощь, мешающую рубль заколачивать, называет их добренькими: «Вы тут добренькие очень: свояк свояка видит издалека. А работа этого не любит. Работа злость любит» [Васильев, 1994а, *198*]. В этом и есть разница между добрым трудом, который всегда для других, и работой на себя, которая «злость любит».

Несколько страниц повести «Самый последний день» отводится рассуждению о природе добра в беседе участкового Ковалева с одним из жильцов его участка Артемом Ивановичем [Там же, *333–336*]. Главные положения этой беседы:

– зло труднее совершить, чем добро;

– люди рождаются добрыми, дети все добрые, не понимают, что такое зло;

---

[3]«– …Иисус Христос, миротворец чертов! По одной щеке съездили – другую подставить не терпится?

Иван сосредоточенно молчал.

– Ты где был, когда этот гриб поганый на твоем катере корешки пускал? О добре разглагольствовал? Ну-ка такого бы Сергея да нам бы под Великие Луки в сорок первом, а?

Иван вдруг глянул на него:

– Ну, знаешь, тогда...

– Шкурник он! И тогда и сейчас. Драться надо с такими, Иван. Драться! Чтоб других не заражали. Сподличал – отвечай.

– Людям добро нужно, Николаич. Ох, нужно!

– Добро добру рознь. Твое добро Сергеев этих плодит. Сообрази…» [Там же, *182*].

– мир добр, человек зол;
– добро – это сила, а зло бессильно;
– зло есть отклонение от нормы, добро – норма для человечества;
– давать и брать – вот что значит добро и зло.

В беседе Ковалева с Леонтием Саввичем персонажи обсуждают вопрос, для чего живет человек: «Для добра, – убежденно сказал Леонтий Саввич, – обязательно каждый человек должен хоть в одной душе добро посеять. Хоть в одной-единственной, и если Бог все-таки есть, то это ему зачтется» [Там же, *364*]. Ковалев уточняет важный момент: добро нельзя считать, отмерять, контролировать, оно должно быть естественной формой жизни. Здесь рассуждения о природе добра занимают больше страницы. Семен Митрофанович разделяет добро от ума и добро от души. Первое делается для себя, даже если при этом человек делает благо другому, оно ничем не отличается от зла и даже хуже зла, причиняемого «от души». Лишь добро от души может быть истинным благом.

В романе «Были и небыли» «зло, добром себя полагающее» – это религии, когда они не объединяют, а разъединяют народы [Васильев, 1994д, *13*]. Истинная вера рождается в сердце, она не от ума, не от знания доктрин и канонов, а от души. Суть этой веры выражена в эпизоде, когда капитан Брянов рассказывает о том, как на войне в Болгарии прочитал написанную на стенах Бухареста молитву-credo: «Верую во единую общую силу рода человеческого на земном шаре – творить добро» [Васильев, 1994г, *287*].

Затем автор возвращается к теме условности религиозных оснований проявления добра в эпизоде, где Толстой объясняет Василию Ивановичу: «А магометане считают, что они к Богу ближе, и иудеи то же проповедуют, да и все прочие. Стало быть, религия разъединяет народы, а не объединяет их? Стало быть, под крестом ли, под полумесяцем или еще каким символом зло собрано, а не добро? Зло, добром себя полагающее?» [Васильев, 1994д, *13*].

Есть и обратная тенденция: то, что на первый взгляд не кажется добрым, является таковым по сути. В «Былях и небылях» Беневоленский, говоря о влиянии семьи на формирование его личности, утверждает, что «суровая прямота отца сыграла не меньшую роль, чем добро, которое делала мать» [Васильев, 1994д, *256*]. Предки, накапливая нравственный опыт, помогающий выживать и сосуществовать, выработали систему запретов и табу, которая должна быть передана человеку в детстве [Там же].

Второй важный аспект концепции добра – его действенность. Этическая категория значима не в своей абстрактной сути, но в конкретных жизненных проявлениях, в ежедневных делах. Действенный характер добра подчеркнут в повести «Летят мои кони», где отмечены такие основания оказания

помощи, как «заинтересованность в судьбе ближнего и благожелательность»[4]. В повести «Иванов катер» действенное проявление доброго выражено во фрагменте-рассуждении, где автор раскрывает смысл человеческой жизни, заключающийся не в каких-то эфемерных представлениях о счастье, а в самом обыденном труде каждого дня и каждого жизненного этапа[5].

В романе «Не стреляйте белых лебедей» Колька с Нонной Юрьевной рассуждают об отце. Он добр, но слаб. Нонна Юрьевна, «добрая душа» [Васильев, 1994б, *44*], говорит мальчику: «А ты добрый будь и будь сильный!» [Васильев, 1994в, *45*]. Добро должно иметь силу отстоять свои принципы. В повести «Иванов катер» символом такого действенного, сильного добра стал Георгий Победоносец, чей образ на картине поразил Егора Полушкина. О необходимости деятельного добра в романе «Были и небыли» говорит Боневоленский[6]: благом можно считать только полезное, а бесполезное добро является фикцией, иллюзией самообмана.

Идеал доброго – это человек без своих сугубо личных интересов, но активно действующий на благо других. Таковы Иван в повести «Иванов катер», Егор в романе «Не стреляйте белых лебедей», Федор в «Былях и небылях».

Третий аспект концепции – добро хотя и легче творить, чем зло, потому что оно естественнее, но привычка к добру взращивается усилиями, а зло сильно заразно. В цитируемом выше тексте [Васильев, 1994а, *8*] дан взгляд на категорию добра как на развивающееся свойство личности, которое может быть представлено в разных градациях, и простейшая из них – помощь людям. В.А. Карнюшин определил художественную задачу прозы писателя: «раскрыть процесс ускоренного формирования (или “неизменности”, “несломленности”) личности в любых экстремальных ситуациях» [Карнюшин, 2000, *154*]. Концепция действенности доброго слова в воспитательном процессе изложена в повести «Самый последний день». Автор доверяет ее выражение полковнику Орлову, который предлагает участковому Ковалеву после отставки стать воспитателем на курсах оперработников: «Должность я такую хочу прошибить: воспитатель. Чтоб не только самбо да

[4]«А ведь заинтересованность в судьбе ближнего и благожелательность к окружающим – это как раз то, чего так не хватает в нашем мире. То действенное добро, без которого трудно жить и трудно работать» [Васильев, 1994а, *61*].

[5]«И любовь есть, и дружба, и время пожить, и детей воспитать, и женить их, и нянчить внуков, и спокойно, с достоинством рассчитаться за прошлое в окружении тех, с кем рядом прожил эту жизнь. Об этом и должно мечтать человеку, и завидовать этому не грех, потому что рожден человек для доброго труда и очень простой радости...» [Там же, *163*].

[6]«Когда же вы опомнитесь, добрые, милые, безвредные и – увы! – бесполезные господа соотечественники? Когда же вы наконец поймете, что идеи не сочиняют, а творят, творят на почве знаний, боли, тоски, неосуществленных порывов и, главное, труда. Адского труда, Олексин! А вы... Да вбили ли вы хоть один гвоздь в своей жизни, пропололи хоть одну грядку?» [Васильев, 1994г, *151*].

боксу учить, а слову доброму. Слово – оно ведь посильнее любого приемчика, верно?» [Васильев, 1994а, *311*]. Не насилие является самым действенным способом борьбы со злом, но слово. Именно так, увещевая, поддерживая, обличая и внушая утраченную веру в себя, этот незаурядный участковый (в данном случае – не от слова «участок», а от слова «участие») помогает людям.

В повести «Клавочка» попутчик в поезде, старичок в очках, учит окружающих тому, что потребность делать добро необходимо воспитывать [Васильев, 1994в, *182*]. В романе «Не стреляйте белых лебедей» сказано, что только если имеешь созревшую совесть, видеть разницу между добром и злом, которая не всегда очевидна сразу, можно [Васильев, 1994б, *48*].

Добро надо взращивать, прилагать усилия для его формирования в себе и в окружающих. Но, с другой стороны, даже добрый человек может легко заразиться злом. В повести «Вы чье, старичье?» сомнения Валентины по поводу того, почему ее жених не предлагает пожениться, выражены через образный мотив ‘занозить сердце опасной занозой’[7]. В повести «Иванов катер» кадровик говорит Ивану, что со шкурниками надо драться, «чтоб других не заражали» [Васильев, 1994а, *182*]. В повести «Рослик пропал» Елена, молодая жена Сергея Степановича, уверена, что душа может заразиться чужой и ложной шкалой ценностей. Этому нельзя противостоять, если ты постоянно рядом со злом, делишь с ним кров, еду и постель. Единственный выход оградить свое сердце – уйти, жертвуя своими чувствами, благополучием, бытовым обустройством [Васильев, 1994в, *331, 352*]. В «Былях и небылях» Василий Иванович, пережив ограбление и унижение, оказался зараженным обидой [Васильев, 1994г, *101*]. Генерал Рихтер видит ужас войны не только в том, что она приводит к массовому убийству, но и в том, что человек, привыкший убивать, несет отраву в своей душе и начинает заражать ею других[8].

В повести «Летят мои кони» бабушка, несмотря на странности и недостатки, является главным носителем и транслятором доброго. Так намечена еще одна линия в общей концепции – женщина как персонифицированный образ доброты. Именно женщина воплощает «жизнь и радость, веселье, будущность» [Никонова, 2014, *80*].

В романе «В списках не значился» есть эпизод, где женская роль в создании доброго мира раскрывается в понятиях бытовой жизни женщины,

[7]«А Валентина, готовая весело и горячо проводить с Андреем обязательно все вечера, занозила-таки свое доброе и влюбчивое сердечко довольно опасной занозой, решив, что любимый не переселяется к ней исключительно из-за третьего лишнего. То есть из-за деда Сидоренко. Багорыча» [Васильев, 1994г, *28*].

[8]«Куда потом человек пойдет, когда руки его кровью обагрены? Какой дорогой, с каким сердцем, с какой отравой в душе своей? И ведь не просто пойдет, а и других заражать примется, хвастаясь, как он людей убивал и как кресты ему за это давали» [Васильев, 1994д, *172*].

в кругу ее повседневных забот о детях и доме[9]. Женские персонификации добра: Нонна Юрьевна в романе «Не стреляйте белых лебедей», Христя в романе «В списках не значился», Клавочка и мапа Оля в повести «Жила-была Клавочка», добрая кухарка и добрая барыня в «Былях и небылях». Женщина предстает как владычица «и дома, и семьи, и дорогих гостей, и традиций, и памяти. Всего, что вмещает в это слово женщина, что чудо как преображает ее, наделяя радушием и властностью, добротой и расчетливостью, достоинством и терпением» [Васильев, 1994в, *195*].

Про мать в «Былях и небылях» прямо сказано: «Это было просто нечто доброе и очень ласковое, само воплощение доброты и ласки» [Васильев, 1994г, *69*]. И когда разочарованный в людях Федор утверждает, что все люди подлы, на провокационный вопрос Василия «Мама тоже?» он не может ответить. Мать остается для него единственным неразвенчанным идеалом.

Пятый аспект – природа наполнена добром. Природа у Васильева сохраняет все хорошее, что в мире людей может быть потеряно. Автор многократно использовал определение «добрый» по отношению к природным явлениям. Приведем только один пример из романа «Не стреляйте белых лебедей»: «Землица сочная была, пахучая, лопату принимала легко и к полотну не липла. И тянуло от нее таким родным, таким ласковым, таким добрым теплом, что Егору стало вдруг радостно и на душе уютно» [Васильев, 1994б, *15*].

Шестой аспект – животные и дети особенно чувствуют добро и отзываются на него. В повести «Летят мои кони» есть фрагмент, в котором сказано о том, как в голодную пору относились к собакам, здесь справедливость отождествляется с добром[10]. Опять речь идет о разграничении разных выражений доброты: истинной, выраженной во взаимопомощи, и ложной – направленной на свое удовольствие. Мотив ‘животные воспитывают доброту в человеке’ указывает на естественную природу добра, которую являет природный мир.

Животное, приводящее к добру, есть и в повести «Иванов катер». Только теперь это уже не собака, а корова: «Это ведь скотина добрая, незлобивая, а уж такая ласковая, такая привязчивая, что и человек рядом с нею ровно оттаивает. И уж не о суетности мирской, а о вечном думает, о добром...» – так рассуждает персонаж повести старуха Авдотья Кузьминична,

[9]«Мирра и тетя Христя рассматривали фотографии, расспрашивали пленного о чем-то важном, по-женски бестолково подробном и добром. О детях, булочках, здоровье, школьных отметках, простудах, завтраках, курточках» [Васильев, 1994б, *279*].

[10]«…Дети зачастую голодали страшнее бездомных собак. Но к своим помощникам, к тем, кто трудился рядом, человек относился со справедливой добротой, с детства привыкая делить с ними кусок хлеба. И животные облагораживали человека, делая его не просто добреньким, но требовательным, как к себе самому» [Васильев, 1994а, *23*].

и когда ее мечта осуществилась, была куплена телочка с «мокрыми добрыми губами» [Васильев, 1994а, *104*].

В романе «Не стреляйте белых лебедей» дети и животные причастны добру. О Кольке сказано, что он рос добрым. Собаки к нему ластились, и ни один самый злой цепной пес на него не лаял. Его отца Егора собака не брала, когда ее натравливали на избитого человека. И лебеди стали символом красоты добра.

Седьмой аспект – категория добра связана с эстетическим. В повести «Летят мои кони» показано, что книга, литература являются той сферой духовного, в которой добро всегда побеждает [Там же, *37*]. Писатель, как творец нового мира, является его судьей, значит, главное качество писателя-творца – справедливость. «А справедливость – это победа добра» [Там же, *64*]. В романе «Не стреляйте белых лебедей» добро явлено книжным словом в эпизоде, когда Егор прочитал Колькину книгу «Последний из могикан» и под сильным впечатлением охарактеризовал ее как хорошую книжку «про добрых мужиков» [Васильев, 1994б, *11*].

Восьмой аспект – добро связано с мифологическим. В одном из фрагментов повести «Летят мои кони» есть сцена, когда бабушка с внуком разыгрывают сказочные сюжеты, которые всегда заканчивались победой добра [Васильев, 1994а, *33–34*]. А чуть дальше автор сравнил сон об отце с доброй сказкой [Там же, *59*]. Ребенок в повести очень отзывчив на добро, замечает его и активно реагирует, что и воспитывает его характер. В повести «Вы чье, старичье?» мифологическая тематика делает концовку пронзительной. Добро в сказках противопоставлено ужасу реальной жизни. Страшного сказочного зла страшнее подлость обыденной человеческой расчетливости [Васильев, 1994г, *37*]. Фольклорно-мифологическое в понимании добра проступает и в эпизоде «Былей и небылей», когда солдаты во время военных действий идут маршем, а дорогу перед ними переползает длинная черная змея, как образ вселенского зла, ведущего к падению мира[11].

Отметим художественные приемы, участвующие в формировании этического метатекста с ядерным понятием «добро». У Б. Васильева есть два концептуальных тропа, связанных с рассматриваемым метатекстом. В повести «Летят мои кони» определение истинного добра дано через сложный образ ‘Добро → Храм’, ‘Добро → город Смоленск’, ‘Добро → детство’. В «Самом последнем дне» концепция ложного добра раскрывается через параллельный образ: в диалоге ‘добро → редиска’, в речи автора ‘добро →

[11]« – Змея! Змея, братцы, глядите!
– У, гадина!..
– Не быть добру...
– Точно, братцы, к беде это. К беде...
Потревоженная тяжким солдатским топотом, длинная черная змея переползала дорогу» [Васильев, 1994д, *20*].

товар', 'творить добро → спекулировать лекарством'. В других случаях образная система не задействована в формировании данного этического метатекста. Но характеристики добра часто являются афористическими утверждениями, пословицами или имеют их вид. Стиль произведений Б. Васильева вообще признан афористичным [Королькова, 2019], а тема добра формирует целую парадигму высказываний такого типа.

«Не стреляйте белых лебедей»: «доброе дело радости просит» [Васильев, 1994б, *138*]; «от добра добро родится» [Там же]; «В списках не значился»: «за добрые дела денег не платят» [Васильев, 1994б, *177*]; «доброе дело не прячут» [Там же, *191*]; «от сглазу и доброе дело подальше прячут» [Там же, *191*]; «Жила-была Клавочка»: «за добро добром платят» [Васильев, 1994в, *123*]; «Короткая рокировка»: «ложь к добру не приводит» [Там же, *238*]; «Красные жемчуга»: «добро должно быть с кулаками» [Там же, *255*]; «одно есть на свете счастье – доброе дело для людей делать» [Там же, *279*]; «Были и небыли»: «Бог в душе, так и добро в душе, а коль Бог в церкви, так-от и добро на весах да в словесах» [Васильев, 1994г, *176*]; «доброе дело дороже денег» [Там же, *192*].

Перечислительные и сочинительные конструкции включают ряд понятий, сопровождающих лексему 'добро', при этом близко расположенные лексемы дают дополнительные акценты в ее понимании. «Летят мои кони»: смоленские друзья характеризуются как «добрые, отзывчивые, интеллигентные» [Васильев, 1994а, *76*]; «Не стреляйте белых лебедей»: «Колька веселым рос, добрым» [Васильев, 1994б, *10*]; мужики показались «добрыми да приветливыми» [Там же, *35*]; «В списках не значился»: Красная армия – веселая, щедрая и добрая [Васильев, 1994б, *276*]; «Завтра была война»: мама добрая и мудрая [Васильев, 1994в, *27*]; «будто телевизорами и транзисторами можно заменить жажду знаний, потребность делать добро, трудолюбие, совесть, наконец» [Там же, *182*]; «Красные жемчуга»: запас терпения, сострадания, понимания и добра [Там же, *254*]; Валентина в повести «Вы чье, старичье?» «не теряла своей веселой и щедрой доброты» [Васильев, 1994г, *17*]. В нескольких примерах доброта сочетается с веселостью. Добродушие является признаком позитивного мышления, дающего радость восприятия мира. Но при этом рядом с радостью всегда трагедия [Запесоцкий, 2015, *25*]. Усиление трагизма является намеренной установкой писателя: «надо человеку показать человека таким, каков он есть. А это значит – поставить его в ситуацию предельно простого выбора: жить или умереть» [Гуральник, 2016]. Трагическое обостряет антагонизм добра и зла. Добрый человек в то же время всегда страдающий, остро ощущающий

несправедливость агрессии зла[12]. Максимальное сближение жизнерадостности и трагического страдания создает крайнюю напряженность художественной ситуации. И это один из основных приемов поэтики Васильева.

Можно сделать вывод, что сборный из контекстов ряда произведений метатекст с ядерным понятием «добро» раскрывает концепцию добра истинного и ложного.

Таблица 1

Истинное и ложное добро в произведениях Б. Васильева

Добро	
Истинное	Ложное
«от души»	«от ума»
Естественная природная потребность	Искусственное построение сознания
Не подвержено измерению, совершается бесконтрольно, спонтанно	Отмеряется дозированно по необходимости, контролируемо
Реализуется без специально заданной цели естественным образом в обыденной жизни человека: в заботе о родителях, детях, доме, друзьях, соседях	Реализуется в специально организованных, планируемых действиях с целью добычи блага
Представления о нем исходят из внешнего природного мира, из художественного творчества, из опыта предков, сохраненного в фольклоре	Представления о нем исходят из искусственно сочиненных идей, испорченного человеческого сознания, штампов мещанских общественных представлений
Медленно созревает в человеке, сподвигая его к жертвенности	Воспринимается личностью в виде набора готовых формул обывательского счастья, как заразная болезнь
Проявляется в творении пользы другим	Проявляется в добыче блага себе
Объединяет людей	Разъединяет людей
Сочетается с мудростью, состраданием, веселостью	Сочетается с хитростью, приспособленчеством
Образная характеристика: ‘добро → Храм, детство, город детства’	Образная характеристика: ‘добро → товар’

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Б.Л. Собрание сочинений в 8 т. Т. 1: Роман, повесть, очерки. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994а. 544 с.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2: Романы и повести. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994б. 496 с.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3: Романы и повести. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994в. 608 с.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений в 8 т. Т. 4: Повесть, роман. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994г, 545 с.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений в 8 т. Т. 5: Роман, повесть, очерки. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994д. 528 с.

[12]«Мария Ивановна – добрый человек. Добрый и страдающий.
– Почему ты решил, что она страдает?
– А разве можно быть добрым, думающим и не страдать?» [Васильев, 1994г, *193*].

Гуральник З.Е. «Я хочу писать об этом…»: По следам интервью Бориса Васильева // Кольцо А. 2016. № 92. URL: https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=621 (дата обращения: 10.02.2021).

Запесоцкий А.С. Борис Васильев: творчество, одухотворенное совестью // Литературная учеба. 2014. № 5. С. 11–14.

Запесоцкий А.С., Успенская А.В. Прочувствован, но недопонят. К 90-летнему юбилею Бориса Васильева // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 2(49). С. 17–35.

Карнюшин В.А. Проза Бориса Васильева о фронтовиках после войны, 70–80-е гг.: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2000. 175 с.

Королькова А.В. Публицистическая афористика Бориса Васильева // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2019. № 19. С. 444–451.

Никонова С.Б. Повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие…»: тема леса // Васильевские чтения: научно-практическая конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя Бориса Васильева (28 мая 2014 г.). СПб.: СПбГУП, 2014. 92 с.

A.V. Radionova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Concept of Good in Boris Vasilyev's Works

The article considers a metatext formed from the contexts of different B. Vasilyev's works with the nuclear concept of «good». It is concluded that he reveals the concept of the opposition of the true good and its imitation. The first is a natural need, it is not subject to measurement, but performed uncontrollably, spontaneously and realized without a specially set goal in a natural way in everyday human life: in caring for parents, children, home, friends, neighbors. The idea of it comes from the external natural world, artistic creativity, the experience of ancestors preserved in folklore. It slowly matures in a person, developing his / her ability to sacrifice, manifests itself in creating benefits for others, it unites people, combines with wisdom, compassion, and cheerfulness.

False good is worse than evil. It is an artificial construction of consciousness, it is measured out of necessity, controlled, implemented in specially organized, planned actions for the purpose of extracting good. The idea of it is a product of corrupted human consciousness. Like a contagious disease, it is perceived by the individual in the form of petty-bourgeois social cliches, a set of ready-made formulas for philistine happiness and manifests itself in the production of good for oneself, separating people and combining with cunning. It can be sold and exchanged as a commodity.

In the manifestations of the truly good, cheerfulness and tragic suffering are brought together as much as possible. This creates a high level of tension in

the plot action, thanks to which the line separating the true good and its imitation most clearly emerges.

Key words: *B. Vasilyev; prose; ethical; metatext; good.*

REFERENCES

Guralnik Z.Ye. «I Want to Write about This...»: In the footsteps of the interview with Boris Vasiliev [«Ya khochu pisat' ob etom…»: Po sledam interv'yu Borisa Vasil'yeva]. *«Kol'tso A»*, 2016, no. 92. *Available at*: https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=621 (accessed 20 February 2021).

Karnyushin V.A. Prose of Boris Vasilyev about the front-line soldiers after the war, 70-80-ies: Thesis of candidate of philol. sciences [Proza Borisa Vasil'eva o frontovikakh posle voiny, 70-80-e gg.: diss. ... kand. filol. n.]. Smolensk, 2000. 175 p. (in Russian).

Korolkova A.V. Publicistic aphoristics of Boris Vasilyev [Publitsisticheskaya aforistika Borisa Vasil'yeva]. *Russkaya filologiya: uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 19, pp. 444–451 (in Russian).

Nikonova S.B. The story of B. Vasiliev «And the Dawns Here are Quiet...»: The theme of the forest [Povest' B. Vasil'eva «A zori zdes' tikhie…»: tema lesa]. *Vasil'yevskie chteniya: nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya Borisa Vasil'yeva, 28 maya* [Vasilyev readings: scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the writer Boris Vasilyev, May 28, 2014]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2014. 92 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected works in 8 volumes [Sobranie sochineny v 8 tomakh]. Volume 1. Novel, novella, essays [T. 1: Roman, povest', ocherki]. Smolensk, Trast-Imakom, Rusich, 1994a. 544 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected works in 8 volumes [Sobranie sochineny v 8 tomakh]. Volume 2. Novels and novellas [T. 2: Romany i povesti]. Smolensk, Trast-Imakom, Rusich, 1994b, 496 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected works in 8 volumes [Sobranie sochineny v 8 tomakh]. Volume 3. Novels and novellas [T. 3: Romany i povesti]. Smolensk, Trast-Imakom, Rusich, 1994b. 608 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected works in 8 volumes [Sobranie sochineny v 8 tomakh]. Volume 4. Novella, novel [T. 4: Povest', roman]. Smolensk, Trast-Imakom, Rusich, 1994, 545 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected works in 8 volumes [Sobranie sochineny v 8 tomakh]. Volume 5. Novel, novella, essays [T. 5: Roman, povest', ocherki]. Smolensk, Trast-Imakom, Rusich, 1994d, 528 p. (in Russian).

Zapesocky A.S. Boris Vasilyev: creativity, spiritualized by conscience [Boris Vasil'yev: tvorchestvo, odukhotvoryonnoe sovest'yu]. *Literaturnaya ucheba*, 2014, no. 5, pp. 11–14 (in Russian).

Zapesocky A.S., Uspenskaya A.V. Felt but not well understood. To the 90-anniversary of Boris Vasilyev [Prochuvstvovan, no nedoponyat. K 90-letnemu yubileyu Borisa Vasil'yeva]. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura*, 2015, no. 2 (49), pp. 17–35 (in Russian).

Ю.А. Шанина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия

УДК 821.111.09

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-87-98

ТРАДИЦИИ МИСТИЦИЗМА И ДУХОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ У. ГОЛДИНГА «ЗРИМАЯ ТЬМА»

Ключевые слова: *аллюзия; богостроительство; У. Голдинг; мистицизм; поэтика; проблематика; символ*.

Статья посвящена анализу романа Уильяма Голдинга «Зримая тьма» (1979) в контексте мистицизма как способа познания мира, предполагающего наличие сверхъестественного, таинственного основания всего бытия и поиск путей единения личности с Богом. Задачей исследования является определение способов репрезентации традиций мистицизма в указанном романе и их роли в раскрытии проблематики произведения. Всесторонний анализ поэтики романа показывает, что само его содержание имеет мистический смысл и благодаря цитатности названий, множеству аллюзий оно выступает в одном ряду со многими литературными текстами, которые воспринимались в истории культуры как книги-пророчества. В роли современного пророка выступает Мэтти, один из героев романа, которому оказывается доступным экстатическое переживание: общение с сакральной сверхчувственной сущностью. Художественная модель мира, созданная Голдингом, основана на системе мистических символов и мотивов, которые соотносятся по принципу бинарности и троичности. Она отражает представление автора о духовной подоплеке сущего, которая обеспечивает единство и баланс мира, казалось бы, стремящегося к необратимому распаду. Таким образом, обращение Голдинга к мистическому опыту европейской философии и культуры в романе «Зримая тьма» обусловлено поисками альтернативного пути решения противоречий, перед лицом которых оказалась личность эпохи постмодерна.

Духовные искания знаменитого английского прозаика Уильяма Голдинга (1911–1993) были связаны с преодолением принципов рационализма и обращением к альтернативным путям миропонимания. В эссе «Размышление как хобби» («Thinking as a Hobby», 1961) писатель выделяет несколько уровней мышления и приходит к выводу, что ни один из них не является путем к раскрытию истины о мире и других людях, напротив, рациональные представления «часто полны бессознательных предубеждений, незнания и лицемерия» [Golding, 2004, *128*]. Кризис научного подхода при-

вел писателя к убеждению в существовании невыразимого, подспудно ощущаемого, непознаваемого рациональным путем. «Невозможно объяснить бесконечные тайны мира схоластикой дарвинизма, доктриной естественного отбора» [Golding, 1982, *191*], – писал У. Голдинг в программном эссе «Вера и творчество» («Belief and Creativity», 1980). Само же литературное творчество воспринималось им как форма, дающая возможность выразить то, что остается за гранью других способов познания: «Я требую привилегии сочинителя историй, который должен быть мистифицирующим, противоречивым и непонятным» [Ibid., *202*].

На наш взгляд, в наибольшей степени эти задачи были реализованы в романе «Зримая тьма» («Darkness Visible», 1979). Насколько можно судить по доступным нам источникам, это произведение обойдено вниманием отечественных исследователей по сравнению с другими притчами Голдинга, поскольку оно не становилось предметом отдельного всестороннего изучения. Исключение составляют статьи А.В. Киселевой, Л.И. Кушнаревой, в которых оно рассматривается в достаточно узких аспектах. В основном роману давалась общая характеристика в контексте обзора всего творчества писателя в работах Г.А. Анджапаридзе, В.В. Ивашевой, С.П. Толкачева, А.А. Чамеева и др. Вместе с тем роман «Зримая тьма» знаменует новый этап в творчестве прозаика и существенно отличается от предшествующих и последующих произведений. Изучению романа посвящено большое количество работ, и складывается тенденция его интерпретации как «современного религиозного романа» [Tiger, 1990, *286*]. В связи с этим неоднократно зарубежные литературоведы, такие как В. Тайгер, Г. Клив, Ф. Редпас, обращались к проблемам мистицизма в романе и ими был накоплен значительный материал, который ни в коей мере не стал достоянием отечественной науки, кроме того, в их интерпретациях романа нет единодушия. К. Маккерон считает, что «Зримая тьма» «иллюстрирует мысль о нерасторжимой связи природы добра и зла» [McCarron, 1995, *45*], В. Тайгер утверждает, что «замысел автора заключается в том, чтобы предложить читателю осмыслить парадоксы существования» [Tiger, 1990, 299]. Ф. Редпас и вовсе констатирует, что анализ романа порождает больше вопросов [Redpath, 1986, *15*]. Поэтому представляется актуальным решение вопросов о способах репрезентации традиций мистицизма в романе У. Голдинга «Зримая тьма», причинах их актуализации по отношению к современному жизненному материалу и их роли в раскрытии проблематики произведения.

К традициям мистицизма как особому способу познания мира читателя отсылает заглавие романа. Его название и эпиграф представляют собой цитаты, которые восходят к величайшим произведениям мировой литературы. Все они воспринимаются в истории культуры как пророчества, открывающие тайны мира, будущее человечества и отражающие мистический

опыт. Большинство исследователей полагает, что название романа заимствовано Голдингом из поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай» (1674): выражение «зримая тьма» использует Сатана для характеристики преисподней («No light, but rather darkness visible»). Эта отсылка заставляет воспринять все описанное в романе как Ад, в котором вынуждены жить герои. С преисподней могут быть соотнесены как внешние обстоятельства жизни персонажей, обусловленные социальной средой, где царят насилие, хаос, преступления, так и тьма их собственного сознания. Эпиграф к роману дан на латинском языке без указания источника: «Sit mihi fas audita loqui». Он представляет собой цитату из «Энеиды» Вергилия: «Будь мне дано, что я слышал, сказать» (Книга 6: 265). По мнению Д. Кромптона, «эти слова принадлежат самому поэту Вергилию, который умоляет темных богов помочь проникнуть вглубь земли и сделать тьму видимой» [Crompton, 1982, *197*], и отнесены к моменту спуска Энея в царство теней. В такой интерпретации цитата из Мильтона вносит мотивы безнадежности, обреченности и является контрастной по отношению к эпиграфу, отражающему надежду автора на сохранение веры среди всепоглощающей тьмы.

Существуют и иные трактовки названия романа. Как указывает Ф. Редпас, «аббревиатура названия романа DV является сокращением латинской фразы “Deo volente”, что означает «Бог даст» [Redpath, 1986, *9*]. Данное выражение демонстрирует признание воли Бога, Его целей и провидения в человеческой жизни. К. Маккэррон в своей работе утверждает, что мотив заклинания, который повторяется и в сокращенном названии, и в эпиграфе, связывает название романа с отрывком из поэмы А. Поупа «Дульсиада» (1743) [McCarron, 1995, *47*], содержащей, в свою очередь, скрытую цитату из произведения Мильтона:

> Yet, yet a moment, one dim ray of light
> Indulge, dread Chaos, and eternal Night!
> Of darkness visible so much be lent,
> As half to show, half veil, the deep intent (IV: 1–4).
> (Ночь вечная и Хаос страховидный,
> Луч света ниспошли на миг чуть видный,
> Чтоб в зримой тьме незримая отсель
> Хотя б отчасти приоткрылась цель).

В данном контексте противоречие между названием и эпиграфом снимается. Кроме того, поэма Поупа по своему идейному и художественному содержанию в большей степени соотносится с романом Голдинга: оба произведения содержат критику современного общества. Эту точку зрения разделяет и П. Кроуфорд, утверждая, что такая параллель позволяет уподобить «Зримую тьму» мениппее, поскольку «отражает разрушительное влияние новых коммуникативных технологий и проистекающий отсюда дух бессмысленности и энтропии» [Crawford, 2002, *154*], и наряду с остросоциальной критикой содержит глубокие философские размышления.

В контексте эпиграфа роман Голдинга можно рассматривать как отчаянную попытку писателя-гуманиста создать образы и разработать темы, глубоко несовместимые с современной картиной мира. Формулы заклинания, мольбы к Богу при любых толкованиях передают глубокие сомнения автора в том, что его невероятный замысел получит адекватное воплощение. Многие из современников подчеркивали: «Голдинг отказывался комментировать роман, так как произведение отличается чрезвычайно личным характером» [Tebbutt, 1993, *47*]. Оно было создано после длительного творческого кризиса (предшествующий роман «Пирамида» вышел в 1967 году), в определенной степени оно подвело черту в его долгих духовных поисках. Кроме того, прототипом образа Мэтти, по свидетельству биографа Голдинга Джона Кери, выступил сын писателя Дэвид, имеющий ряд сходных черт с главным персонажем: «Голдинг иногда был раздражен набожностью и непрактичностью сына, но это и расстраивало его, поскольку данные качества были частью того, что он называл святостью» [Carey, 2012]. Автобиографизм романа проявляется и в том, что одному из персонажей «Симу Гудчайлду 67 лет, как и самому Голдингу в момент написания книги» [Vichy, 1995, *131*]. Поэтому образ Гудчайлда ученые рассматривают как своеобразное альтер эго писателя, раскрывающее его непреодолимый скепсис по отношению к духовным смыслам происходящего.

Нельзя не согласиться с утверждением Г. Клива о том, что «Зримая тьма» «содержит элементы мистицизма на всех уровнях композиции: на уровне структуры, состава событий, словоупотребления» [Cleve, 1982, *457*]. Прежде всего, мистический смысл происходящему в произведении придают отдельные сюжетные мотивы: мотив тайны (таинственно происхождение Мэтти: исходя из состава событий романа, он родился из пламени пожара; невыясненными остаются обстоятельства гибели Хенденсона и степень вины Мэтти; первая часть завершается описанием странного обряда Мэтти, напоминающего крещение); мотив случайности, благодаря которому отдельные персонажи странным образом встречаются друг с другом; мотив видений, которые доступны не только Мэтти, переживающему Богоявление, но и Софи (она отчетливо представляет все детали будущего убийства и переживание наслаждения от свершенного насилия), и Педигри (перед смертью ему является Мэтти в виде золотого ветра, шара); мотив спасения (в финале романа Софи так и не удается осуществить свой преступный замысел, Мэтти спасает мальчика ценой своей жизни; в последние минуты жизни Педигри переживает душевное прозрение).

Кроме того, в самом общем смысле сюжет «Зримой тьмы» соотносится с мистическим содержанием «Откровения Иоанна Богослова». Прежде всего, данная часть Библии является книгой жизни одного из главных героев романа Мэтти: «Житейские знания его не слишком интересо-

вали» («He had no interest in acquiring knowledge») [Golding, 1979, 52], поэтому он ищет ответы на все вопросы в старой Библии в «деревянной обложке, со стертым названием на корешке» («wooden covers on either side and the back was so worn the title was illegible») [Ibid., *41*]. Так, Мэтти, руководствуясь Откровением, ожидает явления зверя Апокалипсиса в особую дату 6.06.66 и усматривает свою миссию в спасении человечества. Неоднократно в тексте романа упоминается и число 7, которое имеет мистическое значение в тексте Откровения. «В символической нумерологии Откровения число “семь” необычайно важно и его смысл многозначен. Например, агнец имеет семь рогов и семь глаз, семь церквей, духов, труб и, главное, семь печатей. С нарушением последней седьмой печати наступит день Страшного Суда» [Tebbutt, 1993, *53*]. В этом контексте символично и то, что одно из имен Мэтти Septimus в переводе с латинского означает «седьмой». Дневник Мэтти, содержащий описание экстатических состояний героя, расположен в 7-й и 14-й главах. По стечению обстоятельств сама «Зримая тьма» является седьмым романом автора, и В. Тайгер высказывает предположение о том, что этот факт сам по себе придает ему особый смысл: «На одном из уровней седьмой роман Голдинга может быть несомненно истолкован как современная Книга Откровения» [Tiger, 1990, *286*].

Как известно, Откровение посвящено описанию Страшного суда, последних дней мира, за которыми последует окончательное торжество Бога. Не случайно большинство исследователей главную тему романа Голдинга определяют как «суд, который в прямом смысле имеет отсылку к евангельской фразе “Не судите, да не судимы будете”, а также к судному дню всей апокалиптической литературы» [Crompton, 1982, *196*]. В прямом смысле слова суду подвергаются многие герои: выясняются причины смерти Хендерсона и подозреваемыми выступают Мэтти и его учитель Педигри; в третьей части ведется расследование террористического акта, осуществленного Тони Стенхоуп, и странных спиритических сеансов, проводимых Философским обществом Гудчайлда и Белла; за свои преступления отбывает наказание Себастьян Педигри; акции Мэтти в Австралии, призванные предупредить о надвигающемся Апокалипсисе, завершаются высылкой героя из страны. В результате возникает обобщенная картина современной Англии, детали которой свидетельствуют о наступлении последних дней, поскольку переживаемый общественный кризис, затронувший все сферы жизни, кажется непреодолимым.

Главным признаком современной эпохи для писателя становится отсутствие духовных устремлений, поскольку традиционные духовные ценности утрачивают свой смысл. Поэтому мистические образы и понятия, введенные в роман, получают двойную перспективу. Например, имя Софи Стенхоуп ассоциируется с одной из христианских добродетелей – надеждой

(англ. hope), хотя ее жизненное кредо прямо противоположно всем нравственным ценностям. Также иронический подтекст имеет и имя Себастьяна Педигри, чьи порочные наклонности никак не совместимы с образом знаменитого католического святого Себастьяна. В восприятии Сима Гудчайлда и Эвина Белла встреча с Мэтти заставит их пережить некое божественное откровение. Эдвин уверен: «We broke a barrier, broke down a partition. Didn't we now?" Sim was about to deny it hotly, when he began to remember. There was no question but that something had happened and likely enough it needed the three of them» («Мы пробили барьер, вышли за преграду. Разве нет? Сим собрался было пылко возражать, затем начал припоминать… Без сомнения, случилось нечто, и вполне вероятно, что для этого были нужны все трое») [Golding, 1979, *222*]. По мнению Кромптона, по ряду деталей сцена мистического сеанса с Мэтти напоминает Тайную вечерю [Crompton, 1982, *210*], но в свете объектива камеры, установленной в комнате для ведения наблюдения, произошедшее лишается всякого сакрального смысла и вызывает лишь приступы смеха у судей во время расследования.

Амбивалентность смыслов многих символов, восходящих к мистической традиции, создается благодаря системе парных оппозиций. Она реализуется в описании «двухцветного лица» («two-toned face») Мэтти, характеристике Софи и Тони, которые «были различны как день и ночь» («but they were as different as day and night, night and day you are the one, night and day» [Golding, 1979, *105*]), сюжетных мотивах (история близнецов Софи и Тони, Мэтти являются два духа), системе бинарных оппозиций шума и тишины, света и тьмы, имеющих особое значение в традициях европейского мистицизма. В частности, мотив молчания и темноты сопровождает Мэтти: он испытывает проблемы с речью после ожога, дает обет молчания, совершает странный обряд в девственном ночном лесу Австралии. Духи не разговаривают с ним, а показывают: «I waited but they did not speak but still looked at me» («Я ждал, но они только смотрели на меня и ничего не говорили, только смотрели на меня») [Ibid., *74*]. Напротив, описание жизни других персонажей сопровождается разноголосицей звуков и дневным светом.

Но центральное место среди сложной системы оппозиций в романе занимает противопоставление двух первых частей «Мэтти» и «Софи», которые отражают две кардинально противоположные концепции мировосприятия. Антагонизм героев, чьи имена вынесены в заглавие частей, обусловлен различным пониманием смысла окружающего мира и разнонаправленностью путей самоопределения. Большинство исследователей склонны интерпретировать эту антитезу как столкновение добра и зла, но трактовка образов автором не столь однозначна.

Образ Мэтти относится к типу христоподобных героев, которые присутствуют во многих произведениях прозаика [Шанина, Федоров, 2015]. Но

все же он занимает особое место, поскольку выступает главным героем: начинается роман с необычного явления героя миру из огня пожара, которым охвачен Лондон после бомбежки, и завершается его смертью и чудесным явлением умирающему Педигри. Полное имя Мэтти – Matthew Septimus Windrove. Оно соотносится с Матфеем, апостолом и евангелистом, автором первого канонического Евангелия, в переводе его имя означает «дар Бога». Более того, по мере развития действия Голдинг дает несколько вариантов фамилии Мэтти, что не находит отражения в русском переводе романа: Windup (русск. «завершение»), Windhover (пустельга, птица из рода соловьиных), Windy (ветреный), Windrap (стук ветра), Windwood (лесной ветер), Windgrove (ветер в дубравах), Wandgrave (сложение слов «жезл» и «могила»), Windgraff (ветер в чаще), Wildwave (колебание ветра), Windrove (сложение слов «ветер» и «бродить»), Windrave (сложение слов «ветер» и «бушевать»), Windrow (полоса скошенного хлеба, сена). Каждое из имен значимо и в той или иной степени может быть соотнесено с символикой, восходящей к библейскому тексту. Так, последнее из них является наиболее частотным по употреблению в заключительных главах романа и напоминает о последней жатве, Страшном суде. Общим для всех имен является корень wind (ветер). По мнению В. Тайгер, «на одном из уровней Мэтти может быть представлен как дух» [Tiger, 1990, *288*], поскольку в Евангелии от Иоанна сущность Святого Духа передается с помощью сравнения с ветром: «The wind blows where it wishes, and you hear its sound, but you do not know where it comes from or where it goes. So it is with everyone who is born of the Spirit» (John 3 : 8).

Как и с именем героя, так и с обстоятельствами его жизни связано множество аллюзий и реминисценций. Обстоятельства жизни Мэтти напоминают судьбу разных библейских героев. Мэтти как будто рождается из огненного пламени, которое сравнивается в романе с «горящим кустом» (burning bush) и напоминает о жизни Моисея. По мнению Д. Кромптона, соперничество Мэтти и Хендерсона за любовь учителя Педигри напоминает библейскую историю о Каине и Авеле [Crompton, 1982, *200*]. В тексте романа так и не дается разъяснения причин гибели одноклассника Мэтти, но его ревность и ненависть по отношению к нему выражены древним проклятием («На Едома простру сапог мой», «Over Edom have I cast out my shoe» [Golding, 1979, *35*]) и на словах, и в действии. Рядом с телом Хендерсона находят спортивный ботинок Мэтти, что в библейском контексте может быть истолковано как материализация известного проклятия. Этот случай – источник чувства вины героя, которую он будет стремиться искупить на протяжении жизни. В Австралии Мэтти становится жертвой аборигена, который издевается над обессиленным жаждой героем и имитирует распятие, что позволяет рассматривать историю Мэтти как судьбу нового Христа. Ему являются духи, которые объясняют его жизненное предназначение, одна из встреч описывается в духе библейской истории о святой Троице и Аврааме:

«Тогда синий старейшина показал: Сегодня радость на небесах потому как встречи подобной этой не видели со времен Авраама. Затем я предложил им духовные яства и напитки, которые они приняли» («There is joy in all the heavens today because the like of this meeting has not been seen since the days of Abraham. Then I offered them spiritual food and drink which they accepted») [Ibid., 242]. Указание духов на то, что Мэтти спасет ребенка, который «принесет в мир духовный язык, на котором народы станут разговаривать друг с другом» («That child shall bring the spiritual language into the world and nation shall speak it unto nation») [Ibid., *242*], уподобляет Мэтти Иоанну Крестителю. «Подобно пророку Иезекиилю, который клал черепицы и разрушал их, чтобы показать судьбу города Иерусалима, так и Мэтти молчаливо дает перед людьми странные представления из спичечных коробков и пытается предупредить их о приближении Апокалипсиса» [Takamoto, 2000, *42*]. По мнению В. Тайгер, Мэтти представляет себя пророком Илией. В результате образ Мэтти вбирает в себя черты разных библейских пророков, он не новый Христос или Изекииль, а герой-мистик XX века, имеющий типичную для святого судьбу [Шанина, 2019].

Повествование с точки зрения Мэтти сменяется историей Софи Стэнхоуп. По своим качествам эти образы совершенно контрастные: Софи притягательно прекрасна, Мэтти отталкивающе безобразен, Софи опирается на чувственное постижение мира, она глубоко эгоцентрична, поэтому встает на путь насилия и преступления, тогда как для Мэтти важнее духовное постижение мира, он совершает подвиг самопожертвования. Постепенное преодоление личностного сознания ведет Мэтти к свету: ему открывается божественная сущность в виде «белого духа с солнечным нимбом» («He was dressed all in white and with the circle of the sun round his head») [Golding, 1979, *242*], сам он в финале является Педигри в виде «золота, ветра, чудесного света и тепла» («gold, this wind, this wonderful light and warmth») [Ibid., *260*]. Тьма собственного сознания – это то единственное, во что верит и Софи. Осознавая приближающийся конец света, Софи в отличие от Мэтти не пытается его предотвратить, а стремится соответствовать ему: «The seventh day of the seventh month of the seventy-seventh year; so it was seven, stroke, seven, stroke, seven, seven <…> Everything's running down. Unwinding. We're just – tangles. <…> Everything is just a tangle and it slides out of itself bit by bit towards something that's simpler and simpler – and we can help it. Be a part…» («Седьмой день седьмого месяца семьдесят седьмого года; то есть – семь, тире, семь, тире, семь, семь. <…> Но совпадения… это нечто большее…<…> Все в мире движется к концу. Разматывается. Мы всего лишь клубки. Все вещи на свете – клубки, они разматываются мало-помалу и становятся все проще и проще… и мы можем этому помочь. Стать частью этого») [Ibid., 152].

Несмотря на все различия, образы Мэтти и Софи во многом уподобляются друг другу. Их судьбы схожи: в детстве они не знают родительской

любви, мучительно ищут свое особое предназначение, обладают исключительной духовной силой, они оказываются в плену галлюцинаций. По мнению Редпаса, первая и вторая часть романа соотносятся друг с другом по принципу зеркальности [Redpath, 1986, *8–9*]. Так, Мэтти рождается из огня и умирает в нем, пожар в Лондоне военных лет и пожар в школе. Смерть Хэндерсона соотносится с воображаемым убийством мальчика Софи. Мэтти задается вопросом: «Кто я?», а Софи разрабатывает план киднеппинга и т.д. Центральным оказывается эпизод, когда Мэтти видит, как двойняшки идут в книжный магазин. В сложной композиции романа отражается философская концепция писателя, согласно которой «попытки Софи содействовать процессу энтропии в конце концов способствуют добровольной жертве Мэтти, акту, который останавливает разрушение и восстанавливает порядок» [McCarron, 1995, *50*]. Герои воплощают не просто силы добра и зла, а две различные стратегии самоопределения. Для Мэтти оно связано с осознанием своего места в мире, имеющем трансцендентное начало, перед которым герой ощущает свою ответственность, Софи же олицетворяет индивидуалистические устремления, поэтому предчувствие конца порождает в ней безнаказанность и чувство абсолютной свободы в действиях. Но в целом разнонаправленная деятельность персонажей способствует сохранению хрупкого баланса, который может удержать мир от окончательного распада.

Идея единства реализуется и в названии третьей части романа «Единожды один» (в оригинале «One is One»). Оно представляет собой цитату из известной английской фольклорной песни «Green Grow the Rushes, O», имеющей мнемоническое предназначение:

One is one and all alone
And evermore shall be so.
(Один-один и совсем один.
И так будет всегда).

К переработке песни обращались многие авторы, она имеет различные толкования смысла. По одной из версий, ее содержание представляет собой аллегорическое изложение постулатов христианской веры и приведенная выше цитата соотносится с утверждением единства Бога. По отношению к идейному содержанию романа смысл названия третьей части – в утверждении неизбежности единства и сложной взаимосвязи всего мира. Ощущение его целостности передается и через композиционную структуру романа, в которой доминирует принцип троичности. Произведение разделено на три части, Мэтти трижды случайно сталкивается со своим антагонистом Софи, перед смертью Мэтти является подобие Святой Троицы, участниками спиритического сеанса Философского общества становятся три персонажа и т.д. Ученые (Клив) усматривают в этом следование христианской триаде или ее светской гегельянской модели тезиса, антитезиса, синтеза (В. Тайгер). На наш взгляд, принцип троичности в структуре романа

может быть соотнесен с теорией о Троице святого Августина, к чьим трудам Голдинг неоднократно обращался [Шанина, Федоров, 2015]. Св. Августин, рассуждая о Троице, прибегает к целому ряду аналогий. Одна из них – «человек, который есть образ Божий, может дать подходящую к этому аналогию, и именно той своей стороной, которой он является причастником божественного существа, т.е. духовной своей природой. Рассматриваемый как любовь, дух предполагает, во-первых – любящего, во-вторых – предмет любви, в-третьих – саму любовь» [Христианство, 1995, *393*]. В целом обобщение суждений Августина позволяет воспринимать Троицу как единение объекта, субъекта на основе отношений между ними, которые и есть суть Святого Духа. Так и в тексте У. Голдинга за противоречивыми бинарными началами, ведущими мир к распаду, угадывается объединяющий их сакральный смысл, который не выражен напрямую, а представлен с помощью системы символов, соотносимых с традициями европейского мистицизма.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что роман У. Голдинга «Зримая тьма» является образцом интеллектуальной прозы последней трети XX века. Поэтика названий, скрытое и явное цитирование, обращение к символике чисел, многочисленные библейские и мифологические аллюзии, намеки и недосказанность в тексте вовлекают читателя в своеобразную игру смыслами, заставляют неоднократно возвращаться к тем или иным деталям, событиям в поисках ключа к созданному писателем лабиринту текста и значений. Отдельные слова, детали выступают одновременно и в тривиальном, и в мистическом значении, отражая глубокое противоречие между мистическим мировосприятием и современной писателю действительностью. Но актуализация традиций мистицизма как особого способа познания окружающего мира на уровне поэтики текста романа представляет, на наш взгляд, авторскую позицию. Уильям Голдинг стремился утвердить приоритет духовного начала, обеспечивающего единство всего сущего, убежденность в необходимости богостроительства как основы духовной жизни личности.

ЛИТЕРАТУРА

Христианство: энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 3 / под ред. С.С. Аверинцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 783 с.

Шанина Ю.А. Миф о спасителе в романе У. Голдинга «Зримая тьма» // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции / под ред. О.А. Габриеляна [и др.]. Севастополь, 2019. С. 97–100.

Шанина Ю.А., Федоров А.А. Категория божественного в произведениях У. Голдинга // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4, № 6. С. 431–439.

Carey J. William Golding: The Man who Wrote Lord of the Flies. London: Faber & Faber, 2012. 573 p.

Cleve G. Some Elements of Mysticism in William Golding's Novel *Darkness Visible* // Neuphilologische Mitteilungen. 1982. Vol. 83, No. 4. P. 457–470.

Golding W. Belief and Creativity // Golding W. A Moving Target. London, 1982.

Golding W. Darkness Visible. New York: Farrar, 1979. 265 p.

Golding W. Thinking as a Hobby // The Norton Reader, Shorter Eleventh Edition. New York: W.W. Norton and Company, 2004. P. 124–130.

Crawford P. Politics and History in William Golding: The World Turned Upside Down. University of Missouri Press: Columbia, 2002, 280 p.

Crompton D.W. Biblical and Classical Metaphor in *Darkness Visible* // Twentieth Century Literature. 1982. Vol. 28, No. 2. P. 195–215.

McCarron K. Darkness Visible and Dunciad // Critical Survey. 1995. Vol. 7, No. 1. P. 44–50.

Redpath P. Tricks of the Light: William Golding's *Darkness Visible* // Ariel: A Review of International English Literature. 1986. Vol. 17, No. 1 (January). P. 3–16.

Takamoto T. From Human Language to Spiritual Language: William Golding's Darkness Visible // Journal of National Fisheries University. 2000. 49(1). P. 35–49.

Tebbutt G. Reading and Righting: Metafiction and Metaphysics in William Golding's *Darkness Visible* // Twentieth Century Literature. 1993. Vol. 39, No. 1. P. 47–58.

Tiger V. William Golding's *Darkness Visible*: Namings, Numberings, and Narrative Strategies // Style. 1990. Vol. 24, No. 2. P. 284–301.

Vichy T. Tragic Experience and Poetic Innocence in Darkness Visible // Fingering Netsukes: Selected Papers from the First International William Golding Conference. Université de Saint-Etienne, 1995. P. 129–138.

Yu.A. Shanina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Russian Literature,
Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla
Ufa, Russia

Mysticism and Spiritual Problems in William Golding's «Darknes Visible»

The article is devoted to the study of William Golding's «Darkness Visible» (1979) within the context of mysticism as the way of conceiving the world, which is based on the idea of supernatural, mysterious foundation of existence and connected with the search for the forms of divine identity. The purpose of the work is to determine the forms in the representation of mystic traditions and its' function in solving main questions set by the author.

The comprehensive analysis of the novel's structure shows that its plot has a mystic meaning. Due to the quotation namings, numerous allusions in «Darkness Visible» resembles books conceived as the prophecies. The role of modern mystic is played by Matty, one of Golding's heroes, who has theophany experience.

The model of the world, created by Golding, is founded on the mystic symbols and motifs, that are compiled on the principles of binarity and trinity. It reflects the author's idea of the spiritual background of existence, supporting unity and balance of the world in the situation of entropy. In that way, Golding's appeal to mystic traditions is caused by searching alternative ways to resolve contradictions that become prominent in the postmodern era.

Key words: *allusion; divinity; W. Golding; mysticism; poetics; problematics; symbol.*

REFERENCES

Christianity: An encyclopedic dictionary in 3 volumes [Khristianstvo: enciklopedichesky slova': V 3-kh tomah]. Ed. by S.S. Averintsev. Moscow, The Great Russian Encyclopedia, 1995. Vol. 3. 783 p. (in Russian).

Shanina Yu.A. The myth of the savior in W. Golding's novel «Darkness Visible» [Mif o spasitele v romane U. Goldinga «Zrimaya t'ma»]. *Mif v istorii, politike, kul'ture: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii* [Myth in history, politics, culture: collection of materials of the III International scientific interdisciplinary conference]. Ed. by O.A. Gabrielyan [et al.]. Sevastopol, 2019, pp. 97–100 (in Russian).

Shanina Yu.A., Fedorov A.A. The category of the divine in the works of W. Golding [Kategoriya bozhestvennogo v proizvedeniyakh U. Goldinga]. *Rossiysky gumanitarny zhurnal*, 2015, vol. 4, no. 6, pp. 431–439 (in Russian).

Carey John. William Golding: The Man who Wrote Lord of the Flies. London, Faber & Faber, 2012. 573 p. (in English).

Cleve Gunnel. Some elements of mysticism in William Golding's novel *Darkness Visible*. *Neuphilologische Mitteilungen*, 1982, vol. 83, no. 4 (1982), pp. 457–470 (in English).

Crawford Paul. Politics and history in William Golding: The world turned upside down. University of Missouri Press, Columbia, 2002, 280 p. (in English).

Crompton Donald W. Biblical and classical metaphor in *Darkness Visible*. Twentieth Century Literature, 1982, pp. 195–215 (in English).

Golding William. Belief and Creativity. Golding W. A Moving Target. London, 1982 (in English).

Golding William. Darkness Visible. New York, Farrar. 1979. 265 p. (in English).

Golding William. Thinking as a Hobby. The Norton Reader, Shorter Eleventh Edition. New York, W.W. Norton and Company, 2004, pp. 124–130 (in English).

McCarron Kevin. Darkness Visible and Dunciad. *Critical Survey*, 1995, vol. 7, no. 1, pp. 44–50 (in English).

Redpath Philip. Tricks of the Light: William Golding's *Darkness Visible*. *Ariel: A Review of International English Literature*, January, 1986, vol. 17, no. 1, pp. 3–16 (in English).

Takamoto Takako. From Human Language to Spiritual Language: William Golding's Darkness Visible. *Journal of National Fisheries University*, 2000, no. 49(1), pp. 35–49 (in English).

Tebbutt Glorie. Reading and Righting: Metafiction and Metaphysics in William Golding's *Darkness Visible*. *Twentieth Century Literature*, Spring, 1993, vol. 39, no. 1, pp. 47–58 (in English).

Tiger Virginia. William Golding's *Darkness Visible*: Namings, Numberings, and Narrative Strategies. *Style*, Summer 1990, vol. 24, no. 2, pp. 284–301 (in English).

Vichy Thesere. Tragic Experience and Poetic Innocence in Darkness Visible. Fingering Netsukes: Selected Papers from the First International William Golding Conference. Université de Saint-Etienne, 1995, pp. 129–138 (in English).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.А. Максимчук, Е.Ф. Троицкий
Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия

УДК 811.378.1.

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-99-112

УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ С ЗООНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ В АСПЕКТЕ ФРАЗЕОГРАФИИ (на материале Словаря смоленских говоров)

Ключевые слова: *смоленские говоры; фразеология; устойчивый оборот; фразеография; зоонимическая лексика.*

Статья посвящена характеристике устойчивых оборотов в составе Словаря смоленских говоров как основы диалектного фразеологического словаря.

В современной диалектологии и диалектной лексикографии расширяется внимание к описанию диалектного фразеологического материала. В рамках диалектной фразеографии разрабатываются общие и региональные словари диалектной фразеологии. Основу этих словарей, как правило, составляют словари русских народных говоров, в которых тем или иным образом отражены фразеологические связи заголовочных единиц. Однако для полноценного представления о составе, характере, свойствах устойчивых оборотов необходимо их комплексное рассмотрение в жанре собственно фразеологического словаря.

Устойчивые обороты занимают в составе Словаря смоленских говоров заметное место как по количеству зафиксированных единиц, так и по тематическому, структурному, семантическому разнообразию. В статье свойства фразеологического материала, представленного в Словаре, рассматриваются на примере устойчивых оборотов с зоонимической лексикой. Анализируются лексические, грамматические, семантические, лингвокультурные характеристики устойчивых оборотов, важные для их фразеографического описания.

В перспективе проведение такого анализа на материале различных говоров позволит выяснить, насколько продуктивны те или иные модели устойчивых оборотов с зоонимической лексикой в различных говорах, какими зооморфными образами в разных диалектах выражается та или иная характеристика объекта, совпадает ли их оценочная семантика, какие

фразеологические единицы с зооморфизмами вошли в состав общенародного фразеологического фонда, а какие остались принадлежностью отдельного говора и почему и т.д.

Современный этап в исследовании русских народных говоров отличается по меньшей мере двумя ярко выраженными чертами. Во-первых, расширением методологической базы данной научной дисциплины, привлекающей для собственных целей понятия и методы новых лингвистических теорий и направлений – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, диалектной ономастики, компьютерной лингвистики и т.д., что открывает новые возможности и ставит перед диалектологией новые задачи, в числе которых исследование диалектной картины мира и языковой личности диалектоносителя (по выражению В.А. Масловой – «первоосновы национальной языковой личности» [Маслова, 2001, *77*]), характеристика диалектного дискурса, описание и изучение микротопонимии определенной территории, диалектных особенностей антропонимикона и т.д. (см. работы Т.И. Чагишевой, В.И. Вендиной, Л.Л. Касаткина, Т.А. Демешкиной, К.И. Демидовой, Е.Л. Березович, Н.А. Закуткиной, С.С. Земичевой, О.Ю. Крючковой, В.Е. Гольдина, М.В. Власковой, Е.В. Прокофьевой, И.И. Просвиркиной, О.А. Радченко и мн. др.).

Вторая черта, как представляется, связана с тем, что эти исследования проходят в условиях усилившегося сегодня осознания «конечности» территориальных диалектов русского языка, обусловленной, помимо объективных факторов в развитии системы языка, происходящим на наших глазах исчезновением среды бытования народных говоров – традиционной русской деревни. По словам Л. Вайсбергера, воспринимая диалект как «языковое освоение родных мест», которое «превращает конкретное экзистенциальное пространство в духовную родину» (цит. по: [Радченко, Закуткина, 2004, *32*], нельзя не задумываться о последствиях утраты «духовной родины». Этот факт побуждает исследователей с повышенным вниманием относиться к самым, на прежний взгляд, мелким и малозначимым деталям, особенностям, подробностям в описании состава, семантики диалектного языкового материала и его функционирования, в характеристике диалектной языковой личности, роль которой как информанта – на фоне «уходящей натуры» – сегодня приобретает особое значение «последней инстанции» и «последнего свидетеля».

В рамках диалектологии и диалектной лексикографии уже не одно десятилетие активно развивается направление, связанное с описанием диалектного фразеологического материала. Предложенный в 2002 году А.М. Бабкиным термин «фразеография» сегодня объединяет фразеологические словари говоров многих российских регионов (в их числе: Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья (К.Н. Прокошева), Словарь псковских пословиц и поговорок (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина), Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии (М.Ф. Дружинина), Словарь фразеологизмов говоров Кубани (В.И. Андрющенко, Р.Я. Иванова,

Т.Г. Иванова), Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры (Н.А. Ставшина), Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья» (С.С. Аксенова, Н.Г. Баканова, Н.А. Смолякова), Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми (И.А. Кобелева), Фразеологический словарь русских говоров Сибири (А.И. Федоров и др.) и др.), а также пограничных территорий (см., например, разработку фразеологического словаря могилевско-смоленских пограничных говоров [Сузанович, Шаповалова, 1999] и др.).

Разрабатывается теория диалектной фразеографии (подробнее об этом см.: [Кобелева, 2012] и др.). Важнейшим источником фразеологического материала становятся диалектные словари, которые, как правило, включают в свой состав устойчивые обороты (УО). Словарь смоленских говоров (ССГ) не является исключением [ССГ, 1974–2005].

Общепризнано, что фразеология – одно из наиболее ярких отражений национальной культуры «не только в плане системно-регулярной аномальности, но и в плане выражения… национальной самобытности народа – носителя языка» [Телия, 1996, *215*]. В этом отношении исследование диалектной фразеологии (в ее широком понимании) вызывает дополнительный интерес, поскольку именно в народных говорах более всего сохраняются те свойства и характеристики народного мировосприятия, способы его языкового представления, которые отражают самобытный мир национальной культуры.

Возникновение и функционирование диалектов неразрывно связано с освоением человеком окружающей его среды, встраиванием в эту среду, существованием в ней и сосуществованием с ее представителями и проявлениями. Флора и фауна – те исходные компоненты условий существования, которые не только окружали человека, живущего на земле, с рождения до смерти, но и составляли важнейшую часть большинства действий, событий, отношений с окружающим миром. В картине мира древнего человека природа – живая и неживая – в ее различных проявлениях была своеобразной точкой отсчета, эталоном, с которым сопоставлялось то, что было значимо для людей в различных сферах: трудовых процессах, социальных отношениях, бытовых, семейных и других сторонах жизни. Этим объясняется то, почему устойчивые обороты, включающие лексику тематических групп *Флора* и *Фауна*, не только представлены в диалектной фразеологии любого говора (и языка), но и занимают в ней весьма заметное место. В этом смысле устойчивые единицы с компонентом-зоонимом можно отнести к разряду универсальных фразеологических средств. Более того, в теории лингвокультурологии, оперирующей понятием *культурный код* (то есть «сеть», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, «членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, *297*]), *зоологический* (*зооморфный*) *код* относится к числу базовых кодов культуры (В.Н. Телия, Д.Б. Гудков, В.А. Маслова, В.В. Красных, М.В. Пименова и др.).

С помощью зооморфных образов в иносказательной форме описывается отношение представителей данной лингвокультуры к явлениям окружающего мира, в том числе – к человеку, его внешности, характеру, личным качествам, привычкам и т.д., поскольку «сопоставление человека с представителем животного мира, то есть с другим одушевленным существом, кажется носителю языка естественным и логичным» [Троянова, 2003, *70*]. Так, связь самых обидных характеристик человека с названиями домашних животных В.М. Мокиенко объясняет тем, что «наверно, самые существенные недостатки лучше всего познаются тогда, когда с живым существом… живешь и трудишься бок о бок» [Мокиенко, 2005, *108*].

Выделенные на основе таких сопоставлений признаки «язык регистрирует, закрепляет как свойственные денотату… что позволяет регулярно использовать название объекта как эталон определенных качеств» [Литвин, 1983, *27–28*]. Следовательно, зооморфизмы выражают отношение к окружающему, дают ему оценку. При этом необходимо понимать, что содержание такой оценки может быть обусловлено не столько реальными качествами животного, сколько теми свойствами, которые приписываются этим животным коллективным языковым сознанием. Именно поэтому образы одних и тех же животных в национальных лингвокультурах нередко выражают различную и даже противоположную оценку, а изучение таких различий приближает к более глубокому пониманию иной лингвокультуры и менталитета ее носителей. В то же время отметим, что нельзя недооценивать и рассмотрение случаев совпадения оценочной семантики зооморфных образов, что подтверждается существованием – при всей национально-культурной специфичности языков и народов – общекультурных универсальных понятий и представлений (такие сближения вплоть до совпадений наблюдаются в паремиологии даже неблизкородственных языков, например, в русском и турецком языках зооморфизмы *ворона*, *собака, лиса, волк, осел* имеют одинаковое оценочно-смысловое содержание [Бичер, 2015]).

В русском языке фразеологические единицы, содержащие в своем составе наименования животных, или зоонимы, и их производные, являются одной из наиболее распространенных групп. Тем интереснее выяснить, насколько продуктивны те или иные модели устойчивых оборотов с зоонимической лексикой в различных говорах, какими зооморфными образами в разных диалектах выражается та или иная характеристика объекта, совпадает ли их оценочная семантика, какие фразеологические единицы с зооморфизмами диалектной сферы бытования вошли в состав общенародного фразеологического фонда, а какие остались принадлежностью отдельного говора или группы и почему и т.д.

Очевидно, что поиск ответов на поставленные вопросы требует исследований сопоставительного характера. Однако надо заметить, что весьма ак-

тивно развивающееся сегодня направление лингвокультурологического анализа языковых единиц русского языка в сопоставлении с другими языками пока еще недостаточно представлено на уровне внутриязыковых оппозиций *общенародный язык – диалект* и особенно *диалект – диалект*.

Проведение подобных сопоставительных исследований предполагает обращение к имеющемуся диалектному фразеологическому материалу и его пополнение новыми данными, получаемыми в ходе пока еще возможных диалектологических экспедиций.

Работа по лексикографическому представлению фразеологического состава говоров сегодня проводится двумя взаимодополняющими путями: 1) путем создания на основе имеющихся диалектных словарей полного фразеологического словаря русских народных говоров (см. проект полного словаря народной фразеологии: [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2017–2018]) и 2) путем создания фразеологических словарей отдельных говоров на базе соответствующих региональных (см.: [Кобелева, 2012] и др.).

При огромных различиях в объеме описываемого материала и некоторых других различительных характеристиках осуществляемых вариантов создания диалектных фразеологических словарей многие вопросы лексикографирования диалектной фразеологии являются общими. К ним относится способ организации фразеологического материала. Одним из продуктивных способов представления устойчивых оборотов в диалектном фразеологическом словаре является его тематическая (идеографическая) организация, при которой материал группируется вокруг ключевых слов (понятий).

Предварительно отметим, что важной чертой ССГ является то, что его составляют языковые единицы: и собранные создателями Словаря в ходе более чем полувековых полевых исследований живой диалектной речи[1], и зафиксированные в «Смоленском областном словаре» В.Н. Добровольского, отражающем состояние смоленских говоров рубежа XIX–XX веков. Таким образом, ССГ дает представление о составе и качестве лексики смоленских говоров более чем векового периода, а указание на отмеченность данной заголовочной единицы в Словаре В.Н. Добровольского позволяет прослеживать динамические процессы, происходившие в диалектной лексике с конца XIX до начала XXI века. Кроме того, в «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского (1914) представлены и собранные автором пословицы Смолен-

[1]Словарь смоленских говоров (ССГ) – главный труд кафедры русского языка Смоленского государственного университета. Преподаватели и студенты Смоленского пединститута начали собирать диалектный материал уже в конце 40-х годов, то есть в период еще полноценного его существования и функционирования на территории Смоленской области. Работа непосредственно над словарем началась в 1956 году под руководством доцента кафедры русского языка С.А. Фессалоницкого, затем – профессора А.И. Ивановой, с 80-х годов прошлого века работой руководит профессор Л.З. Бояринова.

ского края, что обусловливает дополнительные возможности при исследовании смоленского фразеологического материала (как известно, весьма скромно отраженного в собрании В.И. Даля) [Смоленские говоры, 2015].

Вошедшие в ССГ устойчивые обороты выполняют в структуре словарной статьи, как правило, вспомогательную иллюстративную функцию, будучи частью семантизирующего контекста, демонстрируя сочетаемость заголовочной единицы и др. (см. работы по смоленской диалектной фразеологии: [Рыбкина, 1970; Новикова, 2003; Каткова, Рыжкова, 2009; Трубаева, 2015; Максимчук, 2019] и др.). Однако существенные количественные характеристики этих оборотов, их структурное, тематическое, семантическое разнообразие и т.д. позволяют рассматривать эту совокупность в качестве основы фразеологического словаря смоленских говоров.

На примере устойчивых оборотов с зоонимным компонентом (УОЗ), выделенных в Словаре смоленских говоров, рассмотрим некоторые лексические, грамматические, семантические и лингвокультурные характеристики УОЗ, важные для их фразеографического описания.

В рамках УОЗ Словаря смоленских говоров можно выделить несколько подгрупп тематической группы ***Фауна***, состав которых достаточно ограничен: *Птицы* (*дикие* и *домашние*); *Животные* (*домашние* и *дикие*); *Земноводные, пресмыкающиеся, моллюски*; *Насекомые*; *Ракообразные.*

В ТГ ***Птицы дикие*** входят: *ворона, кукушка, соловей, сорока, журавль*.

ТГ ***Птицы домашние*** включает следующие единицы: *гусь, курица, петух, цыпленок*.

В составе наиболее многочисленной ТГ ***Домашние животные*** отмечены: *бык, баран, жеребенок, коза, козел, конь, корова, кот, кошка, лошадь, пес, свинья, собака, телка, щенок*.

В ТГ ***Дикие животные*** всего три представителя фауны: *волк, заяц, медведь*.

К ТГ ***Земноводные***, ***пресмыкающиеся***, ***молюски*** относятся: *жаба, змей, змея, курапа, курапий лизун, лягушка*.

ТГ ***Насекомые***: *богова коровка*, *жук, метлух, пчела*.

ТГ ***Ракообразные***: рак.

Как видно из приведенного перечня, лишь несколько из представленных зоонимов являются **лексическими диалектизмами** или имеют диалектизм в своем составе: *богова коровка* (божья коровка), *курапа* (лягушка), *курапий лизун* (улитка, слизняк), *метлух* (‘червяк, якобы заводящийся в мозгу овец’ (ССГ, 6, *28*)). Остальные лексемы – слова общенародного фонда. Однако при переходе на словообразовательный уровень диалектные особенности зоонимов проявляются более широко. Так, производные отзоонимные прилагательные в составе устойчивых оборотов могут и совпадать с общенародными (*вороньи глазки*, *сорочьи ягоды*), и иметь диалектную форму (*козиный рог* – козий,

свиняцкий – в качественном значении: *жить по-свиняцки* (ССГ, 9, *64*)). Диалектная и общенародная формы могут существовать параллельно: *куриная – курячья – курячия слепота, волчьи – волчиныя – волчовыя ягоды.* В отдельных случаях параллельные формы могут различаться: 1) в употреблении (сочетаемости): *кукушкино платьице* и *кукуший листок, волчьи – волчиныя – волчовыя ягоды* и *волчиныя – волковы грибы*; 2) в употреблении и семантике: *конский* (*конская кислица*: ‘трава, поедаемая конем’ (ССГ, 5, 22) – относительное прилагательное) – *кониный* (*кониный перец*: ‘раннее весеннее растение с круглыми листьями’ (ССГ, 5, *22*) – относительное прилагательное) – *кониный* (*кониная работа*: ‘трудоемкая, требующая большой физической силы’ (ССГ, 5, *22*) – качественное прилагательное) и др.

С точки зрения **синтаксической структуры** большинство зафиксированных в ССГ устойчивых оборотов являются единицами номинативного типа. В составе УОЗ представлены несколько моделей словосочетаний. Наибольшей активностью отличаются двухсловные субстантивно-атрибутивные сочетания (*сорочьи глазки, подсосная корова, кошкины слезки и др.*). Далее идут глагольно-субстантивные (*соловьев считать, лить яйца, лизуна дать, свистать задом*), субстантивно-субстантивные предложно-падежные сочетания (*корова с соломы*, *лошадь под замуздкой, лошадь в соху*), глагольно-адвербиальные (*котом кататься, котом катиться*); сложные трех-, четырехсловные: *гнуть в козиный рог, гнуться в козиный рог*, *протянуть руку через коня*, (*смотреть*) *как баран на новые ворота* и некот. др.

Структурное разнообразие устойчивых оборотов в ССГ дополняют конструкции с приложением: *телка – первая солома* (‘телка первого года жизни ’ (ССГ, 10, *45*)), *телка – вторая солома* (‘телка второго года жизни ’ (ССГ, 10, *45*)) и др.

В рамках этой конструкции выделяются номинативные единицы с зоонимом *змея, змей*, имеющие фольклорное происхождение. Приведем фрагмент словарной статьи в ССГ, в которой присутствуют сведения лингвокультурологического характера: «Змей, я, м. Сказочное существо, приносящее в дом богатство. ● Змей-Гарадей, я, м. Фольк. Сказочное существо в заговоре от дурного глаза; Змей (Змей-Горынище). Фольк. Змей-Горыныч. ● Иди к Змеям. Бранное выражение. ● Змей-Любак. В народных поверьях – демон, бес, прилетающий соблазнять женщин (вдов и солдаток) в образе любимого мужчины; Змея, и, ж. Фольк. В сочетании с постоянными эпитетами в заговорах, сказках и под. ● Змея (Змея-Скорпея. ● Змея-Скарпея. ● Змея-Тарупея. ● Змея-Шкурупея)» (ССГ, 4, *45*). В составе фразеологического словаря такие единицы могут сопровождаться более развернутым лингвокультурологическим комментарием.

В **мотивационной составляющей** представленных в ССГ устойчивых оборотов отчетливо прослеживается закономерное восприятие диалектоносителем тесной природной связи животного и растительного мира.

Так, большое количество растений получили в лексике говора названия, мотивированные названиями представителей животного мира. В основе метафорического переноса чаще всего лежит выявленное на основе сравнения сходство приметных частей животных и птиц с элементами растений. В роли ключевых в таких оборотах используются следующие слова:

1) ***лапка***: *гусиная лапка* – растение *лапчатка гусиная* (сходство по форме)*, медвежья лапка* – растение *манжетка обыкновенная* (сходство по форме)*, котикова лапка*, *кошачьи лапки*, *кошурьи лапки* (сходство по форме и тактильному ощущению) – растение *бессмертник* (в последнем ряду интересно отметить, во-первых, словообразовательную вариативность отзоонимного прилагательного в составе устойчивых оборотов, во-вторых, то, что диалектный признак сочетания *кошачьи лапки* на фоне официального названия данного растения – *кошачья лапка* выражается грамматически – формой множественного числа), и др.;

2) ***глаза*** (*глазки*): *волчьи глаза – красная смородина* (сходство по форме и цвету); *вороньи глазки* – четырехлистное растение *вороний глаз*, в центре которого расположена темная блестящая ягода (сходство по форме и цвету), *сорочьи глазки* – растение *незабудка болотная* (сходство по форме) и др.;

3) **ушки**: *заячьи ушки* – виды трав (сходство формы); *медвежьи ушки* – растение *толокнянка* (сходство по форме) и др.;

4) ***шейка***: *раковая шейка* – трава *горец змеиный* (сходство по внешнему виду: цветом и структурой цветок напоминает рачьи чешуйки) и т.д.

Реже встречаются устойчивые сочетания на основе метафорического сравнения неодушевленных предметов с миром живой природы: *гуськовый кнут* – ‘длинный кнут, которым пользуются при езде на запряженных «гусем» (одна впереди другой) лошадях по узким зимним дорогам’ (ССГ, 3, *19*) (здесь нужно отметить двухступенчатую мотивацию: *гусь* (птица) – *гусем* (как гуси, *гуськом*) – *гуськовый*); *кошачьи горы – экспр*. русская печь (ССГ, 5, *29*) (метафора по способу достижения цели – движение вверх) и др.

В другой группе УОЗ мотивационными отношениями связаны характеристики человека и окружающего природного мира. Приведем несколько примеров, в которых образное сравнение строится на прямых ассоциациях: *петушиное сердце* – ‘о задиристом, вспыльчивом человеке’ (ССГ, 8, *23*); *козиная смерть*: *шутл*. ‘об исхудалом, изможденном человеке’ (ССГ, 5, *15*); *лягушка короватая*: *бран*. ‘в адрес человека, неприятного в каком-либо отношении’ (ССГ, 5, *25*) и др. В этих случаях перенос обычно происходит на основе сходства производимого впечатления, например, петушиная задиристость – общеизвестная характеристика этого представителя домашних птиц и т.д. Однако нужно заметить, что более распространенным в диалектной фразеологии ССГ является прием косвенной характеристики человека, которая, в том числе, производится и с использованием зоонимов. Так,

осуждение лени, неодобрение безделья, непродуктивной работы и под. выражается с помощью зооморфных образов: *соловьев считать* (‘не работать, находиться в бездействии’ (ССГ, 10, *20*), *соловьев щипать* (‘о работе пахаря на плохом коне’ (ССГ, 10, *20*) и др.

Зоонимные лексемы нередки в устойчивых оборотах с выраженной экспрессивной окраской, инвективах и под. Здесь встречаются единицы как номинативного, так и коммуникативного характера: *на пса* (‘зачем, с какой стати’ (ССГ, 9, *26*)), *на пса не годен* (‘ни на что не годен’ (ССГ, 9, *26*)), *со рта собаки скачут* (‘о бранчливом человеке’ (ССГ, 10, *18*)), *задергай тя волк, рак тебя распеки, иди к змеям* (бранные выражения) и др.

Отдельная группа устойчивых оборотов на основе зооморфизмов связана с традициями и обрядами: *водить коня* – ‘На святках водить по дворам ряженых (в вывороченных мехом наверх полушубках)’ (ССГ, т. 5) (отметим, что этот оборот используется и в номинативном значении: *водить коня* – держа лошадь под уздцы, идти впереди, указывая направление первой борозды при пахоте или направляя ее между бороздами при распашке); *протянуть руку через коня* – ‘поклясться (в торговле), закрепить сделку’ (ССГ, 5, *21*); *закинуть зайца* – ‘преградить дорогу свадьбе, требуя выкуп’ (ССГ, 4, *45*) и др.

В отдельную группу можно объединить устойчивые обороты, в которых зооморфная семантика выражается опосредованно, например, выражение *рога (роги) прошли между ними* означает ссору (ССГ, 9, *50*): животные, когда «выясняют отношения», пускают в ход рога; *притиснуть хвост кому-либо* – ‘значит *стеснить свободу действий*’ (ССГ, 9, *14*) (животное с зажатым хвостом не сможет двигаться); *хвост простыл* – ‘след простыл’ (ССГ, 11, *15*), *хвоста наломать* (*надрягать*) – ‘наказать’ (ССГ, 11, *15*), *насыпать соли на хвост (кому-л.).* ‘О том, кого уже не вернуть’ (ССГ, 11, *15*) и др.; *стать раком* – ‘на четвереньки, как рак’ (ССГ, 9, *36*), *свой не свой, а раком не стой* – ‘предупреждение не становиться на пути кому-либо’ (ССГ, 9, *36*).

При изучении диалектной фразеологии и разработке способов ее лексикографического представления возникает тема фразеологической синонимии, которая проявляется как на внутри- или междиалектном уровне, так и на уровне *диалект – общенародный язык*. Последнее соотношение интересно, помимо прочего, тем, что его исследование – это поиск ответа на вопрос, какие свойства и особенности устойчивых оборотов способствуют тому, что при тождественной или близкой семантике и схожести формы выражения один из них остается принадлежностью диалекта, а другой переходит в общенародное употребление.

В ССГ зафиксирован устойчивый оборот *соловьев считать* в значении ‘не работать, находиться в бездействии’ (ССГ, 8, *20*). В общенародном употреблении для выражения данной оценочной семантики, как известно,

закрепилось синонимичное сочетание с другим зоонимом из той же тематической группы – *считать ворон*. Общая мотивировка обоих выражений ясна: «Как известно, в самых разных языках фразеологические синонимы со значением ‘бездельничать’ не образуются на основе ассоциаций с полезной, пусть даже и легкой работой» [Мокиенко, Никитина, 2018, *86*]. Однако на примере этих устойчивых сочетаний можно попытаться определить, почему судьба синонимичных оборотов с однотипной метафоричностью складывается по-разному, или, в данном конкретном случае, почему в состязании соловьев и ворон победили вороны (при том что общее количество различных устойчивых оборотов с обоими зоонимами в русском языке достаточно велико и сопоставимо по количеству).

Можно предположить, что прежде всего, вероятно, имеют значение видовые особенности и степень распространенности этих птиц: соловей, в отличие от вороны, – птица перелетная, то есть она находится рядом с человеком лишь несколько месяцев в году (ср.: *соловей месяц поет, а ворона круглый год каркает*), следовательно, и «считать» ворон (бездельничать) можно независимо от времени года и т.д. Кроме того, вороны привычны не только для сельской местности, но и для жителей городов, соловей – птица лесная, деревенская.

Размеры птиц, их внешний облик и образ жизни также значительно различаются: крупные черные вороны могут постоянно находиться в поле зрения человека (то есть постоянно доступны для «счета»), маленького серого соловья трудно обнаружить в густых зарослях, пока он не подаст голос, а делает это он только в ночное время.

Таким образом, если представить занятие «считать ворон» – «считать соловьев» как иронический эквивалент работы, то нужно согласиться, что в прямом смысле считать соловьев труднее, чем считать ворон, поскольку ворона весь год рядом с человеком, она хорошо заметна благодаря своему окрасу и размеру, она громко каркает, что привлекает к ней дополнительное внимание. В связи с этим можно сделать вывод, что, во-первых, семантика *безделия* более выпукло представлена именно в выражении *считать ворон* и, во-вторых, внутренняя форма этого оборота легко доступна не только диалектоносителям, но и более широкому кругу носителей русского языка.

Рассмотрение выделенной группы устойчивых оборотов позволяет сделать некоторые выводы, существенные для развернутого фразеографирования диалектного материала. При определении макроструктуры диалектного фразеологического словаря необходимо найти оптимальное сочетание тематического и семантического принципов организации материала с опорой на ключевые слова. Диалектные особенности фразеологических единиц могут проявляться на любом языковом уровне (лексическом, словообразовательном, синтаксическом и др.) или в различных комбинациях раз-

ноуровневых характеристик, каждая из которых должна быть целесообразным образом отражена в структуре словарной статьи. Важным элементом микроструктуры словаря будет зона лингвокультурной информации, включающая сведения лингвокраеведческого характера. Парадигматические отношения устойчивых оборотов в Словаре смоленских говоров в наибольшей степени представлены отношениями синонимии, при описании которых необходимо указывать различительные признаки такого рода единиц, сопровождая их необходимым комментарием и т.д.

Сформулированные выводы могут быть востребованы при разработке принципов организации словаря смоленской диалектной фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

Бичер О. Русские пословицы и поговорки с компонентом-зоонимов (на фоне турецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 24 с.

Земичева С.С. Индивидуальный тезаурус диалектоносителя: концепция словаря // Вопросы лексикографии. 1917. № 12. С. 24–38.

Каткова Л.Г., Рыжкова А.Г. Человек в русской диалектной фразеологии (на материале «Словаря смоленских говоров») // На холмах смоленских: материалы первого областного краеведческого фестиваля. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009.

Кобелева И.А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Новгород, 2012. 38 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. 284 с.

Литвин Ф.А. Экспрессивность как свойство лексико-семантической группы // Экспрессивность лексики и фразеологии: сборник научных работ / под ред. К.А. Тимофеева. Новосибирск, 1983. С. 84–93.

Максимчук Н.А. Синонимия устойчивых оборотов в Словаре смоленских говоров: опыт анализа // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48). С. 122–132.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 80–106.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Полный фразеологический словарь русских народных говоров (с компьютерной базой данных). Проект. СПб., 2017–2018.

Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М.: Азбука-классика, Авалонъ, 2005. 256 с.

Новикова Н.Н. Диалектные фразеологизмы, их функционирование в речи (на материале «Словаря смоленских говоров») // Смоленские говоры – Литературный язык – культура. Смоленск, 2003.

Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

Рыбкина О.И. Заметки о фразеологических единицах в «Словаре смоленских говоров» // Вопросы теории и методики изучения русского языка: ученые записки Смоленского государственного педагогического института. Вып. XXII. Смоленск, 1970.

Смоленские говоры: коллективная монография / под ред. Л.З. Бояриновой. Смоленск: Свиток; Изд-во СмолГУ, 2015. 384 с.

Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. Разработка фразеологических оборотов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 29–30 июля 1999 г.). Смоленск: СГПУ, 1999. Ч. 1: История языка и диалектология. С. 147–151.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурные аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Троянова Т. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках: дис. … д-ра филос. наук. Тарту, 2003. 166 с.

Трубаева М.Н. Устойчивые сочетания в системе смоленского диалекта // Смоленские говоры: коллективная монография / под ред. Л.З. Бояриновой. Смоленск: Свиток; Изд-во СмолГУ, 2015. С. 61–69.

ИСТОЧНИКИ

Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

N.A. Maksimchuk
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

E.F. Troitsky
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Department of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Fixed Expressions with Zoonymic Words in Terms of Phraseography (Based on the Dictionary of Smolensk Dialects)

The article is devoted to the characteristics of fixed expressions in the Dictionary of Smolensk Dialects as the basis of a dialect phraseological dictionary.

In modern dialectology and dialect lexicography, attention is mostly paid to the description of dialect phraseological material. Within the framework of dialect phraseography, general and regional dictionaries of dialect phraseology are being developed. The basis of these dictionaries, as a rule, is made up of dictionaries of Russian folk dialects, in which the phraseological connections of the heading units are reflected in one way or another. However, for a complete understanding of the composition, character, properties of fixed expressions, it is necessary to comprehensively consider them in the genre of the phraseological dictionary itself.

Fixed expressions occupy a noticeable part in the Dictionary of Smolensk Dialects both in the number of recorded units and in thematic, structural, and semantic diversity. In the article, the properties of the phraseological material presented in the Dictionary are considered on the example of fixed expressions with zoonymic vocabulary. The article analyzes lexical, grammatical, semantic,

linguocultural characteristics of fixed expressions, that are important for their phraseographic description.

In the future, the analysis of the material devoted to various dialects will make it possible to find out how productive certain models of fixed expressions with zoonymic vocabulary in different dialects are, what zoomorphic images in different dialects express this or that characteristic of an object, whether their evaluative semantics coincide, what phraseological units with zoomorphisms have become a part of the national phraseological fund, and which have remained as a separate dialect and why, etc.

Key words: *Smolensk dialects; phraseology; fixed expressions; phraseography; zoonymic words.*

REFERENCES

Bicher O. Russian proverbs and sayings with a zoonym component (against the background of the Turkish language). Thesis ... cand. of philol. sciences [Russkie poslovitsy i pogovorki s komponentom-zoonimov na fone turetskogo iazyka. Avtoref. … dis. kand. filol. nauk]. Smolensk, 2015. 24 p. (in Russian).

Katkova L.G. Ryzhkova A.G. Man in Russian dialect phraseology (based on the «Dictionary of Smolensk dialects») [Chelovek v russkoi dialektnoi frazeologii na materiale Slovaria smolenskikh govorov]. *Na kholmakh smolenskikh: materialy pervogo oblastnogo kraevedcheskogo festivalya* [On the Smolensk hills: materials of the first regional local history festival]. Smolensk, Smolensk State University, 2009 (in Russian).

Kobeleva I.A. Modern Russian dialect phraseology: lexico-grammatical and lexicographic aspects. Thesis … doctor of philological sciences [Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheskiy i leksikograficheskiy aspekty. Avtoref. … dis. doktora filol. nauk]. Novgorod, 2012. 38 p. (in Russian).

Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology [Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya]. Moscow, 2002. 284 p. (in Russian).

Litvin F.A. Expressiveness as a property of the lexico-semantic group [Ekspressivnost' kak svoistvo leksiko-semanticheskoi gruppy]. *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii*. Collection of scientific papers. Ed. by K.A. Timofeyeva. Novosibirsk, 1983, pp. 84–93 (in Russian).

Maksimchuk N.A. Synonymy of fixed expressions in the Dictionary of Smolensk Dialects: An analysis experience [Sinonimiya ustoychivykh oborotov v Slovare smolenskikh govorov: opyt analiza]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 122–132 (in Russian).

Maslova V.A. Linguoculturology [Lingvokul'turologiya]. Moscow, «Akademiya» publishing center, 2001. 208 p. (in Russian).

Mokienko V.M. Into the depths of the saying. Stories about the origin of winged words and figurative expressions [V glub pogovorki. Rasskazy o proiskhozhdenii krylatykh slov i obraznykh vyrazheny]. Moscow, Azbuka-klassika, Avalon, 2005. 256 p. (in Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Towards the concept of a complete vocabulary of folk phraseology: problems of macrostructuring [K kontseptsii polnogo slovaria narodnoi frazeologii problemy makrostrukturirovaniya] *Voprosy leksikografii*, 2018, no. 14, pp. 80–106 (in Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva Ye.K. Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects (with a computer database) [Polny frazeologichesky slovar russkikh narodnykh govorov (s kompiuternoi bazoi dannykh)]. St. Petersburg, *Proyekt*, 2017–2018 (in Russian).

Novikova N.N. Dialectal phraseological units, their functioning in speech (based on the «Dictionary of Smolensk Dialects») [Dialektnye frazeologizmy ikh funktsionirovanie v rechi na materiale

Slovarya smolenskikh govorov]. Smolensk, *Smolenskie govory. Literaturny yazyk. Kultura*, 2003 (in Russian).

Radchenko O.A., Zakutkina N.A. Dialectal picture of the world as an ideo-ethnic phenomenon [Dialektnaya kartina mira kak ideoe`tnicheskij fenomen]. *Voprosy yazy`koznaniya*, 2004, no. 6, pp. 25–48 (in Russian).

Rybkina O.I. Notes on phraseological units in the «Dictionary of Smolensk Dialects» [Zametki o frazeologicheskikh yedinitsakh v Slovare smolenskikh govorov]. *Voprosy teorii i metodiki izucheniya russkogo yazyka. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp.* XXII [Questions of theory and methods of studying the Russian language. Scientific notes of Smolensk State Pedagogical Institute. Issue XXII]. Smolensk, 1970. (in Russian).

Smolensk dialects [Smolenskie govory]. A collective monograph. Ed. by L.Z. Boyarinova. Smolensk, Svitok, Smolensk State University, 2015. 384 p. (in Russian).

Suzanovich V.B Spapovalova L.I. Development of phraseological units in the «Dictionary of the Mogilev-Smolensk Border Dialects» [Razrabotka frazeologicheskikh oborotov v Slovare mogilevsko-smolenskikh pogranichnykh govorov]. *Raznourovnevye kharakteristiki leksicheskikh edinits: sbornik nauchnykh statei po materialam dokladov i soobshchenii Smolensk 29–30 iyulya 1999 g.* [Multilevel characteristics of lexical units: a collection of scientific articles based on reports and messages (Smolensk, July 29–30, 1999)]. Smolensk, SSPU, 1999, Ch. 1, *Istoriya yazyka i dialektologiya*, pp. 147–151 (in Russian).

Teliya V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects [Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturnye aspekty]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 1996. 288 p. (in Russian).

Troyanova T. Anthropocentric metaphor in the Russian and Estonian languages: Thesis of doctor of philosophy [Antropotsentricheskaya metafora v russkom i estonskom yazykakh: dis. dok. filos. nauk]. Tartu, 2003, 166 p. (in Russian).

Trubayeva M.N. Fixed combinations in the Smolensk dialect system [Ustoichivye sochetaniya v sisteme smolenskogo dialekta]. Smolensk dialects. A collective monograph. Ed. by L.Z. Boyarinova [Smolenskie govory: kollektivnaya monografiya pod red L.Z. Boiarinovoi]. Smolensk, Svitok, Smolensk State University, 2015, pp. 61–69 (in Russian).

Zemicheva S.S. Individual thesaurus of a dialect carrier: the concept of a dictionary [Individualny tezaurus dialektonositelya: kontseptsiya slovarya]. *Voprosy leksikografii*. 1917, no. 12, pp. 24–38 (in Russian).

SOURCES

Dictionary of the Smolensk Dialects [Slovar' smolenskikh govorov]. Issue 1–11. Ed. by A.I. Ivanova, L.Z. Boyarinova. Smolensk, 1974–2005 (in Russian).

А.А. Стрельцов
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 81’373+811.111

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-113-129

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ПОСРЕДСТВОМ БЛЕНДИНГА: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *словообразование; блендинг; телескопия; словослияние; контаминация; окказионализм.*

В статье рассматривается вопрос классификации контаминированных лексических единиц, также известных как телескопные слова или бленды. Этот вопрос поднимался в работах ряда отечественных и зарубежных лингвистов, но не был изучен систематически: насколько нам известно, исследователи ограничивались рассмотрением отдельных аспектов этой проблемы, хотя и добились определенных успехов. Мы поставили себе цель, обобщив имеющиеся подходы и примеры, последние – преимущественно англо-, но также и русскоязычные, и выстроить наиболее полную и последовательную классификацию слов, образованных способом слияния основ.

Мы показали, что все бленды можно рассматривать как узуальные, зафиксированные в словарях, и окказиональные, у которых отмечены единичные случаи употребления в речи. Вне зависимости от критерия употребительности все бленды по способу образования делятся на частичные, полные, гаплологические, образованные наложением основ, и вставочные. Частичные образованы слиянием полной и усеченной основ, тогда как полные появились в результате объединения только лишь фрагментов, или «осколков», основ исходных слов; в обоих случаях объединение возможно в рамках несколько моделей. Отмечается фонетическая и графическая сочетаемость элементов, что может приводить к появлению омонимичных и паронимичных форм.

В образовании блендов участвуют слова разных частей речи, но подавляющее большинство образовано именами существительными, в меньшей степени – именами прилагательными и глаголами; отмечены единичные случаи использования наречий, местоимений и предлогов. Часто в образовании блендов участвуют одни и те же слова или однокоренные слова, поэтому возможно разделить подобные лексические единицы на нулевые и развернутые словообразовательные гнезда, перечень которых с примерами представлен в настоящей статье.

Ежегодно в русском и в английском языке появляется множество новых слов, причем, по мнению ряда некоторых исследователей [Лаврова, 2011, *128*; Хрущева, 2011а, *136*; Абросимова, 2012, *19*; Савчин, 2012, *295*], в

последние десятилетия, а именно на стыке XX–XXI веков, все более широкое распространение получает такой способ их создания, как контаминация (она же словослияние, телескопия или блендинг). Число контаминантов (слов-телескопов или же блендов) пошло на тысячи, и назрела необходимость их упорядочения. Между тем, несмотря на большое количество публикаций по различным аспектам данного способа словообразования, приходится признать, что «вопрос о классификации блендов практически не разработан» [Дельва, 2017, *108*]. И причина не в том, что исследователи обходят этот вопрос, – просто, насколько нам известно (а мы изучили свыше полусотни только русскоязычных статей и авторефератов), никто раньше не делал это систематически.

Проще всего разделить все бленды (ниже мы будем использовать именно этот термин) на имеющие словарную фиксацию (узуальные) и те, у которых ее нет: большая их часть – это ad hoc образования, то есть окказиональные слова, созданные по случаю [Воронин, 1968, *84*; Лаврова, 2011, *128*; Мурзаков, 2013, *21*; Хрущева, 2017, *66*; Никанорова, 2017, *46*]. При этом «узуальные и окказиональные единицы не противопоставлены кардинально с точки зрения способов их образования», как отмечает [Минеева, 2015, *66*].

Это дает нам первое основание для классификации, но следует учесть, что «до настоящего времени ученые не пришли к единому мнению относительно структурно-формальных особенностей таких своеобразных единиц, как слияния. Различные структурные типы слияний у отдельных исследователей отличаются друг от друга по ряду параметров» [Мурзаков, 2013, *14*]. Замечание о разнообразии точек зрения по вопросу способов образования данного типа лексических единиц в целом справедливо, но, обобщив мнения разных отечественных и зарубежных исследователей, можно все же выделить четыре основных (а всего выделяют 10, 16 и даже 22) типа (прежде чем продолжить рассмотрение, необходимо оговорить условные обозначения, применяемые нами и рядом других исследователей: a – начало первого слова, b – конец первого слова, c – начало второго слова, d – конец второго слова, так что первое слово – ab, а второе – cd):

1) частичные – один из компонентов представлен в своей неусеченной форме, то есть имеет место соединение одного полного слова (точнее, полной основы одного компонента) и части (осколка) другого слова – второго компонента. В этом случае возможны четыре варианта:

а) соединение полного первого исходного слова с конечным (финальным) фрагментом второго: ab + cd > abd, herstory = her + (hi)story, flirtationship = flirt + (rel)ationship, daffynition = daffy + (defi)nition; господарищи = господа + (това)рищи – демократы, которые в недавнем прошлом были коммунистами;

б) соединение начального (инициального) фрагмента первого исходного слова и полного второго исходного слова: ab + cd > acd, yestergay =

yester(day) + gay, cosplay = cos(tume) + to play, reminuisance = remi(nascence) + nuisance, to inspectigate = to inspect + to investigate. Первый вариант является более частотным, тогда как модели ab + cd > abc и ab + cd > bcd являются крайне редкими;

2) полные – оба компонента представлены «осколками», то есть усеченными формами различной протяженности:

а) соединение начального фрагмента первого исходного слова с конечным фрагментом второго: ab + cd > ad: teentailer = teen(ager) + (re)tailer; fleeancée = flee(ing) + (fi)ancée, statnoid = stat(istics) + (huma)noid, лапсик = лап(ушка) + (пуп)сик, вольностранцы = воль(ный) + (и)ностранцы, считатели = счита(ть) + (чита)тели. Данная модель является самой употребительной;

б) соединение начальных фрагментов первого и второго слова: ab + cd > ac: nico-teen = nico(tine) + teen(ager), scigov = sci(ence) + gov(ernment); модель ab + cd > bd – соединение конечных фрагментов первого и второго слова – является крайне редкой: to memberlect = to (re)member + to (recol)lect (существует и обратный вариант: to recomember = to recollect + to remember – напомнить, чтобы запомнить);

3) гаплологические – стяжение / слияние полных основ или фрагментов исходных слов с наложением отдельных букв / звуков, также известное как междусловное наложение: на конец основы одного слова (обычно первого) накладывается омонимичное начало другого слова: ab + cd > ab/cd: selectric = select + electric, enfantaisies = enfant + fantaisies, crashipwreck = crash + shipwreck, blobject = blob + object, эрудитятко = эрудит + дитятко, каламбурильщики = каламбур + бурильшики;

4) образования по типу «вставки» (тмезис от *греч.* «рассекать») – разделение слова путем вставки другого слова (точнее, одной основы в другую) или его компонента. В этом случае в составе исходного слова необходимо выделять три части: начальную, срединную (обозначим ее «e») и конечную:

а) aeb + cd > acb: autopathography = autho(bio)graphy + patho(logy);

б) aeb + cd > acdb: insandity = in(san)ity + sand, фальшивоманатчик = фальшиво(монет)чик + манат, ожлобленный = о(злоб)ленный + жлоб.

Специфика блендинга позволяет допустить более одного варианта разложения исходных слов на компоненты: askillity = a(bil)ity + skill/a(bi)lity + ski(ll) – приобретение навыков, шайбашники = ша(баш)ники + (ша)й(ба) / (шаба)шники + шайба, евроненавиденье = евро(вид)енье + ненавид(еть) / евровиденье + нена(видеть) [Сухорукова, 2004, *12*; Липилина, 2006, *89*; Ермоленко, 2007, *12–13*; Bakaradze, 2010, *90–91*; Хрущева, 2011б, *9–10*; Минеева, 2015, *59, 60*; Нухов, 2016, *785*; Vargas, 2018]. (Следует оговорить, что мы не ставили перед собой задачу определить ведущие тенденции в словообразовательном процессе – активность различных видов сочетаемости сло-

вообразовательных единиц в рамках определенной модели, ее продуктивность, поскольку это выходит за рамки классификаций и может представлять цель отдельного исследования).

Это объясняется тремя отличительными чертами данного способа словообразования:

1) поскольку фрагмент (осколок) слова может не являться морфемой (и чаще всего так и бывает), то блендинг не регулируется определенными правилами – не существует четких правил построения блендов, попытку вывести которые (под обозначением «типические особенности» – «prototypical features») предприняла [Лаврова, 2011, *171*]: вопреки ее предположениям, длина получившегося бленда при наложении всегда больше длины исходных слов, а иногда – и при сложении усеченных элементов, элемент короткого слова часто, но далеко не всегда, предшествует элементу более длинного, есть немало односложных блендов, а «хронологический порядок» [Шевелева, 2003, *14*] и [Ермоленко, 2007, *11*] иллюстрируют единственным примером: sprummer = spring + summer – время года, когда весна переходит в лето (сначала бывает весна, потом – лето);

2) в их состав может входить практически любой компонент слова – они могут быть составлены из произвольно усеченных слов: достаточно любого отрезка основы, напоминающего об исходном слове;

3) желательна, но не обязательна фонетическая и графическая сочетаемость – совпадение отдельных элементов общего звукового сегмента в обоих словах, которое в рамках статьи можно проиллюстрировать на примере орфографического сходства, проявляющегося в виде неполного наложения [Эрстлинг, 2010, *134*; Лаврова, 2011, *128*; Мурзаков, 2013, *9*; Храброва, 2017, *169–170*]: triffic = traf*fic* + terri*fic*, affluenza = af*fluen*ce + in*fluen*za – депрессивное состояние молодых людей, imagineer = to ima*gine* + eng*ine*er, лжирный = л*жив*ый + *жи*рный.

Соблюдение последнего условия может привести к появлению слов, омонимичных (или паронимичных) уже существующим в языке (facultea = faculty + tea – профессорско-преподавательский состав, часто пьющий чай вместе, bootique = boot + boutique, adverteasement = advertisement + tease – вымышленное печатное объявление, цель которого – выяснить, обращают ли читатели внимание на печатную рекламу), но никак не связанных по смыслу с исходными: rockoon = rocket + balloon – высотно-зондирующая ракета, стартующая с аэростата (*ср*. ra(c)coon – енот), russel = Russian + satellite – российский космический спутник (*ср.* Russell – антропоним), abend = abnormal / abortive end (*ср. нем.* der Abend – вечер), to shell = to shout + to yell (*ср.* shell – раковина), queek = queen + geek – поклонник королевы (*ср.* quick – быстрый) – мы обнаружили 8 примеров.

К сожалению, эти особенности не позволяют сформулировать приемлемое определение данного способа: все авторы [Шевелева, 2003; Астафурова, Сухорукова, 2006; Ермоленко, 2007; Хрущева, 2011б; Мурзаков, 2013] указывают, что это такой способ образования, при котором в результате взаимодействия двух или более исходных единиц (слов, основ, коррелятов) происходит их объединение (слияние) одним из вышеуказанных способов, хотя некоторые авторы [Лашкевич, 2005; Абросимова, 2012; Савчин, 2012; Синкевич, 2016; Шейфель, 2016; Барашева, 2019] не включают сюда наложение и вставку. Особо подчеркивается сохранение, полное или частичное, значения слитых компонентов.

В этой связи необходимо выделить достаточно большую группу блендов: begincement = beginning + commencement, to chooselect = to choose + to select, to correctify = to correct + to rectify, to cryell = to cry + to yell, demonster = demon + monster, to explainterpret = to explain + to interpret, fellad = fella + lad, globearth = globe + earth, gratisfaction = gratification + satisfaction, insinuendo = insinuation + innuendo, madame = madam + dame, to narratell = to narrate + to tell, needcessity = need + necessity, to smothercate = to smother + suffocate, spotch = spot + blotch, umpireferee = umpire + referee (мы привели 15 примеров). «Эти слова не несут новой смысловой информации, так как при их образовании сливаются синонимы или компоненты близких по значению слов, такие единицы создаются с целью передачи известного понятия или явления действительности в более эмоциональной и экспрессивной форме» [Архиреев, 2015, *43*]. Впрочем, иногда отличие является функциональным: gubbish = garbage + rubbish – компьютерный сленг, означающий непригодную для использования информацию.

Процесс образования блендов можно рассмотреть также с позиций собственно грамматики. Так, [Жукова, 2010, *9*] утверждает, что «большая часть контаминантов образована слиянием слов, принадлежащих к одной и той же части речи». И, действительно, согласно [Лаврова, 2013, *18*], самыми часто встречающимися являются сочетания N + N (64%), V + V (9%), Adj. + Adj. (7%), что в сумме дает 80%, но также популярны сочетания Adj. + N (7%), V + N (5%), N + Adj. (3,5%), что вместе с N + V (0,5%) составляет еще 16%. Оставшиеся 4% – это слияния с наречиями, числительными, местоимениями и предлогами: to three-peat = three + to repeat – три раза подряд выиграть чемпионат, fewteen = few + fifteen – число от 12 до 15, aftermorrow = after + tomorrow (в английском языке есть слова overmorrow – послезавтра, но оно считается устаревшим), to dup = do + up – открывать.

Хотя практически любое слово может участвовать в образовании блендов, есть несколько существительных, чаще других встречающихся в составе подобных слов. Одни обычно выступают в качестве первого компонента:

celebr(ity): celebreality = celebrity + reality – телешоу, съемка повседневной жизни знаменитости, cellebrity = cell + celebrity – известный преступник, celebrasian = celebrity + Asian – знаменитость азиатского происхождения, celebridiot = celebrity + idiot – знаменитость, ведущая себя глупо, celegram = celebrity + Instagram;

cinema: cinemogul = cinema + mogul – влиятельный кинопромышленник, cinemammoth – очень дорогой фильм, cinemusical = cinema + musical, cineplex = cinema + complex, cinemagic = cinema + magic;

ecoteur = ecological + saboteur – экодиверсант, ecolonomics = ecology + economics, econiche = ecological + niche, ecopolitics = ecological + politics (хотя возможен вариант economic + politics);

female: femail = female + mail, femcho = female + macho, feminar = female + seminar – семинар, предназначенный для женщин (в общей сложности 17 примеров).

Наиболее крупная (около 20 единиц) группа слов – с основой «man»:

a) поведение и состояние: to mansplain = man + explain – (о мужчинах) снисходительно объяснять что-либо женщине, полагая, что она не разбирается в предмете разговора (*ср. нем.* herrklären = (der) Herr + erklären), производные существительные – mansplanation, mansplaining; mansy = man + pansy – неженка, или такой мужчина, у которого отмечаются нытье и перепады настроения без видимой причины, mansitive = man + sensitive – очень чувствительный мужчина, mantastic = man + fantastic – состояние после успешного завершения «мужского» дела, подвига, mantality = man + mentality;

b) важные вещи: mantastrophe = man + catastrophe – нечто, имеющее катастрофические последствия для мужчины, как, например, жених, пропустивший свою свадьбу ввиду чрезмерного употребления алкоголя на предсвадебной холостяцкой вечеринке (мальчишнике), manbecue = man + barbecue – барбекю, приготовленное для мужской компании, manswer – обстоятельный ответ на вопрос, который интересен мужчинам, manthem = man + anthem – мужественная песня, которая вдохновляет на совершение мужских поступков (на стадионе или поле боя), Mennaissance = men + Rennaisance – мужской ответ на усиление роли женщин в культуре – возврат к мужественности в облике (бороды, клетчатые рубашки, потертые ботинки);

c) одежда, обувь, аксессуары: mandals = man + sandals – мужские сандалии, которые носятся с носками, manssiere = man + brassiere – бюстгальтер, созданный для ношения мужчиной, mankini = man + bikini – маленький обтягивающий мужской купальник, manties = man + panties, murse = man + purse – мужская сумочка, иногда дизайнерская, для переноски портативного компьютера, оружия и проч.;

d) прочее: manny = man + nanny – няня-мужчина, manstress = man + mistress – любовник (пренебрежительное), manbiguous = man + ambiguous – по-

ведение, ставящее под сомнение ориентацию мужчины, mantourage = man + entourage – группа мужчин, которая собирается вокруг привлекательной женщины, mand = man + hand – женщина с большими, «мужскими» руками.

sex: sext = sex + text – текст эротического содержания, полученный по мобильной связи, и производное sexting – рассылка подобных текстов или фотографий, to sexpect = sex + to expect – ожидать секса, sexation – 1. промежуток времени между знакомством и первой близостью (expectation), 2. вид отдыха на открытом воздухе (relaxation), 3. форма проведения отпуска (vacation), sexcited = sex + excited, sexcess = sex + eccess, sexpert = sex + expert, sexational = sex + sensational, sex-pose = sex + expose, sexions = sex + sessions, sexile = sex + exile – прогнать соседа по комнате, чтобы уединиться со своей второй половинкой, ambisextrous = ambi(d)extrous + sex, sexcapade = sex(ual) + escapade – рискованная и, возможно, незаконная сексуальная авантюра, sexplosion = sexual + explosion – название альбома электроник-рок-группы My Life With the Thrill Kill Kult – 13 примеров.

sin: sinfant – внебрачный ребенок, «плод греха», to sinspire = sin + to inspire, sinnuendo = sin + innuendo, sinsation – чувство удовлетворения от совершения чего-либо постыдного / греховного или ошибочного.

Twitter: Tweetgram = Tweet + Instagram, Twebay = Twitter + eBay – продажа через Twitter, twatch (ing) = Twitter + watch(ing) – просмотр сообщений без размещения собственных, Twiple = Twitter + people – пользователи Twitter, Twittership = Twitter + friendship / relationship, subtweet = subliminal + tweet – писать в Twitter о ком-либо, не упоминая имени.

web: webinar = web + seminar – вебинар – семинар, проводимый в сети Интернет, webference = web + conference – интернет-конференция, webcam = web + camera, wob = web + mob (в общей сложности около 50 примеров).

Некоторые могут быть как первым, так и вторым компонентом.

architecture: architourism = architecture + tourism – туризм, связанный с осмотром зданий и других архитектурных объектов, arcology = architecture + ecology, marchitecture = marketing + architecture.

bimbo (красивая, но глупая девушка): mimbo = male + bimbo – himbo = him + bimbo, bimboy = bimbo + boy.

cartoon: sportoons = sports + cartoons, cartune = cartoon + tune – музыкальный мультфильм, toytoon = toy + cartoon – мультфильм для детей с персонажами, модели которых можно купить в магазине игрушек.

Cinderella: Slenderella – название серии салонов в США, предлагающих специальный массаж и комплекс физических упражнений для снижения веса, Cinderelative – родственник, проживающий в доме на правах Золушки, Tinderella – девушка или женщина, которая проводит очень много времени в модном мобильном приложении, подобном сайту знакомств.

video: kidvid = kid + video, vidiot = video + idiot – человек, который проводит все свободное время перед экраном телевизора или компьютера,

vorage = forage + video – поиск видео в Интернете и обмен им с другими (всего 15 примеров).

Больше всего слов выступают вторым компонентом, хотя допустимы единичные исключения (в скобках – части слов, опускаемые при словослиянии):

activist: blacktivist – чернокожий активист или же человек, выступающий в защиту прав чернокожего населения, hacktivist (< hacker) – хакер, участвующий в кибер-атаках, хищении информации и т.п. по политическим соображениям, slacktivist (< slacker) – человек, не проявляющий активной поддержки по политическим или социальным вопросам;

actor / actress: operactress, cinemactress, dramactor – драматический актер, blacktress = black + actress – первая актриса афроамериканского происхождения в киноиндустрии (фамилия не уточняется);

(ad)vertise / (ad)vertising: badvertising = bad + advertising, spamvertise – рекламировать товары или услуги посредством рассылки нежелательных электронных писем (спама), bumvertising = bum + advertising – реклама с помощью бомжей, которые за небольшую плату носят плакаты с рекламой товаров, bookvertising, newsertising = news + advertising, а также bidvertiser = bid + advertiser – рекламодатель, обещающий большие выгоды покупателю и circument = circular + advertisement;

broadcast(ing): telecast = television + broadcast, colourcast < colour + broadcast, sportscast = sports + broadcast, simulcast(ing) = simultaneous + broadcast – одновременная трансляция по радио и телевидению, podcasting = ipod + broadcasting – процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов в Интернете, datacasting = data + broadcasting – передача Web-страниц или других мультимедиа-данных при помощи средств широковещательного телевидения, в том числе на мобильные телефоны;

(com)mercial: informercial – рекламный ролик, содержащий полную информацию о продукте, storymercial – реклама, имеющая сюжетную линию, fictomercial – литературное произведение со скрытой рекламой товаров, inspimercial = inspirational + commercial, infomercial = information + commercial, intermercial = Internet + commercial.

(dic)tionary: Wiktionary = Wikipedia + dictionary – электронный словарь Wikipedia, predictionary = prediction + dictionary, addictionary = addiction + dictionary – интересный, увлекательный словарь, quicktionary = quick + dictionary – карманный электронный переводчик с функцией сканирования.

Dra(cula): COUNT PLAQULA (< plaque) – производитель зубной нити, COUNT CHOCULA (< chocolate) – марка хлопьев, Crackula (< crack) – тот, кто после употребления кокаина бодрствует всю ночь и спит весь день.

editorial: idiotorial – неудачная передовая статья, deaditorial – скучная передовая статья, advertorial – передовая статья, содержащая скрытую рекламу.

(enter)tainment: edutainment = education + entertainment, infotainment = information + entertainment, amusementertainment, adolescentertainer, enjoymentertainment, entertoyment = entert(ain)ment + toy.

entrepreneur: mompreneur – женщина с детьми – индивидуальный предприниматель, entreporneur = entrepreneur + porn, netpreneur = Internet + entrepreneur, Europreneurs.

etiquette: Wikiquette = Wikipedia + etiquette, netiquette = net + etiquette – сетевой этикет или правила, которые приняты при общении в сети, weddiquette = wedding + etiquette – правила поведения, манеры, приличествующие такому событию, как свадьба.

(ex)ercise: dancercise = dance + exercise – танцевальная аэробика, strollercise = stroller + exercise – упражнение, входящее в комплекс аэробики, выполняемое с использованием детской коляски (точнее, ходунков) в качестве опоры, boxercise = boxing + exercise, jazzercise – музыкальные упражнения для оттачивания джазового исполнения, а также exercycle = exercise + bicycle.

(in)flation: slowflation, hesiflation = hesitation + inflation – неуверенный экономический рост, сопровождаемый инфляцией, stagflation = stagnation + inflation – ситуация, когда «застой» в экономике сопровождается ростом цен, slumpflation = slump + inflation – состояние экономического упадка и усиления инфляции.

(lit)erati – образованные люди («пишущая публика») или элита: culturati – интеллектуальная элита, coccerati (< soccer) – знаменитые футболисты, digerati (< digital) – люди, которые считаются элитой в области информационных технологий, jazzerati (< jazz), glitterati (< glitter) – богатые и знаменитые, о которых часто пишут в прессе (например, деятели шоу-бизнеса), cliterati (< clitoris) – феминистки-писательницы и журналистки (часто с намеком на нетрадиционную ориентацию), chatterati (< chatter) – люди, которые много говорят и пишут об актуальных событиях в социальной или политической сфере, belligerati (< belligerent) – журналисты, придерживающиеся крайних взглядов в противостоянии терроризму: выступающие, например, за нанесение бомбовых ударов по их территории, Britpoperati – знатоки британской поп-музыки, luncherati (< lunch) – влиятельные бизнесмены (обычно издатели), которые принимают важные решения за обедом, flitterati (< flitter) – либеральная верхушка среднего класса городской Англии, которая бежит из городов, чтобы купить недвижимость в фешенебельных сельских районах за границей.

(maga)zine: fanzine (< fan) – журнал для фанатов (поклонников актеров и певцов или спортивных болельщиков, bookazine (< book) – периодически издаваемая книга (альманах), letterzine, а также ezine (< electronic), cyberzine (< cyberspace), magazinewspaper = magazine + newspaper.

(million)aire: steelionair = steel + millionaire, uraniumaire = uranium + millionaire, spillio-naire – человек, получающий деньги за ликвидацию последствий розлива нефти (нефтепродуктов), Google-aire – человек, ставший миллионером благодаря инвестированию в компанию Google, bitcoinaire – человек, наживший состояние на биткоинах (электронной валюте), bullionaire – тот, кто разбогател, торгуя золотом, McMillionaire = McNair + millionaire, millionerror – нежеланный ребенок в семье миллионеров.

orgasm: boygasm – оргазм, который испытывает мальчик, drygasm – оргазм без семяизвержения, beergasm – всплеск пены при открытии пивной бутылки, laughgasm – неожиданный взрыв хохота, cargasm – удовольствие от вождения автомобиля, corsetgasm – удовольствие от расшнуровывания корсета, braingasm – приступ интеллектуальной активности, joygasm – момент интенсивной радости, wargasm – кульминационный момент в сражении.

sexual: pomosexual = postmodern + sexual – люди, считающие себя выше традиционного распределения гендерных ролей, metrosexual – мужчина традиционной ориентации, придающий большое значение своей внешности (физической форме, одежде, аксессуарам), vegansexual – тот, кто вступает в интимные отношения только с другими веганами, retrosexual – любители традиционного стиля жизни и моды (фетровые шляпы, классические костюмы) середины прошлого века.

(su)burb: sloburb = slob + suburb – хаотично застроенный район пригорода, slurb = slums + suburb – пригород, застроенный дешевыми безликими домами, snoburbs = snob + suburbs – престижный пригород, boomburb = boom + suburb – поселение или небольшой город, жители которого считают себя живущими в пригороде крупного города, пусть и находящегося иногда в часе езды (частичный синоним – «городская агломерация»), burbclave = suburb + enclave – полунезависимое закрытое сообщество.

Terminator: The Dominator – некогда голкипер сборной Чехии по хоккею Доминик Гашек славился умением «уничтожать» атаки соперника и отстаивать свои ворота в неприкосновенности, Herminator (Hermann + Terminator) – во время Олимпиады в Нагано горнолыжник Херманн Майер вылетел далеко за ограждения на скоростном спуске, но отделался ссадинами и испугом и выиграл две золотые медали спустя всего несколько дней, Governator – прозвище Арнольда Шварценеггера, сыгравшего главную роль в фильмах про робота-терминатора, в период пребывания на посту губернатора Калифорнии; следующие два примера из немецкого языка: rektenator – человек, который быстро выходит из себя, теряет самообладание, играя в компьютерные игры, и sperminator – мужчина, предпочитающий мимолетные увлечения женщинами.

vacation: break-cation – отпуск как способ отвлечься, сделать перерыв в делах, daycation – однодневный отдых с выездом за пределы города, fauxcation = *фр.* faux (фальшивый) + vacation – отпуск, во время которого чело-

век продолжает работать, fun-cation, paycation – непреднамеренный заработок во время отпуска, solo-cation – отпуск в одиночестве, staycation – отдых, проведенный дома из-за отсутствия денег (и производное staycationer), work-cation – отпуск, во время которого приходится выполнять работу, или простой, который оплачивается, evacu-cation = evacuation + vacation – период после эвакуации из-за стихийного бедствия, когда все успокаиваются и начинают воспринимать ситуацию как короткий отпуск, volun-cation = volunteer + vacation.

vampire: fempire, manpire, glampire – обаятельный вампир.

yuppie (яппи – молодые успешные городские жители с высшим образованием и высокими доходами): buppie = black + yuppie – темнокожий яппи, guppies = green + yuppie – яппи – защитники окружающей среды, или gay + yuppie – яппи с нетрадиционной сексуальной ориентацией, duppie = depressed + yuppie – яппи, вынужденный заняться низкооплачиваемой работой (всего около 115 примеров).

Некоторые из вышеперечисленных слов могут сочетаться друг с другом: sexercise, sinema = sin +cinema – «фильм для взрослых», advertainment, advid = advertising + video, mancation = man + vacation, Sinderella = sin + Cinderella, Twactor = Twitter + actor – тот, кто притворяется кем-то другим в Twitter, webzine; иногда до такой степени, что не были выделены нами отдельно, поскольку уже встречались в составе других примеров: «black»: blackchelor = black + bachelor, «glamorous»: glamazon = glamorous + amazon – блистательная женщина, glamping = glamorous + camping, «information»: infostructure = information + structure, infotopia = information + utopia – идеализированный информационный ресурс, «musical»: reviewsical = review + musical, «tourism»: lipotourism = liposuction + tourism – поездка в другую страну с целью прохождения косметической операции, voluntourism = volunteer + tourism – посещение какого-либо места, чтобы доставить туда гуманитарную помощь или помочь в ликвидации последствий стихийного бедствия.

Остальные же образуют минимальные группы: (Ku Klux)«klan»: klavern = klan + tavern, klavaliers = klan + cavaliers, «(ex)ploitation»: blaxploitation – спекуляция на проблематике чернокожего населения, rapsploitation, sexploitation, «girl»: girlsical = girl + musical, girlcott – бойкотировать (об американских феминистках) – акт воздержания от использования, покупки или обращения в качестве средства протеста, когда это делается женщиной, «(metro)politan»: ruralpolitan – горожанин, который переезжает в деревню, чтобы заняться сельским хозяйством (а также из-за стремления к независимости и спокойствию), countrypolitan – тот, кому одинаково комфортно живется в городе и в деревне, «(ro)bot»: fembot = female + robot, mobot = mobile + robot – автономный робот, «stupid»: stupidiot = stupid + idiot, stupig = stupid + pig.

Все вышеприведенные группы слов образуют словообразовательные гнезда (СГ), о возможности формирования которых писала [Ермоленко,

2007, с. 23] и под которым в случае рассматриваемого нами способа словообразования следует понимать совокупность слов с тождественной или одинаковой основой. Углубленное рассмотрение этого вопроса достойно отдельной публикации.

В заключение можно заявить, что существуют несколько подходов к классификации блендов:

– словообразовательный, согласно которому выделяется четыре способа (частичные, полные, гаплологические и «вставки») и несколько моделей;

– грамматический, в рамках которого все бленды подразделяются на субстантивные (имена существительные), адъективные (имена прилагательные), глагольные и прочие (наречия, местоимения) – все они могут быть как чистыми (N + N, Adj. + Adj., V + V), так и смешанными.

Также по степени употребительности бленды можно разделить на узуальные и окказиональные, что не отражается на их словообразовательном потенциале. Нами была обозначена тенденция, характерная для ряда блендов, к образованию сильноразвернутых словообразовательных гнезд, включающих не менее трех слов, а в некоторых случаях – свыше десяти. Общий объем выборки составил около 250 единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Абросимова Л.С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 18–22.

Архиреев А.Г., Буслаев С.В., Нахлесткин А.А. Особенности словообразования слов-слитков в английском языке // IV межвузовская молодежная научно-практическая конференция / ред. кол.: Л.К. Кондратюкова, М.А. Гросс, Т.А. Винникова. Омск: ОГТУ, 2015. С. 41–44.

Астафурова Т.Н., Сухорукова О.Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Журнал Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 182–185.

Барашева Д.Е., Агаркова А.Д. Блендинг и контаминация: уточнение понятий // Системно-деятельности подход как условие реализации требований ФГОС нового поколения: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2019. С. 194–197.

Воронин С.В. Пограничные явления словообразования и фонетики (Образование гаплологических слов-слитков и композитов) // Филологические науки. 1968. № 1. С. 82–85.

Дельва А.Е., Корзникова Я.А. К вопросу о классификации блендов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 105–108.

Ермоленко Ю.П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

Жукова А.Н. Семантические и прагматические характеристики лексической контаминации в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2010. 20 с.

Лаврова Н.А. Towards blending as a word-building pattern // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. С. 171–175.

Лаврова Н.А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2013. 48 с.

Лашкевич О.М. Семантика слов-слитков в современном английском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2005. № 2. С. 99–104.

Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. Филологические науки. 2006. Вып. 2. С. 87–92.

Минеева З.И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 58–68.

Мурзаков А.А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2013. 24 с.

Никанорова И.А. Блендинг в современном политическом и экономическом дискурсе // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания: сборник статей / под ред. И.Е. Коптеловой. Дипломатическая академия МИД России. М., 2017. С. 44–50.

Нухов С.Ж. Комбинаторика производящих основ в английских блендах // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 3. С. 784–789.

Савчин І.М. Телескопія як один із словотворчих засобів мовної економії англійської мови // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Сер.: Філологічна. 2012. Вип. 26. С. 293–296.

Синкевич Е.Н., Тетерлева О.В. Особый тип образования телескопических слов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник ТвГТУ. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 121–125.

Сухорукова О.Н. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе: На материале англоязычной прессы: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Храброва В.Е. Английский лексический блендинг в контексте лингвистической полемики и образовательной ценности // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность ежегодный сборник научных трудов. М., 2017. С. 163–174.

Хрущева О.А. Онимы-бленды в современном русском и английском языках // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011а. № 1. С. 136–140.

Хрущева О.А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2011б. 23 с.

Хрущева О.А Бленды современного русского языка как зеркало культуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 2. С. 66–70.

Шевелева А.Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003. 18 с.

Шейфель Н.А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы II Международной научной конференции. Белгород, 2016. С. 290–294.

Эрстлинг Л.В. Телескопные слова во французском языке // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2010. Вып. 4(22). С. 132–142.

Bakaradze Ekaterine Keke. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation // International Journal of Arts and Sciences. 2010. № 3(16). P. 86–105.

Vargas Anastasia. Blending as a productive means of word-formation in modern English. // Science and Technology of the XXI Century, 2018. URL: http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775 (дата обращения: 24.10.2020).

A.A. Streltsov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Department of Translation and Information Technologies in Linguistics,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Comunication,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

Classification of Blended Words: Thematic Aspect

The article deals with the classification of contaminated lexical units, also known as telescope words or blends. This issue has been raised in the works of some Russian and foreign linguists. However, it has not been studied systematically. As far as we know, researchers give their consideration to certain aspects of this problem, although they have achieved certain success. We have set the goal of summarizing available approaches and examples, mainly in English, but also in Russian, to create a complete and consistent classification of words formed by means of fusion.

The second part of the paper presents a classification of blends in connection with different fields of activity, since each of them is created to designate a new object or phenomenon that combines elements of two or more words that are already known. We can distinguish several areas, in particular «science and technology», within which, in turn, we have designated three groups: «natural science terms and terminoids» correlating with various scientific disciplines (chemistry, biology, physics, etc.), «technical terms», including names of devices, «names of hybrids of living beings», both real and fictional. Within the «everyday life» area, the «food» groups are presented, including names of drinks, serving items, etc., «clothing», as well as shoes and accessories, «home» and «recreation and entertainment». Moreover, we have identified a number of separate groups: «politics», «economics», «art», «linguistics», etc. Each large group can be divided into subgroups.

Most of the blends, as we have already noted in the first part of the article, are represented by nouns, therefore, they form the basis of each thematic group of words. However, it is possible to distinguish two groups formed almost exclusively by adjectives: «description of a person», including both appearance and character, and «signs of an object or phenomenon». In the end, the article draws general conclusions on both parts of our research.

Key words: *word-formation; blending; telescopy; word-fusion; contamination; occasionalism*.

REFERENCES

Abrosimova L.S. Blending from the aspect of cognitive-communicative paradigm [Blending v aspekte kognitivno-kommunikativnoi paradigmy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2012, no. 1, pp. 18–22 (in Russian).

Amakhina S.R. New English words in information technology vocabulary [Novye slova v angliyskom yazyke v sfere informacionnykh tehnology]. *Juvenis scientia*, 2018, no. 4, pp. 34–35 (in Russian).

Arkhireyev A.G., Buslayev S.V., Nakhlestkin A.A. Features of word formation of blended words in the English language [Osobennosti slovoobrazovaniya slov-slitkov v angliyskom iazyke]. *IVth mezhvuzovskaya molodezhnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [IV interuniversity youth scientific-practical conference]. Editorial board: L.K. Kondratyukova, M.A. Gross, T.A. Vinnikova. Omsk, 2015, pp. 41–44 (in Russian).

Astafurova T.N., Sukhorukova O.N. Telescopy: a new way of word formation? [Teleskopiya: novy sposob slovoobrazovaniya?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*, 2006, no. 5, pp. 182–185 (in Russian).

Berman I.M. On the «insertion» type of word formation [O «vstavochnom» tipe slovoobrazovaniya]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1959, no. 2, pp. 104–107 (in Russian).

Borisenko I.I. Telescopy in modern English [Teleskopiya v sovremennom angliyskom yazyke]. *Voprosy yazykovoi struktury: issledovaniya po romano-germanskoi filologii*, Kiev, Vishcha shkola, 1976, pp. 90–95 (in Russian).

Delva A.Ye. Contamination (blending) in modern English: phonetic aspect [Kontaminatsiya (blending) v sovremennom angliyskom yazyke: foneticheskiy aspekt]. Saratov, *Sovremennye lingvokommunikativnye praktiki*, 2018, pp. 3–6 (in Russian).

Getmanskaya M.Yu.,. Kisileva A.V Functional potential of lexical and grammatical contaminants in Russian and English [Funktsional'ny potentsial leksilo-grammaticheskikh kontaminantov v russkom i angliyskom yazykah]. *Kazansky vestnik molodykh uchenykh. Pedagogicheskie nauki.* 2017, vol. 1, no. 2, pp. 109–112 (in Russian).

Grigorieva P.V. Blending as a type of unusual derivation: to clarify the concept [Blending kak tip neuzual'nogo slovoobrazovaniya: k utochneniyu poniatiya]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2019, no. 3, pp. 488–490 (in Russian).

Khrabrova V.Ye. English lexical blending in terms of linguistic polemics and educational value [Angliysky leksichesky blending v kontekste lingvisticheskoi polemiki i obrazovatel'noi tsennosti]. *Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: massovaya kommunikatsiya i yazykovaya lichnost' yezhegodny sbornik nauchnykh trudov* [Communication in the modern multicultural world: mass communication and linguistic personality annual collection of scientific papers]. Moscow, 2017, pp. 163–174 (in Russian).

Khrushcheva O.A. Modern Russian blends reflecting culture [Blendy sovremennogo russkogo yazyka kak zerkalo kul'tury]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 66–70 (in Russian).

Khrushcheva O.A. Universal and linguocultural features of blending: Abstract of thesis of candidate of philological sciences [Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blendinga: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. Chelyabinsk, 2011b. 23 p. (in Russian).

Khrushheva O.A. Blends: ways, features and difficulties of their transmission by the translator [Blendy: sposoby, osobennosti i slozhnosti ikh peredachi perevodchikom]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011a, no. 24(239), pp. 278–280 (in Russian).

Korobkina N.I. Ecology in blend occasionalisms in public communication [Ekologichnost' blendovykh okkazionalizmov v publichnoi kommunikatsii]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2020, no. 1, pp. 1–10 (in Russian).

Lashkevich O.M. The semantics of blendings in modern English [Semantika slov-slitkov v sovremennom angliyskom yazyke]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*, 2005, no. 2, pp 99–104 (in Russian).

Lavrova N.A. Contamination as a word-building model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (based on the material of the modern English language): Abstract of thesis of doctor of philol. sciences [Kontaminatsiya kak slovotvorcheskaya model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): avtoref. dis. … dokt. filol. nauk]. Moscow, 2013. 48 p. (in Russian).

Lipilina L.A. Lexical blends in English [Leksicheskie sliyaniya v sovremennom angliyskom yazyke]. *Vestnik RGU im. I. Kanta. Filologicheskie nauki*, 2006, pp. 87–92 (in Russian).

Mineeva Z.I. Contamination in the derivation of nominations for people [Kontaminatsiya v obrazovanii nominatsii cheloveka]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 58–68. (in Russian).

Murzakov A.A. Functional and pragmatic aspects of merging in the English language: Abstract of thesis of cand. of philol. sciences [Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty sliyaniya v angliyskom yazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. St. Petersburg, 2013. 24 p. (in Russian).

Nikanorova I.A. Blending in modern political and economic discourse [Blending v sovremennom politicheskom i ekonomicheskom diskurse]. *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Aktual'nye problemy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya* [Language. Culture. Society. Actual problems, research methods and teaching problems]. A collection of articles. Ed. by Ye.I. Koptelova. Moscow, 2017, pp. 44–50 (in Russian).

Nukhov S.Zh. Combinatorial formulas of English blends [Kombinatorika proizvodyashchikh osnov v angliyskikh blendakh]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta,* 2016, vol. 21, no. 3, pp. 784–789 (in Russian).

Nukhov S.Zh. The meaning of English blends and the spheres of their usage [Semantika kontaminirovannykh obrazovany i sfery ikh rasprostraneniya v angliyskom yazyke]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2016b, no. 3, pp. 795–802 (in Russian).

Omelchenko L.F. English composite: structure and semantics: Abstract of thesis of doctor of philol. sciences [Angliyskaya kompozita: struktura i semantika: avtoref. dis. … dokt. filol. nauk]. Kiev, 1989. 43 p. (in Russian).

Omelchenko L.F. Telescopy – one of the little-studied ways of verb formation in modern English [Teleskopiya – odin iz maloizuchennyhk sposobov glagoloobrazovaniya sovremennogo angliyskogo yazyka]. *Nauchnye doklady vysshy shkoly. Filologicheskie nauki* [High school scientific reports. Philological sciences]. Moscow, Vysshaya shkola, 1980, no. 5, pp. 66–71 (in Russian).

Pavlova Ye.D., Savartseva N.V. Blending as a word-formation process in modern English [Teleskopiya kak slovoobrazovatel'ny protsess v sovremennom angliyskom yazyke]. *Amursky nauchny vestnik*, 2016, no. 2, pp. 151–154 (in Russian).

Pekarskaya I.V. Lexical contamination as a principle and ornamental elocution: to the problem of concepts and typology correlation [Leksicheskaya kontaminatsiya kak printsip i ornamental'ny elokutiv: k probleme sootnosheniya ponyaty i tipology]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 2013, no. 4, pp. 90–98 (in Russian).

Perfileva N.V., Galankina I.I. Derivational contamination in English and its influence on Russian word formation (An analysis of commercial names) [Derivatsionnaya kontaminatsiya v angliyskom yazyke i yego vliyanie na russkoye slovoobrazovanie (na primere kommercheskikh naimenovany)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 4, pp. 206–218 (in Russian).

Prokopets A.P. Semantic models of word-formation contaminants [Semanticheskie modeli slovoobrazovatel'nykh kontaminantov]. *Uchen. zap. Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im V.I. Vernadskogo. Filologiya*, 2006, no. 3, vol. 19, pp. 140–146 (in Russian).

Prokopets A.P. Typology of word-forming contaminants [Tipologiya slovoobrazovatel'nykh kontaminantov]. *Uchen. zap. Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologiya*, 2005, vol. 18, no. 2, pp. 107–111 (in Russian).

Safarova U.A. Semantic relations between components of contaminated word [Semanticheskie otnosheniya mezhdu komponentami kontaminirovannykh slov]. *Ilmiy Axborotnoma. Filologiya*, 2017, no. 2, pp. 11–15 (in Russian).

Sheveleva A.N. Structure and Semantics of telescopic derivatives from the point of view of cognitive linguistics (based on the material of Modern English): Abstract of thesis of candidate of philological sciences [Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniya kognitivnoi lingvistiki (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. St. Petersburg, 2003. 18 p. (in Russian).

Sinkevich Ye.N., Teterleva O.V. Specific manner of telescopy unit formations (Case study: The Russian and German languages) [Osoby tip obrazovaniya teleskopicheskikh slov (na materiale

russkogo i nemetskogo yazykov)]. *Vestnik TvGTU. «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»*, 2016, no. 3, pp. 121–125 (in Russian).

Stadulskaya N.A. Blend-models of verbal trademarks [Blend-modeli verbal'nykh tovarnykh znakov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 8, part 2, pp. 169–171 (in Russian).

Sukhorukova O.N. Structural, semantic and functional features of telescoped units in mass-media discourse: Based on English media: Abstract of thesis of candidate of philological sciences [Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti teleskopicheskikh yedinits v massovo-informatsionnom diskurse: Na materiale angloyazychnoi pressy: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. Volgograd, 2004. 24 p. (in Russian).

Tarasova L.A. Structural and semantic aspects of telescoping in modern English: Abstract of thesis of candidate of philological sciences [Strukturno-semanticheskie aspekty teleskopii v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. Moscow, 1991. 24 p. (in Russian).

Voronin S.V. Borderline phenomena of word formation and phonetics (Formation of haplological blended words and composites) [Pogranichnye yavleniya slovoobrazovaniya i fonetiki (Obrazovanie gaplologicheskikh slov-slitkov i kompozitov)]. *Filologicheskie nauki*, 1968, no. 1, pp. 82–85 (in Russian).

Yermolenko Yu.P. Nominative models of the formation of new words by the method of contraction in modern English: Abstract of thesis of candidate of philological sciences [Nominativnye modeli formirovaniya novykh slov metodom styazheniya v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. Moscow, 2007. 24 p. (in Russian)

Zhluktenko Yu.A. English neologisms [Angliyskie neologizmy]. Kiev, Naukova dumka, 1983 172 p. (in Russian).

Zhukova A. N. Semantic and pragmatic characteristics of lexical contamination in modern English: Abstract of thesis of candidate of philological sciences [Semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki leksicheskoi kontaminatsii v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. … kand. filol. nauk]. Samara 2010. 20 p. (in Russian).

Bakaradze Ekaterine Keke. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation. *International Journal of Arts and Sciences*, 2010, no. 3(16), pp. 86–105 (in English).

Bednárová-Gibová Klaudia. Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines. *Yazyk a kultúra*, 2014, no. 19–20 (in English).

Enarsson Anna. New Blends in the English Language. Hostterminen, 2006. 120 p. (in English).

Giyatmi Ratih Wijayava, Sihindun Arumi. English Blends Found in Social Media. *Jurnal Arbitrer*. 2017, vol. 4, no. 2 (in English).

Kornienko Olga. Social and Economic Background of Blending. *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd, 2016, pp. 220–225 (in English).

Lavrova N.A. Towards blending as a word-building pattern. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2011, no. 11, pp. 171–175 (in English).

Lefilliâtre Boris. The cognitive motivation and purposes of playful blending in English. Corela, *Cognition, représentation, langage*, 2019, vol.17, no.2, pp. 1–30 (in English).

Mikić Čolić Ana. Word formation of blends. *Mostariensia*, 2015, no. 19-2, pp. 21–36 (in English).

Mirzaie Naghmeh Hosseinzadeh. New blends in English language. *International Journal of English Language and Linguistics Research*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 15–26 (in English).

Savchin I.M. Telescopy as one of word-building means of speech economy in English [Teleskopiya kak odin iz slovotvorchikh zasobiv movnoi ekonomii angliys'koi movi]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademiya». Ser.: Filologichna*, 2012, no. 26, pp. 293–296 (in Ukranian).

Vargas Anastasia. Blending as a productive means of word-formation in modern English. *Science and Technology of the XXI Century*, 2018. *Available at*: http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775 (accessed 24 October 2020).

М.М. Демидова, Л.Н. Козлова

Брянский государственный технический университет
Брянск, Россия

УДК 81’25

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-130-144

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: *разговорность; разговорная субстантивная лексика; лексикографические пометы; Л. Улицкая; способы перевода; англоязычные эквиваленты.*

Предметом изучения в статье является разговорная субстантивная лексика, рассмотренная на материале романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» в сравнении с его переводным англоязычным вариантом. Цель анализа состоит в выявлении основных способов передачи разговорных субстантивов русского языка на английский язык в художественном тексте.

Полученные методом сплошной выборки разговорные субстантивы и их англоязычные эквиваленты подвергались тщательному сравнительно-сопоставительному анализу, в ходе которого было установлено шесть основных способов перевода.

Проведенное лингвистическое исследование позволяет сделать выводы о преимущественном использовании нейтрализации в качестве основного переводческого решения. Разносистемность и лингвокульторогическая специфика русского и английского языков обуславливают использование трансформационного и приближенного перевода. Эквивалентный перевод, применяемый относительно разговорных субстантивов с негативными оценочными коннотациями, распространен в меньшей степени. Опущение и описательный перевод представлены в анализируемых текстах незначительно.

Результаты исследования, описываемого в настоящей статье, свидетельствуют о несоответствии оригинала и переводной версии романа в стилистическом и эмоциональном плане. Лексическая разговорность, выражаемая субстантивами, как черта индивидуально-авторского стиля Л. Улицкой в англоязычном тексте оказывается не переданной в большинстве случаев.

Художественный текст представляет собой уникальное сочетание тем, идей, образов, стилистических приемов и средств различных языковых уровней. Одним из богатейших источников, снабжающих авторов огромным выбором творческих решений, является разговорная речь. «Русская разговорная речь имеет характерные признаки и особенности, реализуемые по-своему каждым писателем и являющиеся частью его стиля» [Логачева, 2017, *137*]. Особое место среди языкового материала, используемого при

стилизации разговорной речи в художественном произведении, занимает разговорная лексика. «Использование разговорной лексики создает впечатление живости, некоторой свободы и вольности в речи, приближает автора к персонажу» [Нуждин, Зайцева, 2015, *64*], а также является «одним из активных эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя» [Хафизова, 2014, *91*].

В лингвистической литературе последних лет большое внимание уделяется изучению разговорной и жаргонной лексики в художественных текстах различных жанров в качестве элементов индивидуально-авторского стиля различных писателей [Нуждин, Зайцева, 2015; Логачева, 2017; Белькова, 2020; Митрофанова, Богданова, 2020], в том числе и на примере произведений франкоязычной литературы [Соловьева, 2019].

Следует отметить, что «состав разговорной лексики отличается “живым”, постоянно меняющимся характером» [Несова, 2012, *50*], «стилистической пестротой» [Разговорная речь в системе функциональных стилей, 2003, *6*]. Вследствие чего предметом исследования ученых становятся как словообразовательные новации в современной разговорной речи, которые «заключаются не столько в появлении новых деривационных моделей, сколько в изменении продуктивности моделей общеязыковых» [Славгородская, 2011, *137*], так и разговорные метафоры, встречающиеся в современной художественной речи, разнообразные по частеречной принадлежности [Николина, Петрова, 2020]. Особый интерес представляет собой также рассмотрение разговорной лексики наряду с другими средствами реализации письменной разговорности, проявляющейся в таких жанрах Интернета, как форумы, чаты, различные социальные сети [Агафонова, 2017].

В данной научной статье проблема функционирования разговорной лексики в художественном тексте изучается на примере романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» в сопоставлении с его переводной англоязычной версией «Daniel Stein, interpreter: a novel in documents» (перевод выполнен Арчем Тайтом). Название переводного варианта произведения («a novel in documents» – роман по документальным источникам) подчеркивает особенности его структуры, выстраиваемой по нескольким линиям личностно-бытовой переписки различных персонажей, с использованием дневниковых записей, записок, справок и других документов.

Своеобразие источника практического материала определяет научную новизну данной работы. Ее актуальность во многом обуславливает переводческий аспект, а именно определение возможной переводимости разговорной лексики, поскольку «перевод стилистически маркированной лексики представляет особые трудности и требует отдельного подхода» [Аминова, Хафизова, 2016, *12*]. И в целом «проблема стилистической соотнесенности исходного и переводного текстов – одна из важнейших при переводе произведений иноязычной литературы» [Жаркова, 2016, *40*].

Таким образом, основной целью данной статьи является определение специфики перевода разговорной лексики романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» на английский язык. Важно оговориться, что в качестве разговорной нами рассматривалась лексика, имеющая соответствующую помету («разг.») в привлекаемых к работе лексикографических источниках. Хотя данный лексический массив относится к наименее выраженному в разговорной речи пласту и не характеризует ее лексику в полной мере [Разговорная речь в системе функциональных стилей, 2003, *7*], именно он сообщает, на наш взгляд, особый разговорный характер всему повествованию, обладает мощным стилеобразующим потенциалом.

В ходе данного исследования нами было выявлено 60 субстантивных лексем разговорного характера, переводимых на английский язык шестью различными способами. Рассмотрим примеры.

1. Эквивалентный перевод.

В рамках перевода художественного текста эквивалентность всегда относительна, особенно если речь идет о переводе такого специфического пласта, как разговорная лексика. Тем не менее в некоторых случаях переводчику удалось подобрать лексические единицы с очень высокой степенью соответствия как с семантической, так и со стилистической точек зрения.

С одноклассниками я не дружила: я была жидовка... [Улицкая, 2008, *88*]. – *I did not make friends among my classmates. I was Yid…* [Ulitskaya, 2011, *67*].

...Она всю войну к ней ходила и говорила: донесу на твою жидовочку [Улицкая, 2008, *572*]. – *I'll denounce your Yid* [Ulitskaya, 2011, *341*].

В представленных иллюстрациях степень эквивалентности очень высока, поскольку английская и русская лексемы этимологически восходят к одному корню. Более того, совпадает эмоционально-стилистическая окраска. Английский толковый словарь дает это слово с пометой «taboo», то есть данное слово не стоит употреблять, так как оно грубое и оскорбительное. Всем носителям русского языка хорошо известно, что это обидное ругательство и, как правило, употребляется с негативной оценкой. В толковых словарях используется помета «разговорно-сниженное». Однако доподлинно передать разговорность русской лексической единицы средствами английского языка невозможно ввиду разносистемности языков. Гендерный аспект не отражается в переводе ни в первом, ни во втором случае. Более того, уменьшительно-ласкательный суффикс -очк- передает еще сему «маленький», которая тоже никак не воспроизводится.

...У меня просто сердце кровью обливалось при виде наших замученных кляч [Улицкая, 2008, *70*]. – *...My heart was filled with pity at the sight of our suffering nags* [Ulitskaya, 2011, *57*].

В лексикографических источниках трактовки понятий практически идентичны. Так, английское «nag – "informal" a horse, especially one that is old or in poor health» [OD]. В словаре Т.А. Ефремовой находим: «кляча – "разг."

измученная, слабая, больная лошадь» [ТСЕ]. Как видим, в качестве основной характеристики в обоих языках используется сема «слабая, больная». В английской трактовке добавляется еще сема «старая», а в русском варианте – «измученная». Помета «informal» в принципе соответствует русскому варианту «разговорное», поскольку «informal – a word that is used in normal conversation but may not be suitable in formal context» [LDCE]. Однако наряду с данной пометой в английских словарях существует еще одна – «spoken», которая характеризует слова, типичные для устной формы употребления, а также: «taboo» и «slang» [LDCE]. То есть в лексикографических источниках существуют определенные разногласия в употреблении словарных помет.

…За что она и выплеснула на меня целое ведро дерьма [Улицкая, 2008, *99*]. – *…For my pains had a whole bucket of shit upended over me* [Ulitskaya, 2011, *73*].

Выражение «выплеснуть ведро дерьма» употребляется в переносном смысле и означает «незаслуженно оскорбить кого-либо в грубой форме». Данное словосочетание не фиксируется словарями русского языка как устойчивое, следовательно, мы имеем дело с авторской метафорой. Высокую степень экспрессии удалось создать при помощи разговорно-сниженной лексической единицы «дерьмо», которая имеет ярко выраженную негативную коннотацию. В английской версии используется пословный перевод этой фразы, то есть можно говорить о калькировании. Трудно сказать, насколько эта метафора понятна носителям английского языка, однако экспрессия сохраняется за счет слова «shit», которое в семантическом плане абсолютно эквивалентно русскому варианту и имеет помету «vulgar slang», а значит, передает заложенную эмоцию.

Эта сучка уже тогда крутилась возле Гриши… [Улицкая, 2008, *414*]. – *Even then the bitch was circling Grisha very brazenly* [Ulitskaya, 2011, *249*].

В этом примере можно говорить о сложившемся переводческом соответствии, поскольку понятия не имеют других вариантов перевода. Они характеризуются схожим значением, сферой употребления и, как правило, применяются в ругательном контексте, передавая презрительное отношение говорящего. Более того, базовое значение слов одинаково: самка собаки, следовательно, можно предположить, что в обоих языках имел место идентичный метафорический перенос.

Конечно, она считает, что я сволочь [Улицкая, 2008, *263*]. – *Of course she thinks I am a bastard* [Ulitskaya, 2011, *163*].

В отличие от предыдущего примера здесь мы не можем говорить об устойчивом соответствии, поскольку слово «bastard» имеет множество вариантов перевода на русский язык (мерзавец, гад, негодяй, подонок), также как и русское «сволочь» (asshole, swine, scum). В лексикографических источниках находим: «сволочь – “грубо” скверный, подлый человек; негодяй» [БТС]. «Bastard – “offensive” an unpleasant person» [CD]. Таким образом, оба

термина являются бранными и имеют достаточно общее значение, выражая резко негативное отношение говорящего.

2. Нейтрализация.

Нейтрализацию в целом можно охарактеризовать как относительно эквивалентный перевод в семантическом плане, но неравносильный со стилистической и экспрессивной точек зрения.

Не думай, пожалуйста, что я, как всякая мамаша, преувеличиваю... [Улицкая, 2008, *391*]. – *Please do not think that I am just a typical mother…* [Ulitskaya, 2011, *236*].

В современном русском языке существительное «мамаша» приобрело грубовато-фамильярную окраску. Хотя ранее не имело таковой: «Голубушка, мамаша, как я вас люблю» (Л. Толстой, цит. по: [ТСУ]). Сейчас очень часто употребляется с отрицательной коннотацией. Анализируемое предложение является фрагментом письма, и здесь существительное выступает лишь как разговорный вариант. В английском подобного варианта нет, следовательно, используется нейтральное слово «mother».

Ну, ей-богу, как дурачок [Улицкая, 2008, *33*]. – *No, really like a complete fool* [Ulitskaya, 2011, *37*].

Безусловно, существует устойчивое соответствие: «дурак» – «fool». Однако уменьшительно-ласкательный вариант «дурачок» приобретает в русском языке еще одну сему – «слабоумный, умалишенный». Эта сема играет важную роль в данном контексте, поскольку выступает в качестве характеристики состояния главного героя. Для того чтобы более точно передать мысль автора, переводчик использует вставку, а именно – уточняющее определение «complete», которое выполняет усилительную функцию.

Потом мы с братом собрали наши пожитки… [Улицкая, 2008, *73*]. – *Then I and my brother gathered our few possessions…* [Ulitskaya, 2011, *37*].

Английское понятие «possessions» не имеет никакой стилистической окраски и обладает достаточно общим значением: «something that someone owns and keeps» [LDCE1097]. Русское, напротив, обладает достаточно конкретным значением: «разг. мелкое имущество, домашний скарб» [ТСЕ]. Таким образом, в переводе имеет место генерализация исходного значения. Дополнительные оттенки значения воспроизвести не удалось: «пожитки» ассоциируются, как правило, с очень небогатым, незначительным имуществом.

…И как мне было тошно, что он именно к ней, к моей врагине ушел… [Улицкая, 2008, *93*]. – *…And how sickening it was to be left for her, my enemy* [Ulitskaya, 2011, *69*].

Здесь переводной вариант уступает оригиналу, поскольку не обладает должной эмоциональной насыщенностью. В анализируемом предложении разговорное существительное «врагиня» передает отношение говорящей, степень ее презрения к данному человеку, ее переживания и эмоции.

Именно Творца, которому нет дела до мелких распрей людишек... [Улицкая, 2008, *104*]. *–...A Creator who has no interest in petty squabbles about what people ought to believe* [Ulitskaya, 2011, *75*].

Употребление существительного «людишки» имеет очень глубокий смысл в этом предложении. За счет заложенного в нем дополнительного значения (недостойные люди) автор хочет подчеркнуть, что божественные тайны очень трудно постичь человеческим умом. Считать свою точку зрения единственно правильной и пытаться убедить других – это глупо и порочно. В русском языке это сема заложена в суффиксе -ишк-, который придает существительному оттенок пренебрежительности. В английском, как мы знаем, идентичных морфологических средств нет. Вопрос о том, уместно ли в данном случае какое-либо уточнение, остается спорным.

Деточка, мне кажется, ты хочешь в монастырь... [Улицкая, 2008, *203*]. *– My child, it seems to me you want to go to a nunnery...* [Ulitskaya, 2011, *131*].

Разговорный вариант «деточка», как правило, выступает в роли обращения к ребенку в дружеской беседе близких людей. Из текста романа мы знаем, что главный герой обращается к взрослому человеку, но учитывая разницу в возрасте, обращение вполне уместно. Уменьшительно-ласкательная форма показывает отношение говорящего к героине: трепетное, нежное, как к родному ребенку. Английская интерпретация имеет более формальный тон, однако использование притяжательного местоимения считаем верным переводческим решением, поскольку оно придает всей фразе необходимую мягкость.

... Дядька наш – настоящий менеджер [Улицкая, 2008, *156*]. *– Our uncle is a real manager* [Ulitskaya, 2011, *104*].

Фотку пришлю постепенно... [Улицкая, 2008, *322*]. *– I will send you a photo eventually…* [Ulitskaya, 2011, *196*].

Представленные примеры, на наш взгляд, имеют много общего. Прежде всего, обе лексемы характеризуются одинаковым механизмом словообразования: существительное + суффикс -к-, который придает им фамильярный оттенок. В первом случае повседневный разговор в кругу семьи, а во втором – личное письмо близкой подруге. Все эти коннотации в английском языке не передаются, вследствие чего перевод получается более формальным.

Я буду рад получить от тебя весточку [Улицкая, 2008, *423*]. *– I will be glad to hear your news* [Ulitskaya, 2011, *255*].

Анализируемые понятия семантически очень близки. «Весть» восходит к древнеславянскому «ведать» – знать о чем-либо. Английское слово «news» и русское «новость» этимологически происходят от латинского «nova», что буквально означает – новые вещи. Слово «весточка» приобретает разговорный окрас за счет уменьшительно-ласкательного суффикса -очк-. Выражение «получить весточку» достаточно устоявшееся, как и английский эквивалент, следовательно, перевод представляется вполне логичным, но формальным.

...И еще не думает обо всей той дребедени, которая так нас занимает… [Улицкая, 2008, *322*]. *– And does not yet give a thought to all the nonsense which so preoccupies us* [Ulitskaya, 2011, *196*].

Английское понятие «nonsense» является интернациональным, функционирует во многих языках, в том числе и в русском, имеет достаточно общее значение и широкую сферу употребления. Русское слово «дребедень», напротив, разговорно-фамильярная единица, используется только в повседневном общении. Таким образом, несмотря на семантическую идентичность, в переводной версии имеет место генерализация значения и стилистическая нейтрализация.

3. Приближенный перевод.

Приближенный перевод – это перевод лексической единицы иностранного языка при помощи единицы языка перевода с относительно аналогичным значением [Демидова, 2020].

…Собирай свои манатки и пошли! [Улицкая, 2008, *33*]. *– Come on, get your things together right now and come with me* [Ulitskaya, 2011, *37*].

Если в предыдущем примере использовался синонимический перевод, то здесь можно говорить о генерализации понятия в английской версии. Слово «things» имеет очень общее значение, может употребляться в самых разнообразных контекстах и абсолютно лишено стилистической окраски. Русское «манатки», напротив, имеет яркую эмотивную составляющую, употребляется чаще всего в бранном разговорно-просторечном контексте и дается с пометой «разговорно-сниженное». Перевод, на наш взгляд, абсолютно не передает эмоциональное состояние говорящего, так как предложение в английском не является восклицательным и не имеет стилистически окрашенной лексики.

...Вся эта газетная шумиха утихла [Улицкая, 2008, *157*]. *– All that fuss in the press seemed to have died down* [Ulitskaya, 2011, *104*].

Английское существительное «fuss» имеет четыре основных значения согласно толковому словарю, ни одно из них не имеет стилистических помет. Русское «шумиха» является разговорной единицей с пометой «неодобрительное» и употребляется с очень конкретным значением: «оживленные разговоры, споры о ком-л., чем-л.; с целью привлечения общественного внимания» [БТС]. Словосочетания «газетная шумиха», «рекламная шумиха» являются вполне сложившимися. Английская трактовка более общего плана: «attention or excitement that is unnecessary or unwelcome» [LDCE, 577]. Таким образом, можно говорить о некой генерализации и нейтрализации в английском языке.

Я просто дура... [Улицкая, 2008, *363*]. *– I have been a complete idiot…* [Ulitskaya, 2011, *221*].

В английском языке есть эквивалент русскому слову «дура» – «fool». Однако переводчик использует синонимичное существительное. Такое решение

вполне оправдано, поскольку в данном случае героиня выражает сожаление о собственном глупом поступке, и, как нам удалось установить, в американском английском существительное «idiot» передает данное значение: «someone who has done something stupid» [CD]. Для того чтобы показать степень разочарования героини, используется усилительное прилагательное «complete». Таким образом, эмотивная составляющая перевода не уступает оригиналу.

Как будто мне пятнадцать лет и я пришла под утро с гулянки... [Улицкая, 2008, *259*]. – *As if I was 15 and had come back from a party…* [Ulitskaya, 2011, *161*].

Понятия «гулянка» и «party» несомненно являются близкими, но не тождественными. Существительное «гулянка», как правило, употребляется в просторечно-грубоватом контексте, в то время как «party» – это общеупотребимое, литературное слово. Кроме того, широко известно устойчивое переводческое соответствие: «вечеринка» – «party». Сравнительный анализ лексикографических дефиниций показывает, что «гулянка» чаще всего предполагает веселье на свежем воздухе, а «party» устраивается по поводу (день рождения или праздник).

Твой лепет насчет Светочки и ее проблем с бывшим мужем просто смешон [Улицкая, 2008, *525*]. – *Your bleating about Svetlana and her problems…* [Ulitskaya, 2011, *315*].

В данном случае «лепет» – это «невразумительное, неубедительное рассуждение, объяснение и т.п.; наивное суждение о чем-л.» [БТС]. Автор использует именно это слово для того, чтобы показать свое отношение к ситуации: возмущение и отвращение. Следует отметить, что английский вариант отлично передает эти эмоции. «Bleat – the weak, wavering crying of a sheep» [OD], однако здесь оно используется метафорически и означает надоедливые жалобы. Можно констатировать удачное переводческое решение.

4. Трансформационный перевод.

Данный тип перевода предполагает воспроизведение единицы иностранного языка при помощи перестройки морфологического, лексического или синтаксического плана. «Целесообразность различных преобразований обусловлена необходимостью передачи в переводе коммуникативного значения исходного текста вопреки асимметрии языковых и культурных систем» [Хафизова, 2014, *96*].

Дина смотрит на меня огромными глазищами, как дикая кошка [Улицкая, 2008, *383*]. – *Dina was staring at me wide-eyed, like a wild cat* [Ulitskaya, 2011, *232*].

Цель данного предложения – описать внутреннее состояние героини, передать ее эмоции. Для выразительности автор использует несколько приемов. Так, в словосочетании «огромными глазищами» отмечаем двойное преувеличение: определение «огромные» и суффикс -ищ-, который имеет

такое же значение. Кроме того, используется метафорический сравнительный оборот, чтобы подчеркнуть сказанную мысль. Надо отметить, что переводной вариант не уступает по выразительности. В отличие от сравнительного оборота, который можно пословно передать, разговорную единицу «глазищи» воспроизвести невозможно. Переводчик прибегает к трансформации, используя вместо существительного прилагательное «wide-eyed» с аналогичным значением и дополнительно усиливая его при помощи глагола to stare – «to look for a long time with the eyes wide open» [CD].

Это в большой мере освобождает меня от утренней беготни [Улицкая, 2008, *527*]. – *To a large extend that frees me from having to run around in the morning* [Ulitskaya, 2011, *316*].

Как мы видим, перестройке подвергается вторая часть предложения. Прежде всего, произошла замена частей речи. Отглагольное существительное «беготня», имеющее разговорный характер, заменяется эквивалентным глаголом в английском. Определение «утренняя» превращается в обстоятельство времени «in the morning». Предложение взято из личной переписки и имеет определенный фамильярный окрас, который утрачивается при переводе, придавая ему более официальный тон.

Она – партийная маньячка [Улицкая, 2008, *9*]. – *She is a maniacal Communist Party member* [Ulitskaya, 2011, *24*].

Это тот редкий случай, когда русское *маньяк* и английское *maniac* являются абсолютными эквивалентами. Слова имеют одинаковое значение и этимологию. Тем не менее автор перевода решил немного перестроить предложение: использовать прилагательное вместо существительного и добавить уточняющее определение *communist*, чтобы обозначить принадлежность партии.

Это потому, что я гордячка [Улицкая, 2008, *90*]. – *That is because as a person I am much too proud* [Ulitskaya, 2011, *67*].

«Гордячка» – разговорное существительное, которое не имеет литературного аналога ни в русском, ни в английском языке. Следовательно, перестройка предложения и использование идентичного прилагательного в переводе вполне обоснованны. Для того чтобы передать излишнюю заносчивость и высокомерность, которые присущи семантике русского существительного, автор перевода использует сразу два усилительных наречия: «much» и «too», что помогает сохранить выразительность предложения.

И такой женщине священник говорил: ты наплодила жиденят! [Улицкая, 2008, *155*]. – *You have just spawned a lot of Jewish brats!* [Ulitskaya, 2011, *103*].

«Жиденята» – дети еврейской национальности. Термин крайне оскорбительный и малоупотребимый. В переводе каждая сема переводится отдельно, поэтому получается именное словосочетание. Несмотря на то, что сохраняется восклицательная форма предложения, английский вариант не имеет такой грубой, уничижительной окраски, как русский.

Папа страшно доволен, потому что это первый случай, чтобы почтенная еврейская семья моего папаши приняла участие... [Улицкая, 2008, *390*]. – *...Father is terribly pleased because this is the first time his respectable Jewish family will be joining* [Ulitskaya, 2011, *236*].

Здесь разговорное существительное трансформируется в притяжательное местоимение. Такой прием довольно часто используется именно при переводе художественных текстов и называется прономинализация. Как видим, смысл не изменяется, поскольку из контекста понятно, о ком идет речь, однако фамильярно-дружественный тон данного предложения полностью утрачивается.

5. Описательный перевод.

Такой тип перевода больше характерен для научного текста, где возникает необходимость передавать информацию с высокой степенью точности. В текстах художественной литературы его применение зачастую связано с воспроизведением реалий или лакун.

В какой-то каморке в левом крыле [Улицкая, 2008, *17*]. – *They had a little cell of a room in the left wing* [Ulitskaya, 2011, *28*].

Каморка, как известно, – это маленькая комната. Английское существительное «cell» имеет идентичное значение, но только в качестве тюремной камеры или монастырской кельи. Чтобы передать выразительность оригинального существительного, автор использует дополнительное определение «little» и при помощи конструкции сущ. + of + сущ. дает понять, что речь идет лишь о части комнаты.

...У гестаповца были дети возраста Даниэля, и сын, его одногодок [Улицкая, 2008, *297*]. – *...His Gestapo officer had children who were Daniel's age, and even a son born in the same year* [Ulitskaya, 2011, *182*].

Можно предположить, что русское понятие является лексической лакуной. Случайные лакуны – это «предметы и явления, которые присутствуют в практическом опыте как носителей иностранного языка, так и носителей языка перевода, но в последнем не получили своего наименования» [Латышев, 2005, 178]. Вместо одного слова в оригинале в переводе используется развернутая характеристика и разговорность теряется.

6. Нулевой перевод или опущение.

«Опущению подвергаются, как правило, те детали, которые, по мнению автора перевода, являются не существенными или даже избыточными в текущий момент повествования» [Демидова, 2018, *42*].

…В английском у меня польский акцент, на что и обратила внимание Эстер, когда мы перебрасывались какими-то незначительными репликами в пределах светской болтовни [Улицкая, 2008, *10*]. – *...I have a Polish accent when I speak English. Esther noticed it when we exchanged a few words* [Ulitskaya, 2011, *24*].

В данном случае опущена не только разговорная лексическая единица, а целое обстоятельство. Особой смысловой нагрузки указанное словосочетание не несет, однако очень ярко характеризует авторский стиль: умелое использование лексики, сочетание разговорных и книжных единиц.

Но теперь я тоже считаю, что я сволочь... [Улицкая, 2008, *263*]. – *Now, however, I have to agree with her* [Ulitskaya, 2011, *164*].

Данное предложение – яркий пример использования приема целостного переосмысления. Очевидно, что общих семантических компонентов оригинал и перевод не имеют, однако содержание сохраняется. Таким образом, произошло не частичное опущение или переосмысление, а целостное. Тем не менее английский вариант абсолютно нейтральный, в то время как русский за счет разговорной единицы «*сволочь*» эмоционально и стилистически наполнен.

Как показывает проведенное исследование, разговорно отмеченная субстантивная лексика является одним из стилеобразующих средств романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», нередко выполняя характерологическую функцию, как при создании выразительных образов персонажей, так и при описании отношений между ними. В переводной версии романа наблюдается расхождение с оригиналом в степени интенсивности стилистической окраски при передаче разговорности на английский язык, что может быть объяснимо, с одной стороны, разносистемностью русского и английского языков, а с другой – творческим потенциалом и личными предпочтениями переводчика. В целом, «в тех случаях, когда исходное высказывание построено с использованием разговорных, стилистически сниженных и просторечных элементов, в тексте перевода языковая асимметрия проявляется особенно отчетливо» [Аминова, Хафизова, 2016, *12*].

Наиболее частотным способом перевода разговорной лексики в рассматриваемых текстах является нейтрализация (30%), причем следует отметить, что данный способ применяется, как правило, относительно субстантивов, чья разговорность обусловлена словообразовательно. В то же время нейтрализации зачастую сопутствуют и такие переводческие решения, как генерализация и конкретизация.

Весьма употребительным также является трансформационный способ перевода (22,5%). Его использование позволяет преодолеть типичные трудности, связанные с лингвокультурологической спецификой каждого из языков, однако часто сопровождается потерей разговорной отмеченности.

В меньшей степени представлен приближенный перевод (20%), практически всегда сопровождаемый нейтрализацией разговорности. Его применение во многом обусловлено разносистемностью английского и русского языков, в нем проявляется их разноплановость и уникальность.

Эквивалентный перевод тоже распространен не так значительно (15%), он в первую очередь применяется для передачи лексики с ярко выраженной разговорной спецификой и негативными оценочными коннотациями, бранных слов и ругательств. Опущение и описательный перевод при воспроизведении разговорных субстантивов средствами английского языка употребляется в исследуемых версиях романа Л. Улицкой довольно редко (около 12,5%).

Таким образом, можно утверждать, что передача лексики разговорного характера, вплетенной в ткань художественного произведения, на иностранный язык может осуществляться различными способами, выбор оптимального переводческого решения обуславливается рядом факторов, в том числе и экстралингвистических, и является определенным вызовом для переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

Агафонова О.В. Категория разговорности и ее реализация в «Твиттере» (на материале электронных дневников Г. Зюганова, В. Жириновского, И. Лебедева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-1(68). С. 51–54.

Аминова А.А., Хафизова А.А. Проблемы адаптации стилистически сниженной лексики в языке переводов // Филология и культура. 2016. № 2(44). С. 11–17.

Белькова А.Е. Лексическая актуализация разговорного стиля в структуре повествования югорского прозаика Н.И. Коняева // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 26–33.

Демидова М.М. Особенности перевода герундия в художественном тексте // Вестник ТГПУ. 2018. Вып. 8(197). С. 39–44.

Демидова М.М. Способы передачи безэквивалентной лексики при переводе художественного текста (на материале романа Jane Austen «Sense and Sensibility» и его русскоязычной версии) // Filologos. 2020. № 3(46). С. 34–43.

Жаркова Е.П. Просторечная лексика в романе М. Этвуд «Рассказ служанки» (К проблеме перевода) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 3. С. 40–42.

Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 320 с.

Логачева Е.В. Особенности стилизации разговорной речи в повести С.А. Есенина «Яр». Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3(78). С. 137–141.

Митрофанова О.В., Богданова В.Ю. Персонализмы языковой личности в разговорной речи и художественном тексте // Filologos. 2020. № 3(46). С. 69–75.

Несова Н.М. Стилистическая классификация слов в английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. С. 50–54.

Николина Н.А., Петрова З.Ю. Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы // Русская речь. 2020. № 4. С. 93–104.

Нуждин А.В., Зайцева Е.А. Особенности употребления разговорной и жаргонной лексики в «Афганских былинах» А.Ю. Грачева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2(18). С. 61–69.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. О.Б. Сиротининой. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

Славгородская Т.А. Особенности словообразовательных новаций в современной разговорной речи // Казанская наука. 2011. № 4. С. 137–138.

Соловьева С.И. Разговорная сниженная лексика и ее функции во французском языке (на материале произведений Д. Пеннака) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3(18). С. 125–133.

Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. М.: Эксмо, 2008. 528 с.

Хафизова А.А. Перевод разговорной и стилистически сниженной лексики на русский язык: семантико-стилистические аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 2. С. 90–98.

Ulitskaya L. Daniel Stein, interpreter: a novel in documents / tr. by Arch Tait. New York: Overlook press, 2011. 408 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ С АВТОРСКИМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

ТСЕ – Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Астрель, 2006. URL: https://gufo.me (дата обращения: 02.02. 2021).

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: http://www.gramota.ru (дата обращения: 30.01.2021).

ТСУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000. 1499 с.

CD – The Cambridge English dictionary. URL: http://www.dictionary.cambridge.org (дата обращения: 23.02.2021).

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. 3d ed. Harlow: Longman, 2001. 1800 p.

OD – Oxford dictionary. URL: http://www.lexico.com (дата обращения: 25.02.2021).

M.M. Demidova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Bryansk State Technical University
Bryansk, Russia

L.N. Kozlova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Bryansk State Technical University
Bryansk, Russia

Peculiarities of Transferring Russian Colloquial Substantives into English

The article is devoted to colloquial substantive lexis studied in L. Ulitskaya's novel «Daniel Stein, Interpreter» compared with its English version. The purpose of the research is to identify the main ways of transferring Russian colloquial substantives into English in a literary text.

The colloquial substantives and their English-language equivalents are obtained by the sampling method and subject to a thorough comparative analysis, during which six main methods of translation have been identified.

The conducted linguistic research allows us to draw conclusions about the predominant use of neutralization as the main method of translation. The diversity of systems as well as linguistic and cultural specifics of the Russian and English languages determine the use of transformational and approximate methods of translation. The equivalents used in relation to colloquial substances with negative evaluative connotations are less common. Omission and description are only slightly represented in the analyzed texts.

The research results described in the article indicate discrepancy between the original and the translated version of the novel from the stylistic and emotional points of view. Lexical colloquialism, expressed by the substantives, as a feature of the individual author's style of L. Ulitskaya, is mostly not transmitted in its English version.

Key words: *colloquiality; colloquial substantive vocabulary; lexicographic marks; L. Ulitskaya; methods of translation; English-language equivalents.*

REFERENCES

Agafonova O.V. The category of colloquialism and its implementation in «Twitter» (based on the material of the electronic diaries of G. Zyuganov, V. Zhirinovsky, and I. Lebedev) [Kategoriya razgovornosti i eyo realizatsiya v «Tvittere» (na materiale elektronnyh dnevnikov G. Zyuganova, V. Zhirinovskogo, I. Lebedeva)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 2-1(68), pp. 51–54 (in Russian).

Aminova A.A., Khafizova A.A. Problems of adaptation of stylistically reduced vocabulary in the translation language [Problemy adaptatsii stilisticheski snizhennoi leksiki v yazyke perevodov]. *Filologiya i kul'tura*, 2016, no. 2 (44), pp. 11–17 (in Russian).

Belkova A.Ye. Lexical actualization of the conversational style in the structure of the narrative of the Ugric prose writer N.I. Konyaev [Leksicheskaya aktualizatsiya razgovornogo stilya v strukture povestvovaniya yugorskogo prozaika N.I. Konyaeva]. *Vestnik ugrovedeniya*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 26–33 (in Russian).

Colloquial speech in the system of functional styles of the modern Russian literary language. Lexis [Razgovornaya rech' v sisteme funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Leksika]. Ed. by O. B. Sirotinina. 2nd ed., Moscow, Editorial URSS, 2003. 256 p. (in Russian).

Demidova M.M. Features of the translation of the gerund in a literary text [Osobennosti perevoda gerundiya v khudozhestvennom tekste]. *Vestnik TGPU*, 2018, Issue 8 (197), pp. 39–44 (in Russian).

Demidova M.M. Ways of transmitting non-equivalent vocabulary in the translation of a literary text (based on the novel Jane Austen «Sense and Sensibility» and its Russian-language version) [Sposoby peredachi bezekvivalentnoi leksiki pri perevode khudozhestvennogo teksta (na materiale romana Jane Austen «Sense and Sensibility» i yego russkoyazychnoi versii)]. *Filologos*, 2020, no. 3(46), pp. 34–43 (in Russian).

Latyshev L.K. Technology of translation: textbook for students of lingv. universities and faculties [Tekhnologiya perevoda: ucheb. posobie dlya stud. lingv. vuzov i fak.]. Moscow, «Akademiya» publishing center, 2005. 320 p. (in Russian).

Logacheva Ye.V. Features of stylization of colloquial speech in the story of S.A. Yesenin «Yar» [Osobennosti stilizatsii razgovornoi rechi v povesti S.A. Yesenina «Yar»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 12–3(78), pp. 137–141 (in Russian).

Mitrofanova O.V., Bogdanova V.Yu. Personalisms of the linguistic personality in colloquial speech and artistic text [Personalizmy yazykovoi lichnosti v razgovornoi rechi i khudozhestvennom tekste]. *Filologos*, 2020, no. 3(46), pp. 69–75 (in Russian).

Nesova N.M. Stylistic classification of words in the English language [Stilisticheskaya klassifikaciya slov v anglijskom yazyke]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*, 2012, no. 1, pp. 50–54 (in Russian).

Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. Metaphors of everyday speech in the mirror of modern Russian fiction [Metafory povsednevnoi rechi v zerkale sovremennoi russkoi khudozhestvennoi prozy]. *Russkaya rech'*, 2020, no. 4, pp. 93–104 (in Russian).

Nuzhdin A.V., Zaitseva Ye.A. Features of the use of colloquial and slang vocabulary in «Afghan epics» by A. Y. Grachev [Osobennosti upotrebleniya razgovornoi i zhargonnoi leksiki v «Afganskikh bylinakh» A.Yu. Gracheva]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2015, no. 2(18), pp. 61–69 (in Russian).

Slavgorodskaya T.A. Features of word-forming innovations in modern conversational speech [Osobennosti slovoobrazovatel'nykh novatsy v sovremennoi razgovornoi rechi]. *Kazanskaya nauka*, 2011, no. 4, pp. 137–138 (in Russian).

Soloveva S.I. Colloquial reduced vocabulary and its functions in the French language (based on the material of the works of D. Pennak) [Razgovornaya snizhennaya leksika i yeye funktsii vo frantsuzskom yazyke (na materiale proizvedeny D. Pennaka)]. *Verkhnevolzhsky filologichesky vestnik*, 2019, no. 3 (18), pp. 125–133 (in Russian).

Translation of colloquial and stylistically reduced vocabulary into Russian: semantic and stylistic aspects [Perevod razgovornoi i stilisticheski snizhennoi leksiki na russky yazyk: semantiko-stilisticheskie aspekty]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2014, no. 2, pp. 90–98 (in Russian).

Ulitskaya L. Daniel Stein, translator [Daniel' Shtain, perevodchik]. Moscow, Eksmo, 2008. 528 p. (in Russian).

Zharkova Ye.P. Colloquial vocabulary in the novel by M. Atwood «The Handmaid's Tale» (On the problem of translation) [Prostorechnaya leksika v romane M. Etvud «Rasskaz sluzhanki» (K probleme perevoda)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2016, no. 3, pp. 40–42 (in Russian).

Ulitskaya Ludmila. Daniel Stein, Interpreter: a novel in documents; tr. by Arch Tait. New York, Overlook press, 2011. 408 p. (in English).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

Big explanatory dictionary of the Russian language [Bol'shoi tolkovy slovar' russkogo yazyka]. Comp., Editor-in-chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint, 1998. *Available at*: http://www.gramota.ru (accessed 30 January 2021).

Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes [Tolkovy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Astrel, 2000. 1499 p. (in Russian).

Oxford dictionary. *Available at*: http://www.lexico.com (accessed 25 February 2021).

The Cambridge English dictionary. *Available at*: http://www.dictionary.cambridge.org (accessed 23 February 2021).

Yefremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes [Sovremenny tolkovy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.]. Moscow, Astrel', 2006. *Available at*: https://gufo.me (accessed 02 February 2021).

Longman Dictionary of Contemporary English. 3d ed. Harlow, Longman, 2001. 1800 p. (in English).

Ю.А. Белютина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81’42

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-145-154

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ДОНАЛЬДА ТРАМПА (по материалам предвыборных выступлений в кампаниях 2016 и 2020 годов)

Ключевые слова: *политический дискурс; предвыборная коммуникация; речевой портрет; институциональные, ритуальные и риторические признаки; дискурс Дональда Трампа.*

Статья посвящена исследованию речевого портрета Дональда Трампа как участника предвыборной коммуникации. Предвыборное общение является специфическим жанром политического дискурса и сочетает в себе институциональные, ритуальные и риторические признаки. Цель политической речи – изменение представления аудитории о существующей политической реальности, в случае с выступлениями кандидатов во время предвыборной кампании – склонение электората на свою сторону за счет осуществления речевого манипулятивного воздействия. В ходе исследования было установлено, что речевой портрет Дональда Трампа как кандидата в президенты является весьма неоднородным. Дискурс бывшего президента США классифицируется как гибридный, так как находится на пересечении институциональной, ритуальной и риторической коммуникации с сочетанием конституирующих признаков предвыборного дискурса: участники и ролевая структура, хронотоп, стратегии воздействия на электорат, ритуальность, символичность. Опытный оратор, Трамп задействует актуальные аргументы (топосы) в своих выступлениях – одним из центральных для него, согласно исследованию, является патриотизм. Некоторые приемы, которыми пользуется кандидат, типичны для всех участников предвыборного дискурса (например, очерчивание «круга своих», сторонников, и «круга чужих», соперников в предвыборной гонке). Был выделен характерный признак практически всех проанализированных текстов – наличие сюжетного лозунга, вокруг которого выстраивается повествование.

Среди прав, гарантированных современному члену демократического общества, есть возможность выполнять роль избирателя в голосовании за участников муниципального управления, законодателей местного и федерального уровня, выбирать, кто будет управлять страной. Избирательная кампания помещает человека в предвыборный дискурс, изобилующий информацией о кандидатах, их встречах с избирателями, об общественных

дебатах, программных заявлениях, прогнозами политтехнологов о перспективах того или иного претендендента на политический пост. Избирательный марафон поглощает даже самых неискушенных и безразлично настроенных граждан, которые начинают проявлять интерес к экономической и политической сторонам жизни государства и вглядываться в детали имиджа и заявлений участников предвыборной гонки.

Исследование предвыборных платформ привлекает внимание ученых разных областей гуманитарного знания: политологии, риторики, социолингвистики, прагмалингвистики, теории аргументации и т.п. В данной статье мы обратимся к жанру предвыборного дискурса, рассмотрим лингвистические особенности коммуникативных стратегий, использованных харизматичным и запоминающимся кандидатом Дональдом Трампом в процессе предвыборных президентских кампаний 2016 и 2020 годов в США.

Известно, что в политике язык используется как средство власти, социального контроля [Dijk, 2009; Золян, 2018], поэтому в исследованиях политического дискурса основной целью является установление взаимосвязи между властью и языком через описание механизмов влияния речи, поведения на массовое сознание избирателя, наделяющее государственного деятеля силой политического влияния. Целью политической речи является изменение представлений аудитории о существующей политической реальности «переконцептуализация политического мира в сознании читателей и слушателей» [Чудинов, 2001, *26*].

Одним из жанров политического дискурса является предвыборная коммуникация, сочетающая в себе признаки институционального и ритуального общения. Институциональными признаками можно считать целевые установки, статусно-ролевые характеристики участников, темпоральные атрибуты, тематические идентификаторы, соответствующие коммуникативные стратегии и тактики. Ритуальными признаками предвыборной коммуникации являются особые темпоральные и локальные, а также символические и языковые параметры, которые составляют семиотическое пространство предвыборного события. Отметим, что предвыборная коммуникация наделена и риторическими признаками, которые характеризуют ее манипулятивнные, эмотивные, аргументативные и этические особенности.

В нашем исследовании предвыборных выступлений Дональда Трампа в президентских кампаниях 2016 и 2020 годов конституирующими признаками его дискурса мы будем считать институциональные: участники (один из кандидатов на пост Президента США от республиканской партии Дональд Трамп и его потенциальные избиратели), хронотоп (масштабное событие в политической жизни Соединенных Штатов, циклично повторяющееся каждые четыре года, начинающееся от национальных партийных съездов и продолжающееся до вступления избранного президента в должность), цели (стремление создать у избирателя положительное отношение к себе через

предоставление максимально «достоверной» и позитивной информации и отрицательное отношение к сопернику), ценности (политическая власть), тематика (наиболее острые социальные, политические, экономические проблемы общества, которые вызывают интерес у таргетных групп избирателей), стратегии (основными можно считать манипулятивную и аргументативную).

В то же время предвыборную кампанию в Америке можно рассматривать и как ритуальное событие со сложившимся набором определенных действий и легко узнаваемой ролевой структурой (кандидаты – избиратели), сценарием и темпоральностью (первичные выборы начинаются за полтора года до всеобщего голосования, заканчиваются национальными съездами, после которых следуют дебаты кандидатов, всенародное голосование, коллегия выборщиков и инаугурация избранного президента 20 января) и символичностью (у каждого государства есть свои особые знаки, которые в предвыборной коммуникации могут вызывать нужные кандидату ассоциации; например, в США Декларация независимости и Конституция, статуя Свободы символизируют становление американской государственности, свобода и стремление к процветанию определяют своеобразие американского гражданского общества, имена отдельных государственных и политических деятелей связаны с определенными вехами в жизни страны: Джордж Вашингтон – первый избранный президент, принимавший участие в создании Конституции США, Авраам Линкольн – основатель Республиканской партии).

Рассмотрим отрывок выступления Дональда Трампа на национальном партийном съезде, состоявшемся 28 августа 2020 года и официально выдвинувшем его в качестве кандидата от демократической партии.

«Because we understand that America is not a land cloaked in darkness. America is the torch that enlightens the entire world. Gathered here at our beautiful and majestic *White House*, known all over the world as the people's house, we cannot help but marvel at the miracle that is our great American story.

This has been the home of larger-than-life figures like *Teddy Roosevelt* and *Andrew Jackson*, who rallied Americans to bold visions of a bigger and brighter *future*. Within these walls lived tenacious generals like *President Grant* and *Eisenhower*, who led our soldiers in the cause of *freedom*. From these grounds, *Thomas Jefferson* sent Lewis and Clark to chart our continent. In the depths of a bloody *Civil War*, *President Abraham Lincoln* looked out these very windows upon a half-completed *Washington Monument* and asked *God* and his *Providence* to save our nation. Two weeks after *Pearl Harbor*, *Franklin Delano Roosevelt* welcomed *Winston Churchill*, and just inside, they set our people on course to *victory in the Second World War*» [President Trump's Republican National Convention Speech].

Белый дом, упоминаемый в самом начале отрывка, у американцев является символом прочности и единства нации, а монумент Вашингтона напоминает о приведшем к победе в борьбе за независимость первом президенте

США. Теодора Рузвельта считают одним из величайших президентов США за его сильную внутреннюю и внешнюю политику, повлиявшую на становление роли Штатов в мире. Эндрю Джексон (первый президент, избранный от Демократической партии) прославился своими яркими популистскими идеями, которые привели его к победе в выборах. В настоящее время Дональда Трампа часто сравнивают с Джексоном в связи с их резкими расистскими идеями в отношении цветного населения и коренных индейцев соответственно. Президенты У. Грант и Д. Эйзенхауэр известны своим великим военным прошлым, решительными победами над силами зла (рабством и фашизмом). Томас Джефферсон – один из отцов-основателей США – считается таковым благодаря его работе над проектом Декларации независимости. Национальный герой Америки президент Авраам Линкольн был первым президентом-республиканцем, именно он положил конец рабскому труду, узаконил свободу и равноправие всех граждан. Ф.Д. Рузвельт был одним из самых популярных политиков в США, вывел страну из Великой депрессии, внес огромный вклад в борьбу с фашизмом. Один из самых выдающихся политиков современности Уинстон Черчилль приумножил влияние США в мире, прославился как великолепный оратор. Упомянутые в речи артефакты и персоналии призваны быть «сторонниками» кандидата Трампа в его предвыборной кампании, они создают у избирателя впечатление, что именно он продолжит их правое дело в укреплении величия Америки. Дональд Трамп также умело жонглирует национальными концептами «свобода» (freedom), «светлое будущее» (a bigger and brighter future), «победа во Второй мировой войне» (victory in the Second World War), обращается в нужный момент к религии, которая явно или косвенно всегда играла важную роль в американской политике (asked God and his Providence to save our nation). И даже кровопролитная Гражданская война (a bloody Civil War) и жестокое нападение на Перл Харбор, традиционно вызывающие отрицательные ассоциации у простых американцев, в выступлении Трампа связаны с поворотными историческими решениями.

Поскольку ключевым в предвыборной коммуникации является обращение кандидата к своему избирателю, агитационный текст соотносим с разными аспектами риторического воздействия: пафосом, логосом и этосом.

Обращение к пафосу в риторической парадигме предполагает апелляцию к эмоциям и чувствам электората через манипулятивные стратегии и тактики.

«From the moment I left my former life behind – and it was a good life – I have done nothing but fight for you. I did what our political establishment never expected and could never forgive, breaking the cardinal rule of Washington politics. I kept my promise. Together we have ended the rule of the failed political class, and they are desperate to get their power back by any means necessary. You have seen that. They are angry at me because instead of putting them first, I very simply said, “America first”» [Transcript Library].

Выступая с речью о согласии баллотироваться на пост Президента США в 2019 году, Дональд Трамп использует стратегию самопрезентации (саморекламы): демонстрирует свой профессионализм, показывая способность отказаться от лучшей жизни (I left my former life behind – and it was a good life) ради интересов страны (I have done nothing but fight for you), умение держать свое слово (I kept my promise); продвигает продукт профессиональной деятельности – он нарушил основоположное правило политики Вашингтона, которое реализовывалось демократами на протяжении нескольких президентских сроков (breaking the cardinal rule of Washington politics), положил конец правлению потерпевшего неудачу политического класса (ended the rule of the failed political class), поставил интересы Америки на первое место (I very simply said, «America first»).

Примечательно, что в своих выступлениях Дональд Трамп активно задействует инклюзивное местоимение «we», сопровождая его нередко интенсификаторами «together», «united», «our», «one». Наряду с этим он исключает оппонентов из «своего круга», обозначая соперничающие с ним политические элиты эксклюзивным местоимением «they». Данное заключение совпадает с выводами, сделанными О.Л. Михалевой в исследовании, посвященном языковым механизмам воздействия в политическом дискурсе [Михалева, 2009, *143*]. Это говорит о том, что политтехнологи Трампа не ищут новых путей, а пользуются хорошо проверенными действенными средствами.

«But Obamacare kicks in in 2016. Really big league. It is going to be amazingly destructive. Doctors are quitting. I have a friend who's a doctor, and he said to me the other day, "Donald, I never saw anything like it. I have more accountants than I have nurses. It's a disaster. My patients are beside themselves. They had a plan that was good. They have no plan now." We have to repeal Obamacare, and it can be – and – and it can be replaced with something much better for everybody. Let it be for everybody. But much better and much less expensive for people and for the government. And we can do it» [Donald Trump's Presidential Announcement Speech].

В предвыборной кампании 2016 года Дональд Трамп конкурировал с Хилари Клинтон – представительницей Демократической партии и преемницей предыдущего Президента США Барака Обамы. Команда Трампа (и республиканская партия в целом) жестко критиковала принятый последним закон о реформировании системы здравоохранения, так называемый «Обамакер». В приведенном эпизоде применяется стратегия дискредитации политического оппонента через тактики обвинения (It is going to be amazingly destructive, Doctors are quitting) и экземплификации (друг-доктор рассказывает о неудобствах для пациентов и проблемах врачей). Дискредитируя оппонента, оратор предлагает способы устранения трудностей: «We have to repeal Obamacare, it can be replaced with something much better, much less expensive for people and for the government» – и создает благоприятный настрой (we can do it).

Обращение к логосу связано с апелляцией к разуму электората и может быть реализовано набором аргументативных стратегий и тактик.

Аргументация как интеллектуальная деятельность направлена на убеждение адресата (в нашем случае избирателя) в необходимости принять выдвигаемый тезис. В выступлениях Дональда Трампа можно выделить стратегии рационального и эмоционального аргументирования и комбинацию обеих.

«I would build a great wall, and nobody builds walls better than me, believe me, and I'll build them very inexpensively, I will build a great, great wall on our southern border. And I will have Mexico pay for that wall. Mark my words. Nobody would be tougher on ISIS than Donald Trump. Nobody. I will find – within our military, I will find the General Patton or I will find General MacArthur, I will find the right guy. I will find the guy that's going to take that military and make it really work. Nobody, nobody will be pushing us around. I will stop Iran from getting nuclear weapons. And we won't be using a man like Secretary Kerry that has absolutely no concept of negotiation, who's making a horrible and laughable deal, who's just being tapped along as they make weapons right now, and then goes into a bicycle race at 72 years old, and falls and breaks his leg. I won't be doing that. And I promise I will never be in a bicycle race. That I can tell you. I will immediately terminate President Obama's illegal executive order on immigration, immediately» [Donald Trump's Campaign Speech in Wisconsin].

В предвыборной речи в штате Техас Трамп комбинирует рациональное и эмоциональное с целью создания наиболее заметного эффекта от выступления. Он использует тактику обещания, давая слово избавить штат от иммигрантов из Мексики (believe me, mark my words, I promise, I *will build* a great, great wall, I will find… I *will stop* Iran, I *will immediately terminate* President Obama's illegal executive order on immigration). Тактика угрозы адресована террористической организации ИГИЛ, против которой он найдет современных героев, подобных генералам Паттону и Макартуру (I will find the right guy), он не позволит никому «кошмарить» население (Nobody, nobody will be pushing us around). Сочетание тактики оскорбления и экземплификации производит смехотворный эффект от упоминания семидесятидвухлетнего госсекретаря Керри, участвующего в велопробеге и ломающего ногу при падении, которого Трамп еще обвиняет в непрофессионализме – неумении вести переговоры. Также тактика обвинения направлена на Б. Обаму, которого он упрекает в издании незаконного приказа об иммиграции, предоставившего временный статус с правом работы нелегальным мигрантам.

Апелляция к этосу связана с обращением оратора к моральным и этическим устоям, принципам нации. В политической предвыборной риторике этос раскрывается в топосах (заранее подобранных доказательствах, аргументах), которые отражают универсальные, национальные и групповые ценности.

Предвыборная коммуникация не может не отражать специфику политической эпохи, национально специфические особенности. Выступления политиков ориентированы на злободневные проблемы внешней и внутренней политики, содержат их обещания электорату в случае избрания на президентский

пост. В ходе анализа предвыборных обращений Дональда Трампа мы выделили слова с наиболее распространенной семантикой: prosperity, opportunity, security, dignity, peace, ambition, respect, change, goal, strength, law, (American) dream, threat, money, challenge, terror, liberty, patriot(ism). Они являются стержнем идейно-тематического оформления практически каждого выступления.

Среди универсальных ценностей (топосов) в предвыборных речах Трампа – религия, свобода, безопасность. На уровне национальных американских ценностей отметим американскую мечту, особую роль американской нации, ее величие. Уровень групповых ценностей представлен разнообразно и зависит от «целевой» аудитории. Как отмечает Е.И. Шейгал, «неоднородность групповых субъектов политики в плане ценностных ориентаций приводит к социокультурной вариативности политического дискурса. Каждая организованная группа обладает своей культурой, в том числе и политической, в основе которой лежит своя система ценностей и норм» [Шейгал, 2000, *317*]. Чтобы угодить избирателю, политику приходится лавировать между полифонией интересов электоральных групп. Так, учителям были обещаны уважение и почет («we will always treat our teachers with the tremendous respect they deserve»), безработным – рабочие места («bring jobs out of China BACK to America»), промышленности – преференции для работы внутри страны («Joe Biden's agenda is Made in China. My agenda is MADE IN THE USA»), детям – гарантия доступности всех возможностей, независимо от происхождения («No matter where your family comes from, no matter your background, in America, ANYONE CAN RISE»), женщинам – защита и безопасность («They want their home. They want their family night, but they want safety, and they want security. And that's what we provide»), ветеранам и пожилым людям – забота и защита («our great veterans, we're taking care of our veterans»; «We are aggressively sheltering those at highest risk, especially the elderly») и т.д. [Transcript Library].

«Americans built their beautiful homesteads on the open range. Soon they had churches and communities, then towns, and with time, great centers of industry and commerce. That is who they were. Americans build the future, we don't tear down the past! We are the nation that won a revolution, toppled tyranny and fascism, and delivered millions into freedom. We laid down the railroads, built the great ships, raised up the skyscrapers, revolutionized industry, and sparked a new age of scientific discovery. We set the trends in art and music, radio and film, sport and literature – and we did it all with style, confidence and flair. Because THAT is who we are» [Ibid.].

Данному эпизоду присуща высокая контактность, которая реализуется за счет постоянного употребления знака интеграции (we), воссоздается образ американской мечты, подвигающей на великие свершения, величия американской нации. Прямо или косвенно здесь отмечаются и универсальные ценности: религия, будущее, перемены, сила, целеустремленность. Свои идеалы там могут отыскать разные социальные группы: домохозяйки (beautiful homesteads), представители религиозных и других общин и профессиональных групп (they

had churches and communities, then towns, and with time, great centers of industry and commerce), военные и силовые сообщества (won a revolution, toppled tyranny and fascism, and delivered millions into freedom), промышленники (built the great ships, raised up the skyscrapers, revolutionized industry), ученые (sparked a new age of scientific discovery), творческие личности и спортсмены (set the trends in art and music, radio and film, sport and literature). Кандидат призывает их гордиться своим прошлым и делать будущее (That is who they were; Because THAT is who we are).

Отдельно следует сказать о высоком уровне патриотизма в речах кандидата в президенты США Дональда Трампа. Вообще тема патриотизма на фоне внешних и внутренних рисков приобретает особую актуальность. У Трампа внешние риски составляют становление могущества Китая, терроризм, среди внутренних рисков от отмечает иммиграцию, преступность, бездействующее демократическое лобби. Патриотизм означает консолидацию общества, позволяющую преодолевать эти риски и трудности: «We want our sons and daughters to know the truth: America is the greatest and most exceptional nation in the history of the world! Our country wasn't built by cancel culture, speech codes, and soul-crushing conformity. We are NOT a nation of timid spirits. We are a nation of fierce, proud, and independent American Patriots» [Ibid.].

Американский лингвист, авторитетный специалист в области когнитивной семантики Дж. Лакофф и его соавтор книги «Метафоры, которыми мы живем» философ и логик М. Джонсон указывали, что люди легче поддаются убеждению при наличии сюжетного повествования, что миф упорядочивает нашу жизнь, наделяет ее осмысленным опытом [Lakoff, Johnson 2003, *133*]. Д. Трамп использовал это наблюдение при выборе броского и лаконичного, но в то же время емкого и многообещающего лозунга для своей кампании «Make America Great Again», создавая сюжеты вокруг него и ненавязчиво фиксируя внимание аудитории на всех составляющих успеха предвыборной коммуникации: «Proud citizens like you, who helped build this country, together we will take back our country. We're taking it back at a level that nobody has believed. We are taking it back and we are winning and we're going to win tomorrow. We are returning power to you, the American people. With your help, your devotion and your drive, we are going to keep on working. We are going to keep on fighting and we are going to keep on winning, winning, winning. We are one movement, one people, one family and one glorious nation under God and together with the incredible people of Michigan, we have made America powerful again. Our military, it's never been like this. We have made America wealthy again. We have made America strong again. We have made America proud again. We have made America safe again and we will make America great again» [Transcript Library]. Этот сюжет видится Трампу настолько успешным, что он зарегистрировал его в качестве торговой марки (хотя слоган применялся другими кандидатами и до него), использовал его в своих твитах в качестве хэштега

(#MAKEAMERICAGREATAGAIN, # MAGA) и носил кепки с этим лозунгом на свои выступления во время кампании 2016 года.

Таким образом, речевой портрет Дональда Трампа как участника предвыборного общения представляется весьма красочным. Дискурс бывшего Президента США является гибридным и находится на пересечении институциональной, ритуальной и риторической коммуникации с сочетанием конституирующих признаков предвыборного дискурса: участники и ролевая структура, хронотоп, стратегии воздействия на электорат, ритуальность, символичность. Опытный оратор, Трамп задействует актуальные аргументы (топосы) в своих выступлениях – одним из центральных, согласно исследованию, является патриотизм. Типичный признак практически всех проанализированных текстов – наличие сюжетного лозунга (Make America Great Again), вокруг которого выстраивается повествование.

ЛИТЕРАТУРА

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

Dijk T.A. van. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 299 p.

Donald Trump's Campaign Speech in Wisconsin. URL: https://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095 (дата обращения: 19.01.2021).

Donald Trump's Presidential Announcement Speech. URL: https://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech (дата обращения: 23.01.2021).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chacago Press, 2003. 193 p.

President Trump's Republican National Convention Speech. URL: https://www.nytimes.com/2020/08/28/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html (дата обращения: 18.01.2021).

Transcript Library. URL: https://www.rev.com/blog/transcript-category/donald-trump-transcripts (дата обращения:15.01.2021).

Yu.A. Belyutina
Candidate of Phological Sciences,
Assosiate Professor,
Department of the English Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Donald Trump's Speech Portrait (Based on the Material of Elction Speeches in the Campaigns of 2016 and 2020)

The article is devoted to the analysis of Donald Trump's speech portrait during pre-election communication. Pre-election communication is a specific genre of political discourse combining institutional, ritualistic, rhetorical features. The aim of a political speech is to change the perception of reality by the audience, when it

comes down to candidates running their election campaign, vote swinging by means of manupulative verbal behaviour.

According to the research, the speech portrait of Donald Trump as a presidential candidate is rather diverse. The discourse of the US former President can be classified as a hybrid combining the features of institutional, ritualistic and rhetorical communication. It merges constituent characteristics of the pre-election discourse: participants and their roles, chronotopos, manipulating strategies, rituality, symbolism. Being an experienced speaker, Trump facilitates currently topical arguments (toposes) in his speeches; patriotism is one of the most essential for him, according to the research. Some tools used by the candidate are typical of all participants of the pre-election discourse (for example, creating the circles of «us» or his supporters and «them» or his rivals in the election race). A typical feature of practically all analysed texts has been distingushed, which consists in using a meaningful slogan for his agitational narration.

Key words: *political discourse; pre-election communication; speech portrait; institutional, ritualistic and rhetorical features; Donald Trump's discourse.*

REFERENCES

Chudinov A.P. Sports metaphor in modern Russian political discourse [Sportivnaya metafora v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse]. *Vestnik VGU. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2001, no. 2, pp. 26–31 (in Russian).

Mikhaleva O.L. Specific character of manipulative behaviour [Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya]. Moscow, «Librokom» Literary House, 2009. 256 p. (in Russian).

Sheigal Ye.I. Semiotics of political discourse: Thesis of doctor of philological sciences [Semiotika politicheskogo diskursa: diss … dokt. filol. nauk]. Volgograd, 2000. 440 p. (in Russian).

Zolyan S.T. The language of politics or language in its political function [Yazyk politiki ili yazyk v politicheskoi funktsii?]. *Politiya*, 2018, no. 3, pp. 31–45. (in Russian).

Dijk T.A. van. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 299 p. (in English).

SOURCES

Donald Trump's Campaign Speech in Wisconsin. *Available at*: https://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095 (accessed 19 January 2021).

Donald Trump's Presidential Announcement Speech. *Available at*: https://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/ (accessed 23 January 2021).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, The University of Chacago Press, 2003. 193 p. (in English).

President Trump's Republican National Convention Speech. *Available at*: https://www.nytimes.com/2020/08/28/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html (accessed 18 January 2021).

Transcript Library. *Available at*: https://www.rev.com/blog/transcript-category/donald-trump-transcripts (accessed 15 January 2021).

В.С. Артемова

Брянский государственный инженерно-технологический университет
Брянск, Россия

М.Н. Дмитриева

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-155-162

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ШВЕЙЦАРСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: *словообразование имен прилагательных; гельветизм; адъектив; композит; суффиксация; словосложение; фразеология; плюрицентричность; лингвокультурология; национальный вариант языка.*

В статье рассматриваются механизмы вербальной фиксации национальной специфики швейцарского варианта немецкого языка на примере категориально-грамматической группы имен прилагательных – адъективов, относящихся к широкому объединению призначных слов. Объектом анализа выступают имена прилагательные, собранные методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также из публицистических и художественных текстов. Основное внимание уделяется особенностям качественного состава и семантической валентностной сочетаемости сегментных корневых и некорневых деривационных морфем внутри двух основных словообразовательных моделей имен прилагательных, характерных для современного немецкого языка в его синхронном состоянии: дериватов и композитов. Также анализируется функционирование прилагательных в составе фразеологических единиц. Эту группу составляют преимущественно одноморфемные корневые лексемы. Привлечение фразеологизмов в качестве материала позволяет более полно представить функциональный потенциал адъективов в лингвокультурном аспекте. На основе исследования делается вывод о том, что в швейцарском варианте немецкого языка по сравнению с немецким языком Германии корневые морфемы и постфиксы более широко реализуют потенциал взаимной сочетаемости, что приводит к обогащению парадигматических смыслов и выявлению дополнительных дискурсивно-прагматических значений адъективов швейцарского варианта немецкого языка.

Термины «парадигматика» и «синтагматика», вынесенные в заголовок данной статьи, употреблены здесь в самом широком значении. Как из-

вестно, исходной позицией парадигматического подхода является рассмотрение свойств языковой единицы с точки зрения ее положения в системе языка. В целом наше исследование в большей степени ориентировано на лексикографический материал, то есть парадигматический подход принимается здесь в качестве доминантного. Синтагматика затрагивается лишь фрагментарно, что связано с характером обсуждаемого языкового материала. Однако применение в анализе синтагматического подхода необходимо: это значительно расширяет методологическую платформу и позволяет более полно представить полученные результаты.

Этнолингвистические особенности швейцарского варианта немецкого языка. Немецкий язык является одним из четырех государственных языков Швейцарии и традиционно распространен на севере, северо-востоке и в центральной части страны. Основные особенности языковой ситуации Швейцарии можно тезисно сформулировать следующим образом. Во-первых, отсутствует противопоставление «диалект – литературный язык», поскольку в функции обиходно-разговорного языка выступает швейцарско-немецкий. Комментируя данное обстоятельство, А.И. Домашнев указывает на «самобытность лингвистического статуса диалектального уровня» [Домашнев, 1983, *8*].

Вторая особенность связана с тем, что исторически территория современной Швейцарии совпадает с ареалом распространения алеманнского диалекта. Данный диалектальный фон многогранно проявляется во многих аспектах швейцарского немецкого языка; краткая справка о важнейших этапах изучения и лингвистического описания алеманнского приведена в нашей предыдущей работе [Артемова, Дмитриева, 2020, *150–151*]. Алеманнский диалект в его современном состоянии, в свою очередь, далее подразделяется на отдельные диалектные системы, функционирующие в пределах кантонов Швейцарии (Baseldeutsch, Berndeutsch, Zürichdeutsch). Влияние диалекта просвечивает сквозь весь набор языковых единиц, что создает особый национальный колорит.

Третья особенность – функционирование немецкого языка на территории Швейцарии с тремя другими языками, типологически отличающимися от немецкого, французским и итальянским, а также сохраняющим особый статус реторомanским. В результате данной языковой ситуации немецкий оказывается интегрированным в сложную дискурсивную модель мультиязыкового общения. И, как следствие, вбирает в себя многочисленные заимствования из контактных языков.

То есть специфика швейцарского немецкого языка проявляется как в экстралингвистическом, так и в собственно лингвистическом планах и пронизывает всю ткань языковой системы в парадигматике и синтагматике. Ниже мы рассмотрим специфику швейцарского немецкого на примере имен прилагательных.

Характеристика языкового материала исследования. Источником иллюстративного материала служат примеры, собранные В.С. Артемовой из художественных и публицистических текстов [Артемова, 1981, *100–128*]. Лексикографический языковой материал подготовлен М.Н. Дмитриевой на основе Словаря вариативности немецкого языка [VW, 2004]. На данный момент обработаны полные разделы Словаря на буквы E, I, L, N, R, S, T; около 2000 словарных статей. Следует заметить, что частотность имен прилагательных (словарная помета Adj.) невысока. По частотности адъективы находятся на третьем месте после имен существительных и глаголов. Такая последовательность отображает общую иерархию квантитативного состава частей речи в немецком языке: доля имен прилагательных от общего количества лексем составляет от 10 до 15 процентов [Duden, 1998, *530*]. Несмотря на относительно невысокую частотность адъективов, собранный языковой материал позволяет получить совершенно особое представление о механизмах вербальной фиксации языковой картины мира немецкоговорящих жителей Швейцарии (подробное описание методики исследования см.: [Артемова, Дмитриева, 2020, *151–152*]).

Имя прилагательное, специфика его словообразовательной системы в швейцарском варианте немецкого языка. Имя прилагательное относится в современной германистике к широкому межкатегориальному объединению призначных слов. В теоретических грамматиках для прилагательного часто используется более широкозначный термин «адъектив» [Duden, 1998, *256*; Абрамов, 2004, *89*]; ср. немецкие эквиваленты Adjektiv, Eigenschaftswort, Artwort, Wiewort, Beiwort. Общим категориально-грамматическим значением адъективов является «обозначение качества или свойства субстанций (предметов и лиц), процессов, событий, других признаков, которые они характеризуют в качественном отношении» [Нефедов, 2018, *243*]. Частеречная принадлежность и субклассификация адъективов могла бы стать предметом разностороннего теоретического и прикладного изучения. В силу ограниченности объема статьи не представляется возможным изложить все аспекты данного вопроса. Заметим лишь, что в современной лингвистике к грамматическому классу адъективов в широком понимании принято относить прилагательные и качественные наречия. Общий обзор значений немецких адъективов приводит академическая грамматика серии Дуден [Duden, 1998, *257–258*]. Одну из наиболее полных семантических и морфолого-синтаксических классификаций адъективов, хотя и составленную, прежде всего, в дидактических целях, см. в широко известной среди германистов книге «Deutsche Grammatik» Г. Хельбига и И. Буша [Helbig, Buscha, 2001, *280–287*].

Также по-разному можно описать и классифицировать словообразовательные модели прилагательных. Для швейцарского немецкого в качестве

релевантных В.С. Артемовой были выделены дериваты, образованные с помощью сегментных морфем: суффиксов (1) -bar, (2) -haft, (3) -ig, (4) -isch, (5) полусуффиксов -los и -wert – и путем словосложения [Артемова, 1981, *101* и след.] (нумерация В.С. Артемовой). Кратко обобщая полученные В.С. Артемовой результаты, следует заметить, что названные морфемы в составе лексики швейцарского варианта немецкого языка при сопоставлении с лексемами, употребляемыми в немецком языке Германии, проявляют более широкую словообразовательную сочетаемость, обнаруживают развернутый набор значений и активно используются в художественных и публицистических текстах для создания национального колорита, формирования экспрессивности, в целях более эффективного прагматического воздействия на реципиента. Детальное рассмотрение словообразовательной системы прилагательных позволяет выявить две большие группы: дериваты (в терминологии В.С. Артемовой деривативы) и композиты. Дериваты-гельветизмы по сравнению с сопоставимыми лексемами немецкого языка Германии обнаруживают большее разнообразие морфемного состава. Ниже обзорно рассмотрим наиболее разнообразные по квалитативному составу группы прилагательных: с полусуффксом -bar, постфиксом -ig и некоторые композиты.

Полусуффикс -bar образован от древневерхненемецкого отглагольного прилагательного bāri «тот, которого можно нести» > beran «нести». В современном немецком языке полусуффикс имеет следующие семантические валентности: 1) a) возможность что-либо сделать по отношению к описываемому лицу / предмету: bebaubar > bebauen «застраивать», heizbar > heizen «топить, протапливать»; b) в сочетании с отрицательным префиксом un- указывает на отсутствие возможности совершения действия: unkündbar > künden «узнавать, уведомлять», unverwechselbar > verwechseln «путать, смешивать»; 2) описываемое лицо / предмет могут что-либо сделать: brennbar > brennen «гореть», haftbar > haften «гарантировать»; 3) пригодность для чего-либо: passierbar > passieren «случаться, происходить», singbar > singen «петь» [DUW, 2015, *256*]. Примеры всех трех групп представляют собой отглагольные суффиксальные образования. С целью подтверждения данного тезиса ко всем дериватам добавлены исходные глагольные лексемы.

Однако анализ эмпирического материала швейцарского немецкого позволяет дополнить эти принимаемые в качестве исходных и лексикографически зафиксированные возможности употребления следующими примерами: (1) kränkbar CH – krankhaft D «ранимый», (2) mangelbar CH – mangelhaft D «недостаточный», (3) schreckbar CH – schrecklich D «ужасный», (4) ausdeutbar CH – erklärbar D «объяснимый», (5) wißbar CH – «познаваемый» [Артемова, 1981, *101–105*]. Среди данных примеров представлены случаи синонимичного для -bar употребления суффиксов -haft, -lich (примеры 1–3), варьирования корневой морфемы (пример 4). Пример (5) относится к безэквивалентной лексике.

Также специфика швейцарского немецкого проявляется в функционировании суффикса -ig. См. примеры В.С. Артемовой: (6) damig CH – damenhaft D «женственный», (7) unleidig CH – unleidlich D «равнодушный», (8) lärmig CH – lärmend D «шумный», (9) tanzig CH – tanzlustig D «желающий танцевать», (10) bäumig CH – «сильный и большой, как дерево» [Там же, *108–112*]. В данной группе наблюдается синонимичное употребление суффиксов -haft, -end. Пример (9) иллюстрирует пару полного и «усеченного» варианта образования лексемы. Словарь вариативности фиксирует следующие примеры лексем с -ig: (10) lärmig CH [VW, 2004, *461*] – «громко, с шумом»; (11) lüpfig CH [Ibid., *480*] = beschwingt «летящий, воодушевленный»; (12) stotzig CH [Ibid., *763*] = steil «крутой, отвесный».

Среди примеров из Словаря встречаются дериваты с заимствованными суффиксами, в частности: (13) speditiv CH [Ibid., *730*] – «немедленный, быстрый», что наглядно отображает результаты «контактного» использования швейцарского немецкого с иными языками.

Другим продуктивным для словообразовательной системы языка способом образования именных частей речи является словосложение. Среди композитов семантически важна лексема (14) schweizerdeutsch CH [Ibid., *704*] – «швейцарский немецкий», образованная путем безинтерфиксного соединения двух корневых морфем по модели A + A. Аналогичный примеру (14) по семантике пример (15) schweizweit [Ibid., *705*] – «распространенный на всей территории Швейцарии» показывает иное заполнение модели: N + A.

Также в процессе обработки данных был обнаружен интересный пример (16) sackstark CH [Ibid., *650*] – «очень хорошо» (модель N + A). По-видимому, здесь имеет место метафорическое осмысление качественной семантики лексемы stark «сильный, прочный, надежный». Морфема sack- частично утрачивает исходное значение предметности и становится маркером градуальности при адъективе. Таким образом, в составе композита наблюдается семантическое переосмысление значения качества в семантику предельно положительной оценки.

Имена прилагательные в составе фразеологических единиц швейцарского немецкого. Другим ярким аспектом проявления национальной специфики швейцарского варианта является фразеология. В составе фразеологическтх единиц актуализируются отличные от принятых в «немецком» немецком значения. Например: (17) wenn mir, ihr recht ist (schweiz.) [DR, 2002, *606*]. Описательно значение данного фразеологизма можно сформулировать как «если я не ошибаюсь, она тоже не ошибется». В примере (17) имеет место семантический сдвиг лексемы recht, первичное значение которой «правый» – rechte Hand «правая рука».

Другим примером идиом швейцарского немецкого является идиоматическое выражение (18) jmd. hat warm / heiss / kalt CH [VW, 2004, *710*] –

«кому-л. тепло / жарко / холодно». В швейцарском варианте субъект выступает в качестве агенса, совпадает логико-когнитивная модель осмысления ситуации и синтаксическая функция субъекта. В австрийском немецком и немецком языке Германии фразеологизм имеет в составе демиагенс: носитель действия фиксируется в речи как пассивный субъект в форме прямого датива: (18a) jmdm. ist warm / heiss / kalt. Так, в примере (18a) происходит изменение, перестроение внутренней грамматической формы.

Таким образом, варьирование словообразовательных моделей швейцарского немецкого по сравнению с немецким языком Германии дает представление о механизмах вербализации языковой картины мира немецкоговорящих жителей Швейцарии. В ходе исследования подтверждается рабочая гипотеза о том, что деривационные морфемы в составе швейцарски маркированных лексических единиц проявляют более широкую семантическую валентность по сравнению с немецким языком Германии. В составе фразеологических единиц, включающих адъективы, наблюдаются различия как в структурно-грамматическом, так и в содержательном планах.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 286 с.

Артемова В.С., Дмитриева М.Н. Семантические объединения лексем швейцарского варианта немецкого языка и особенности их словообразования // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 149–158.

Артемова В.С. Особенности швейцарского варианта современного немецкого литературного языка: на уровне словообразования: дис. … канд. филол. наук. Л., 1981. 190 с.

Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л.: Наука, 1983. 232 с.

Нефедов С.Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 354 с.

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 6. neu bearbeitete Auflage. Dudenverlag. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1998. 912 S.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Langenscheidt KG, Berlin, München, 2001. 654 S.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

DR – Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Duden Band 11. Dudenverlag. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2002.

DUW – Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 8., überarbeitete Auflage. Dudenverlag. Berlin, 2015.

VW – Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. U. Ammon, H. Bickel, J. Ebner u. a. Walter de Gruyter. Berlin, New York, 2004.

V.S. Artemova
Candidate of Pholological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Russian and Foreign Languages,
Bryansk State Engineering Technological University
Brjansk, Russia

M.N. Dmitrieva
Candidate of Pholological Sciences,
Associate Professor,
German Philology Department,
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

The Paradigmatic and Syntagmatic of the Adjective in Swiss German

This paper examines mechanisms found in verbal fixation of the national specifics of the Swiss German language based on a categorical-grammatical group of adjectives related to a wide association of signified words. The objects of the analysis are adjectives collected from lexicographic sources as well as journalistic and artistic texts by the continuous sampling method.

The main attention is paid to the features of the qualitative composition and semantic valence compatibility of segmental root and non-root derivational morphemes within the two main word-formation models of adjectives that are characteristic of the modern German language in its synchronous state, they are derivatives and composites. The functioning of adjectives in phraseological units is also analyzed. This group consists mainly of single-morpheme root lexemes. Phraseological units used as a research material allows us to more fully represent the functional potential of adjectives in the linguistic and cultural aspect.

The study concludes that in Swiss German, compared to the German language, root morphemes and postfixes more widely realize their potential of mutual compatibility, which leads to an enrichment of paradigmatic meanings and reveals additional discursive and pragmatic adjective values of Swiss German.

Key words: *word formation of adjectives; helvetism; adjective; composite; suffixation; word composition; phraseology; pluricentricity; linguoculturology; national version of the language.*

REFERENCES

Abramov B.A. Theoretical grammar of the German language. Comparative typology of the German and Russian languages: A textbook for students [Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Sopostavitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov: ucheb. posobie. Moscow, the humanities publishing center VLADOS, 2004. 286 p. (in Russian).

Artemova V.S., Dmitrieva M.N. Semantic unification of lexems of Swiss German and peculiarities of its formation [Semanticheskie ob"yedineniya leksem shveitsarskogo varianta nemetskogo yazyka i osobennosti ikh slovoobrazovaniya]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 2 (50), 2020, pp. 149–158 (in Russian).

Domashnev A.I. Etimologicsal characteristics and language situation in Switzerland [Etnolingvisticheskaya kharakteristika i yazykovaya situatsiya v Shveitsarii]. *Romanoyazychnye i germanoiazychnye arealy. Mezhvuzovsky sbornik nauchnykh trudov* [Roman-speaking and German-speaking areas. Interuniversity collection of scientific papers]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute n.a. A. Herzen, 1974, pp. 5–14 (in Russian).

Domashnev A.I. Modern German in its national variants [Sovremenny nemetsky yazyk v yego natsional'nykh variantakh]. Leningrad, Nauka, 1983. 232 p. (in Russian).

Kuzmich N.G. Lexical variations of German dialects of Switzerland [Leksicheskaya variativnost' v nemetskikh dialektakh Shveitsarii]. Linguistic map of Switzerland [Lingvisticheskaya karta Shveitsarii]. Collection of scientific articles. Ed. by M.A. Borodina, A.I. Domashnev et al. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute n.a. A. Herzen, 1974, pp. 66–87 (in Russian).

Nefedov S.T. Theoretical grammar of German [Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka]. Morphology. Students' book [Morfologiya: uchebnik]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2018. 354 p. (in Russian).

Ammon U. German as a plurinational language – with linguistic didactic perspectives [Deutsch als plurinationale Sprache – mit sprachdidaktischen Ausblicken]. *Deutsch als plurizentrische Sprache. ÖDaF-Mitteilungen. Informationen des Vereins Österreichischer Lehrerverband: Deutsch als Fremdsprache (ÖDaF)* [German as a pluricentric language. ÖDaF communications. Information from the Association of Austrian Teachers' Association: German as a Foreign Language (ÖDaF)]. 12th year, Issue 1. 1996, pp. 4–15 (in German).

Duden. Grammar of Contemporary German [Grammatik der deutschen Gegenwartssprache]. 6th revised edition. Duden Publishing House. Mannheim, Leipzig, Vienna, Zurich. 1998. 912 p. (in German).

Duden. Specialist phrases. Dictionary of German Idioms [DR – Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik]. 2nd revised and updated edition. Duden Volume 11. Duden Publishing House. Mannheim, Leipzig, Vienna, Zurich. 2002 (in German).

GUD – Duden. German Universal Dictionary [DUW – Duden. Deutsches Universalwörterbuch.]. 8th revised edition. Duden Publishing House. Berlin, 2015 (in German).

Helbig G., Buscha J. German grammar. A handbook for teaching foreigners [Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht]. Langenscheidt KG, Berlin, Munich, 2001. 654 p. (in German).

VD – Variant Dictionary of the German Language. The Standard Language in Austria, Switzerland and Germany as well as in Liechtenstein, Luxembourg, East Belgium and South Tyrol [VW – Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol]. U. Ammon, H. Bickel, J. Ebner u. a. Walter de Gruyter. Berlin, New York. 2004 (in German).

М.Н. Тришина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81’27

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-163-174

О КАЛЕЙДОСКОПИЧНОСТИ КОНЦЕПТА «ПРОТИВОСТОЯНИЕ» В ДИСКУРСИВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ (на материале немецкого языка)

Ключевые слова: *калейдоскопичность; концепт; эмотивная лингвоэкология; противоборство; неравенство; расизм; глобализация.*

В рамках мировой глобализации, ослабления позиций монолингвизма и прихода би- и мультилингвизма возникает потребность в формировании новых междисциплинарных направлений, исследующих проблему «противоборства» различных языков на конкретной территории. В данном исследовании демонстрируется взаимодействие таких направлений в науке, как эмотивная лингвоэкология и миграционная лингвистика, на теоретической основе которых в последующем анализируются языковые средства, репрезентирующие калейдоскопичность концепта «противостояние». Концепт и его составляющие описываются с перспективы четырех дискурсов: политического, полицейского, журналистского и музыкального. Определяются магистральные проекции дискурса противостояния, ключевые субъекты и объекты, представленные в конфликтогенных ситуациях.

На фоне взаимодействия языков и культур и усилившейся международной интеграции и глобализации зародилось «транслингвальное» [Бернацкая, 2003] направление эколингвистических исследований, связанное с изучением особенностей функционирования языков одной культуры в среде иной национальной культуры и иного языка [Ионова, 2010]. Многие ученые подчеркивают необходимость сосредоточения усилий на описании форм языковой интеграции, мирного сосуществования и языковой толерантности. Исследователь Е.О. Зубарева, ссылаясь на зарубежных ученых [Erfurt, 2003; Krefeld, 2004; Stehl; Tretow, 2016; Gugenberger, 2018 и др.], говорит о том, что «актуальность данной проблемы послужила толчком для возникновения миграционной лингвистики, которая в условиях интенсивной мировой глобализации занимается изучением вопросов миграции и ее влияния на язык в целом и отдельные языковые процессы в частности» [Зубарева, 2019, *36*].

«В этой связи особую значимость приобретает изучение динамических языковых процессов в аспекте влияния языка титульной нации на язык мигрантов и наоборот» [Там же]. Важной задачей является обеспечение

продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества в условиях двуязычия, трехъязычия и многоязычия.

Так, например, в Германии, в стране с возросшим количеством мигрантов, появились серьезные проблемы во взаимодействии между мажоритарным языком (немецким) и языками новых этнических групп (арабским, турецким, русским)» [Трошина, 2020]. С течением времени происходит процесс появления нового языкового кода в рамках мажоритарного языка. На фоне таких процессов, как интернационализация капитализма, создание новых социально-экономических объединений, демографические изменения, возникновение новых коллективных ценностей, происходит ослабление позиций монолингвизма, на смену которому приходят би- и мультилингвизм.

В условиях мультикультурализма неизбежно возникает конфликт. «Конфликт (от лат. conflictus) – столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; распря, разногласие, спор, грозящий осложнениями» [Словарь иностранных слов, 1986, *332*]. С.Г. Тер-Минасова понимает под конфликтом любой вид противоборства. В своей работе ученый говорит о «конфликте культур» и несовпадении интересов участников конфликта [Тер-Минасова, 2000].

В данном исследовании особое внимание уделяется *противоборству* или *противостоянию* различных культур (арабской и немецкой), отдельных социальных групп и субкультур, языков и, как следствие, противоборству концепций некоторых ученых, занимающихся данной проблематикой.

Необходимо обратить внимание на то, что ученые также занимаются изучением феномена *агонизм* («*Agonalität*» или «*Agonismus*») на языковом уровне. Р.В. Белютин в своем исследовании рассматривает конфликтогенный потенциал дискурса немецких футбольных фанатов [Белютин, 2019]. Немецкий словарь Дуден (Duden) понимает агонизм как «состязание», «соревнование» («Wettkampf», «Wetteiger») (Agonismus, URL). Немецкий ученый А. Маттфельд (A. Mattfeldt), рассматривая агонизм в контексте языка, указывает на процесс *конкуренции*, которая не обязательно должна быть связана напрямую с человеком. Конкуренция в переносном смысле также распространяется на «идеи, находящиеся в противоборстве». Ср.: «Agonalität muss nicht notwendigerweise explizit an Menschen gekoppelt sein. In einem übertragenen Sinne werden auch Ideen zueinander in Rivalität gesetzt, ebenso Objekte und Anschauungen…» [Mattfeldt, 2018, *55*].

Для того чтобы понять, как проявляет себя феномен «агонизм» на языковом уровне, необходимо провести работу с конкретными текстами, содержащими различные языковые средства и показывающими дальнейшие перспективы «развертывания» феномена. Ср.: «Um zu erforschen, wie sich Agonalität an der sprachlichen Oberfläche zeigt, soll nun konkret mit Texten gearbeitet werden, um zu sehen, welche sprachlichen Ausdrucksformen dabei welche Perspektivität entfalten» [Mattfeldt, 2018, *57*].

Наряду с языковыми конфликтами, *противостоянием* между мажоритарным и миноритарным языками, в обществе обостряются такие проблемы, как неравенство и расовая дискриминация, способствующие возникновению агрессии. Решение вопросов смягчения противостояния, создания благоприятной языковой среды для всех участников конфликта может быть получено при помощи создания *аппарата теории игр*, используемого в ситуациях, когда в одной системе действуют несколько *центров решений*.

Данная теория рассматривается в работе исследователя М.А. Марусенко. Основной его идеей является то, что языковые политики, имеющие своим объектом несколько языков, функционирующих в одном языковом ареале, определяются разными руководящими инстанциями, которые, по терминологии теории игр, могут рассматриваться как *игроки*. Так как игроки руководствуются разными интересами, суть их отношений состоит в *антагонизме и кооперации*, которые могут проявляться одновременно и приводить к *кооперативным, антагонистическим или кооперативно-антагонистическим играм* (см.: [Марусенко, 2015]).

Подобный аппарат теории игр можно перенести на концепт противоборства этнических групп (автохтонный народ и мигранты) и языков (немецкого и арабского) в мультикультурном немецкоязычном обществе и продемонстрировать калейдоскопичность данного концепта на примере четырех дискурсов: политического, полицейского, журналистского и музыкального, в каждом из которых «профилируется» один из аспектов противостояния.

Конвергентное изучение концепта противоборства в различных дискурсивных и культурных практиках на материале немецкого языка в перспективе может пролить свет на способы нахождения путей создания «экологической коммуникации» в условиях стремительно развивающегося и меняющегося мира. Ведь, рассматривая речевую деятельность представителей различных социальных ярусов, мы неизбежно приходим к выводу о том, что язык является универсальной формой концептуализации действительности и рационализации опыта (см.: [Приходько, 2013]).

Исследователь А.Н. Приходько подчеркивает, что «важным параметром концепта является его материальное начало – языковое воплощение» [Там же]. Концепт, воплощенный в языке, анализируется с точки зрения нового социогуманитарного знания, эмотивной лингвоэкологии. «Эмотивная лингвоэкология призвана сформулировать подходы и параметры, соблюдение которых позволяет добиваться экологичной, то есть “здоровой”, оказывающей благоприятное воздействие на человека языковой среды» [Эмотивная лингвоэкология, 2013, *5*].

В этой связи языковые процессы рассматриваются во взаимодействии с его пользователем и исследуются в рамках установления их загрязненности разнообразными спорадическими образованиями (матизмы, жаргонизмы, заимствования из русского, английского, арабского языков;

многочисленные вульгаризмы, к которым относятся элементы просторечия и табуированной экспрессивной лексики, фразеологии и др. Через эти и другие средства репрезентируется концепт «противоборство» путем демонстрации собственного превосходства и явной неприязни, ненависти к «не себе подобным» или конкурентам, что было выявлено в результате анализа эмпирического материала.

В данном контексте отдельно выделим работу А. Матиас, которая рассматривает дискурс неравенства и концепт противоборства через призму аспекта дегуманизации так называемых «чужих», отмечая при этом со ссылкой на A.K. Flohr: «…den Feind zu dehumanisieren bedeutet, ihn aller menschlichen Eigenschaften zu berauben» [Mathias, 2015, *97*].

В рамках музыкального дискурса немецкоязычного пространства эмпирическим материалом послужили тексты песен, исполняемые немецким рэпером Нурой (полное имя – Nura Habib Omer) с так называемым «миграционным прошлым» («mit Migrationshintergrund»). В текстах ее песен красной нитью проходит проблематика неравенства и противоборства между различными социальными группами: 1) между рэперами и их коллегами; 2) жителями Германии, имеющими миграционное прошлое, и коренным населением; 3) мигрантами и полицией; 4) мигрантами и политиками. Концепт противоборства в текстах песен Нуры раскрывается через следующие языковые средства эксплицитно и имплицитно:

1) открытое использование табуированных слов «расизм» и «черный»: «*Ich bin doch kein* ***Rassist****, ich habe einen* ***schwarzen Freund***», «*Auf so viele* ***Schwarzköpfe*** *hat er heute keine Lust*», «*White Chicks tun auf* ***Black Girls****, bekomm'n dafür Applaus*». В этих и других контекстах прослеживается следующая проекция: исполнительница противопоставляет себя представителям расистских взглядов в Германии и заявляет о своей дистанцированности от таких взглядов и идей (Nuras Albums. URL);

2) табуированная экспрессивная лексика: «*Verführ' 'ne* ***Nazi-Braut*** *für jedes Flüchtlingsheim, das brennt*…» Нура открыто говорит о неприязни к националистическим движениям (Там же);

3) заимствования из английского, арабского языков: «*Hört ihr sofort auf zu* ***pushen***», «***Scheiß' auf Promo-Beef***», «…*weil das* ***haram*** *ist*», «…*Und muss* ***checken***». Реп-исполнители часто говорят о «бифах» или словесной схватке со своими коллегами-музыкантами. Нередко их высказывания носят агрессивный характер и провозглашают превосходство одного человека над другим (Там же);

4) просторечия: «*Ich flirte am* ***Pegida-Stand****, die waren alle* ***aggro***», «***Dicka***», «*Haut euch endlich* ***auf die Fresse*** *oder macht wieder Musik*», «…*und* ***es juckt kein'n***». Музыкант демонстрирует свое пренебрежение по отношению к немецкому правопопулистскому движению «ПЕГИДА». Подобные

смелые высказывания ярко демонстрируют антагонистические отношения мигрантов и представителей политических движений (Там же);

5) метафоры: «***Meine Hautfarbe bleibt Trend, bis du das Blaulicht siehst und rennst***». Реп-исполнительница снова активно заявляет о своей принадлежности к иной культуре, показывая тем самым ее независимость и, возможно, всякого рода превосходство над коренным населением Германии. Также здесь и во многих других текстах встречаются описательные образы представителей правоохранительных органов, которые с особенной настороженностью относятся к населению с миграционным прошлым (Там же).

Нура указывает на расовую дискриминацию в контексте досмотров, происходящих вне зависимости от подозрений («*verdachtsunabhängige Kontrollen*»), которые в основном спровоцированы цветом кожи задержанного (Там же).

Аналогичную риторику можно наблюдать и в другом дискурсе – в книге «Белое пятно» («Der weiße Fleck») современного журналиста с миграционным прошлым М. Амджахида (M. Amjahid), пишущего о расовой справедливости и готовности использовать свою книгу, опыт ученого и журналиста в качестве вклада в антирасистские дебаты в немецкоязычном пространстве. Ср.: «Dieses Buch reagiert darauf und bietet neuen Input für die antirassistische Debatte im deutschsprachigen Raum» [Amjahid, 2021, *9*].

Журналист, саркастически указывая на «уязвленное положение» некоторых европейских граждан, приводит в пример социальное явление, обозначаемое при помощи метафоры *«олимпиада жертв»* («*Opferolympiade*») или *«цирк жертв»* (*«Opferzirkus»*) в контексте рассуждений «белого европейского населения» о факте их притеснения и ненависти по отношению к ним. Ср: «***Opferolympiade*** *oder* ***Opferzirkus*** *ist die Selbstdarstellung als diskriminierte, verletzbare, gehasste und geschasste Gruppe zu einem Wettbewerb unter den* ***Privilegierten*** *geworden. Insbesondere unter* ***Weißen***» [Ibid., *32*].

Немецкий поэт и исследователь еврейского происхождения М. Чолек (M. Czollek) в своей книге «Дезинтегрируйтесь» («Desintegriert Euch») повествует о существовании еврейского сообщества в Германии и приводит термин, который был развит еврейским социологом М. Бодеманом (M. Bodemann), «***театр воспоминаний***» («***Gedächtnistheater***»). Чолек берет за основу в своих рассуждениях метафору «***инсценированное воспоминание***» («***die inszenierte Erinnerung***») и говорит о том, что «воспоминание» является «ахиллесовой пятой послевоенной Германии». Ср.: «Die Erinnerung ist die Achillesferse Nachkriegsdeutschlands» [Czollek, 2020, *20*]. Исследователь оперирует именно этими терминами, так как и в общественной, и в частной жизни часто происходит драматическая инсценировка национал-социалистического немецкого прошлого с участием евреев, что, на его взгляд, способствует созданию «шифра для тех явлений, от которых человек скорее хочет отгородиться». Ср.: «Die Judenvernichtung wurde dabei zunehmend zu einer Chiffre für all das, wovon man sich abgrenzen möchte» [Ibid., *28*].

Ученый-германист К. Ерведоса (K. Ervedosa), изучающая «дискриминирующий язык» в немецкоязычном пространстве, подчеркивает факт того, что «язык, являясь центральным инструментом, при помощи которого люди выражают свои мысли, способен играть роль как примирителя, так и яда». Ср.: «Sprache ist das zentrale Instrument, mit dem sich Menschen ausdrücken. Unsere Worte können heilsam und versöhnend wirken, aber auch wie kleine Arsendosen sein» (Sprache und Rassismus, URL).

Исследователь выступает с резкой критикой по отношению к немецким политикам и правоохранительным органам, которые заменяют термин «расизм» эвфемизмами, *Ausländerfeindlichkeit*, *Fremdenfeindlichkeit*, тем самым вынося за скобки эту проблему (Sprache und Rassismus, URL). К. Ерведоса установила путем анализа полицейских отчетов наиболее частотные слова, описывающие задержанных преступников: «мужчина средиземноморского типа» (*Südländer*) и «североафриканец» (*Nafri*). По мнению ученого, эти термины показывают, «насколько глубокой является проблема дискриминации в Германии, если принадлежность или непринадлежность личности к данному государству определяется по степени загара, независимо от того, каким паспортом он обладает». Ср: «Denn schon ein mediterraner Teint reicht im heutigen Deutschland aus, um als nicht-deutsch wahrgenommen zu werden unabhängig davon, ob die Person ein deutsches Elternteil hat, in Deutschland zur Welt gekommen ist oder einen deutschen Pass besitzt» (Там же).

Еще одним ярким примером проблематики противоборства наций является дискурс бывшего пресс-секретаря немецкой партии «Альтернатива для Германии» (AfD) К. Люта (C. Lüth), позволявшего себе смелые высказывания о том, что «чем хуже будет ситуация в Германии в отношении вопроса о мигрантах, тем лучше дела будут идти у представителей партии “Альтернатива для Германии”». Ср.: «Das haben wir mit Gauland lange besprochen: Je schlechter es Deutschland geht, desto besser für die AfD…» (Ex-AfD-Fraktionssprecher, URL).

Интересно также наблюдать, как в политическом дискурсе происходят свои внутренние процессы, демонстрирующие антагонизм между коренным (автохтонным) и миноритарным населением. Так, представителю партии «Альтернатива для Германии» (AFD) Кристине Баум (Christina Baum) поступили угрозы, сформулированные в послании: «Баум, ты скоро умрешь». Ср: «***Nazihure*** Baum, nach dir kräht bald kein Hahn mehr, gestorben am 31.12.2019» (Staatsschutz ermittelt, URL).

Исследователь М. Чолек описывает в своей книге идею «дезинтеграции» и призывает мультикультурное немецкое общество стать более справедливым. Это, по его мнению, позволит различным народам проявлять на разных уровнях свою самоидентификацию. Чолек говорит о «радикальном разнообразии» («radikale Vielfalt») такого общества, которое имеет не один, а несколько центров, и которое является результатом «обещаний» плюрали-

стической демократии. Та часть населения, которую призывают к интеграции в немецкое общество, в итоге оказывается «вытесненной» из него из-за потери самоидентификации. Ср.: «Das Versprechen der pluralen Demokratie muss vorangetrieben werden, und die Gesellschaft muss das Versprechen weiter realisieren, dass das Viertel der Gesellschaft, das über das Intergationsdenken weiter ausgeschlossen wird, weiter animiert und aktiviert werden muss» (Max Czollek, URL).

М. Чолек и другие ученые в сфере лингвистики отмечают, что на фоне миграционных процессов возникает позитивная тенденция «обогащения языка» и формирования благоприятной среды для существования различных культур на конкретной территории. Одним из ярких примеров является «вариант» немецкого языка «кицдойч» («Kiezdeutsch») (Kiezdeutsch, URL). «Кицдойч» также называют новым диалектом немецкого языка, для которого характерны упрощение грамматических структур и заимствования из турецкого и арабского языков» (Там же).

«Часто встречаемыми выражениями данного диалекта являются: ***wallah*** (от арабского “у Аллаха”), употребляется для усиления смысла и эмоциональности высказывания. ***Wallah – das hat er gesagt*** (“Клянусь, он так сказал!”); существительное ***lan*** (в переводе с турецкого “мужчина”) используется в значении “приятель, чувак”».

«Другой особенностью “кицдойч” является склонность к редуцированным разговорным формам. Вместо ***ich schwöre*** (я клянусь) можно услышать ***ischwör***, на смену конструкциям ***lass uns mal*** (давай-ка) и ***musst du*** (тебе нужно) приходят новые функциональные слова **lassma** и **musstu**» (Там же).

На фоне формирования и стремительного развития «кицдойч» можно наблюдать за процессом противоборства ученых, мнения которых расходятся. Одни заявляют, как было сказано ранее, об «обогащении» немецкой культуры и, следовательно, языка, а другие, напротив, отмечают упадок, деградацию и обеднение «языка поэтов и мыслителей» (Там же).

В данном исследовании был рассмотрен концепт «противостояние» с точки зрения его структуры и тех смыслов, которыми он наполняется, когда помещается в определенные дискурсивные пространства. Примеры из политического, полицейского, журналистского и музыкального дискурсов немецкоязычного пространства продемонстрировали, что антагонизм проявляется во взаимоотношениях различных групп населения. Были выделены следующие крупные группы: исполнители рэп-музыки и их коллеги; жители Германии, имеющие миграционное прошлое и коренное население; мигранты и представители правоохранительных органов; мигранты и политические деятели. Все субъекты и объекты конфликтогенных ситуаций обладают уверенной и часто агрессивной полемикой, которая реализуется при помощи множества языковых средств, среди которых отмечены метафоры, жаргонизмы, матизмы, заимствования из других языков и т.д.

Противостояние культур и отдельных социальных групп в контексте неравенства, притеснения, расизма в Германии и, как следствие, конфликт языков и спор ученых-лингвистов о месте мажоритарного и миноритарных языков в немецком обществе формирует платформу для дальнейшего исследования позитивных и негативных последствий обозначенной проблематики как в контексте одной этнолингвокультуры, так и через призму межкультурной (в широкой трактовке) коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.

Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка. Вестник КрасГУ. Серия: Гуманит. науки. 2003. № 4. С. 32–38.

Воркачев С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода. Vita in language: К юбилею профессора С.Г. Воркачева: сб. ст. / отв. ред. В.И. Карасик. Краснодар: Атриум, 2007. С. 39–60.

Зубарева Е.О. Модель миграционного дискурса // Журнал Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5(1). С. 35–45.

Иная ментальность / В.И. Карасик [и др.]. М.: Гнозис, 2005. 352 с.

Ионова С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1(11). С. 86–93.

Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: Изд-во ВКН, 2015. 496 с.

Приходько А.Н. Концепты и концептосистемы. Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. 307 с.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2009. 176 с.

Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина. М.: Русский язык, 1986. 805 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 146 с.

Трошина Н.Н. Экология языка: аналит. обзор / редкол.: Е.О. Опарина, М.Б. Раренко. М., 2020. 54 с.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.

Agonismus. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Agonismus (дата обращения: 1.08.2021).

Amjahid M. Der weiße Fleck: Eine Anleitung zu antirassistischem Denken. München: Piper Verlag GmbH, 2021. 223 S.

Czollek M. Desintegriert Euch. München: btb Verlag in der Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, 2020. 207 S.

Erfurt J. Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcensozialer Identifikation / J. Erfurt, G. Budach, S. Hofmann. Switzerland: Peter Lang, 2003. 259 S.

Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur- und Sprachwissenschaft, 2018. 664 S.

Kiezdeutsch. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Kiezdeutsch (дата обращения: 22.07.2021).

Kiezdeutsch – язык немецких улиц. URL: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/ausbildung/Sprache/kiezdeutsch/1918048 (дата обращения: 22.07.2021).

Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.

Mathias A. Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch inrechtsextremen Musikszenen. Frankfurt am Main: Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. 336 S.

Mattfeldt A. Wettstreit in der Sprache. Ein empirischer Diskursvergleich zur Agonalität im Deutschen und Englischen am Beispiel des Mensch-Natur-Verhältnisses. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018. 440 S.

Stehl Th. Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik. Mode of access: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/5530/moku01_S33_52.pdf (дата обращения: 17.04.2021).

Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. Tübingen / Basel: Francke, 1996. 238 S.

Tretow L. Migrationslinguistik: Eine kritische Betrachtung von der ausgewählten / Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. Norderstadt: GRIN, 2016. 16 S.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Ex-AfD-Fraktionssprecher «Lüth nennt menschenverachtende Äußerungen „nicht entschuldbar" – und „ironisch"». URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/christian-lueth-ex-afd-fraktionssprecher-gibt-erklaerung-ab-a-7ff16f0a-fc9e-4ef0-8ee0-a18b17a8c393 (дата обращения: 20.06.2021).

Max Czollek «Desintegriert Euch!». URL: https://www.youtube.com/watch?v=c30egnlJJHM (дата обращения: 27.06.2021).

Nuras Albums. URL: https://genius.com/artists/Nura (дата обращения: 20.06.2021).

Nuras Albums. URL: https://genius.com/Nura-fotze-wieder-da-lyrics https://genius.com/Nura-niemals-stress-mit-bullen-lyrics (дата обращения: 20.06.2021).

Nuras Albums. URL: https://genius.com/Nura-niemals-stress-mit-bullen-lyrics (дата обращения: 20.06.2021).

Sprache und Rassismus «Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen». URL: https://www.migazin.de/2020/06/19/die-crux-begriffen-anti-rassismus/ (дата обращения: 20.06.2021).

Sprache und Rassismus «Seehofer entscheidet immer wieder, mit seinen Worten Menschen bewusst auszuschließen». URL: https://www.spiegel.de/panorama/seehofer-entscheidet-immer-wieder-mit-seinen-worten-menschen-bewusst-auszuschliessen-a-5c48e267-cf78-4731-add2-dfe99fc60ab6 (дата обращения: 20.06.2021).

Staatsschutz ermittelt «"Gestorben am 31.12.2019": Morddrohung gegen AfD-Abgeordnete». URL: https://jungefreiheit.de/politik/deutschland/2019/gestorben-am-31-12-2019-morddrohung-gegen-afd-abgeordnete/ (дата обращения: 20.06.2021).

M.N. Trishina
Postgraduate student,
Department of the German Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

About the Kaleidoscopicity of the «Confrontation» Concept in Discursive and Cultural Practices (Based on the German Language)

Within the framework of world globalization, weakening of the position of monolingualism and appearance of bi- and multilingualism, there is a need for

the formation of new interdisciplinary directions studying the problem of «confrontation» of different languages in a particular territory.

The study demonstrates the interaction of such scientific areas as emotive linguoecology and migration linguistics. On their theoretical basis we analyze linguistic means representing the kaleidoscopic nature of the «opposition» concept. The concept and its components are described from the perspective of four discourses: political, police, journalistic and musical. The article determines the main projections of the confrontation discourse, key subjects and objects presented in conflict situations.

Key words: *kaleidoscopicity; concept; emotive linguoecology; confrontation; inequality; racism; globalization.*

REFERENCES

Belyutin R.V. Pragmasemantic and linguomental projections of German sports discourse [Pragmasemanticheskie i lingvomental'nye proyektsii nemetskogo sportivnogo diskursa]. Monograph. Smolensk, Smolensk State University, 2019. 336 p. (in Russian).

Bernatskaya A.A. On three aspects of the ecology of language [O tryokh aspektakh ekologii yazyka]. *Vestnik KrasGU. Ser. «Gumanit. nauki»*, 2003, no. 4, pp. 32–38 (in Russian).

Dictionary of foreign words [Slovar' inostrannykh slov]. Ed. by I.V. Lekhin. Moscow, Russky yazyk, 1986. 805 p. (in Russian).

Emotive linguoecology in the modern communicative space [Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve]. A collective monograph. Ed. by prof. V.I. Shakhovsky; editor-in-chief prof. N.N. Panchenko, editing board: Ya.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. Volgograd, VSPU «Peremena», 2013. 450 p. (in Russian).

Ionova S.V. The main directions of ecolinguistic research: Foreign and domestic experience [Osnovnye napravleniya ekolingvisticheskikh issledovany: zarubezhny i otechestvenny opyt]. *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie*, 2010, no. 1 (11), pp. 86–93 (in Russian).

Karasik V.I., Prokhvacheva O.G., Zubkova Ya.N., Grabarova Ye.V. Different mentality [Inaya mental'nost']. Moscow, Gnozis, 2005. 352 p. (in Russian).

Kanak Sprak – the language of German streets. *Available at*: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/ausbildung/Sprache/kiezdeutsch/1918048 (in Russian).

Marusenko M.A. Evolution of the world system of languages in the postmodern era: Linguistic consequences of globalization [Evolyutsiya mirovoi sistemy yazykov v epokhu postmoderna: yazykovye posledstviya globalizatsii]. Moscow, VKN Publ., 2015. 496 p. (in Russian).

Prikhodko A.N. Concepts and concept systems [Kontsepty i kontseptosistemy]. Dnepropetrovsk, Belaya Ye.A. 2013. 307 p. (in Russian).

Prkohorov Yu.Ye. In search of a concept [V poiskakh kontsepta]. Moscow, Flinta; Nauka, 2009. 176 p. (in Russian).

Teliya V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects [Russkaya frazeologiya. Semantichesky, pragmatichesky i lingvokul'turologichesky aspekty]. Moscow, «YARK» School, 1996. 286 p. (in Russian).

Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication [Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya]. Moscow, 2000. 146 p. (in Russian).

Troshina N.N. Ecology of language: Analyte. overview [Ekologiya yazyka: analit. obzor]. RAN. INION. Center for the Humanities and Scientific-Informational Research. Department of Linguistics. Editing Board: Oparina Ye.O., Rarenko M.B. Moscow, 2020. 54 p. (in Russian).

Vorkachev S.G. From linguoconceptology to linguoideology: The search for a method [Ot lingvokonceptologii k lingvoideologii: poiski metoda]. *Vita in language*: To the anniversary of professor S.G. Vorkacheva: collection of articles; editor-in-chief V.I. Karasik. Krasnodar, 2007, pp. 39–60 (in Russian).

Zubareva Ye.O. Migration discourse model [Model' migratsionnogo diskursa]. *Zhurnal Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2019, no. 5 (1), pp. 35–45 (in Russian).

Agonism [Agonismus]. *Available at*: https://www.duden.de/rechtschreibung/Agonismus (in German).

Amjahid M. The white spot: A guide to anti-racist thinking [Der weiße Fleck: Eine Anleitung zu antirassistischem Denken]. Munich, Piper GmbH Publishing House, 2021. 223 p. (in German).

Czollek M. Disintegrate Yourself [Desintegriert Euch]. Munich, Publishing House in the Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, 2020. 207 p. (in German).

Erfurt J. Multilingualism and Migration: Resource Social Identification [Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcensozialer Identifikation]. Text. J. Erfurt, G. Budach, S. Hofmann. Switzerland, Peter Lang, 2003. 259 p. (in German).

Gugenberger E. Theory and empirical study of migration linguistics. With a study of the Galicians in Argentina [Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentien]. Text. E. Gugenberger. Austria, Research and Science. Literature and Linguistics, 2018. 664 p. (in German).

Kanak Sprak [Kiezdeutsch]. *Available at*: https://de.wikipedia.org/wiki/Kiezdeutsch (in German).

Krefeld Th. Introduction to Migration Linguistics. From the Germania italiana to the Romania multipla [Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla]. Text. Th. Krefeld. Tubingen, Gunter Narr Publishing House, 2004. 173 p. (in German).

Mathias A. Metaphors for the dehumanization of enemy images. A corpus linguistic investigation into the use of language in right-wing extremist music scenes [Metaphern zur Dehumanisierung von Feindbildern. Eine korpuslinguistische Untersuchung zum Sprachgebrauch inrechtsextremen Musikszenen]. Frankfurt am Main, International Science Publishing House, 2015. 336 p. (in German).

Mattfeldt A. Competition in language. An empirical comparison of discourse on agonality in German and English using the example of the human-nature relationship [Wettstreit in der Sprache. Ein empirischer Diskursvergleich zur Agonalität im Deutschen und Englischen am Beispiel des Mensch-Natur-Verhältnisses]. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2018. 440 p. (in German).

Schwarz M. Introduction to cognitive linguistics [Einführung in die kognitive Linguistik]. M. Schwarz. Tubingen/Basel, Francke, 1996. 238 p. (in German).

Stehl Th. Mobility, Language Contacts and Integration: Aspects of Migration Linguistics [Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik]. *Available at*: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/5530/moku01_S33_52.pdf (accessed 17 April 2021).

Tretow L. Migration Linguistics: A Critical Examination of the Selected Migrationslinguistik [Eine kritische Betrachtung von der ausgewählten]. Research works by John Peterson, Thomas Krefeld and Utz Maas. Norderstadt, GRIN, 2016. 16 p. (in German).

SOURCES

Ex-AfD parliamentary group spokesman «Lüth calls inhuman remarks "not excusable" – and "ironic"» [Ex-AfD-Fraktionssprecher «Lüth nennt menschenverachtende Äußerungen „nicht entschuldbar" – und „ironisch"»]. *Available at*: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/christian-lueth-ex-afd-fraktionssprecher-gibt-erklaerung-ab-a-7ff16f0a-fc9e-4ef0-8ee0-a18b17a8c393 (accessed 20 June 2021).

Language and Racism «Anti-racism in Germany must start with language work» [Sprache und Rassismus «Anti-Rassismus in Deutschland muss mit Spracharbeit beginnen»]. *Available at*: https://www.migazin.de/2020/06/19/die-crux-begriffen-anti-rassismus/ (accessed 20 June 2021).

Language and racism «Seehofer repeatedly decides to consciously exclude people with his words» [Sprache und Rassismus «Seehofer entscheidet immer wieder, mit seinen Worten Menschen bewusst auszuschließen»]. *Available at*: https://www.spiegel.de/panorama/seehofer-entscheidet-immer-wieder-mit-seinen-worten-menschen-bewusst-auszuschliessen-a-5c48e267-cf78-4731-add2-dfe99fc60ab6 (accessed 20 June 2021).

Max Czollek «Disintegrate Yourselves!» [Max Czollek «Desintegriert Euch!»]. *Available at*: https://www.youtube.com/watch?v=c30egnlJJHM (accessed 20 June 2021).

Nuras Albums [Nuras Albums]. *Available at*: https://genius.com/artists/Nura (accessed 20 June 2021).

Nuras Albums [Nuras Albums]. *Available at*: https://genius.com/Nura-niemals-stress-mit-bullen-lyrics (accessed 20 June 2021).

Nuras Albums [Nuras Albums]. *Available at*: https://genius.com/Nura-fotze-wieder-da-lyrics https://genius.com/Nura-niemals-stress-mit-bullen-lyrics (accessed 20 June 2021).

State security determined «"Died on December 31, 2019": Death threat against AfD MPs» [Staatsschutz ermittelt «"Gestorben am 31.12.2019": Morddrohung gegen AfD-Abgeordnete»]. *Available at*: https://jungefreiheit.de/politik/deutschland/2019/gestorben-am-31-12-2019-morddrohung-gegen-afd-abgeordnete/ (accessed 20 June 2021).

А.Г. Сильницкий, Н.А. Дедова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.111

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-174-189

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗНЫХ МЕТАФОР РОМАНА Р. БРЭДБЭРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»

Ключевые слова: *роман-антиутопия; образная метафора; семантическое пространство; прямой субъект; переносный субъект; кластер; ядро кластера; семантический план; релевантный признак; оппозиция.*

Данная статья посвящена анализу семантического пространства текста-оригинала романа-антиутопии Р. Брэдбэри «451 градус по Фаренгейту» при помощи кластерного анализа. Данный метод направлен на классификацию разноуровневых признаков, которые выявляются в ходе компонентного анализа выборки, в рамках единой классификационной схемы. Первоначально нами был выделен список семантических признаков, организуемых в пять семантических планов: категориальный (признаки субстантивный, вербальный, адвербальный, адъективный), антропологический (признаки антропо-соматический, антропо-ментальный), социальный (признаки социоличностный, социоличностный), натуралистический (признаки натуро-биогенный, натуро-абиогенный) и онтологический (признаки онто-материальный, онто-нематериальный). Данные семантические характеристики определяются относительно прямого и переносного субъекта образных метафор независимо друг от друга. Далее

благодаря кластерному анализу мы смогли сгруппировать все ранее выделенные семантические признаки в кластеры и определить соответствующие им типовые метафоры.

Образная метафора, как известно, представляет собой одну из наиболее релевантных лексических характеристик художественного текста, поскольку именно этот троп в значительной степени выявляет самобытность языка, инициирует художественный замысел автора и показывает творческое отношение писателя к языку. Следует отметить, что интерпретация понятия метафоры существенно не изменилась за два последних тысячелетия. Еще в «Поэтике» Аристотеля метафора описывается как «способ переосмысления значения слова на основании сходства» [Аристотель, 1984]. Более современная дефиниция, по сути, выявляет те же характеристики рассматриваемого тропа: «Метафора – это вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного явления другому…» [Современный словарь «живого» русского языка]. Таким образом, любая метафора характеризуется наличием двух субъектов: прямого и переносного. Прямой субъект соотносится с прямым значением лексической единицы, выступающей в метафорической функции, то есть это референт, подвергаемый скрытому сравнению. Например, в метафоре ‘boiling (sand)’ прямой субъект прилагательного (кипящий) отражает физическую характеристику жидкой субстанции, тогда как переносный субъект соотносится с характеристикой твердой субстанции (песок). Следовательно, все потенциально выделяемые семантические характеристики метафоры могут быть продублированы, то есть определяются относительно как прямого, так и переносного субъекта независимо друг от друга.

Традиционно выделяют следующие группы метафор: общеязыковые сухие (стертые), лишенные образности (например, ‘крыло самолета’); индивидуальные (авторские) образные, то есть необычные образные употребления слов того или иного автора (‘Луны двух огромных глаз’ [Цветаева, 2008]); общеупотребительные образные, к которым относятся иносказательные обозначения предметов и явлений (‘море огней’). В нашей работе мы анализируем семантические характеристики авторских и общеупотребительных образных метафор. Предмет исследования – семантические признаки текста-оригинала романа-антиутопии Р. Брэдбэри «451 градус по Фаренгейту». Данный роман является одним из наиболее известных произведений жанра антиутопии в американской художественной литературе XX века. Материалом статьи послужила полная выборка образных метафор в количестве пятидесяти двух единиц, выделенных из вышеуказанного романа.

Цель нашей работы заключается в выявлении и анализе структуры семантического пространства образной метафоры рассматриваемого романа. Можно выделить два базовых аспекта, составляющих структуру семантического пространства: 1) диагностические семантические признаки, 2) отношения между признаками. Следовательно, вышеуказанная цель ра-

боты подразумевает наличие следующих основных задач: выделить семантические признаки, являющиеся диагностичными в семантической структуре образных метафор; сгруппировать семантические признаки в противопоставленные друг другу классы (кластеры); описать семантическую структуру каждого кластера в отдельности; осуществить сравнительный анализ семантических структур выделенных кластеров; выделить типовые метафоры в рамках исследуемого семантического пространства.

Выделение диагностичных семантических признаков осуществляется за счет применения метода компонентного анализа. Цель данного метода предполагает расчленение языкового значения на минимальные семантические компоненты (признаки). На сегодняшний день компонентный анализ является одним из универсальных способов лингвистического исследования, «ни одна адекватная теория смысла не может обойтись без процедур, обеспечивающих в той или иной степени компонентный анализ значений» [Апресян, 1995]. Применительно к нашей работе основной целью, достигаемой при помощи метода компонентного анализа, является выделение ограниченного списка (в количестве двенадцати единиц) репрезентативных семантических признаков образных метафор, которые объединяются в семантические планы. Под последними мы понимаем обобщенные семантические категории, в рамках которых организуется как минимум два антонимически противопоставленных семантических признака. Каждой метафорической единице приписываются признаки категориального плана и некатегориальных планов.

Рассмотрим подробно семантические признаки *категориального* плана [Дедова, 2018] (см. табл. 1).

Таблица 1

Семантические признаки категориального плана

Дефиниция категориального плана	Название семантического признака	Дефиниция семантического признака	Пример
Абстрактные характеристики, соотносящие семантическое ядро метафоры с одной из четырех знаменательных частей речи	субстантивный	субстантивность (категориальное значение существительного)	ruins of history – обломки истории
	адъективный	субстантивное качество (категориальное значение прилагательного)	milk – матово-белый (о цвете)
	вербальный	процессуальность (категориальное значение глагола)	to feel fat – разбухать
	адвербальный	несубстантивное качество (категориальное значение наречия)	mid-air – через минуту

Семантические признаки *некатегориальных* планов отражают более конкретные характеристики явлений объективной действительности. К таким планам мы относим следующие (см. табл. 2).

Таблица 2

Семантические признаки некатегориальных планов

Название семантического плана	Дефиниция семантического плана	Название семантического признака	Дефиниция семантического признака	Пример
Антропологический	характеристики человека	антропо-соматический	физические характеристики человека.	boy – старик
		антропо-ментальный	ментальные и психические характеристики человека	vile wind – злой ветер
Социальный	характеристики социальных групп	социоличностный	социальные группы (члены семьи, профессиональные сообщества и т.п.)	old man – старый друг
		соционеличностный	материальные аспекты социального бытия человека	ruins of history – обломки истории
Натуралистический	явления живой и неживой природы	натуро-биогенный	явления живой природы	late flowers – осенние листья
		натуро-абиогенный	явления неживой природы	boiling sand – горячий песок
Онтологический план	наиболее обобщенные аспекты бытия	онто-материальный	обобщенные характеристики материи: форма, цвет, вес	milk – матово-белый (цвет)
		онто-нематериальный	обобщенные характеристики нематериального мира: качества, религиозно-магические образы и т.д.	old time – загнившее прошлое

Как уже отмечалось, вышеуказанные семантические признаки соотносятся с двумя субъектами метафоры (прямым и переносным). Следовательно, каждый из двенадцати семантических признаков (четырех категориальных и восьми некатегориальных) представлен в двух вариантах: 1) относительно прямого субъекта, 2) относительно переносного субъекта. Например, ‘milk’ (‘матово-белый цвет’): прямой субъект определен как натуро-биогенный, поскольку происходит сравнение с биологическим аспектом (молоко); переносный субъект является онто-материальным, так как имплицируется обобщенная характеристика материи (цвет). Таким образом, общее количество семантических признаков исследуемого семантического пространства равно двадцати четырем, а каждой метафоре в отдельности приписываются четыре признака: два категориальных и два некатегориаль-

ных. Например, метафора ‘ruins of history’ (руины истории’) выявляет следующие признаки: субстантивный прямой (руины), субстантивный переносный (исторические факты), социоличностный прямой (руины как продукт социальной деятельности) и социоличностный переносный (исторические факты как продукт социальной деятельности).

С целью группировки признаков в противопоставленные друг другу классы (кластеры) был использован статистический метод кластерного анализа [Гмурман, 2004]. Версия данного кластерного анализа выполнена в компьютерной программе Statistica 5.5. Кластерный анализ учитывает два статистических параметра: кластерное расстояние и способ группировки. Кластерное расстояние устанавливает бинарные расстояния между всеми элементами в рассматриваемой системе. Таким образом, для каждого элемента определяется степень его удаленности от другого элемента в рамках данной совокупности. По линии кластерного расстояния в настоящей статье используется корреляционный коэффициент «1–Pearson r».

Функция правил группировки определяет различные способы объединения элементов системы в кластеры. В нашей работе задействован вариант «невзвешенное попарное среднее». Данный способ группирует элементы (семантические признаки) в комплексы на основании средней суммы бинарных кластерных расстояний всех элементов комплексов.

В кластерной схеме на основании усредненных расстояний можно выделить три поля: релевантное положительное, нерелевантное положительное и отрицательное [Сильницкий, 2012]. Признаки, относящиеся к одному и тому же кластеру, группируются в рамках нерелевантного положительного поля и подразумевают положительную соотнесенность друг с другом. Различные кластеры противопоставляются друг другу в пределах отрицательного поля, и, следовательно, если признаки принадлежат разным кластерам, то они образуют оппозиции. Особую роль играют *эквиполентные оппозиции* [Трубецкой, 2000], которые предполагают, что один кластер обнаруживает наличие признака некоторого плана, а другой кластер выявляет наличие антонимичного признака того же плана. Следует отметить, что эквиполентные оппозиции фиксируются относительно признаков прямого и переносного субъектов независимо друг от друга.

В структуре одного кластера могут выделяться ядерные и периферийные признаки. Первые группируются друг с другом в рамках релевантного положительного поля, то есть все признаки, относящиеся к одному и тому же ядру, связаны друг с другом наиболее тесными (релевантными положительными) связями и служат основанием для выделения типовой метафоры, которая содержит все семантические признаки одного ядра. В структуре кластера может быть как одно, так и несколько ядер. Периферийные признаки выявляют связь с другими признаками кластера в пределах нерелевантного положительного поля, то есть данные признаки не образуют оппозиции с другими признаками этого же кластера, с одной стороны, но и не

обнаруживают положительную релевантную связь ни с одним из признаков рассматриваемого кластера – с другой. Результаты применения кластерного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

Кластерная организация семантических признаков образной метафоры в тексте-оригинале романа Р. Брэдбэри «451 градус по Фаренгейту»

ПЛАНЫ	ПРИЗНАКИ	КЛАСТЕРЫ								
		Кластер 1 Адъективн.		Кластер 2 Вербальн.		Кластер 3 Адвербальн.			Кластер 4 Субстант.	
		ядро I	прф	ядро I	прф	ядро I	ядро II	прф	ядро I	прф
Категориальный	Адъективн. (прям)	+								
	Адъективн. (перен)	+								
	Вербальн. (прям)			+						
	Вербальн. (перен)			+						
	Адвербальн. (прям)						+			
	Адвербальн. (перен)						+			
	Субстант. (прям)								+	
	Субстант. (перен)								+	
Антропологический	Антропо-сомат. (прям)			+						
	Антропо-сомат. (перен)		+							
	Антропо-мент. (прям)		+							
	Антропо-мент (перен)									+
Социальный	Социоличн (прям)									
	Социоличн (перен)			+						
	Соционеличн (прям)									+
	Соционеличн (перен)									+
Натуралистический	Натуро-биог (прям)									+
	Натуро-биог (перен)					+				
	Натуро-абиог (прям)		+							
	Натуро-абиог (перен)				+					
Онтологический	Онто-матер (прям)							+		
	Онто-матер (перен)						+			
	Онто-немат (прям)					+				
	Онто-немат (перен)							+		
	Всего	2	3	4	1	2	3	2	2	4

В рамках вышеприведенной кластерной схемы двадцать три семантических признака организуются в четыре кластера. Следует отметить, что

один признак (социоличностный прямой) выпадает из данной схемы, поскольку он обнаруживает связь с другими признаками в пределах отрицательного поля и, соответственно, не входит в состав ни одного из кластеров.

Наименование каждого кластера (Адъективный, Вербальный, Адвербальный, Субстантивный) совпадает с названием присутствующих в нем *категориальных* признаков. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, признаки данного плана, как уже отмечалось, обладают наиболее обобщенной семантикой; во-вторых, в рассматриваемой системе среди всех семантических планов наибольшей признаковой вариативностью обладает именно указанный план.

С целью осуществления сравнительного анализа структур кластеров были введены следующие параметры.

1. *Плановая вариативность кластера,* которая прямо пропорциональна количеству признаковых планов в одном кластере.

2. *Признаковая вариативность кластера,* являющаяся прямо пропорциональной количеству признаков, содержащихся в том или ином кластере.

3. *Признаковая вариативность кластера относительно прямого и переносного субъектов*: прямо пропорциональна количеству признаков в кластере, соотносящихся либо с прямым, либо с переносным субъектом метафоры. На основании этого параметра представляется возможным установить *степень признаковой симметричности кластера*: подразумевается пропорциональное соотношение признаков прямого и переносного субъектов в кластере, то есть чем диспропорция между данными признаками меньше, тем более симметричен кластер.

4. *Ядерная вариативность кластера*, то есть количество ядер, входящих в его состав. Как уже отмечалось, каждое ядро кластера служит основанием для выделения типовой метафоры, содержащей в своей семантической структуре все признаки этого ядра.

5. *Кластерная вариативность плана*, то есть имеется в виду количество кластеров, в которых присутствуют признаки определенного плана. Данный параметр фигурирует только на уровне кластерной схемы в целом, но не в рамках отдельного кластера.

Далее рассмотрим семантическую структуру каждого кластера в отдельности относительно вышеуказанных параметров.

Кластер «Адъективный»

1. Плановая вариативность рассматриваемого кластера равна трем: присутствуют признаки одного категориального плана (адъективного), а также признаки двух некатегориальных планов: антропологического и натуралистического. Признаки онтологического и социального планов отсутствуют.

2. Признаковая вариативность кластера «Адъективный» равна пяти. В наибольшей степени репрезентированы адъективный (два признака) и антропологический (также два признака) планы. Натуралистический план представлен всего одним признаком. Следовательно, на некатегориальном уровне рассматриваемый кластер можно назвать антропо-маркированным.

3. Признаковая вариативность кластера относительно прямого субъекта выявляет показатель, равный трем (признаки адъективный, антропо-ментальный и натуро-абиогенный). Относительно переносного субъекта признаковая вариативность равна двум (признаки адъективный и антропо-соматический).

Степень субъектной симметричности исследуемого кластера равна три к двум, то есть кластер «Адъективный» является относительно симметричным, так как выявляет минимальную диспропорцию между признаками прямого и переносного субъектов. Однако в целом рассматриваемый кластер можно назвать маркированным прямым субъектом.

Среди семантических планов только адъективный является полностью симметричным, то есть представлен одним и тем же признаком прямого и переносного субъектов. Антропологический план также выделяет признаки как прямого, так и переносного субъектов, но данные признаки являются антонимичными (антропо-соматический и антропо-ментальный).

4. Ядерная вариативность кластера. В рассматриваемом комплексе наблюдаются два ядерных (адъективно-прямой, адъективно-переносный) и три периферийных признака (антропо-соматический переносный, антропоментальный прямой, натура-абиогенный прямой), то есть большинство признаков организуются за пределами релевантного положительного поля и, соответственно, не будут входить в состав типовых метафор. В целом данный комплекс можно назвать периферийно-маркированным.

Относительно исследуемого параметра кластер «Адъективный» характеризуется сингулярной структурой, то есть он содержит только одно ядро. В состав ядра входят два признака категориального плана (адъективный прямой и адъективный переносный). Следовательно, в ядре полностью отсутствуют признаки некатегориальных планов. Структура типовой метафоры является семантически симметричной (содержит признак как прямого, так и переносного субъектов). Примером подобной типовой метафоры может служить единица ‘milk-white face’ (‘матовой белизны лицо’). Как прямой субъект метафоры (молочный), так и переносный субъект метафоры (белый) выявляют категориальный признак «субстантивное качество» (категориальное значение прилагательного).

Кластер «Вербальный»

1. В данном кластере плановая вариативность равна четырем: в нем присутствуют признаки одного категориального плана (вербального) и признаки трех некатегориальных планов: антропологического, социального и натуралистического. Признаки онтологического плана отсутствуют.

2. По параметру признаковой вариативности кластер «Вербальный» выявляет показатель, равный пяти. Наибольшей представленностью обладает категориальный план «вербальный» (два признака). Все вышеуказанные некатегориальные планы репрезентированы всего одним признаком. Следовательно, на некатегориальном уровне данный кластер нельзя охарактеризовать как маркированный.

3. По критерию признаковой вариативности кластера относительно прямого субъекта выявляется показатель, равный двум (признаки вербальный и антропо-соматический), тогда как относительно переносного субъекта признаковая вариативность равна трем (признаки вербальный, социоличностный и натуро-абиогенный).

Степень субъектной симметричности данного кластера равна два к трем. Таким образом, кластер «Вербальный» является относительно симметричным, поскольку в нем наблюдается минимальная диспропорция между признаками прямого и переносного субъектов. В целом рассматриваемый кластер можно охарактеризовать как маркированный переносным субъектом.

Полностью симметричным (то есть представленным одним и тем же признаком прямого и переносного субъектов) является только адъективный план.

4. Параметр ядерной вариативности кластера. В данном комплексе наблюдаются четыре ядерных признака (вербальный прямой, вербальный переносный, антропо-соматический прямой, социоличностный переносный) и один периферийный признак (натуро-абиогенный переносный). Следовательно, большинство признаков организуются в пределах релевантного положительного поля и, соответственно, войдут в состав типовых метафор. В целом данный комплекс можно назвать ядерно-маркированным.

Кластер «Вербальный» по рассматриваемому параметру характеризуется сингулярной структурой, поскольку он содержит одно ядро. Ядро кластера включает в себя два признака категориального плана (вербальный прямой, вербальный переносный) и два признака некатегориальных планов: антропологического (антропо-соматический прямой) и социального (социоличностный переносный). Структура типовой метафоры является семантически симметричной (содержит признаки прямого и переносного субъектов) относительно как категориальных, так и некатегориальных признаков. В качестве примера типовой метафоры приведем единицу ‘shut smb up’ (‘затыкать кого-то’). На категориальном уровне как прямой, так и переносный субъекты данной метафоры выявляют признак «процессуальность» (категориальное значение глагола). На некатегориальном уровне прямой субъект метафоры (затыкать) является антропо-соматическим, так как указывает на физическое воздействие человека, тогда как переносный субъект метафоры (заставить замолчать) будет социоличностным, поскольку отражает социальные отношения на уровне вербального общения.

Кластер «Адвербальный»

1. Кластер «Адвербальный» по параметру «плановая вариативность» выявляет показатель, равный трем, поскольку в нем присутствуют признаки одного категориального плана (адвербального) и признаки двух некатегориальных планов (натуралистического и онтологического). Признаки антропологического и социального планов отсутствуют.

2. Признаковая вариативность кластера «Адвербальный» равна семи. Среди семантических планов наибольшей представленностью характеризу-

ется некатегориальный план «онтологический» (четыре признака); категориальный план «адвербальный» репрезентирован двумя признаками; некатегориальный план «натуралистический» – одним признаком. Следовательно, на некатегориальном уровне данный кластер нельзя охарактеризовать как маркированный.

3. Признаковая вариативность кластера относительно прямого субъекта выявляет показатель, равный трем (признаки адвербальный, онто-материальный и онто-нематериальный); относительно переносного субъекта признаковая вариативность равна четырем (признаки адвербальный, натуро-биогенный, онто-материальный и онто-нематериальный).

Степень субъектной симметричности рассматриваемого кластера равна три к четырем. Следовательно, кластер «Адвербальный» является относительно симметричным, поскольку в нем присутствует минимальная диспропорция между признаками прямого и переносного субъектов. В целом рассматриваемый кластер можно охарактеризовать как маркированный переносным субъектом.

Полностью симметричным (то есть представленными одними и теми же признаками прямого и переносного субъекта) на категориальном уровне является адвербальный план, а на некатегориальном уровне – онтологический план. В рамках последнего оба признака (онто-материальный и онто-нематериальный) обладают рассматриваемой характеристикой.

4. Ядерная вариативность кластера. В комплексе «Адвербальный» наблюдаются пять ядерных признаков (адвербальный прямой, адвербальный переносный, натура-биогенный переносный, онто-материальный переносный, онто-нематериальный прямой) и два периферийных признака (онто-материальный прямой, онто-нематериальный переносный). Таким образом, большинство признаков соотносятся друг с другом в пределах релевантного положительного поля и, следовательно, будут присутствовать в структуре типовых метафор. В целом данный комплекс можно охарактеризовать как ядерно-маркированный.

По критерию ядерной вариативности кластер «Адвербальный» характеризуется бинарной структурой, то есть содержит два ядра. *Первое* ядро содержит один признак натуралистического плана (натуро-биогенный переносный) и один признак онтологического плана (онто-нематериальный прямой). Данная типовая метафора является семантически симметричной, поскольку содержит признаки прямого и переносного субъектов. Примером может служить единица ‘late flowers’ (‘увядшие цветы’): прямой субъект (поздний) является онто-нематериальным, так как соотносится с нематериальным аспектом действительности; переносный субъект (увядший) определен как натуро-биогенный, поскольку речь идет о явлении живой природы. Признаки категориального плана в структуру данной типовой метафоры не входят.

Второе ядро состоит из двух признаков категориального плана (адвербальный прямой, адвербальный переносный) и одного признака онтологического плана (онто-материальный переносный). Данная метафора является семантически симметричной относительно категориального плана (присутствуют признаки прямого и переносного субъектов) и семантически асимметричной относительно некатегориальных планов (выявляет признак только переносного субъекта). Примером типовой метафоры может служить лексема ‘softly’ (‘тихо’). На категориальном уровне как прямой, так и переносный субъекты данной метафоры выявляют признак «несубстантивное качество» (категориальное значение наречия). На некатегориальном уровне переносный субъект метафоры (тихо) будет онто-материальным, поскольку отражает материальное (звуковое) явление объективной действительности.

Кластер «Субстантивный»

1. Плановая вариативность рассматриваемого кластера равна четырем: присутствуют признаки одного категориального плана (субстантивного), а также признаки трех некатегориальных планов (антропологического, социального и натуралистического). Признаки онтологического плана отсутствуют.

2. Признаковая вариативность кластера «Субстантивный» равна шести. В наибольшей степени репрезентированы планы «субстантивный» (содержит два признака) и «социоличностный» (также обнаруживает два признака). Натуралистический план представлен всего одним признаком. Следовательно, на некатегориальном уровне рассматриваемый кластер можно назвать социально-маркированным.

3. Признаковая вариативность кластера относительно прямого субъекта выявляет показатель, равный трем (признаки субстантивный, соционеличностный и натура-биогенный). Относительно переносного субъекта признаковая вариативность также равна трем (признаки субстантивный, антропо-ментальный и соционеличностный).

Степень субъектной симметричности исследуемого кластера равна три к трем, то есть кластер «Субстантивный» является максимально симметричным, так как он выявляет отсутствие диспропорции между признаками прямого и переносного субъектов. Также следует отметить, что данный кластер нельзя охарактеризовать как маркированный относительно признаков того или иного вида субъекта.

Среди семантических планов полностью симметричным (репрезентированным одними и теми же признаками прямого и переносного субъектов) на категориальном уровне является субстантивный план, а на некатегориальном уровне – социальный план. В рамках последнего один признак (соционеличностный) обладает рассматриваемой характеристикой.

4. Ядерная вариативность кластера. В рассматриваемом комплексе наблюдаются два ядерных (субстантивно-прямой, субстанитвно-переносный) и четыре периферийных признака (антропо-ментальный переносный,

соционеличностный прямой, соционеличностный переносный, натура-биогенный прямой). Следовательно, большинство признаков организуются за пределами релевантного положительного поля и, соответственно, не будут входить в состав типовых метафор. В целом данный комплекс можно назвать периферийно-маркированным.

Относительно исследуемого параметра кластер «Субстантивный» характеризуется сингулярной структурой, то есть он содержит только одно ядро. В состав ядра входят два признака категориального плана (субстантивный прямой и субстантивный переносный). Следовательно, в ядре полностью отсутствуют признаки некатегориальных планов. Структура типовой метафоры является семантически симметричной (содержит признак как прямого, так и переносного субъектов). Примером подобной типовой метафоры может служить единица ‘ruins of history’ (‘страницы истории’). Как прямой (руины), так и переносный субъект метафоры (исторические факты) выявляют категориальный признак «субстанция» (категориальное значение существительного).

Следующая задача исследования заключается в осуществлении сравнительного анализа семантических структур вышеописанных кластеров относительно задействуемых параметров.

1. *Плановая вариативность кластеров.* Максимально возможной плановой вариативностью (равной пяти) не обладает ни один из рассматриваемых кластеров. Наибольшим показателем (четыре плана) характеризуются кластеры «Вербальный» и «Субстантивный», два других кластера («Адъективный» и «Адвербальный») включают по три признаковых плана. В целом признаковые планы распределились по кластерам относительно равномерно.

2. *Признаковая вариативность кластеров.* Самой выраженной признаковой вариативностью (семь признаков) обладает кластер «Адвербальный»; кластер «Субстантивный» содержит шесть признаков, кластеры «Адъективный» и «Вербальный» – по пять признаков. Таким образом, семантические признаки тоже выявили относительно равномерное распределение в кластерной системе. Три кластера из четырех обнаружили большую маркированность относительно признаков одного из некатегориальных планов. Так, кластер «Адъективный» является антропо-маркированным, кластер «Адвербальный» – онто-маркированным, кластер «Субстантивный» – социально-маркированным. Кластер «Вербальный» не обнаружил выраженной маркированности по какому-либо одному некатегориальному плану. С другой стороны, некатегориальный план «Натуралистический» не фигурирует как маркер какого-либо из кластеров.

3. *Признаковая вариативность кластеров относительно прямого и переносного субъекта*. Два кластера (Вербальный и Адвербальный) выявляют большую маркированность относительно признаков переносного субъекта, кластер «Адъективный» – относительно признаков прямого субъекта, кластер «Субстантивный» – отсутствие выраженной маркированности относительно признаков того или иного вида субъекта. Таким образом, при-

знаки переносного субъекта играют более значимую роль в рассматриваемой системе сравнительно с признаками прямого субъекта, что может быть объяснено большей релевантностью для метафоры, с функционально-стилистической точки зрения, переносного значения сравнительно с прямым.

Среди семантических планов полностью симметричным (представленным одними и теми же признаками прямого и переносного субъектов) для всех кластеров является категориальный план, то есть в каждом кластере присутствуют по два однородных категориальных признака, что и обусловило, как уже отмечалось, наименования кластеров одноименными категориальными признаками. На некатегориальном уровне только кластеры «Адвербальный» и «Субстантивный» обнаруживают планы, обладающие полной симметричностью. В первом кластере выявляется онтологический план (участвуют оба онтологических признака: онто-материальный и онто-нематериальный); во втором кластере – социальный план (фигурирует признак соционеличностный). Кластеры «Адъективный» и «Вербальный» не устанавливают в своей структуре некатегориальных планов с полной симметричностью.

4. *Ядерная вариативность кластеров.* В кластерах «Вербальный» и «Адвербальный» преобладают ядерные признаки, в кластерах «Адъективный» и «Субстантивный» – периферийные признаки. Следовательно, первые два кластера обладают более высокой степенью интегрированности. С другой стороны, во всех кластерах репрезентированы ядерные признаки, что указывает на наличие хотя бы одной типовой метафоры в каждом признаковом комплексе.

По рассматриваемому параметру три кластера из четырех («Адъективный», «Вербальный», «Субстантивный») выявляют сингулярную структуру, то есть обнаруживают только одно ядро в своем составе. Только кластер «Адвербальный» обладает бинарной структурой с наличием двух ядер. Таким образом, последний кластер является наиболее продуктивным в плане репрезентации типовых метафор.

Всего в данной системе выделяются пять типовых метафор: 1) адъективный прямой, адъективный переносный; 2) вербальный прямой, вербальный переносный, антропо-соматический прямой, социоличностный переносный; 3) натуро-биогенный переносный, онто-нематериальный прямой; 4) адвербальный прямой, адвербальный переносный, онто-материальный переносный; 5) субстантивно-прямой, субстантивно-переносный. Следует отметить, что все признаки категориального плана (относительно как прямого, так и переносного субъектов) входят в семантическую структуру тех или иных типовых метафор, то есть категориальный план в этом отношении является наиболее продуктивным, что еще раз свидетельствует о его особом статусе. С другой стороны, наблюдается всего одна типовая метафора (3) с отсутствием признаков категориального плана в своей структуре. Две типовых метафоры (1, 5) включают в свой состав только признаки категориального плана, то есть они обладают наиболее обобщенной семантикой.

Самой богатой семантической структурой характеризуется вербальная типовая метафора (2) с наличием двух категориальных и двух некатегориальных признаков. Среди некатегориальных планов наиболее продуктивным в отношении репрезентации в структуре типовых метафор является онтологический: задействует два признака (онто-материальный переносный, онто-нематериальный прямой). Все другие некатегориальные планы представлены в структуре типовых метафор только одним признаком.

Все типовые метафоры обладают признаками как прямого, так и переносного субъектов. Большинство типовых метафор (1, 2, 3, 5) обнаруживают полную семантическую симметрию, то есть в этих метафорах количество признаков прямого и переносного субъектов совпадает. Только в одной типовой метафоре (4) наблюдается семантическая асимметрия с преобладанием признаков переносного субъекта.

5. *Кластерная вариативность планов*. Данный параметр устанавливает количество кластеров, в которых присутствуют признаки определенного плана. Как уже не раз отмечалось, категориальный план обладает максимальной кластерной вариативностью (равной четырем), что, в первую очередь, объясняется количеством признаков этого плана. На некатегориальном уровне наибольшую кластерную вариативность (равную четырем) выявляет натуралистический план, минимальную вариативность (равную одному) – онтологический план. Показатель антропологического плана равен трем, социального плана – двум. Следовательно, онтологический план выступает в качестве наиболее выраженного семантического маркера одного кластера (Адвербального), тогда как натуралистический план, как отмечалось ранее, равномерно распределяет признаки по всем четырем кластерам, выраженно не маркируя ни один из них относительно других некатегориальных планов.

Как указывалось выше, одним из релевантных в рассматриваемой системе является понятие *оппозиции*, позволяющее установить степень противопоставленности кластеров друг другу. В нашем исследовании фиксируются *эквиполентные* оппозиции: один кластер обнаруживает наличие признака некоторого плана относительно прямого или переносного субъекта, другой кластер выявляет наличие антонимичного признака того же плана относительно этого же субъекта.

На категориальном уровне все кластеры в равной степени противопоставлены друг другу, поскольку они в одинаковой мере маркированы двумя признаками категориального плана, то есть каждый кластер в сумме выявляет шесть эквиполентных оппозиций по отношению ко всем остальным кластерам. На некатегориальном уровне кластер «Адъективный» устанавливает три эквиполентные оппозиции, кластер «Вербальный» – три оппозиции, кластер «Субстантивный» – две оппозиции, кластер «Адвербальный» – одну оппозицию. Таким образом, наиболее дифференциально маркированными являются кластеры «Адъективный» и «Вербальный», наименее дифференциально маркированным – кластер «Адвербальный».

В целом в рассматриваемой системе в наибольшей степени выделяется кластер «Адвербальный», который обладает наиболее выраженной признаковой вариативностью, ядерной вариативностью, а также максимально сильной маркированностью относительно признаков какого-то одного некатегориального плана (онтологического).

Перспектива исследования предполагает привлечение других известных англоязычных романов жанра антиутопии («1984» Дж. Оруэлла, «О дивный новый мир» О. Хаксли и др.) с целью возможного установления отличительных характеристик структуры семантического пространства образной метафоры жанра романа-антиутопии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд. М., 1995.

Аристотель. Поэтика // Собр. соч. В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 645–686.

Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учебное пособие для вузов. 10-е изд., стер. М.: Высшая школа, 2004. 479 с.

Дедова Н.А. Сравнительный анализ семантических характеристик образных метафор текста оригинала и текста-перевода романа Дж. Оруэлла «1984» // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2(42). С. 218–229.

Сильницкий А.Г. Семантические характеристики полиситуативных экономических глаголов в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 1(17). С. 148–157.

Современный словарь «живого» русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона; послесл. А.А. Реформатского; вступ. ст. Л.А. Касаткина. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.

Цветаева М. Час души. Проза. Харьков: Фолия, 2008. 100 с.

A.G. Silnitsky
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of Department of the English Language and Translation Studies,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

N.A. Dedova
Postgraduate student,
Department of the English Language and Translation Studies,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Analysis of the Image-Metaphor Semantic Field Structure in R. Bradbury's Novel «Fahrenheit 451»

This article is devoted to identification of the image-metaphor semantic field in R. Bradbury's anti-utopian novel «Fahrenheit 451». The reserch applies

cluster analysis aimed at the classification of multi-level features that are identified by qualitative methods within the framework of a single classification scheme. Firstly, we distinguished a list of semantic features, organized within five semantic plans: «categorical» (substantive, verbal, adverbial, adjective features), «anthropological» (anthropo-somatic, anthropo-mental features), «social» (socio-personal, socio-non-personal features), «naturalistic» (natural-biogenic, natural-abiogenic features) and «ontological» (onto-material, onto-non-material features). These semantic features are independently defined according to the direct and figurative subject of image-metaphors. Then, with the help of the cluster analysis, we are able to group all the previously identified semantic features into clusters and select the corresponding typical metaphors.

Key words: *anti-utopian novel; image-metaphor; semantic field; direct subject; figurative subject; cluster; nexus; semantic plan; relevant semantic characteristic; opposition.*

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Lexical semantics: synonymous means of language [Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka]. 2nd ed. Moscow, 1995 (in Russian).

Aristotle. Poetics [Poetika]. Collected works in 4 volumes [Sobr. soch. v 4 t.]. Moscow, Mysl, 1984, vol. 4, pp. 645–686 (in Russian).

Dedova N.A. Comparative analysis of the semantic characteristics of figurative metaphors of the original text and the text-translation of the novel by J. Orwell «1984» [Sravnitel'ny analiz semanticheskikh kharakteristik obraznykh metafor teksta originala i teksta-perevoda romana Dzh. Oruella «1984»]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2(42), pp. 218–229 (in Russian).

Gmurman V.Ye. Probability theory and mathematical statistics: a textbook for universities [Teoriya veroyatnostei i matematicheskaya statistika: Uchebnoye posobie dlya vusov]. 10th ed., stereotype. Moscow, Vysshaya shkola, 2004. 479 p. (in Russian).

Modern dictionary of the «living» Russian language by S.I. Ozhegova and N.Yu. Shvedova [Sovremenny slovar' «zhivogo» russkogo yazyka S. I. Ozhegova i N.Yu. Shvedovoi]. *Available at*: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt

Silnitsky A.G. Semantic characteristics of polysituational economic verbs in English [Semanticheskie kharakteristiki polisituativnykh ekonomicheskikh glagolov v angliyskom yazyke]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 1(17), pp. 148–157 (in Russian).

Trubetskoi N.S. Fundamentals of Phonology [Osnovy fonologii]. Tr. from German by A.A. Kholodovich. Ed. by S.D. Katsnelson. Afterword by A.A. Reformatsky; Introductory article by L.A. Kasatkina. 2nd ed. Moscow, Aspect-Press, 2000. 352 p. (in Russian).

Tsvetaeva M. In the Profound Hour of the Soul. Prose [Chas dushi. Proza]. Kharkov, Foliya, 2008. 100 p. (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

О.В. Козлов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(47)

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-190-200

НАРОДНЫЕ ДОМА КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на материалах Западного региона России)

Ключевые слова: *народный дом; культпросветучреждения; культурно-просветительная работа; Западный регион России; Смоленская губерния; начало XX века; первые годы советской власти.*

В статье на основе архивных источников проанализирован процесс создания в провинции (в начале XX века и в первые годы советской власти) народных домов как центров просветительной и культурно-массовой работы с взрослым населением. Рассмотрена роль представителей общественности, властных и партийных структур в деле организации внешкольного образования. Отмечено, что инициаторами создания народных домов в дореволюционный период выступали отдельные помещики, земцы, организаторы кооперативов, которые могли использовать для этого определенные финансовые возможности. В статье подчеркивается, что в первые годы советской власти в организации на местах различных культурно-просветительных учреждений особая роль принадлежала самим трудящимся, которые без каких-либо указаний сверху участвовали в подготовке и проведении культурно-массовых и пропагандистских мероприятий. В дальнейшем элемент стихийности в организации народных домов постепенно стал заменяться плановой работой под контролем местных партийных и советских органов управления. В статье показана динамика роста числа народных домов и других культпросветучреждений Западного региона РСФСР за 1918–1921 годы. Автор приводит данные, согласно которым в середине 1921 года только в Смоленской губернии насчитывалось 235 народных домов. При них работали библиотеки, читальни, драматические, художественные, музыкальные студии и различные по тематической направленности кружки.

В начале XX века в большинстве регионов Российской империи под воздействием либеральных и революционных идей значительно возросла общественная активность населения. Провинциальная интеллигенция для культурно-просветительной работы со взрослыми стала открывать в сельской местности народные дома [Попов, 2019]. Известно, что еще до 1917 года идеи более широкого внедрения внешкольного образования в массы посредством создания народных домов на своих съездах активно обсуждали земцы. Например, в постановлении Московского общеземского съезда, состоявшегося в 1911 году, было подчеркнуто, что затраты на школьное образование без организации внешкольного являются малопроизводительными. Следует отметить и то, что деньги на внешкольные мероприятия в основном ассигновали только уездные земства и могли выделить на это лишь крайне скудные средства. Так, в 1911 году в Смоленской губернии уездными земствами на эти цели было затрачено 10 960 рублей, в 1912 – 14 210, в 1913 – 14 079, в 1914 – 15 581, в 1915 – 10 628 рублей [Журнал губернского совещания, 1917, *60*]. Как свидетельствуют источники, за названные годы со стороны губернского земства ассигнований на внешкольное образование не делалось вовсе. Таким образом, средний годовой расход на внешкольную работу составил по Смоленской губернии ничтожную сумму в 1091 рублей на уезд [Журнал губернского совещания, 1917, *16*]. Приходится констатировать, что этот показатель был значительно ниже, чем в других европейских губерниях России, которые только на одну постройку зданий для народных домов ассигновали: Вятская – 110 000, Екатеринославская – 240 000, Киевская – 30 000, Пермская – 25 000, Ставропольская – 30 000 рублей [Журнал губернского совещания, 1917, *60*].

По мнению большинства земских деятелей России, «внешкольное образование должно (было) занять самостоятельное место в ряду мероприятий, направленных на поднятие культурного уровня населения» [Журнал губернского совещания, 1917, *45*]. Непосредственная же организация внешкольной работы на местах наталкивалась на сопротивление как столичной, так и провинциальной бюрократии. Например, 50-е очередное собрание представителей Смоленского губернского земства возбудило ходатайство перед правительством об отпуске необходимых средств на различные виды внешкольного образования, но эту просьбу власти оставили без ответа. Все же некоторые уездные земства Калужской и Смоленской губерний пусть робко, но пытались втянуть во внешкольную работу со взрослыми широкие слои населения. Например, Гжатское земство в Смоленской губернии в 1915 году считало своей обязанностью «...вызвать к деятельности и объединить все интеллигентные силы деревни» [Доклад 51 очередному Смоленскому губернскому земскому собранию, 1916, *11, 15*].

В докладе Гжатской уездной управы «О представлении населению разумных развлечений» было приведено ходатайство управы перед губернским земством о том, чтобы последнее взяло на себя инициативу устройства

народных домов [Журнал губернского совещания, 1917, *60*] и учредило особый фонд для выдачи кооперативам ссуд на их организацию [Доклад 51 очередному Смоленскому губернскому земскому собранию, 1916, *11*]. Ходатайство осталось без ответа. Тем не менее обращение уездного земства к вопросу о народных домах как центрах внешкольного образования заслуживает особого внимания. Ведь земцы в своей деятельности пытались опереться на кооперативы, которые, обладая определенными финансовыми возможностями, сами выступали инициаторами создания народных домов. Например, кармановские кооператоры одними из первых в Смоленской губернии организовали на свои средства народный дом.

На кооперативном съезде в Смоленске, состоявшемся в 1915 году, обсуждались вопросы участия имеющихся в губернии кооперативов в организации внешкольного образования. Как видно из статистических сведений, собранных о 59 кооперативах губернии, 25 из них имели собственные помещения для общественных собраний, 18 – библиотеки, 19 открыли читальни. Большинство кооперативов выписывали для своих членов периодические издания, 16 – устраивали лекции, 9 – народные чтения с использованием «волшебного фонаря», 7 – организовывали кружки изящных искусств, 4 – музыкальные вечера, 3 – проводили спектакли, 2 – литературные вечера, некоторые устраивали художественные выставки [Доклад 51 очередному Смоленскому губернскому земскому собранию, 1916, *13–15*].

Но вся эта работа, по мнению самих кооператоров, высказанному на съезде, не могла существовать без поддержки со стороны губернской администрации, прежде всего денежными средствами. Однако к этому призыву власть осталась глуха [Доклад 51 очередному Смоленскому губернскому земскому собранию, 1916, *17*]. Следует отметить и то, что весьма редкими были частные пожертвования на внешкольное просвещение. Так, к 1915 году по инициативе В.И. Кареева (брата известного историка) и «при материальной поддержке его и князей Мещерских в Воскресенске был построен и оборудован Народный дом. Сохранились фотографии и план помещений, описание оборудования. Деревянное одноэтажное здание с башенкой (19,7х17,8 м) имело двухсветный зрительный зал со сценой, оборудованный большим экраном, киноаппаратом, механическим пианино, а также кабинет Комитета Нардома, служивший гримерной во время спектаклей, библиотеку, читальную и чайную комнаты, буфет, сельскохозяйственный музей с разнообразными моделями, коллекциями, гербариями, плакатами, диаграммами. В Народном доме хозяевами Аносова совместно с крестьянами и приезжавшими гостями устраивались спектакли. В.И. Кареев вел беседы с крестьянами о хозяйстве, пчеловодстве, льноводстве, свиноводстве в губернии. Некоторые из них были им опубликованы за собственный счет» [Тихонова, 2011, *499–501*; 2012, *79–80*]. Годы спустя, уже при советской власти, научная и просветительская деятельность В.И. Кареева, тем не менее, не была учтена при принятии решения о его выселении из имения [Тихонова, 2012, *80*].

В годы Первой мировой войны в сохранившихся на Смоленщине народных домах продолжала проводиться внешкольная работа со взрослым населением. Не случайно на губернском совещании, состоявшемся 8–9 сентября 1916 года в Смоленске, был предложен грандиозный план внешкольно-просветительной деятельности земств, по которому предполагалось в течение 10 лет создать 157 внешкольно-просветительных районов при 10-верстном радиусе каждого. Деньги, необходимые для содержания этих учреждений, должны были предоставить: одну половину – губернское и уездные земства, другую – казна. Понятно, что в условиях войны финансовые средства на эти цели казной так и не были выделены [ГАСО, ф. 7, оп. 5, д. 1591, *1*]. Тем не менее внешкольные мероприятия на базе народных домов Смоленщины усилиями местных педагогов проводились. Одним из направлений работы с населением стала организация повторительных курсов, вечерних и воскресных классов для взрослых. Об их необходимости говорили не только учителя, но и деятели церкви, подчеркивая: «...масса народа остается темною, многие прошедшие курс начальной школы с годами, по отсутствию книг в деревне, обращаются почти в первобытное состояние невежества...» [Отчет о состоянии церковных школ Смоленской епархии, 1914, *46–47*]. При этом отмечалось, что занятий со взрослым населением проводилось очень мало, хотя желание учиться у народа было огромным.

К 1917 году, по неполным данным, в России насчитывалось до 300 народных домов. В Западном регионе страны дальнейшее массовое создание народных домов как центров культурно-просветительной работы развернулось уже после Октябрьской революции и в основном в сельской местности. Характерным явлением для того времени было, например, обращение Кузнецовской ячейки коммунистов Досуговской волости Краснинского уезда в отдел народного образования Западной коммуны. В документе, датированном 3 ноября 1918 года, говорилось, что народный дом был открыт в бывшем помещичьем имении и отныне «...будет служить сосредоточением коммунистической самоорганизации и самообразования деревенской бедноты». Это предложение коммунистов, как видно из резолюции заведующего отделом народного образования Западной коммуны, нашло полную поддержку у органов советской власти. В резолюции, в частности, говорилось: «Пусть Народный дом вам будет очагом пролетариата, культуры и образцом солидарности и творчества» [Культурное строительство в Смоленской области, 1986, *33*].

Следует признать, что создание на местах различных культурно-просветительных учреждений обычно происходило по инициативе самих трудящихся и без каких-либо указаний сверху. Однако в процессе реализации авторы подобных проектов часто сталкивались с трудностями. Так, в Ивакино-Купровской и Михайловской волостях Гжатского уезда Смоленской губернии были образованы культурно-просветительные общества, заняв-

шиеся, как и было им предписано, прежде всего устройством народных домов. Но, так как последние действовали независимо от местных органов власти, те не поддержали их средствами и не нашли для народных домов культорганизаторов. В результате деятельность этих учреждений, по мнению Гжатского уездного совета, «не была должным образом налажена» [Отчет Гжатского уездного съезда Советов, 1918, *2*].

В ряде случаев идея создания подобных обществ принадлежала Советам по народному образованию (структура, созданная при отделах народного образования из представителей отдела и специалистов). Например, в Богородицкой волости Смоленского уезда именно Совет был инициатором создания местного общества народных домов. К середине 1918 года последнее уже имело два народных дома, в которых действовали драматические кружки и читальни [ГАСО, ф. 400, оп. 1, д. 1, *5*]. Увеличение числа народных домов в Западной области стало наглядным примером попытки новой власти включить население, в первую очередь крестьянство, в социалистическое строительство.

Из докладов, поступавших в Смоленское губоно и освещавших состояние внешкольного образования, известно, что 7 ноября 1918 года члены Даниловичского культурно-просветительного кружка торжественно открыли в селе народный дом и воскресную школу для взрослых. В целом в Рославльском уезде в начале 1919 года уже работали 12 народных домов и клубов, 28 школ для взрослых и 24 библиотеки [ГАНИСО, ф. 3, оп. 1, д. 221, *23*]. Костыревское культурно-просветительное общество, основанное еще 28 апреля 1918 года, имело устав и насчитывало в своих рядах 80 человек, из которых 70 были крестьянами. Обществу было выделено специальное помещение для устройства народного дома в деревне Пахомове. Его организаторы, как показали дальнейшие события, предполагали даже получить у местного населения «...небольшие средства для оборудования народного дома» [ГАНИСО, ф. 3, оп. 1, д. 221, *19*].

Пригорьевское культурно-просветительное общество, основанное 21 сентября 1918 года, помогло волисполкому открыть и обустроить школу 2-й ступени. 26 ноября того же года оно получило разрешение на открытие народного дома, где предполагалось развернуть библиотеку-читальню и курсы для взрослых. В народном доме члены общества намечали устраивать лекции не только на политические темы, но и по земледелию, животноводству, сельскохозяйственному производству [ГАНИСО, ф. 3, оп. 1, д. 221, *19 об.*].

Как видно из отчетов, присланных в Рославльский уездный отдел народного образования, Борщевское культурно-просветительное общество, созданное 13 октября 1918 года, прежде всего стремилось освоить азы драматического искусства. На деньги своих членов оно приобрело ряд изданий, необходимых для постановки пьес силами местных самодеятельных артистов. Примечательно, что с вышеназванным культурно-просветительным обществом активно сотрудничало Борщевское общество потребителей. Последнее выделило первому единовременный кредит в размере 500 рублей на

нужды просвещения. Члены культурно-просветительного общества предполагали устраивать систематические воскресные лекции для населения и открыть для желающих курсы по изучению драматического искусства.

В итоге главной целью устроителей культурно-просветительных обществ того времени была забота о приобретении для кружковой работы удобного помещения (народного дома) и поиск денежных средств «на обзаведение». И то и другое добывалось с большим трудом. Так, Любавский культурно-просветительный кружок, основанный 22 февраля 1919 года, как считалось, находился в привилегированном положении, ибо он располагался в собственном народном доме в д. Самоновке, в конторе бывшего завода Мухина.

В отчетах о внешкольной работе встречаются разные названия культурно-просветительных объединений: общество или кружок. Кроме того, из архивных документов можно узнать и социальный состав подобных структур. Приведем данные об Осавикском культурно-просветительном кружке, который был основан в мае 1918 года. В его составе было 10 учителей, 13 крестьян, 3 почтово-телеграфных служащих и даже 4 лица духовного звания. Члены кружка планировали открыть народный дом в здании, находившемся в имении бывшего помещика Афанасьева. Местный кооператив выделял 500 рублей, а волостной совет – 1000 рублей, остальные деньги (5500 рублей) кружковцы предполагали собрать в виде пожертвований с населения, но эта задача в то время была явно невыполнима [ГАНИСО, ф. 3, оп. 1, д. 221, *20*].

В первые годы советской власти наиболее активно центры культпросветработы для пролетариата создавали профсоюзы. В 1919 году в Западном регионе РСФСР было уже столько культурно-просветительных комиссий, сколько фабзавкомов. Профсоюзы имели свои клубы, народные дома и другие учреждения культуры. Кроме того, почти все крупные отраслевые профсоюзы организовали детские сады, площадки, школы для детей и взрослых, народные университеты. Особенно популярными в Смоленской губернии стали драматические кружки, которые возникали повсеместно. Финансировались эти учреждения культуры в годы Гражданской войны в основном за счет самих рабочих, из профсоюзных касс и в некоторых случаях из бюджета местных Советов.

Внешкольные подотделы Смоленского и Калужского губернских отделов народного образования в 1919 году главную свою задачу видели в активизации работы на местах, где было широкое поле деятельности для организации народных домов как центров культурно-массовой работы. Однако выполнить эту работу без подготовленных специалистов оказалось нелегко. Штаты секций этих подотделов были постоянно недоукомплектованы. Только в Смоленском губоно за три месяца 1919 года, начиная с сентября, сменилось три руководителя внешкольного подотдела. Лучших его сотрудников обычно забирал губком партии. Такая практика хотя и считалась временной мерой, но носила постоянный характер в течение первых лет советской власти [ГАСО, ф. р-19, оп. 1, т. 2, д. 1085, *19–20*; оп. 1, т. 1, д. 8, *73*].

Таким образом, несмотря на значение, которое партия придавала внешкольному образованию, формирование губернских внешкольных подотделов шло вяло. В Смоленском губернском подотделе народного образования только через шесть месяцев после его образования были созданы 4 секции: народных домов, школьно-лекционная, музыкальная и библиотечная. Сами сотрудники признавали, что до 1920 года им не удалось наладить стабильной связи с уездными подотделами и секциями внешкольного образования. Контакты ограничивались лишь редкой посылкой инструкторов для сбора сведений о состоянии дел в уездах и волостях и перепиской.

В то же время народные дома продолжали оставаться основным местом проведения всех культурно-просветительных мероприятий в деревне. На них смотрели «...как на центральное место всякой политико-просветительной работы, во-первых, и, во-вторых, как на организационный волостной центр, руководящий внутренней работой изб-читален». Благодаря достаточно высокой активности самого местного населения общее число народных домов в Смоленской губернии выросло в 1920 году до 209, хотя 33 из них не работали, а только числились на бумаге [ГАРФ, ф. р-2313, оп. 3, д. 25, ч. 2, *135*; ГАСО, ф. р-19, оп. 1, т. 1, д. 463, *24 об.*]. По Калужской губернии за 1918–1919 годы имеются сведения, что только в сельской местности было открыто 39 клубов и 36 народных домов [Шуркин, 1957, *224*]. В Тарусском уезде губернии к концу 1919 года, не без материальной помощи Советов, было организовано около 20 народных домов, в которых проводилась кружковая работа с населением [ГАРФ, ф. р-2313, оп. 3, д. 25, ч. 2, *74*].

В то же время, как отмечалось в отчетах Смоленского губернского отдела народного образования, «...многие из них (народных домов) скорее являются помещениями, чем учреждениями культпросвета». В некоторых уездах, например в Краснинском Смоленской губернии, «народные дома занимались только постановкой спектаклей, в них почти не вели кружковую работу, слабо участвовали в агиткампаниях» [ГАСО, ф. р-19, оп. 1, т. 2, д. 1035, *16*]. По мнению властей, такое положение дел отрицательно сказывалось на политической ситуации в уезде.

Были и положительные примеры. В отчетах, например, зафиксировано, что народный дом в Вязьме «...лучше других проводил свою работу». Это объяснялось прежде всего тем, что местная интеллигенция, стоявшая на позициях поддержки «всех социалистических начинаний», активно вовлекала население «в процесс культурных преобразований». Местные жители охотно посещали мероприятия, проводимые в народных домах, стремились быть в центре культурной и политической жизни уезда, губернии, страны и мира. О популярности идеи создания народных домов на селе свидетельствуют письма из уездов в губернские отделы народного образования с просьбами об оказании материальной помощи для открытия народных домов. Такая помощь местными исполкомами по возможности оказывалась.

Например, в апреле 1919 года Смоленское губоно удовлетворило подобное ходатайство об ассигновании 20 тысяч рублей Липуновскому культурно-просветительному обществу Гжатского уезда. В июне того же года была удовлетворена просьба о выделении 210 тысяч рублей на постройку народного дома и сельскохозяйственной школы в имении Путятино Ельнинского уезда [ГАСО, ф. р-19, оп. 1, т. 1, д. 8, *71 об., 84 об.*].

По данным Наркомпроса, в РСФСР к 1 ноября 1920 года только в деревнях европейских губерний уже насчитывалось 13 770 изб-читален и около 5 тысяч народных домов [Козлов, 1983, *24*; Денисов, 1981, *141, 197*]. Следует отметить, что элемент стихийности в организации народных домов постепенно стал, не без вмешательства местных партийных и советских органов, заменяться плановой работой. Так, с осени 1919 года секция народных домов Смоленского губернского отдела народного образования взяла под свой контроль всю сеть народных домов в уездах губернии. Ею, например, было запланировано и осуществлено строительство показательного народного дома в Строгани под Смоленском. Кроме того, секция настоятельно рекомендовала всем уездным отделам народного образования открывать такие же показательные культпросветучреждения в каждом уезде.

Целенаправленная работа секции народных домов привела к тому, что в марте 1920 года в Смоленской губернии, судя по отчетам с мест, числилось 202 народных дома, 1820 изб-читален, 28 клубов, 916 культурно-просветительных кружков, 12 театров, 20 кинематографов, 6 педагогических курсов [ГАСО, ф. р-19, оп. 1, т. 2, д. 1035, *25*]. Через год в отчете Смоленского губернского исполкома приведены данные, что в середине 1921 года в губернии уже насчитывалось 235 народных домов, при которых работали библиотеки, читальни, драматические, художественные, музыкальные студии и различные кружки [Отчет о деятельности Смоленского губернского исполнительного комитета, 1921, *121*]. Вся их деятельность направлялась партией и советами.

По словам Н.К. Крупской, очаги культпросветработы «сплачивают массы, дают им возможность испытать одинаковые духовные переживания, что всегда сближает; дают возможность развернуться природным талантам, выявить себя – вообще поднимают культурный уровень, расширяют умственные запросы» [Крупская, 1959, *27*]. Отвечая запросам времени, народные дома связывали свою работу с проведением всех агитационных и пропагандистских кампаний, организацией коммунистических субботников, решением насущных хозяйственных задач социалистического строительства как в городе, так и в сельской местности.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 221.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-2313. Оп. 3. Д. 25. Ч. 2.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 5. Д. 1591.

ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1.
ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 1. Д. 8.
ГАСО. Ф. Р-19. Оп.1. Т. 1. Д. 463.
ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 2. Д. 1035.
ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Т. 2. Д. 1085.

Денисов С.Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни (1917–1937 гг.): Исторический очерк. М.: Мысль, 1981. 197 с.

Доклад 51 очередному Смоленскому губернскому земскому собранию по народному образованию. Смоленск, 1916.

Журнал губернского совещания в Смоленской губернской земской управе по внешкольному образованию 8–9 сентября 1916 г. Смоленск, 1917.

Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство, 1921–1927 (По материалам европейской части РСФСР). М.: Наука, 1983. 215 с.

Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 7 / подгот. текста и примеч. А.Г. Кравченко и Л.С. Фрид. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1959. 751 с.

Культурное строительство в Смоленской области. Ч. 1. М.: Московский рабочий, 1986.

Отчет Гжатского уездного съезда Советов крестьянских, рабочих, красноармейских депутатов. 26 июня 1918 г. Гжатск, 1918.

Отчет о деятельности Смоленского губернского исполнительного комитета XII съезду Советов. Смоленск, 1921.

Отчет о состоянии церковных школ Смоленской епархии в 1912–1913 уч. г. Смоленск, 1914.

Попов Д.И. Народные дома в России в начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 3(23). С. 97–105.

Тихонова А.В. Усадьба Аносово Кареевых // Знаменитые усадьбы Смоленщины. Смоленск, 2011. С. 498–503.

Тихонова А.В. Усадебная культура российской провинции // Культура российской провинции XIX – начала XX века: между традицией и модернизацией: очерки культурной жизни Смоленской губернии / под ред. О.В. Козлова, М.В. Каиля. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. С. 51–93.

Шуркин П.А. Советская культура – достояние трудящихся // Калужская область за сорок лет: сборник статей. Калуга: Газета «Знамя», 1957. С. 211–246.

O.V. Kozlov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Department of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

People's Houses as Centers of Cultural and Educational Work on the Eve of the Revolution and the First Years of Soviet Power (Based on the Western Region of Russia)

The article deals the process of creating people's houses as centers of educational and cultural work for the adult population in the provinces (at the beginning of the 20th century and the first years of Soviet Power). The research is based on archival sources.

The article considers the role of the public, government and party structure representatives in the organization of out-of-school education. It is noted that individual landowners, representatives of zemstvo, organizers of cooperatives are initiators of people's houses creation in the pre-revolutionary period. They could use certain financial resources for that purpose. The author notes that in the early years of Soviet Power, the workers themselves played a special role in organizing various local cultural and educational institutions. They themselves, without any instructions from above, participated in prepairing and conducting mass cultural and propaganda events. Subsequently, the element of spontaneous organization of people's houses gradually began to be replaced by planned work under the control of local party and Soviet governing authorities.

The article shows the dynamics of growth in the number of people's houses and other cultural institutions of the Western region of the RSFSR in the 1918–1921s. The author cites data according to which in the middle of 1921 there were 235 people's houses in the Smolensk Governorate alone. Libraries, reading rooms, drama, art, music studios and various clubs worked there.

Key words: *people's house; cultural education institutions; cultural and educational work; Western region of Russia; Smolensk Governorate; the beginning of the 20th century; the first years of Soviet Power.*

REFERENCES

Cultural construction in the Smolensk region. Part 1 [Kul'turnoye stroitel'stvo v Smolenskoi oblasti. CH. 1]. Moscow, Moskovsky rabochy, 1986 (in Russian).

Denisov S.G. The Party's struggle for the cultural transformation of the village (1917–1937): The historical review. [Bor'ba partii za kul'turnoye preobrazovanie derevni (1917–1937 gg.): istorichesky ocherk]. Moscow, Mysl, 1981. 197 p. (in Russian).

Journal of the provincial meeting in the Smolensk Provincial Zemstvo Council for Out-of-School Education, September 8–9, 1916 [Zhurnal gubernskogo soveshchaniya v Smolenskoi gubernskoi zemskoi uprave po vneshkol'nomu obrazovaniyu 8–9 sentyabrya 1916 g]. Smolensk, 1917 (in Russian).

Kozlov V.A. The cultural revolution and the peasantry, 1921–1927: (Based on materials from the European part of the RSFSR) [Kul'turnaya revolyutsiya i krest'yanstvo, 1921–1927: (Po materialam evropeiskoi chasti RSFSR)]. Moscow, Nauka, 1983. 215 p. (in Russian).

Krupskaya N.K. Pedagogical essays [Pedagogicheskie sochineniya]. Vol. 7. Preparation of the text and notes by A.G. Kravchenko and L.S. Freed. Moscow, Academy of the Humanities Publ., 1959. 751 p. (in Russian).

Popov D.I. People's homes in Russia at the beginning of the 20th century [Narodnye doma v Rossii v nachale XX v.]. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki,* 2019, no. 3 (23), pp. 97–105 (in Russian).

Report of the Gzhatsky District Congress of Soviets of Peasants, Workers, Red Army Deputies. June 26, 1918 [Otchet Gzhatskogo uyezdnogo s"yezda Sovetov krest'yanskikh, rabochikh, krasnoarmeiskikh deputatov. 26 iyunya 1918 g.]. Gzhatsk, 1918 (in Russian).

Report on the activities of the Smolensk Provincial Executive Committee to the XII Congress of Soviets [Otchet o deyatel'nosti Smolenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta XII s"yezdu Sovetov]. Smolensk, 1921 (in Russian).

Report on the state of church schools in the Smolensk diocese in 1912–1913 academic year [Otchet o sostoyanii tserkovnykh shkol Smolenskoi yeparkhii v 1912–1913 uch. g.]. Smolensk, 1914 (in Russian).

Report to the 51st regular Smolensk Provincial Zemstvo Assembly on Public Education [Doklad 51 ocherednomu Smolenskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu po narodnomu obrazovaniyu]. Smolensk, 1916 (in Russian).

Shurkin P.A. Soviet culture is the property of workers [Sovetskaya kul'tura – dostoyanie trudyashchikhsya]. *Kaluzhskaya oblast' za sorok let*: a collection of articles. Kaluga, «Znamya» newspaper, 1957, pp. 211–246 (in Russian).

State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Noveyshei Istorii Smolenskoi oblasti (GANISO)]. Fund 3. List 1. Record 221 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 7. List 5. Record 1591 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 400. List 1. Record 1 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-19. List 1. Volum 1. Record 8 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-19. List 1. Volum 1. Record 463 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-19. List 1. Volum 2. Record 1035 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-19. List 1. Volum 2. Record 1085 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)]. Fund R-2313. List 3. Record 25. Part 2 (in Russian).

Tikhonova A.V. Estate Anosovo of the Kareyevs [Usad'ba Anosovo Kareevykh]. Smolensk, *Znamenitye usad'by Smolenshchiny*, 2011, pp. 498–503 (in Russian).

Tikhonova A.V. Manor culture of the Russian province [Usadebnaya kul'tura rossiyskoi provintsii]. *Kul'tura rossiyskoj provintsii XIX – nachala XX veka: mezhdu traditsiei i modernizatsiei: ocherki kul'turnoi zhizni Smolenskoi gubernii* [Culture of the Russian province of the 19th – early 20th century: between tradition and modernization: essays on the cultural life of Smolensk Governorate]. Ed. by O.V. Kozlov, M.V. Kail. Smolensk, Smolensk State University, 2012, pp. 51–93 (in Russian).

Е.А. Пушкаренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия

УДК 947.085(476)

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-201-216

НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА И ПОЛИТИКА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛОРУССИЯ В 1941–1944 ГОДАХ

Ключевые слова: *немецкая пропаганда; генеральный округ Белоруссия; оккупированная территория; Великая Отечественная война; «выжженная земля»; геноцид.*

В статье на основании ранее не публиковавшихся исторических источников Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) исследуется проблема немецкой пропаганды и политики по национальному вопросу в генеральном округе Белоруссия. Цель работы – определить содержание и задачи пропаганды и политики по национальному вопросу, ее эффективность. Методы исследования – анализ, синтез. В результате проведенного исследования автор пришла к ряду выводов. Во-первых, В. Кубе – глава немецкой администрации – сделал ставку на привлечение белорусских националистов и пропаганду так называемой «белорусизации» как инструмента выполнения экономических и политических задач, а также превентивного средства в борьбе с развитием партизанского движения. Во-вторых, разнообразная и масштабная пропагандистская деятельность затрагивала все сферы общественной жизни: школу, церковь, СМИ, культуру, науку и т.д. В-третьих, пропаганда так называемой «белорусизации» включала две линии: с одной стороны, «идею возрождения национальной белорусской культуры, языка, развития национального самосознания», а с другой – идею близости белорусского этноса к культурно-историческому пространству Европы и Германии, неразрывной связи исторической судьбы Белоруссии с «Новой Европой». В-четвертых, определенный культурный подъем, который наблюдался в период немецкой оккупации 1941–1944 годов, произошел только в узких рамках белорусского коллаборационизма и не затронул широкие народные массы. В-пятых, политика «выжженной земли», геноцид евреев, принудительные «вербовки» остарбайтеров, наличие массового и действенного партизанского движения, а также эффективной и достоверной партизанской контрпропаганды – все эти факторы в совокупности нивелировали усилия пропагандистов и сводили эффективность немецкой пропаганды к нулю.

В последние годы Россия и суверенные страны на постсоветском пространстве сталкиваются с вызовами самого различного характера, в том числе идеологического. В своем стремлении безусловно доминировать в мире коллективный Запад прибегает к таким средствам, как экономическая экспансия и «цветные революции». Благоприятной почвой для последних являются многочисленные национальные «обиды», выросшие из фактов дискриминации и унижения национального достоинства. Подобная практика отнюдь не нова. Она активно применялась немецкими властями на оккупированной советской территории. В этой связи данное исследование представляется актуальным и значимым. Новизна исследования обусловлена его объектом. В современной российской историографии практически отсутствуют работы, посвященные проблеме пропагандистского воздействия немецких властей как инструмента реализации экономических и политических задач на территории оккупированных советских республик, в данном случае БССР. А существующие советские и западные исследования в силу объективных причин были лишены источниковой базы, ставшей основой для данной работы [Мюллер, 1974; Dallin, 1957; Herbert, 1985]. Кроме того, в работах советских историков не говорилось о том, что немецкая пропаганда зачастую содержала критику российской и советской национальной политики, имевшую под собой реальную основу [Дашичев, 1973; Факторович, 1979; Юденков, 1971]. Недостаточно освещалась и тема политических настроений населения на оккупированной территории, его реакции на вражескую пропаганду [Туронак, 1993; Чехлов, 2004]. Отдельного внимания заслуживает проблема коллаборационизма, в том числе белорусского, сыгравшего существенную роль в реализации оккупационных планов нацистов [Романько, 2013].

На оккупированной советской территории немцы весьма успешно разыгрывали «национальную карту», напоминая «освобожденным народам» обо всех национальных обидах и унижениях. Оккупационная политика и пропаганда немецкой власти в пределах Генерального округа Белоруссия имела ряд отличительных черт, обусловленных как развитием военных событий на Восточном фронте, так и историческими особенностями формирования и развития белорусского этноса, его взаимодействия с соседними народами. Эти факторы обусловили специфику идеологического воздействия на население Генерального округа Белоруссия. Еще во время подготовки к войне нацисты основательно изучали те особенности национальной и культурной политики советской власти, которые можно было бы использовать в пропагандистских целях. Отдельное место среди них занимал «белорусский вопрос». Например, в фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) сохранилась книга доктора В. Радига «Народы Востока», содержащая такие главы, как «Викинги и восточные славяне», «Древние

славяне и викинги». Материалы этого «научного изыскания» использовались для пропаганды «норманнской теории» происхождения государства у славян [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 18, *7*].

Генеральный комиссар округа Вильгельм Кубе в реализации оккупационных планов сделал ставку на пропаганду и заявлял, что для успешного господства в белорусском крае необходимо учитывать «его наиболее тяжелое положение среди стран рейхскомиссариата Остланд». Причину этого он видел «в более чем 20-летнем нахождении Белоруссии под властью Польши и большевиков». «В Белоруссии положение осложнялось еще и тем, что здесь постоянно проходят войска, а теперь остались коммунисты и партизаны. В годы советской власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Белоруссии уничтожалась: церкви разграбили большевики, а поляки проводили полонизацию. Чтобы навести здесь порядок, – отмечал Кубе, – необходимо, в первую очередь, уничтожить большевизм и его последствия, остановить рост партизанского движения, провести реприватизацию, поднять зарплату местным служащим и рабочим до уровня Прибалтики, начать издание белорусскоязычной литературы, особенно учебников». Он говорил также, что необходимо «развивать школьную систему, запретить употребление русского и польского языка, как отголоска большевистского и польского режимов». Кубе предложил наладить отношения с православной церковью и «попытаться найти взаимопонимание с католической» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1272, *151*]. Однако в заявлениях Кубе не стоит видеть проявления некой гуманности и искренней заботы о белорусах. Кубе был нацистом, членом партии НСДАП, он не мог не знать о концлагерях, методах борьбы СС и СД, применяемых против мирного населения. Фактически, занимая свою должность, он разделял официальную позицию руководства. Но, в отличие от представителей СС и СД, считал необходимым в большей степени использовать пропаганду, идеологический инструментарий.

На роль пропаганды как эффективного инструмента оккупационной политики обращал внимание подчиненных и командующий областью тыла группы армий «Центр» Шенкендорф. В его приказе от 21.10.1941 обращается внимание подчиненных на значение пропаганды: «Для борьбы с советской пропагандой должны быть использованы все возможные средства. К ним относится и белорусизация. Белорусские люди, которым мы можем доверять, должны быть привлечены к проведению белорусизации на местной почве. Одной из целей является забота о сохранении белорусских обычаев, песен, музыки; создание детских садов; организация производства товаров повседневного спроса, содействие развитию белорусского языка, проведение театральных мероприятий... В указанных видах деятельности можно предоставлять свободу для действий; только нужно обращать внимание на

то, чтобы рядом с культурной деятельностью ни в коем случае не проглядывались политические цели; нужно вести контроль за такими объединениями» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1272, *151*].

В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду как средство реализации экономических и политических задач. Его двухлетняя деятельность в должности генерального комиссара во многом была направлена на приобретение симпатий населения путем демагогических заявлений и привлечения белорусских коллаборационистов. Уже в его первом обращении «К жителям Белоруссии» от 22.09.1941 вообще декларировалось свободное развитие края в составе «Новой Европы». В нем говорилось: «Белорусы! Первый раз в вашей истории победа Германии дает вам возможность обеспечения вашему народу свободного развития и светлого будущего без российско-азиатско-большевистского гнета и чужеземного владычества. Я надеюсь, что каждый из вас понимает, что его интересы тесно связаны с интересами Германии, и что вы будете верными последователями и помощниками немецкого руководства» [Туронак, 1993, *74–75*].

Главную опору в реализации собственных планов Кубе видел в белорусских националистах. С их помощью предполагалось осуществлять планы по эксплуатации ресурсов белорусского края в относительно «мирных» условиях, без ухудшения отношений с местным населением и разжигания его враждебных чувств к немцам, что угрожало бы развитием партизанской борьбы. Проявлением подобной линии стала организация уже в ноябре 1941 года «Белорусской народной самопомощи» (БНС) под руководством И. Ермаченко. БНС возникла на базе ранее созданного так называемого «Красного креста» [Deutsche Zeitung in Ostland, 30.08.1942, *№ 237*]. Самопомощь провозглашала своей главной целью «привлечение белорусского населения к сотрудничеству с властью в деле восстановления разрушенного советами хозяйства». При этом участие в ее акциях «являлось доказательством преданности немецкой администрации» и «формой борьбы с заклятым врагом народов всего мира – большевизмом» [НАРБ, ф. 908, оп. 1, д. 7, *7*]. Обращения БНС подписывались Ермаченко и Кубе совместно, что должно было, с одной стороны, придать характер «белорусскости» этой организации, а с другой – служить доказательством заботы немецкой администрации о судьбах жителей округа [НАРБ, ф. 908, оп. 1, д. 2, *3*].

Ставка Кубе на белорусский национализм проявилась в открытии школ, в восстановлении церковной жизни, провозглашении так называемой автокефальной православной церкви Белоруссии [Беларуская аутакефальная праваслауная царква, 1997, *35–38*], в привлечении к сотрудничеству части местной интеллигенции и белорусских эмигрантов, вернувшихся домой. Большинство прибывших в Минск деятелей берлинской, варшавской и виленской эмигрантских группировок получило те или иные должности, определенным образом связанные со сферой идеологии. Например, Сенкевич

был назначен редактором «Минской газеты», которая позже получила название «Белорусской». Редакторами газеты «Голос села» были тот же Сенкевич и Короленко; Акинчиц стал организатором «школы пропагандистов», воспитанниками которой являлись известные пропагандистские кадры: Ганько, Колядко, Шевцов и другие [НАРБ, ф. 384, оп. 1, д. 4, *8*].

С первых дней оккупации часть белорусской интеллигенции, принявшие первые пропагандистские обращения в области развития «белорусской идеи» за чистую монету, а вместе с ними и представители коллаборационизма любыми средствами пытались повлиять на политику новой власти в сфере культуры. В НАРБ встречаются письма и обращения к немецкой администрации с просьбами и советами не только от белорусских коллаборационистов, но и от простых учителей, деятелей культуры. Они наивно рассчитывали на осуществление настоящей белорусизации, возрождение белорусского языка и культуры. При этом пропаганда по национальному вопросу оккупационных властей исходила из того, что белорусский край на протяжении длительного времени подвергался целенаправленной русификации и полонизации; что долгое время отрицался сам факт наличия белорусской культуры, языка, истории. Эти обстоятельства как нельзя лучше способствовали развернутой немецкой пропаганде об «освобождении Белоруссии от советско-польского крепостничества». Популяризации данной концепции стали служить белорусскоязычные газеты и журналы. Так, уже летом 1941 года начали выходить «Минская газета» (в дальнейшем «Беларуская газэта»), «Витебские ведомости» (впоследствии – «Новый Путь»). Вся периодическая печать опиралась на нормы правописания, разработанные известным белорусским лингвистом Б. Тарашкевичем, которые в наибольшей степени учитывали особенности устной речи белорусов. После реформы белорусского языка, проведенной в 1933 году, нормы белорусского правописания и произношения во многом были приближены к правилам русского языка. Вообще свободное владение белорусским языком стало обязательным условием для артистов, дикторов радио, школьных учителей. Довольно быстро была возобновлена деятельность радиосети и зазвучали передачи на белорусском языке. Радио стало одним из главных средств пропаганды. Транслировались передачи, посвященные как истории и культуре Белоруссии, так и творчеству немецких композиторов и писателей. Запрещалось, разумеется, все, что было связано с культурными достижениями советского периода, и наоборот, вспоминали забытые имена деятелей белорусской культуры [НАРБ, ф. 411, оп. 1, д. 31, *24*].

При этом реальные планы нацистов диаметрально расходились с фальшивыми лозунгами немецких пропагандистов. Как известно, согласно планам Гитлера в отношении белорусского народа, предполагалось онемечивание расово пригодной части населения и выселение остальной, в частности 75% белорусов [Великая Отечественная война Советского Союза,

1970, *30*]. Белорусской земле с первых дней оккупации был нанесен огромный и невосполнимый ущерб из-за разрушения и грабежа ее культурно-исторических ценностей и предметов научно-технического оснащения. Это фактическое уничтожение культурного наследия белорусского народа шло вразрез с демагогическими заявлениями пропагандистов о возрождении белорусского языка и культуры.

Некоторые изменения, как в оккупационной политике, так и в содержании пропаганды, произошли в 1942 году. Их причиной стало развитие событий на Восточном фронте. Обеспечить дальнейшее использование человеческих и природных ресурсов в тылу вермахта можно было только при условии нормальных взаимоотношений с местным населением. При таком стечении обстоятельств А. Розенберг сформулировал ряд идеологических клише и установок для пропаганды уважительного отношения к национальному своеобразию восточных народов и роли Германии как покровительницы и защитницы этих народов. Отныне запрещалось употреблять слово «колония» либо рассказывать о колонизаторских планах нацистов относительно «восточных территорий» [Туронак, 1993, *78*]. Розенберг рассчитывал добиться приверженности жителей восточных земель путем внешних уступок, которые бы не противоречили основным постулатам Гитлера. Многочисленные циркуляры, выходившие из министерства занятых восточных территорий, рекомендовали немецким чиновникам изучать местные языки, избегать телесных наказаний и «несправедливых обвинений» местного населения, «так как это снижает эффективность пропаганды и не улучшает взаимоотношений между властью и народами этих земель» [НАРБ, ф. 651, оп. 1, д. 3, *7*]. С данного момента в пропагандистских целях запрещалось употреблять в СМИ слова «Россия» и «Русское Отечество». Вместо них предлагалось использовать словосочетания «народы России» и «белорусский народ» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 2390, *103*].

Вообще сотрудники генерального комиссариата особое внимание уделяли пропаганде национальной идентичности белорусов. Например, руководитель отдела пропаганды Шретер жаловался Кубе, что материалы, которые приходят из министерства, зачастую совершенно не подходят для местных условий. «Я хочу вместе со своим местным пропагандистским аппаратом создать больше агитационно-пропагандистских материалов, соответствующих менталитету и языку белорусов, ибо мы думаем и говорим иначе, так что народ быстро понимает – сделан этот материал немцами или местными пропагандистами», – отмечал он [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1395, *20*].

Новые неудачи вермахта, окружение войск Паулюса под Сталинградом наконец заставили высшее руководство рейха изменить тактику восточной политики. По инициативе Розенберга в декабре 1942 года в Риге прошло совещание высших чинов министерства «Остланд» и представителей вермахта. Именно там и была обозначена новая концепция, определявшая необходимость использовать участие местного населения в борьбе на стороне

Германии как основание и предпосылку победы в войне. Лозунг «Россию смогут победить только русские» определял также и приоритетное направление в пропаганде, которая отныне ориентировала население округа на то, что борьба с советами и большевизмом – это общая задача немцев и всех «освобожденных народов». Доказательством истинности немецких намерений должно было стать создание разного рода общественных и культурных национальных организаций [Туронак, 1993, *110*].

В генеральном округе эта доктрина вылилась в следующий пропагандистский слоган: «В условиях свободы от польского и российского шовинизма и советско-большевистской идеологии белорусы впервые за свою историю получили возможность для своего национального развития». В связи с чем предусматривалось ликвидировать последствия влияния «чужеземных идеологий» и укрепить «собственный этнический элемент». Этой цели должны были служить развитие просвещения, культуры, деятельность церкви, воспитание у молодежи национального самосознания. Утверждалось, что лишь в случае, если Белоруссия выберет для себя курс на сотрудничество с немецкой властью, она примет участие в создании «Новой Европы», отыщет не только путь в европейское сообщество, но и путь к своему возрождению. Ключевой лозунг этого периода – «Беларусь для белорусов». Воплощению сугубо националистической парадигмы служили основанные в 1942 году многочисленные культурные, общественные и иные организации: «Белорусское научное общество» [НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 1, *1–5*], «Белорусские профсоюзы» [НАРБ, ф. 555, оп. 1, д. 1, *2*], «Судебный аппарат Белоруссии» [НАРБ, ф. 396, оп. 1, д. 2, *4*], «Всебелорусский женский комитет» [НАРБ, ф. 384, оп. 1, д. 1, *5*]. Само их наличие должно было служить доказательством доверия немецкой администрации к белорусам, уважения к их стремлению организовать собственные общественные и государственные структуры.

В инструкции отдела пропаганды для местных кадров начала 1943 года «О популяризации мероприятий немецкой власти и белорусско-немецкого сотрудничества» говорилось: «Общественно-политические мероприятия имеют исключительное значение для белорусского народа и заслуживают широкой популяризации как в городах, так и в деревнях. Надо расширять пропаганду на все слои общества в форме докладов и бесед на предприятиях среди рабочих и служащих, а также среди сельских жителей. В результате этой разъяснительной работы станет понятной политика немецкой власти в отношении белорусов». Рекомендовалось также апеллировать к национальным чувствам белорусов, используя заранее заготовленные клише: «Богатый в прошлом белорусский край, доведенный большевиками до полной разрухи, экономического и культурного упадка, теперь навсегда освободился от бесчеловечного гнета жидо-большевиков, от голода и нищеты, от невиданного в истории всех времен и народов дьявольского террора НКВД. Взошло солнце национальной

справедливости, белорусский народ впервые получил право бороться за светлое будущее вместе со всеми культурными народами Европы. Немцы пришли в Белоруссию не с целью порабощения и грабежа, как утверждает советская пропаганда, а изгнали ненавистный белорусскому народу жидо-большевизм и вместе с лучшими представителями белорусского народа восстанавливают разрушенные большевиками экономику и культуру страны» [НАРБ, ф. 411, оп. 1, д. 31, *26*].

В контексте предложенной программы проходила пропагандистская деятельность коллаборационистских организаций, в том числе БНС. Ее руководство еще в августе 1942 года обратилось к Кубе за разрешением на открытие курсов переводчиков с белорусского и немецкого языков во всех областных и окружных центрах, а также организацию экскурсий, чтений, кружков, лекций. Целями были заявлены «физическое и духовное воспитание носителей национальной культуры в соответствии с идеалами страны-освободительницы и ее вождя». Для детей планировалось учреждение особых отрядов по образцу гитлерюгенда, первыми членами которых «станут дети репрессированных большевиками родителей и наиболее успевающие в школе» [НАРБ, ф. 908, оп. 1, д. 7, *5*]. Идеологическое воздействие на молодежь осуществлялось также через деятельность основанных БНС детских кружков (драматических, спортивных и т.д.), систематическую организацию выставок, концертов. Организаторы были уверены, что работа основанных по проекту БНС «домов культуры» и «читален» «укрепит дружеские чувства белорусского народа к великогерманскому».

В 1943 году по инициативе В. Кубе в округе прошла пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». В соответствии с данной теорией национального происхождения белорусов они относились к числу этносов, стоящих на более высокой ступени, чем русские. Это объяснялось тем, что белорусы, а вместе с ними украинцы и «русские Севера», «имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1355, *90*]. Истинные цели пропагандистов теории «о нордической крови белорусов» заключались в необходимости «успокоить общественность, которая находится в тылу армии, предупредить развитие партизанского движения, перетянуть на свою сторону белорусов ради общеевропейской освободительной борьбы». В служебных документах рекомендовалось опираться на «белорусские эмигрантские группы, которые относятся к нам лояльно; хотя их цели очень далеки от реальности, мы должны привлечь обученных нами и расово полноценных людей со здоровыми взглядами к воспитанию своего народа, что постепенно позволит ему занять место в Новой Европе» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1277, *105*].

Логическим продолжением политики «белорусизации» стало образование 27 июня 1943 года очередной коллаборационистской организации – Белорусской Рады Доверия [НАРБ, ф. 380, оп. 1, д. 2, *3*], что должно было еще раз продемонстрировать «доверие» немецких властей к белорусам. По

случаю учреждения Рады Кубе демагогично заявил: «Мы прибыли сюда как победители, но победители большевизма, а не белорусов, для них мы – освободители». Этот тезис полностью соответствовал новой доктрине Гитлера и Геббельса (февраль 1943) относительно пропаганды для «восточных народов», которая отныне должна была «избегать высказываний о колонизаторских целях Германии на Востоке». Министр пропаганды видел задачу своих подчиненных в том, чтобы «объяснять победу Адольфа Гитлера и германского оружия как соответствующую интересам народов занятых восточных районов». Он предложил не использовать в отношении славян слова «варвары» или «быдло», а также не создавать картину будущего, в котором они отражены объектами экспансии и закрепощения [AAN. RMfdbo 17/03/1942, mf/aleks., T-454, R.*21/132*].

В русле нового подхода Кубе призвал членов Рады Доверия так наладить работу с белорусским народом, чтобы «он оказался на уровне европейских народов» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 24, *10*]. В сферу компетенции Рады входили три направления: развитие школьного образования и воспитание молодежи, восстановление хозяйства и немецко-белорусское сотрудничество в борьбе с «бандитизмом».

Смерть В. Кубе и назначение на его место нового комиссара – Курта фон Готтберга – внесли определенные коррективы в политический курс оккупационной власти. По своим взглядам в вопросе «сотрудничества с восточными народами» Курт фон Готтберг приближался к позиции Гитлера и Гиммлера, поэтому не стремился, в отличие от своего предшественника, опираться на белорусских коллаборационистов. На конференции руководства министерства «Остланд», проходившей в ноябре 1943 года, он высказал свои предложения и опасения в области белорусской политики. «Готтберг по-прежнему не выказывал к белорусам доверия, обвинял их в сотрудничестве с советскими партизанами; сообщал, что они не знают собственного языка; был против открытия культурных учреждений вроде Минского театра и считал, что культурная работа не должна выходить за рамки самого примитивного уровня» [Туронак, 1993, *175*]. Однако для решения наиболее важных задач – борьбы с партизанами и эксплуатации человеческих и природных ресурсов Беларуси – ему пришлось пойти на определенные уступки и признать существенную роль в пропаганде таких коллаборационистских организаций, как БНС и СБМ (Союз белорусской молодежи). Аналогичные агитационные функции были возложены и на учрежденную в декабре 1943 года Белорусскую Центральную Раду (БЦР) [НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 5, *10–20*]. В уставе БЦР главной целью деятельности была названа «мобилизация всех национальных сил на борьбу с большевизмом», а сама БЦР провозглашалась «представительством белорусского народа». В состав БЦР вошли лица, уже проявившие себя на поприще пропаганды. «Президент» БЦР Р. Островский весьма активно участвовал в пропагандистских акциях 1944 года, его сподвижники: М. Шкеленок (бывший

редактор берлинской белорусскоязычной газеты «Раніца»), Е. Калубович (глава «Белорусского культурного объединения»), В. Селях (артист Белорусского драматического театра), С. Колядка (выпускник школы пропагандистов Ф. Акинчица) и другие – также заслужили доверие оккупационной власти [НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 610, *17*].

В 1944 году в материалах пропаганды на первый план выдвинулась тема совместной вооруженной борьбы белорусов и немцев. Приближалась линия фронта, вермахт отступал на Запад. В генеральном округе Белоруссия начались пропагандистские кампании, которые должны были подготовить местное население к вооруженному сопротивлению Красной армии. В это время среди отделов БЦР появился военный под руководством майора Ф. Кушеля. А после того, как в феврале 1944 года Гитлер распорядился о проведении в белорусском крае военной мобилизации, Готтберг, якобы в ответ на предложение президента БЦР, 23 февраля издал приказ о создании Белорусской краевой обороны (БКО) [НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 5, *2*]. Само создание БКО должно было продемонстрировать решительность и готовность белорусов к борьбе с «бандитизмом» и «общим врагом всего человечества – большевизмом», их желание защитить существующий образ жизни, отрицательное отношение к перспективе возвращения «советов». То обстоятельство, что БКО возглавляет белорус, преподносилось как создание широкого национального самоуправления в военной сфере.

Для усиления эффекта пропаганда распространяла среди населения идею «самоуправления», выдавая немецкие интересы за белорусские. Например, в феврале 1944 года Готтберг приказал окружным комиссарам передать БЦР школьные дела. Но, поскольку это был популистский шаг, фактически отделы просвещения до конца оккупации оставались в штате окружных комиссариатов [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 24, *17*]. Кроме того, пропаганда рисовала радужные картины будущего белорусского народа, развития его языка, возрождения культурно-исторического наследия. Вся эта ложь должна была создать впечатление, что в Белоруссии и впрямь возник национальный орган власти, который заботится о населении и обладает реальными полномочиями. Помимо этого белорусы должны были уверовать, что их национальные интересы неразрывно связаны с нацистской Германией. Раскрытию «великой германской миссии в войне» была посвящена значительная часть радиоэфира. Интересно, что пропаганда не только пошла очень далеко в «признании» прав белорусской нации на существование, но и, как при Кубе, приводила «доказательства» того, что белорусы по своему этническому происхождению являются ответвлением «индогерманско-нордической расы через литовскую кровь». Утверждалось, что территория белорусского края «уже 4 тысячи лет назад была индогерманизирована представителями Северной расы» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1355, *96*]. Эти «исторические факты» должны были подчеркнуть культурную и национальную близость белорусов к Европе, в особенности к Германии.

Наконец, последней из числа крупных политических акций националистического содержания стал созыв Второго Всебелорусского конгресса в июне 1944 года [Соловьев, 1995, *78*]. Участники конгресса объявили, что единственным законным представительством белорусского народа является БЦР. Эта декларация не противоречила сценарию Готтберга, в основе которого лежала идея использования проблематики белорусского национального самоуправления в качестве меры против советской пропаганды. Акция должна была создать иллюзию наличия самостоятельной белорусской государственности со своим правительством и армией. Однако деятельность конгресса проходила под звуки фронтовой канонады и вряд ли могла кого-то ввести в заблуждение. При этом представители немецкой администрации сами неоднократно признавали неэффективность собственной работы. Так, гебитскомиссар Гахман в служебных отчетах отмечал: «Не могло быть и речи о доверии белорусского населения к БЦР» [AAN. mf/aleks., T-454. R.*102/306–308*]. «Белорусы неохотно принимали участие в организации “нового порядка”. В отличие от Украины и Прибалтики тут было сложно создать полицейские батальоны и настоящую национальную администрацию – немцы чаще называли ее “местная”, чем “белорусская”» [Туронак, 1993, *113*].

Таким образом, немецкая пропаганда по национальному вопросу в Генеральном округе Белоруссия включала две линии: пропаганду идей «белорусизации» и «возрождения национальной культуры и языка», с одной стороны, и формирование в массовом сознании убежденности в том, что будущее Белоруссии связано исключительно с нацистской Германией и «Новой Европой», – с другой. В немецкой пропаганде были задействованы школа, церковь и многочисленные коллаборационистские организации. При этом инициированная В. Кубе кампания так называемой «белорусизации» носила откровенно демагогичный характер и резко контрастировала с теми зверствами, которые творили нацисты на белорусской земле. Отношение населения к созданным немцами марионеточным псевдогосударственным структурам и национальной политике было двояким. Части белорусской интеллигенции поначалу импонировала идея «белорусизации» и создания некоего подобия «представительных» учреждений, хотя и под контролем немецкой администрации. Основная же масса населения – крестьянство – была слишком далека от провозглашенной идеи «возрождения национальной культуры и языка», поскольку ежедневно сталкивалась с целым рядом более насущных вопросов. Население округа испытывало ужас от методов борьбы с партизанами, практиковавшихся силами СС и СД, которые не подчинялись немецкой гражданской администрации округа. Политика «выжженной земли», то есть уничтожения целых деревень с их жителями, находившихся в зоне действия партизан, геноцид евреев, принудительные «вербовки» остарбайтеров, необходимость выполнения все возраставших норм поставок сельхозпродукции – все эти факторы в совокупности нивелировали усилия пропагандистов

и сводили эффективность немецкой пропаганды к нулю. Кроме того, отрицательным фактором в разжигании националистических чувств местного населения стала, как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения. В результате «белорусы, в массе своей, считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и соответственно поляками в Западной Беларуси» [НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 411, *8*]. Определенный культурный подъем, который наблюдался в период немецкой оккупации 1941–1944 годов, произошел только в узких рамках белорусского коллаборационизма и не затронул широкие народные массы. Мощное противодействие немецкой пропаганде оказывала и контрпропаганда партизан, а также само наличие масштабного и действенного партизанского движения [Беларусь партизанская, 2019]. Несмотря на это, подъем национализма, произошедший в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, не мог не оставить следа в массовом сознании. Мифы, созданные В. Кубе и К. фон Готтбергом, о самостоятельной белорусской державе, «подаренной» немецкими «освободителями» белорусам, продолжают будоражить умы национально ориентированной молодежи и поныне.

ЛИТЕРАТУРА

Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Мн., 2019. 352 с.

Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1970. 730 с.

Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А.М. Литвин [и др.]; гл. ред. А.А. Коваленя. 3-е изд. Мн., 2020. 495 с.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы в двух томах. Т. 1. М., 1973. 766 с.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в организации оккупационного режима на советской территории. М., 1974. 387 с.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 18.

НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1272.

НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2.

НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 4.

НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 4.

НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 31.

НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 33.

НАРБ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 3.

НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2390.

НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395.

НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1.

НАРБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1.

НАРБ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2.

НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1.

НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 31.

НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 7.

НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355.

НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1277.

НАРБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 2.

НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 24.
НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 5.
НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 610.
НАРБ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5.
НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355.
НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 411.
Романько О.В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М., 2013. 478 с.
Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. Мн., 1995. 123 с.
Беларуская аутакефальная праваслауная царква. Таронта, 1997. 125 с.
Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. М., 1993. 236 с.
Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941–1944 гг. (на примере Белорусской ССР): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.
Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Мн., 1979. 150 с.
Юденков А.Ф. Политическая работа партизан среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). Мн., 1971. 358 с.
Archiwum akt nowych (AAN). RMfdbo 17/03/1942, mf/aleks., T-454, R.21/132.
(AAN). Mf/aleks., T-454. R.102/306-308.
Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies. London, 1957. 250 p.
Deutsche Zeitung in Ostland, 30.08.1942. № 237.
Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin, 1985. 265 s.

Ye.A. Pushkarenko
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Russian History and Documentation,
Belgorod State University
Belgorod, Russia

German Propaganda and Policy on the National Question on the Territory of the General District of Belarus in the 1941–1944s

Based on previously unpublished historical sources of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB), the article examines the problem of German propaganda and policy on the national issue in the General district of Belarus. The study purpose is to determine the content and objectives of propaganda and policy on the national issue and its effectiveness. Research methods include analysis and synthesis.

As a result of the research, the author has come to a number of conclusions. First of all, V. Kube, head of the German administration, made a bid to attract Belarusian nationalists to promote the so-called «Russian revolution». «Belarusization» is viewed as a tool for fulfilling economic and political tasks, also as a preventive tool in the fight against the development of the partisan movement.

Second, the diverse and large-scale propaganda activities affected all spheres of public life, they are schools, churches, media, culture, science, etc.

Third, the propaganda of the so-called «Belarusization» consisted of two lines, on the one hand, «the idea of national revival of the Belarusian culture, language, the development of national consciousness», and on the other hand, the idea of the Belarusian nation's closeness to the cultural-historical space of Europe and Germany, which is inseparably connected to the historical destiny of Belarus and the «New Europe».

Fourth, a certain cultural revival observed during the German occupation of the 1941–1944s occurred only within the narrow framework of Belarusian collaboration and did not affect the population in general.

Fifth, all the factors, such as «scorched earth» policy, genocide of the Jews, forced «recruitment» of Ostarbeiters, presence of a mass and effective partisan movement, as well as an effective and reliable partisan counter-propaganda were combined to neutralize the propagandists' efforts and reduce the effectiveness of German propaganda to zero.

Key words: *German propaganda; General district of Belarus; occupied territory; Great Patriotic War; «scorched earth»; genocide.*

REFERENCES

Belarus is partisan. Illustrated encyclopedia of the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War [Belarus' partizanskaya. Illyustrirovannaya entsiklopediya partizanskogo dvizheniya v Belarusi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. Mn., 2019. 352 p. (in Russian).

Chekhlov V.Yu. Attitude of the population to the German occupation regime on the territory of the USSR, 1941–1944 (on the example of the Belarusian SSR): Abstract of thesis of cand. … hist. sciences [Otnoshenie naseleniya k nemetszkomu okkupatsionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941–1944 gg. (na primere Belorusskoi SSR): avtoref. dis… kand. ist. nauk]. Moscow, 2004. 32 p. (in Russian).

Contribution of Belarusians to the Victory in the Great Patriotic War [Vklad belorusskogo naroda v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine]. A.M. Litvin [et al.]; editor-in-chief A.A. Kovalenya. 3rd ed. Mn., 2020. 495 p. (in Russian).

Dashichev V.I. Bankruptcy of the strategy of German fascism: Historical essay. Documents and materials in two volumes [Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy v dvukh tomakh]. Vol. 1. Moscow, 1973 766 p. (in Russian).

Faktorovich A.A. Collapse of the agrarian policy of the German-fascist occupiers in Belarus [Krakh agrarnoi politiki nemetszko-fashistskikh okkupantov v Belorussii]. Mn., 1979. 150 p. (in Russian).

Muller N. The Wehrmacht and the occupation (1941–1944). On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in organizing the occupation regime on Soviet territory [Vermakht i okkupatsiya (1941–1944). O roli vermakhta i yego rukovodyashchikh organov v organizatsii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoi territorii]. Moscow, 1974. 387 p. (in Russian).

Romanko O.V. Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers on the territory of Belarus. 1941–1945 [Belorusskie kollaboratsionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945]. Moscow, 2013. 478 p. (in Russian).

Solovyev A.K. Belarusian Central Rada: creation, activity, collapse [Belorusskaya Tsentral'naya Rada: sozdanie, deyatel'nost', krakh]. Minsk,1995. p.120. (in Russian).

The Great Patriotic War of the Soviet Union [Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza]. Moscow, 1970. p. 730. (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 18 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 1272 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 908. List 1. Record 2 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 384. List 1. Record 4 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 384. List 1. Record 4 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 411. List 1. Record 31 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 4. List 33a. Record 33 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 651. List 1. Record 3 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 2390 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 1395 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 386. List 1. Record 1 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 555. List 1. Record 1 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 396. List 1. Record 2 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 384. List 1. Record 1 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 411. List 1. Record 31 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 908. List 1. Record 7 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 1355 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 380. List 1. Record 2 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 24 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 381. List 1. Record 5 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 4. List 33a. Record 610 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 382. List 1. Record 5 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 4. List 33a. Record 610 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 382. List 1. Record 5 (in Russian).
The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 1355 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 4. List 33a. Record 610 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 382. List 1. Record 5 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 1355 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. Fund 370. List 1. Record 411 (in Russian).

Yudenkov A.F. Political work of partisans among the population of the occupied Soviet territory (1941–1944) [Politicheskaya rabota partizan sredi naseleniya okkupirovannoi sovetskoi territorii (1941–1944 gg.)]. Mn., 1971. 358 p. (in Russian).

Archive of new files (AAN) [Archiwum akt nowych (AAN)]. RMfdbo 17/03/1942, mf/aleks., T-454, R 21/132 (in Polish).

Archive of new files [(AAN)]. Mf/alex., T-454. R.102/306-308 (in Polish).

Belarusian Autocephalous Orthodox Church [Belaruskaya autakefal'naya pravaslaunaya tsarkva]. Toronto, 1997. 178 p. (in Belorussian).

Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies. London, 1957. 250 p. (In English).

German newspaper in Ostland [Deutsche Zeitung in Ostland]. August 30, 1942, no. 237 (in German).

Herbert U. Foreign workers. Politics and practice of «deployment abroad» in the war economy of the Third Reich [Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches]. Berlin, 1985. 265 p. (in German).

Turonak Yu. Belarus under German occupation [Belarus' pad nyametskai akupatsyyai]. Minsk, 1993. 236 p. (in Belorussian).

С.Е. Семенов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 355.292.3

УДК 06.05

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-216-231

МЕЖДУ ТЫЛОМ И ФРОНТОМ. СМОЛЕНСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ – ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *труженики тыла; Великая Отечественная война; железнодорожники; железные дороги; СССР; советские награды.*

В представленной статье рассматривается трудовой путь смоленских железнодорожников в 1941–1945 годах, их участие в эвакуации, подпольной борьбе, боевых действиях и восстановлении народного хозяйства, а также практика награждения железнодорожников медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Автором поставлена цель: на основе региональных документов восстановить историю участия смоленских железнодорожников в войне; проанализовать практику признания их тружениками тыла.

Источниковую базу составили документы Государственного архива Смоленской области (фонды Смоленского облисполкома и Западной железной дороги); документы Центрального архива Минобороны и Государственного архива РФ, опубликованные в электронной БД «Подвиг народа»; материалы по истории железных дорог Смоленщины в годы войны.

Исследован большой массив документов по награждениям медалями; служебные документы; переписка по вопросам награждения.

Автор анализирует боевой и трудовой путь железнодорожников в годы войны, а также практику их награждения медалями.

Показана роль смоленских железнодорожников в достижении Победы и восстановлении народного хозяйства, исследован круг представителей этой отрасли, признанных по итогам войны тружениками тыла путем награждения медалями.

Автор считает, что железнодорожники являются наиболее яркой категорией тружеников тыла Смоленского региона, во многом обеспечившей успех боевых действий и восстановление народного хозяйства региона.

Сделан вывод, что в отношении большинства железнодорожников, трудившихся в прифронтовых областях, была распространена наградная практика вручения двух главных итоговых медалей войны, что является уникальным случаем для конкретной советской отрасли.

Железные дороги на протяжении всего существования СССР являлись приоритетным видом транспорта. Наркомат путей сообщения СССР (НКПС СССР) был важнейшей структурой, определявшей развитие транспорта в условиях индустриализации. В 1930-е годы железнодорожники фактически стали особой кастой, представителями гигантского по своим масштабам хозяйства, обласканными вниманием и заботой властей. Одним из мощнейших железнодорожных узлов в тот период являлся Смоленск. Западная железная дорога, управление которой разместилось здесь, была одной из лучших в СССР, а ее состав – одним из самых профессиональных. Именно такой она и встретила Великую Отечественную войну, в которой смоленским железнодорожникам, как и их коллегам из других регионов, выпала особая роль.

С первых же дней войны железнодорожники стали главным связующим звеном между тылом и фронтом. Без преувеличения выдающаяся роль, которую работники системы НКПС СССР сыграли в достижении Победы, потребовала поистине героических усилий. Буквально за считанные дни возникло два мощных грузопотока – один на запад, в направлении фронта, второй на восток, в тыл страны [Куманев, 1963, *50–70*].

Железнодорожные узлы Смоленщины едва справлялись с небывалым наплывом пассажиров, были переполнены все погрузочно-разгрузочные площадки. Кроме того, уже в ночь с 24 на 25 июня 1941 года на станцию «Смоленск» упали первые бомбы. Вскоре бомбить железнодорожные узлы Смоленска, Рославля, Вязьмы, а также прочие объекты железнодорожной инфраструктуры гитлеровская авиация начала на постоянной основе. Противник забрасывал диверсионные группы, в том числе маскировавшиеся под военнослужащих и милиционеров. В этих условиях важно было не допустить паралича транспортной системы, от которой на данном этапе войны зависело как никогда многое. Железнодорожники работали круглые сутки. Не будучи профессиональными военными, они с оружием в руках несли службу в составе боевых рабочих дружин и не раз гибли на посту, защищая важные объекты.

29 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР обратились к партийным и советским органам прифронтовых областей со специальной директивой, обязывавшей их провести мобилизацию всего железнодорожного транспорта, а также принять все меры к быстрому продвижению транспортов и эшелонов с грузами, войсками. Одновременно фактически признавалось, что сдержать натиск противника Красная армия пока не может, и в связи с этим ставилась задача: «При вынужденном отходе… угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего» [Муравьев, Судариков, 1970, *156*].

В июле многие железнодорожники добровольно вызвались вступить в только что созданные истребительные отряды и батальоны народного ополчения. Всех их отпустить, конечно, не могли: кто-то должен был обслуживать сложное хозяйство, важнейшее в условиях военного времени; но те, кому удалось записаться в ополчение, храбро защищали город во время Смоленского сражения.

Когда гитлеровцы захватили южную часть города, стало ясно, что Смоленск удержать не удастся. Железнодорожники получили приказ уходить из города, вывозя все, что только можно. Начальником узла стал Г.В. Васильев – один из самых знаменитых смоленских железнодорожников, ветеран Первой мировой и Гражданской войн, кавалер орденов Ленина, Красной Звезды, двух орденов «Знак Почета» и ряда медалей. Именно под его руководством осуществлялась эвакуация. Васильев сумел мобилизовать все маневровые паровозы на уборку подвижного состава с мест погрузки и формирование поездов. Успешно завершить эвакуацию удалось в том числе и благодаря взрыву мостов через Днепр в ночь на 16 июля 1941 года, задержавшему продвижение вермахта.

Вывозились не только работники железных дорог и их семьи, которым предстояло на новом месте обеспечивать перевозки. В тыл отправляли значительные материальные ценности – только наличных средств было увезено на

сумму около 3 миллионов рублей. Фактически железнодорожники последними уходили из горящего Смоленска. Возле станции «Смоленск-Сортировочный» они были вынуждены остановиться из-за завала на путях, образовавшегося по причине обстрела вражеской артиллерией. Под руководством политрука штаба Ф.Н. Никитина пути были быстро расчищены. Это позволило спасти около 2 тысяч товарных и пассажирских вагонов с ценными грузами и эвакуированным населением, а также 13 паровозов. Но и дальнейшее продвижение не было спокойным: ряд эшелонов погиб под ударами гитлеровской авиации. Очевидцы вспоминали, что немецкие летчики целенаправленно вели охоту на тех, кто пытался эвакуироваться, ведя огонь из пулеметов чуть ли не по каждому отдельному человеку. Эшелону штаба Васильева едва удалось прорваться – к тому времени враг уже перерезал железную дорогу под Ярцевом, и лишь окольными путями, через Ельню и Спас-Деменск, они проскочили в Тулу. Там их распределили по новым рабочим местам: большая часть тех, кто работал до войны на Смоленском железнодорожном узле, была направлена в Воронеж, в распоряжение начальника Юго-Восточной железной дороги [Муравьев, Судариков, 1970, *161–162*].

Не легче пришлось и труженикам Рославльского узла. В то время железная дорога в Рославле была фактически крупнейшим предприятием города, и едва ли не половина местных жителей трудилась на ней. Большую работу провели трудящиеся вагоноремонтного завода, которые в короткие сроки сумели сформировать 8 специальных поездов, отбывших на фронт, а затем эвакуировать все оборудование и специалистов.

Третий крупный железнодорожный узел Смоленщины – Вязьма – впервые увидел гитлеровские самолеты в небе уже 26 июня 1941 года. Находился он в большем отдалении, чем два других узла, поэтому именно сюда в большей степени, чем на них, стали прибывать эвакуируемые составы, многие из которых по пути получали существенные повреждения и требовали ремонта. Работникам узла при участии студентов-добровольцев из Московского института инженеров транспорта, а также специалистов, эвакуированных из Минска, Орши и Смоленска, удалось наладить скоростной ремонт паровозов. Именно в Вязьме расположилось Управление Западной железной дороги, переведенное сюда из областного центра. Вяземские машинисты, рискуя собственной жизнью, много раз выводили составы со ставших прифронтовыми станций, не раз попадали при этом в окружение. Широкую известность получил подвиг машиниста Б.А. Болотина, который в одном из рейсов попал в окружение и даже был захвачен в плен, но вскоре бежал и через несколько дней добрался до Вязьмы, сообщив военному командованию ценные сведения о противнике. Еще один герой-железнодорожник тех дней – М.С. Кручинин, также вяземский машинист, попавший при выполнении задачи по доставке боеприпасов в гитлеровское кольцо, но сумевший прорваться и добраться до места назначения. Оба железнодорожника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля

1942 года были удостоены ордена Ленина – высшего ордена страны [ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 4, д. 89, *1, 5*].

Тем временем война приближалась и к Вязьме, лежавшей прямо на пути группы армий «Центр», стремительно двигавшейся к Москве. Усилились бомбардировки, появились диверсанты. В группы противовоздушной обороны, боевые дружины, отряды по тушению бомб-«зажигалок» записывались даже учащиеся железнодорожной школы. 31 июля 1941 года Вяземский узел подвергся массированным бомбардировкам, и железнодорожники, презирая смерть, своими руками откатывали из зоны пожаров цистерны с топливом, вагоны с грузами. Одна из бригад с риском для жизни сумела вытащить из огня 2 эшелона, в которых находились тяжелораненые бойцы и командиры Красной армии. Узел был практически полностью выведен из строя, но уже через 14 часов один путь был восстановлен и по нему пошли в направлении фронта составы. Однако при этом погибло более 500 человек, сгорело до 1000 вагонов, почти все служебные и жилые здания в районе станции. 17 августа 1941 года немецкая авиация вновь бомбила Вяземский узел, причинив еще большие разрушения, но парализовать его гитлеровцам так и не удалось [Муравьев, Судариков, 1970, *169–171*].

8 октября 1941 года кольцо окружения вокруг Вязьмы было замкнуто, однако к тому времени железнодорожники сумели завершить эвакуацию своего хозяйства. Оборудование и часть рабочих были направлены на Урал, в паровозное депо «Красноуфимск», остальные вязьмичи – на предприятия Воронежа, Челябинска, Москвы. Работники Рославльского вагоноремонтного завода трудились на Отрожском вагоноремонтном заводе им. Э. Тельмана в Воронеже, где, работая по 16–18 часов в сутки, смонтировали в сжатые сроки цех по производству мин.

Оставшиеся на Смоленщине железнодорожники активно включались в борьбу против оккупантов. Именно железнодорожники, оставшиеся в Смоленске и ушедшие в подполье, провели в городе первые диверсионные акты против захватчиков. Стоило гитлеровцам разместить на железнодорожных станциях «Смоленск-Центральный», «Смоленск-Сортировочный» и «Колодня» свои составы, как тут же те стали взрываться. Смоляне выводили из строя пути, стрелки, важные объекты, чтобы ими не могли воспользоваться оккупанты. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок лично приказал ликвидировать подпольные организации на железных дорогах, для чего в город были стянуты контрразведывательные, полицейские и карательные подразделения. Однако гитлеровцам так и не удалось за два года оккупации наладить бесперебойную работу железных дорог, а потери, понесенные ими от действий партизан и подпольщиков – бывших работников ведомства путей сообщения, соизмеримы с потерями во время войсковой операции.

Многие эвакуированные из Смоленска, Рославля и Вязьмы железнодорожники самоотверженно трудились на Московском узле в самые тяжелые дни битвы за Москву. Они водили поезда на все важнейшие участки фронта. Следуя за наступающими частями, железнодорожники восстанавливали разрушенное путевое и станционное хозяйство, заготавливали дрова для паровозов, с нуля создавали производственную и техническую базу. Нередко при этом они гибли, подрываясь на оставленных врагом минах, попадая под обстрелы и бомбежки.

В 1942 году в Московском депо им. Ильича Западной железной дороги были созданы две паровозные колонны. 17 мая 1942 года в концертном зале им. П.И. Чайковского состоялось собрание личного состава с участием секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко и секретаря Смоленского обкома ВКП(б) Д.М. Попова. Эти колонны обслуживали важнейшие в тот период боевые направления – Воронежский и Сталинградский фронты.

Вскоре после разгрома гитлеровцев под Сталинградом началось наступление на Западном фронте. 12 марта 1943 года была освобождена Вязьма. Железнодорожный узел был заминирован, и сразу запустить его не могли – лишь когда завершили свою работу саперы, его стали восстанавливать. Каждый рельс был подорван, гитлеровцы полностью уничтожили все мосты, водоотводы и прочие инженерные сооружения, без которых невозможно нормальное функционирование железных дорог. Правительство ставило перед НКПС СССР неотложную задачу: как можно скорее возводить вокзалы, путевые и жилые здания на освобожденных территориях. И чем дальше шла на запад Красная армия, тем шире становился трудовой фронт железнодорожников. Положение было тяжелейшим: нужда в военных и гражданских перевозках только возрастала, а железнодорожное хозяйство лежало в руинах. Западная железная дорога, до войны одна из самых передовых в СССР, была отброшена в своем развитии на десятилетия назад.

Восстановление осуществлялось ударными темпами, с привлечением местного населения и железнодорожных батальонов, а также всего коллектива дороги. Несмотря на тяжелейшие условия труда, хроническую нехватку строительных материалов, оборудования, подвижного состава, целых помещений, оно было проведено в рекордные сроки. Стоит упомянуть тот факт, что уже 10 октября 1943 года, спустя 15 дней после освобождения Смоленска, в город прибыл первый пассажирский поезд из Москвы, который успешно провела комсомольская молодежная бригада паровоза СУ-215-87 во главе с М.М. Стегниенко [ЦАМО, ф. 33, оп. 690 155, д. 3065, *1190*]. Впоследствии этот машинист получит три медали.

Исследователи неизменно отмечают высокие образцы патриотизма и трудолюбия, проявленного смоленскими железнодорожниками. Широкую известность получило открытое письмо под названием «Чем ближе магистраль к фронту, тем сильнее удары по врагу», что фактически стало лозунгом тех лет. С него началось социалистическое соревнование, сыгравшее

значительную роль в ускорении восстановительных работ. Работники в отдельности и целые коллективы брали на себя тяжелые социалистические обязательства, сопряженные с работой во внеурочное время, без достаточного отдыха. Так, на станции «Гжатск» еще весной 1943 года все работники взяли на себя обязательство до праздника 1 мая отработать не менее 120 часов в дополнение к основному рабочему времени. При помощи местных жителей железнодорожники ремонтировали и приспосабливали более-менее уцелевшие помещения, строили новые. Сменившись с дежурства, инженеры, техники, рабочие железной дороги строили жилье, служебные помещения, восстанавливали порушенные пути. В конце 1943 года были созданы восстановительные организации [Белогурова, 2013, *130*], однако без всеобщего порыва их работа затянулась бы на годы.

Дефицит рабочих рук, сооружений, материалов требовал от работников проявления недюжинного рационализаторского мышления. Так, в Вяземском депо при отсутствии трубопроводов организовали подачу воды прямо из близлежащего болота. Токарь Смоленского депо Т.И. Лещинский, работая в обычном сарае, сумел наладить выпуск высококачественных деталей при превышении нормы выработки в 2–3 раза. Машинисты старались своими силами устранять неисправность, не обращаясь в мастерские.

Однако за гитлеровцами оставалась еще Белоруссия. Обустроив там аэродромы, немецкая авиация постоянно совершала налеты, особенно стремясь нанести максимальный ущерб станции «Смоленск». 18 мая, 26 и 28 июня 1944 года – даты наиболее разрушительных бомбардировок. В эти дни Смоленск, особенно Заднепровский район, подвергся страшным разрушениям, довершившим результат пребывания здесь гитлеровцев. Только 18 мая на район вокзала упало более 3,5 тысяч бомб – фугасных, авиационных, зажигательных. Но наиболее страшным оказался ночной налет 26 июня 1944 года, в котором участвовало сразу 143 гитлеровских «Юнкерса». Прямыми попаданиями бомб было полностью разрушено историческое здание железнодорожного вокзала. В тот день в городе погибло более 100 человек, многие из которых были тружениками железных дорог [Все судьбы в единую слиты, 2003, *59–65*].

В эти дни смоленские железнодорожники проявили подлинное мужество. Под разрывами гитлеровских бомб они не покидали пост, растаскивая составы по запасным путям, ускоренно отправляя с вокзала поезда с боеприпасами и прочими фронтовыми грузами. Проявили себя руководящие работники: начальник станции «Смоленск» Г.В. Васильев, начальник Смоленского железнодорожного узла А.М. Грудзин, начальник паровозного депо «Смоленск» А.И. Мартыненко, его заместитель Т.И. Орловский, начальник пункта технического осмотра А.И. Кузьминский, сумевшие не допустить паники среди личного состава и наладить целенаправленную работу [ЦАМО, ф. 33, оп. 687 572, д. 745, *14–355*]. Рискуя собственной жизнью, машинисты и диспетчеры выводили с горящей станции подвижной состав и вагоны. Так, диспетчер Н.И. Дырявченко, даже будучи контуженным,

не покинул пост и продолжал выполнять свои обязанности. Другой диспетчер, А.Ф. Хомяков, сумел под бомбами вывести на перегон шесть вагонов с углем, чем спас их от уничтожения. Машинист М.И. Силаенков со своими товарищами потушил горящие механические мастерские, сохранив ценное оборудование и инструменты. Некоторые из железнодорожников получили тяжелые травмы и ранения. Так, начальник штаба местной ПВО железнодорожного узла Н.Я. Перепечко уже после завершения налета подорвался на бомбе замедленного действия, и лишь своевременная врачебная помощь спасла ему жизнь [Там же].

Это были последние разрушения, причиненные городу гитлеровцами: после освобождения Белоруссии Смоленск оказался вне досягаемости гитлеровской авиации. Но еще долго железнодорожники продолжали находить оставленные врагом мины-«сюрпризы», неразорвавшиеся бомбы и снаряды. И даже после окончания войны нередки были случаи их гибели.

Интенсивность работы на железнодорожных узлах Смоленщины не ослабевала: вплоть до конца войны здесь шли в западном направлении эшелоны с людьми, вооружением, техникой, продовольствием. В преддверии Берлинской операции основной поток фронтовых грузов проследовал как раз через Смоленщину. Для переброски таких объемов потребовалось 26 тысяч вагонов и плюс к тому 15 тысяч вагонов для внутрифронтовых перевозок. И все это не считая пассажирских, пригородных, рабочих поездов, определить точное число которых сейчас уже достаточно трудно.

И даже после Дня Победы железнодорожники Западной дороги продолжали проявлять чудеса трудового героизма. Еще не были восстановлены станции и вокзалы, а уже 16 мая 1945 года из Москвы через Смоленщину проследовал первый скоростной поезд в европейскую столицу – Варшаву. А 25 июня 1945 года по Западной дороге отправился в Берлин комфортабельный эшелон, обустроенный смоленскими железнодорожниками. В нем находились участники Парада Победы, которым предстояло продолжить службу в поверженной Германии [Муравьев, Судариков, 1970, *208–210*].

После освобождения крупнейшим из имевшихся на территории Смоленской области учреждений НКПС СССР являлось Управление Западной железной дороги, располагавшееся в областном центре. В его ведении находились девять отделений движения, простиравшихся от Минска до Москвы. В отличие от прочих проходящих через регион железных дорог, именно Западная была единственной в области самостоятельной производственной и административно-хозяйственной единицей, осуществлявшей организацию и выполнение перевозок, эксплуатацию, содержание и ремонт перевозочных средств, железнодорожных сооружений и устройств. В состав управления, помимо собственно руководства и секретариата, входили 7 различных служб (движения, паровозная, вагонная, пути, грузовая, пассажирская, сигнализации и связи), 7 отделов (военный, кадров, плановый, учета и отчетности, жилищный, школ, финансовый), целый ряд прочих групп, управлений и прочих под-

разделений. На то, что Западная железная дорога стала фактически крупнейшим работодателем региона, повлияло и то, что она была едва ли не первым объектом, который стали восстанавливать, как только Смоленск и область были освобождены. Все вышеперечисленное сделало Западную железную дорогу к моменту окончания войны крупнейшей структурой региона. Здесь работала значительная часть трудоспособного населения города и области.

Разумеется, советское правительство не могло не отметить представителей столь важной отрасли. Сотни смоленских железнодорожников были удостоены за мужество и героизм боевых и трудовых орденов и медалей, причем большинство из них получили и те и другие награды. Но особенно интересно, как их наградили конкретно по итогам войны. Как известно, руководство страны учредило медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» для непосредственных участников боевых действий и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» для тех, кто трудился в тылу. Как правило, биография человека предполагала награждение одной из этих медалей. Но порой бывали случаи, когда один и тот же человек являлся участником и боевых действий, и трудового фронта, правда, поначалу это не относилось к какой-то конкретной отрасли. И здесь работники железных дорог ввиду своего промежуточного положения между тылом и фронтом заняли уникальное положение: многие из них одновременно получили эти награды.

В основном награждение железнодорожников Смоленщины медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» проходило в два этапа – в 1946 и в 1948 годах. В ходе исследования большого массива документов, охватывающих период с 1945 по 1948 год, выделено 4011 имен работников системы НКПС-МПС СССР. Общее число выявленных за время исследовательской работы тружеников тыла, удостоенных данной награды за работу на Смоленщине с момента ее освобождения осенью 1943 года (некоторые районы – с весны 1943 года) и вплоть до завершения Великой Отечественной войны, – 58 303. Несложно подсчитать, что железнодорожники составляют весьма существенную долю (более 6%) от общего числа кавалеров медали – а среди городского населения они занимают первое место, если классифицировать тружеников тыла по профессиональной занятости.

Отраслевая принадлежность и военизированность структуры накладывала определенный отпечаток на практику награждения железнодорожников медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Решение о награждении принималось не на местном уровне, а на союзном: если в большинстве других сфер вопрос, кого наградить данной медалью, был оставлен на откуп областным, краевым исполкомам либо Верховным Советам автономных и союзных республик, то в данном случае представления пересылались в Министерство путей сообщения СССР, где списки и утверждались. На местах лишь производилось вручение наград, которое осуществлял

либо руководящий работник железной дороги, либо секретарь комитета партии или исполкома. Подобные мероприятия неизменно проводились в торжественной обстановке, в присутствии трудовых коллективов. Соответственно, это наложило определенный отпечаток на отложения в региональных архивных фондах: в областном архиве хранятся лишь дела с протоколами вручения медалей железнодорожникам как Западной, управление которой было в региональном центре, так и Калининской и Московско-Киевской дорог, которые лишь проходили через область, но управления их располагались в других регионах. Таким образом, вручение медалей носило региональный характер, не зависящий от местоположения начальства конкретной дороги.

Еще одна уже упоминавшая важная особенность наградной практики в отношении служащих Министерства путей сообщения СССР – это наличие у многих одновременно и медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», и медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Причем это касалось не только тех, кто успел послужить в железнодорожных войсках или в колоннах паровозов особого резерва НКПС СССР, то есть непосредственно имел отношение к боевым действиям. Зачастую обе медали получали исключительно по отраслевой принадлежности.

Например, начальник паровозного депо «Смоленск» А.И. Мартыненко, героически проявивший себя вместе со своими работниками в дни бомбежек Смоленска 1944 года, никогда не был в действующей армии, что не помешало наградить его орденом Красного Знамени, а также двумя вышеупомянутыми медалями. Обе медали получил и начальник станции «Смоленск» Г.В. Васильев, который в годы войны находился в эвакуации в Таджикской ССР, где руководил станцией «Сталинабад».

Конкретно имевшие отношение к железным дорогам военнослужащие не считались тружениками тыла, и их награждали по итогам войны только медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В качестве примера можно привести военных комендантов станций «Вязьма» и «Смоленск» – соответственно майоров В.А. Засыпина и Я.А. Фролова, которые тружениками тыла не считались, хотя и служили в тыловых военных структурах.

Чтобы определить, насколько наградная практика касалась тех или иных структур железной дороги, обратимся к штатному расписанию 1946 года, когда проходила первая волна награждений железнодорожников. Высчитать точно, каков процент работников, удостоенных медалей, от общего числа, достаточно затруднительно из-за кадровых перемещений. Иногда обладатели одной и той же должности, сменившие один другого, могли одновременно получить медаль под одинаковым наименованием, к тому же некоторые могли получить медаль за работу в других регионах. Поэтому обратимся к частным

случаям в плане структурных подразделений. Возьмем для примера руководство дороги, одну службу – движения и один отдел – военный.

Итак, в соответствии со штатным расписанием к руководству железной дороги относились начальник дороги Г.И. Котяш, два его заместителя С.С. Баско и П.Н. Марченков, два старших инспектора, начальник секретариата, секретарь-стенографистка и секретарь-машинистка [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 22, *1*].

Руководство службой движения включало начальника, его заместителя и помощника по кадрам, старшего инженера по спецвопросам, старшего ревизора-инспектора по безопасности движения, инспектора по кадрам, инженера по нормированию и организации труда и зарплаты, секретаря-машинистку. Кроме того, в данную службу входили несколько отделов: операционно-распорядительный, технический, экипировки, водоснабжения, электрификации, топливно-теплотехнический, дровоснабжения, мастерских. В общей сложности в отделах работало 36 человек [Там же, *1–3*].

В военном отделе трудились всего четверо: начальник, его заместитель, старший ревизор по спецзапасам и инспектор по общим вопросам [Там же, *6 об.*].

Путем исследования наградных документов удалось установить, что подавляющее большинство работников этих структур – не менее 35 человек – было уже в 1946–1948 годах удостоено медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Возможно, что их было больше, но некоторые получали награды не на Смоленщине. Таким образом, примерно две трети работников достоверно получили награды, подтверждающие их статус тружеников тыла. Многие из них одновременно имели и медали «За Победу над Германией» – например, тот же начальник дороги Г.И. Котяш, который за многочисленные заслуги в деле организации перевозок в годы войны был удостоен также ордена Красного Знамени.

На основании документов тех лет несложно вычислить две основные проблемы, которые стояли перед руководством Западной железной дороги в первые послевоенные годы. Во-первых, значительная изношенность подвижного состава, рельсовых путей и прочей техники – и это в условиях, когда потребность в грузо- и пассажироперевозках не только не ослабевала, но продолжала все возрастать. Во-вторых, низкая трудовая и производственная дисциплина личного состава, свидетельств которой в архивных фондах сохранилось немало. Разумеется, не могли эти проблемы не найти свое отражение и в практике награждения медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ярким примером может считаться история начальника паровозного депо «Рославль» Я.П. Конохова. Весной 1946 года проверка установила, что работа вверенного ему предприятия находится в неудовлетворительном состоянии. Несмотря на неоднократные предупреждения начальника дороги

Г.И. Котяша, никаких мер к улучшению Конохов не принял. Работа паровозных бригад по подъемке и промывке поездов, ремонту подвижного состава была поставлена плохо, а случаи порчи паровозов в пути стали носить массовый характер. В итоге приказом начальника Западной железной дороги от 25 мая 1946 года Конохов был освобожден от занимаемой должности и всю оставшуюся жизнь трудился на работе, непосредственно не связанной с движением поездов [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 11, *180*]. Разумеется, не могло идти речи и о награждении его медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Через некоторое время под удар попал его коллега – начальник Рославльской погрузконторы Цурбанов, который также был снят с работы вместе с еще несколькими сотрудниками [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 18, *148, 148 об.*].

Нередки в те годы были и крушения поездов по вине работников железных дорог. Так, 30 мая 1946 года в 3 часа 25 минут на разъезде «167-й километр» потерпел крушение железнодорожный состав. Старший стрелочник П.А. Кощеев (Кащеев) по неизвестной причине открыл проезд на путь № 1, в то время как дежурная по станции заказывала проход через путь № 2. Разумеется, при прохождении состава произошел сход паровоза, повлекший за собой крупный ущерб: 1 вагон восстановлению не подлежал, 6 вагонов и паровоз требовали серьезного ремонта, кроме того, было повреждено 65 погонных метров пути и парализовано движение на данном участке [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 11, *197*]. Основного виновника аварии – Кощеева – отдали под суд, который приговорил его к 6 годам лагерей, начальника станции сняли с работы, дежурному помощнику объявили строгий выговор, как и начальнику восстановительного поезда Михляеву, долго восстанавливавшему движение на участке [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 18, *61, 61 об.*]. Все эти люди также не получили медали.

В некоторых случаях представление к награде могли задержать за различные провинности. Как правило, это касалось тех, кто имел неснятые выговоры за различные проступки, причем среди них могли быть и представители начальства. Так, 3 апреля 1946 года заместитель начальника паровозной службы Западной железной дороги Л.К. Аверьянов и старший паровозный диспетчер П.А. Целуев, находясь в нетрезвом виде на вечере самодеятельности в клубе железнодорожников, «в процессе исполнения номеров художественной самодеятельности выкрикивали с зала неуместные “дикие звуки”, компрометирующие выступающих участников самодеятельности». Пьяные железнодорожники не вняли даже увещеваниям председателя Дорпрофсожа и уполномоченного милиции. В результате Аверьянов получил строгий выговор, а Целуев – выговор [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 10, *135*]. Награждения 1946 года прошли без них – свои медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» они получили только в 1948 году.

Низкая дисциплина, особенно в низовых структурах, была частой причиной совершения различных преступлений. Так, весной все того же

1946 года был осужден на 5 лет лишения свободы бывший начальник приема и увольнения 10-й дистанции пути Западной железной дороги Р.И. Тарасов, выдававший фиктивные справки за взятки [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 11, *232, 232 об.*]. Работавший на железной дороге с 1929 года, в том числе и всю войну, он мог бы иметь основания для получения медали, если бы не попался на совершении преступления.

Нельзя сказать, что медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» являлась какой-нибудь «индульгенцией» на халатное исполнение обязанностей в дальнейшем и уж тем более на совершение правонарушений. Впрочем, этого нельзя сказать ни об одной награде: в первые послевоенные годы наград были лишены тысячи людей, а в Государственном архиве Российской Федерации и сегодня хранятся толстые тома указов о лишении.

Так, едва награжденный медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», начальник паровозного депо «Смоленск» А.И. Мартыненко вскоре был снят с должности, на него завели уголовное дело. Причиной стал трагический случай на топливном складе, в результате которого погиб рабочий. Проверка установила, что в хозяйстве депо игнорировались нормы, установленные приказами МПС, особенно правила по котлонадзору, а необходимые ремонтные работы попросту не проводились [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 18, *371, 372*]. Получавший вместе с Мартыненко медаль начальник 3-й дистанции пути И.Г. Дроздов также вскоре был привлечен к ответственности за многочисленные случаи травматизма и смертей среди путевых рабочих [ГАСО, ф. Р-2690, оп. 16, д. 14, *26–29*]. Подобных случаев в документах можно найти очень много, и они ясно показывают, какое тяжелое положение царило в те годы на железных дорогах, особенно в освобожденных после оккупации регионах страны. Несмотря на все эти эксцессы, нельзя сказать, что смоленские железнодорожники после войны стали как-то хуже работать, – на самом деле именно железные дороги продолжали оставаться флагманом развития Смоленщины, еще долгие годы во многом определяя ее экономику.

Великая Отечественная война – это яркая и героическая и вместе с тем страшная страница в истории в том числе и железных дорог. Труженики путей сообщения сыграли исключительную роль в достижении Победы на всех фронтовых и тыловых участках. Признавало это и Советское государство, вполне заслуженно отмечая их одновременно и как участников войны, и как тружеников тыла. Это редкий, а для целой отрасли и вовсе уникальный случай – когда две главные итоговые награды (при том что уже само по себе такое разделение медалей является уникальным случаем не только в истории нашей страны, но и во всей человеческой истории) вручались одним и тем же людям. Награждения носили системный характер и затрагивали многочисленные структурные подразделения железнодорожного управления. Все это привело к тому, что среди специалистов отраслей, работавших в те годы на Смоленщине, железнодорожники

являются наиболее яркими представителями такой социальной общности, рожденной Великой Отечественной войной, как труженики тыла.

ЛИТЕРАТУРА

Белогурова Т.А. История Смоленского отделения Московской железной дороги. Смоленск: Свиток, 2013. 187 с.

Головачев Г.К., Литвин Г.А. Железнодорожники в Великой Отечественной войне / под ред. Н.С. Конарева. 2-е изд., доп. М.: Транспорт, 1987. 589 с.

Все судьбы в единую слиты / Н.Г. Емельянова [и др.]. Смоленск: Маджента, 2003. 152 с.

Ковалев И.В. Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. М.: Знание, 1969. 46 с.

Куманев Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 324 с.

Муравьев Е.В., Сударенков В.П. Путь длиною в 100 лет. Смоленск: Смол. отд-ние Союза журналистов СССР, 1970. 273 с.

Терехин К.П., Таралов А.С., Томашевский А.А. Воины стальных магистралей. М.: Воениздат, 1969. 309 с.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 4. Д. 89.

ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. Р-2361 (Исполнительный комитет Смоленского областного Совета депутатов трудящихся (народных депутатов). Оп. 7. Д. 5.

ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 7. Д. 7.

ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 7. Д. 8.

ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 7. Д. 9.

ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 7. Д. 89.

ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 7. Д. 90.

ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 7. Д. 91.

ГАСО. Ф. Р-2690 (Управление Западной железной дороги). Оп. 16. Д. 10.

ГАСО. Ф. Р-2690. Оп. 16. Д. 11.

ГАСО. Ф. Р-2690. Оп. 16. Д. 12.

ГАСО. Ф. Р-2690. Оп. 16. Д. 14.

ГАСО. Ф. Р-2690. Оп. 16. Д. 22.

ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 33 (Наградные материалы). Оп. 687 572. Д. 745.

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3065.

S.Ye. Semenov
Postgraduate Student,
Department of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Between the Rear and the Front. Smolensk Railway Workers, Home Front Workers of the Great Patriotic War

The present article is devoted to Smolensk railwaymen's career ladder in the 1941–1945s, their involvement in the evacuation, partisian struggle, fighting and

restoration of the national economy. In addition, we consider the practice of awarding railway workers with medals «For Valorous Labor in the Great Patriotic War, 1941–1945».

The author of the article has set a goal to reconstruct the history of Smolensk railwaymen's participation in the war on the basis of regional documents and to analyse their recognition as home front workers.

The source database includes documents of the State Archive of Smolensk Oblast (funds of the Smolensk Regional Executive Committee and the Western Railway); documents of the Central Archive of the Ministry of Defense and the State Archive of the Russian Federation, that are published in the electronic database «Feat of the People»; materials of the history of railways in the Smolensk region during the war.

The author has studied a large array of documents on awarding medals; service documents; correspondence on awarding issues.

The article analyzes the railway workers' military and labor path during the war, as well as awarding them with medals.

The study demonstrates the role of Smolensk railway workers in achieving Victory and restoring the national economy. Moreover, the author has studied the circle of railway workers who were recognized as home front workers after the war and were awarded with medals.

The author believes that railway workers are the most prominent category of home front workers in the Smolensk region. They largely contributed to the success of military operations and the restoration of the national economy in the region.

It is concluded that the majority of railway workers who worked in the frontline areas were awarded with two main war medals, which is a unique case for a specific Soviet industry.

Key words: *home front workers; Great Patriotic War; railway workers; railways; USSR; Soviet medals.*

REFERENCES

Belogurova T.A. History of the Smolensk branch of the Moscow Railway [Istoriya Smolenskogo otdeleniya Moskovskoi zheleznoi dorogi]. Smolensk, Svitok, 2013. 187 p. (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation [Tsentral'ny arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoi Federatsii (TSAMO)]. Fund 33. List 687 572. Record 745. (in Russian).

Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation [Tsentral'ny arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoi Federatsii (TSAMO)]. Fund 33. List 690155. Record 3065. (in Russian).

Golovachev G.K., Litvin G.A. Railway workers in the Great Patriotic War [Zheleznodorozhniki v Velikoi Otechestvennoi voine]. Edited by N.S. Konarev. 22nd ed., supplemented. Moscow, Transport, 1987. 589 p. (In Russian).

Kovalev I.V. Transport in the decisive operations of the Great Patriotic War [Transport v reshayushchikh operatsiiakh Velikoi Otechestvennoi voiny]. Moscow, Znanie, 1969. 46 p. (in Russian).

Kumanev G.A. Soviet railway workers during the Great Patriotic War [Sovetskie zheleznodorozhniki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 324 p. (in Russian).

Muravyev Ye.V., Sudarenkov V.P. The path of 100 years [Put' dlinoyu v 100 let]. Smolensk, Smolensk department of the Union of Journalists of the USSR, 1970. 273 p. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GASO)]. Fund R-7523. List 4. Record 89 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361 (Executive Committee of the Smolensk Regional Council of Working People's Deputies [(Ispolnitel'ny komitet Smolenskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya (narodnykh deputatov)]. List 7. Record 5 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361. List 7. Record 7 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361. List 7. Record 8 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361. List 7. Record 9 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361. List 7. Record 89 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361. List 7. Record 90 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2361. List 7. Record 91 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2690 (Western Railway Administration) [Upravleniye Zapadnoi zheleznoi dorogi]. List 16. Record 10 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2690. List 16. Record 11 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2690. List 16. Record 12 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2690. List 16. Record 14 (in Russian).

State Archive of Smolensk Oblast [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund R-2690. List 16. Record 22 (in Russian).

Terekhin K.P., Taralov A.S., Tomashevsky A.A. Warriors of steel highways [Voiny stal'nykh magistralei]. Moscow, Voyenizdat, 1969. 309 p. (in Russian).

Yemelyanova N.G. [et al.] All destinies are merged into one [Vse sud'by v yedinuyu slity]. Smolensk, Madzhenta, 2003. 152 p. (in Russian).

К.С. Богатчикова

Центр профессиональной подготовки
УМВД России по Смоленской области
Смоленск, Россия

С.В. Востриков

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(470/332)

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-232-251

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *духовность; письменность; язык; ценности; идеалы; справедливость; поиск истины; соборность; космизм; цивилизация; экология; источники; ноосфера; риски и вызовы.*

В данной статье рассматриваются психоисторические и мировоззренческие аспекты зарождения, становления и трансформации системы духовно-ценностных ориентиров и идеалов, формирующих основу социокультурного кода уникальной цивилизации России в контексте стремительно меняющегося мира.

Статья посвящена анализу национальной системы базовых нравственных ценностей России и русского народа, формировавшейся на протяжении многих тысячелетий, которая, несмотря на все коллизии истории, выдержала проверку временем, хотя и подверглась серьезным деформациям. В ходе сравнительно-исторического сопоставительного анализа становления уникальной цивилизации России выявляются особенности будущего развития русской духовности.

Обстоятельства современного периода делают жизненно важными сбережение национального исторического наследия, укрепление духовных устоев, защиту русского языка и литературы от разложения, сохранение идентификационной «матрицы» народа, культурного кода нашей цивилизации, системы жизнеутверждающих идеалов и ценностей, заложенных нашими предками тысячелетия тому назад, с учетом ее адаптации к меняющимся условиям бытия.

Духовный мир каждого человека безграничен и неисчерпаем, как Вселенная. Сама же категория «духовность» (производное от «дух»), несмотря на множество интерпретаций, вариантов и трактовок, как правило, подразумевает многоуровневую и сложно структурированную систему иде-

алов и ориентиров, включающую «первоначало мира»; внутреннюю моральную силу; высший разум; бессмертную душу; сущность; самосознание; мышление; боговдохновенность; психические способности, побуждающие к конкретным действиям и определяющие стиль поведения. Предметом данного исследования является психоисторический анализ основных (базовых) духовно-ценностных ориентиров уникальной цивилизации России, которая – подобно истории всякого народа – неповторима и многообразна.

Возникает естественный вопрос: где искать истоки и родники духовности исторической Руси? «В начале было слово…». Осознание подлинного смысла этой известной и расхожей фразы дает ключ к раскрытию национальной матрицы, открывает путь к познанию своей сущности, предназначению, духовному возрождению и продвижению вперед, ибо к будущему мы устремляемся сквозь прошлое. Язык – это своеобразный «код доступа» к самым сокровенным глубинам души и подсознания человека. Совершенно справедливо и обоснованно мнение ведущего научного сотрудника Института русского языка РАН А. Шмелева: «Представления, формирующие картину мира, входят в значения слова в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Пользуясь языковыми выражениями, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир (языковую картину мира)…» [Учительская газета, 2009, сентябрь].

Более тысячи лет тому назад великие славянские просветители Кирилл и Мефодий свершили высочайший духовный подвиг, даровав народам «божественный глагол» и заложив основы письменной литературы и культуры. Древнеславянская азбука созидалась ими не на пустом месте. Так, Житие св. Кирилла свидетельствует, что в Херсонесе (860–861 годы) Кирилл и Мефодий познакомились с «руськими письменами» и их толкователем [Пространное житие Кирилла, 1990, *116*]: «И побеседовав с ним, уловил он (Кирилл. – *К. Б., С. В.*) смысл речи и, сравнив ее со своей, выделил гласные и согласные. И, совершив молитву Богу, вскоре стал читать и говорить» [Пространное житие Кирилла, 1990, *117*].

В более древних источниках отмечается, что «…грамота русская явилась Богом данная в Корсуни русину. От нее научился философ Константин, и оттуда, составил и написал книги русским гласом» [Болянский, 1865]. По-видимому, именно в Херсонесе просветителями был завершен процесс формирования и синтеза общеславянского языка и письменности, которые затем в течение длительного периода использовались не только на Руси, но и во всем центральноевропейском ареале. Тому подтверждением служит миссия Кирилла и Мефодия в Великоморавской державе. Это образование (включавшее обширные территории Чехии, Словакии, Силезии, Южной Паннонии, Австрии; земли Опольскую, Вроцлавскую, Краковскую, Лендян и Вислян вплоть до Галиции и Холмщины), как отмечал профессор

Г.Г. Сильницкий, «…представляло первую реальную попытку объединения западных славян» [Сильницкий, 2000, *258*]. И после разрушения единого государственного образования западнославянских народов и их латинизации «кириллическая» письменность и богослужения «по русинскому» обряду долго продолжали использоваться на практике (в Польше, Чехии, Словакии до начала XII века). Например, еще до крещения Руси глава Ватикана, инструктируя направляемого в Прагу епископа, требовал, чтобы богослужения велись только по уставам римско-католическим, а не по обрядам «русинской церкви» и не на славянском языке [Мацеевский, 1840, *89–90*].

Существовала ли в действительности у русичей собственная «русинская грамота», с которой встретились Кирилл и Мефодий в Корсуни, и что ей предшествовало? По мнению доктора филологических наук, профессора В.В. Ильина, «…письменность существовала у нас на Руси задолго до принятия христианства, что подтверждается многочисленными источниками археологического, летописного, фольклорного содержания. В связи с этим хочется обратить внимание на погодные записи, которые велись в Киеве и других русских городах с незапамятных времен. Правда, эта форма повествования как-то оказалась на задворках науки. По сути дела это самая неизученная часть культурного наследства Древней Руси» [Ильин, 2000]. Истоки процесса зарождения и становления квазиязыка наших дальних «протопредков», вероятно, следует искать в очень седой старине доисторической эпохи (времен исхода далеких предтеч «прапрапращуров» из Семиречья и соседнего Алтайского региона, по мнению академика А.А. Шахматова, где сохранилось «теплое пятно» после остановки ледника, – транзитом через высокоразвитую сверхцивилизацию уральского Аркаима, существовавшую, как установил профессор Г.Б. Зданович, за многие тысячелетия до нашей эры, из материнского лона которой впоследствии вышли многие цивилизационные субсистемы, и «трояновы века», – расселялись на пространствах Верхнего Поднепровья, Поволжья, Балтиийского Поморья, Приладожья, Беломорья, Валдая и Среднерусской возвышенности, собирая, инкорпорируя, впитывая в себя угро-финские, тюркские, балтские элементы в ходе формирования праславянских племен в недрах индоевропейского сообщества, когда закладывались основы постепенной кристаллизации культурно-цивилизационного ядра будущей исторической Руси. – *К. Б., С. В.*). Фактическим подтверждением наличия докириллической письменности является «Велесова книга», графику и орфографию которой ученые относят к самым ранним образцам древнерусских рукописей. Она написана особыми оригинальными письменами – «влесовицей» и содержит перечисление божеств, входящих в пантеон (всего – 76 обитателей); описывает историю миграций пращуров; раскрывает происхождение крупнейших славянских племен –

кривичей, русов, северян, полян, древлян. Книга, по сути, опровергает версию относительно существования у славянства художественных форм только устного народного творчества.

Исследования члена-корреспондента АН О.Н. Трубачева, связанные с историей славянского праязыка, свидетельствуют о духовном своеобразии, адаптивности, богатстве и пластичности «древнего языка» славянских племен, их взаимной близости и преемственности культурного развития, которое зародилось некогда на очень отдаленных территориях. Чрезвычайно важным представляется обоснование ученым издревле существующего у наших прапредков уникального «словаря славянского праязыка», включающего такие слова, как «душа», «дух», «вера», «святой», «писать», «грех», «бог», «рай», «правда».

Последнее (то есть «правда») является одним из самых употребительных в современном русском языке слов, хотя смыслосодержательная взаимосвязь его с праязыком древних славян не всегда очевидна: у них оно означало представления о мировом древе, вершина которого представляет идеал всего жизнеустройства – на него следует ориентироваться, ему надлежит следовать в жизни и на практике. Обладая специфической многоуровневой полисемантикой, оно имеет особый этико-онтологический и духовно-сакральный смысл. Отсюда формула: «Не в силе Бог, а в правде» (А. Невский). В то же самое время данное понятие означает – как указывал С. Франк – и порядок, и истину, и добро, и закон, а также моральное, естественное и юридическое право [Франк, 1992, *490*]. Поэтому русское слово «правда» труднопереводимо на иностранные языки.

Владимир Мономах в своем «Поучении к детям» многократно осуждал «беззаконие» и «неправду», употребляя данные термины синонимично. Понятие «совершать правосудие» у него равносильно понятию «действовать по правде». В. Даль, анализируя значение слово «правда», отмечал, что на Руси «по первому коренному значению правдой зовется судебник, “Русская Правда”, Правда Ярослава, Сборник узаконений, установлений. Правда – старое право судить, власть судить, карать и миловать: суд и расправа» [Даль, 1995, *979*]. В более широком контексте «правда» у И.И. Срезневского в его работе «Материалы для словаря древнерусского языка» рассматривается как «истина… без обмана, справедливость, добродетель» [Срезневский, 1895]. **Правда – высшая добродетель**: в народном сознании она стоит выше закона, но не отменяет его (если последний соответствует правде). Стремление «жить по правде» объясняет национальный архетип и раскрывает глубоко укорененный на Руси феномен правдоискательства.

Теснейшим образом с «правдой» взаимосвязана и другая духовная доминанта русской жизни – **справедливость**. Действовать справедливо означает жить не только «по правде-закону», но честно и по совести, соблю-

дая нормы морали, нравственности, милосердия и равноправия. Еще в одном из первых письменных русских трактатов «Слово о законе и благодати» была заложена традиция, обосновывающая необходимость равного отношения ко всем народам, исключив возможность избранничества какой-либо страны или нации как несовместимую с морально-этическими нормами [Слово о законе и благодати, 1963]. Позднее Владимир Мономах разработал учение о нормах ведения боевых действий, отношении к мирному населению, о нравственном статусе воина и войска, разрешении конфликтов без пролития крови. По сути, им же были сформулированы первоосновы социальной политики, поставлен вопрос об ответственности правителя перед своими подданными: в своей программе он многократно предлагает судить справедливо и проявлять особое милосердие в отношении «бедных смердов, сирот, убогих вдовиц». Поступать иначе – значит действовать несправедливо (неправедно) и «беззаконно».

В XIV веке высокие идеалы справедливости, бескорыстия и силы духа нашли свое дальнейшее воплощение в подвижнической деятельности Сергия Радонежского, который, не имея никакой административной власти, тем не менее, обрел огромную духовную власть над людьми различных чинов, званий и сословий. В дальнейшем следование принципам справедливости, совестливости и благочестия в наиболее концентрированном виде реализовывалось в воззрениях старообрядчества. Важно отметить, что данная традиция дополнялась в практике старообрядчества необходимостью исполнения долга, служения обществу, активного душеспасительного труда «во имя общего блага» (включая промыслы, ремесла, торговлю, просвещение, промышленное производство и т.п.). В таком контексте предприниматель рассматривался не столько как частный собственник, бравирующий своим состоянием и выставляющий его напоказ, сколько как исполняющий миссию работодатель, несущий персональную ответственность за обретенное им богатство (все нажитое добросовестным и честным трудом не возбранялось) и судьбы зависимых от него работников перед всевышним и обществом (очевидно, что подобный подход подразумевал гармонизацию отношений между трудом и капиталом).

Следует отметить, что наши предки с древнейших времен чрезвычайно высоко **ценили честный, упорный и добросовестный труд.** В условиях северной страны с ее суровым климатом только труд мог служить источником жизнеобеспечения и выживания людей. Историк Сергей Соловьев справедливо отмечал: «Природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать, – мачеха». Действительно, геоклиматические условия Запада и Востока разительно отличались друг от друга: теплое течение Гольфстрим круглогодично обогревало практически всю евроатлантическую часть континента вплоть до Исландии и Шпицбергена, обеспечивая

максимально комфортный режим жизнедеятельности населения (зима с плюсовыми температурами продолжительностью менее двух месяцев) и возможность получать до четырех урожаев в год. Для России с ее трескучими морозами, затяжной зимой, ледяным дыханием Арктики и коротким летом всегда сверхактуальной была проблема простого физического выживания. Единственным источником существования являлись скудные и малоплодородные почвы (2/3 территории России вообще составляет вечная мерзлота), на которых в максимально сжатые сроки требовалось провести весь цикл агрохозяйственных работ: вспахать, посеять, скосить и обмолотить полученное. Русскую зиму и морозы (равно как наводнения, пожары, «голодные годы») невозможно было отменить никакими императорскими указами или постановлениями правительства.

Очевидно, что климатический фактор (вкупе с нашими просторами и масштабами) не мог не влиять на менталитет, образ жизни, мышления, мировосприятие, традиции, кухню и даже природно-биологические параметры людей, которые осваивали и обживали эти суровые земли (подсчитано: затраты физического труда русского мужика, чтобы получить один урожай, в четыре раза превышали энергозатраты голландского или английского фермера). Этнограф П.И. Кутнер указывал: «Длительное, многовековое пребывание народа в определенной местности отражается, конечно, на его экономике, обычаях, психическом складе, сказывается на материальной и духовной культуре». Мнение о взаимосвязи географической среды, ландшафта, космических процессов со спецификой национального характера было присуще и Л.И. Мечникову, и А.Л. Чижевскому, и Л.Н. Гумилеву. Поэтому культурно-цивилизационные особенности восточноевропейского ареала носили объективно обусловленный характер, а не являлись чьей-то прихотью, фантазией или плодом досужего воображения.

Земля-кормилица рассматривалась как божий дар, ниспосланный свыше всем. **Сакрализация образа Матери-земли** имела место быть у прапредков русичей с незапамятных времен: в народных преданиях, сказаниях, былинах олицетворением плодородия и «женственной природы» Руси служило триединое начало: Макошь («мать урожая») и две ее помощницы – Лель и Лада. В древнейших русских легендах Земля наделялась исключительной животворящей силой и особой биоэнергетикой: она залечивала раны, придавала силу воинам, давала кров и убежище всем нуждающимся. Именно в этом следует искать истоки столь глубокой (непонятной многим чужестранцам) и неизбывной любви наших предков к своей неласковой и далеко не самой «комфортной» земле, защищая которую они готовы были жертвовать своей жизнью (видимо, тут и кроются корни глубинного патриотизма нашего народа).

Столетиями на Руси сохранялись выработанный алгоритм последовательности, норм производства, порядок и организация хозяйственной деятельности на земле, общинно-индивидуальный характер труда (в одиночку решение жизненно важных задач было, по сути, невозможно). Это сочетание общинного землепользования с индивидуальным трудом воплотилось в своеобразных формах «мирского» соработничества, которое менялось и трансформировалось в виде братств, артелей, общин и т.д. «Мир» не только выполнял функцию регулятора и координатора экономического процесса, но и вырабатывал морально-этические критерии, духовно-нравственные приоритеты, методы взаимопомощи и сотрудничества. Он же определял общую духовную атмосферу, обеспечивал поддержание принципа справедливости во взаимоотношениях между членами группы, устанавливал справедливый стандарт распределения произведенного продукта.

Несмотря на известную вульгаризацию и примитивизацию понятия справедливости в прошлом столетии, оно сохраняет свою сверхактуальность и в XXI веке: твердая убежденность людей в том, что никто не имеет права строить свое «процветание» за счет других или на подрыве общественных устоев, по сути, неискоренима: в народном сознании каждый обязан «нести свой крест», обеспечивая вместе жизнестойкость целого (показательно, что президент России В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ от 20.02.2019 наиболее часто использовал термин «справедливость»).

Именно в недрах старообрядчества (пронесшего через столетия такие ценности, как духовная стойкость, крепкая семья, честный труд, аскеза и личная скромность, братское единение, взаимопомощь, порядок, чистота, верность наследию предков) изначально зародилась и получила затем развитие и широкое распространение философия соборности. **Соборность**, имеющая на Руси как глубокую духовную корневую систему, выражающуюся в своеобразном кафолическом сознании, так и давнюю автохтонную преемственность (совет дружины князя – вече – сельский сход / казачий круг – поместные соборы – боярские советы – дворянские собрания – земские соборы – Госсовет), не синонимична упрощенному / обезличенному «коллективизму», хотя последний и содержит определенные элементы соборности (взаимовыручка, солидаризм, массовый героизм, самопожертвование). Соборность не является сугубо религиозным явлением, но включает и социальную, и духовную, и политическую, и культурную сферы жизнедеятельности. Отечественные мыслители (В.С. Соловьев, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, С.Н. Трубецкой, С. Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев) рассматривали соборность как полифоничное, многомерное понятие, отражающее не узко понимаемые устремления отдельных фигурантов, а всю совокупность общественно значимых отношений, построенных на любви и взаимопонимании: наше «мы» не формируется из отдельных синтезированных «я», а образуется из органического нераздельного

общекорневого единства. Оно крепится связью, прежде всего духовной и нравственной, когда каждая личность «держит внутри себя собор со всеми» (С.Н. Трубецкой). По мнению А.С. Хомякова, «…соборное единство есть единство свободное и органическое…» [Хомяков, 1867, *101*].

После строительства на Руси в X веке национальной церковной общины соборность стала своего рода матрицей организации всего общественного бытия. Владимиро-Суздальский собор 1274 года открыл череду поместных соборов (по примеру первых апостольских), проходивших в течение XIII–XV веков (уже в новейшей истории страны в 1980–1890-е годы регулярно собирались архиерейские соборы). Эта методика решения сложных церковных проблем была позднее спроецирована и на социально-политическую жизнь, что нашло воплощение в практике Земских соборов. Первый Земский собор был созван Иваном IV (Грозным) в 1549 году для утверждения Судебника; на аналогичном Земском соборе 1649 года было принято Соборное уложение; в 1613 году, после преодоления национальной катастрофы, вызванной Смутным временем [Востриков, 2004, *21*], именно «Собор всея Земли Русской» избрал нового царя М. Романова. В настоящее время ежегодно проводятся Всемирные русские народные соборы, на которых православное духовенство совместно с представителями общественно-политических организаций, различных народов России и традиционных религий, социальных групп обсуждают насущные проблемы как Российской Федерации, так и всего Русского мира. Представляется, что как духовный, так и прикладной потенциал соборности далеко не исчерпан.

Одним из традиционных национальных приоритетов является **поиск истины** и смысла жизни. Специфический архетип «странствующего царства» исстари вдохновлял русичей на непрестанные поиски «земного рая», формировал у них глубоко укорененную модель сознания, ориентированную в известной степени не на существующую реальность, а на достижение притягательного идеала «светлого будущего». Н. Бердяев отмечал: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей» [Бердяев, 1990, *14*]. Вольный странник – абсолютно свободный человек в поисках смысла, «которому открыт мир и который сам открыт миру» (В. Франкл). В отличие от западной рационально-прагматической парадигмы жизнедеятельности, в национальной традиции особое внимание всегда уделялось милосердию, взаимопомощи, состраданию. Анализируя специфику русского национального психотипа, Н.О. Лосский очень точно подметил: «К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний… Глубокое проникновение в тайники душевной жизни особенно выразилось в творчестве таких гениальных художников, как Л. Толстой и Ф. Достоевский» [Лосский, 1991, *258*].

В традиционной системе ценностных ориентиров сопереживание «душевной близости», стремление к абсолютному добру ставилось выше

благ, денег, почестей, богатства, то есть имел место безусловный приоритет духовного над материальным. Здесь важно подчеркнуть, что нередко это свойство национального архетипа эксплуатировалось (под прикрытием социальной мимикрии и демагогии) в узкоэгоистических и спекулятивных целях: «…едва ли можно назвать хотя бы одного национального русского мыслителя, который не выступал одновременно в качестве морального проповедника или социал-реформатора, иначе говоря, в некотором смысле не стремился бы улучшить мир или возвести идеал» [Франк, 1991, *489*].

Вышеупомянутые устремления к поиску и постижению самых «высоких глубин» истины, всего мироздания и предназначения человека, грезы о будущем, о земле и небе породили интересный и самобытный духовно-мировоззренческий и социогуманитарный **феномен «русского космизма»**. Отечественные мыслители-космисты (Н. Федоров, А. Чижевский, К. Циолковский, Д. Менделеев, Е. Рерих, Е. Блаватская, В. Вернадский, Н. Козырев, Ю. Солонин, С. Королев, Н. Моисеев, В. Казначеев) исходят в своих «исканиях» (достаточно многообразных и всеохватывающих) из неразрывного целого – единства человека и космоса, то есть восприятия человека не как отдельной части Вселенной, а как микрокосма, обладающего всеми качествами вселенной большой. Именно из подобного понимания исходил и основатель русского космизма Н.Ф. Федоров.

Им в середине XIX века было разработано учение о непрерывности человеческой жизни; перемещении людей в космическом пространстве посредством лучевой энергии; возможности регулирования движения Земли в межгалактическом пространстве (трансформации ее в космический «земноход»); превращении космоса в активное поприще человеческой деятельности. Его идеи получили дальнейшее развитие в философии К.Э. Циолковского. Жизнь, по Циолковскому, вечна: «После каждой смерти получается одно и то же – расселение. Мы всегда жили, и всегда будем жить, но каждый раз в новой форме и, разумеется, без памяти о прошлом. Кусочек материи подвержен бесчисленному ряду жизней, хотя и разделенных громадными промежутками времени» [Циолковский, 1984, *78*]. Циолковский был убежден, что жизнь и разум на Земле не являются единственными во Вселенной, которую человек будет постигать, понимать и осваивать. А.Л. Чижевскому в своих трудах («Теории космических эр», «Земное эхо солнечных бурь», «Физические факторы исторического процесса») удалось впервые раскрыть и обосновать влияние космоса, и прежде всего Солнца, на биологические, нервно-психические, военно-политические и социальные процессы на Земле. Им же были установлены ритмы, циклы и периоды колебаний и изменений этих процессов.

Совокупность инновационно-прорывных идей В.И. Вернадского (за рубежом они получили оценку как «вернадскианская революция») сыграла огромную роль в процессе становления современной картины мироздания.

Они охватывали широчайший комплекс проблем, связанных с биосферой Земли, то есть «живым веществом», которое рассматривалось не как узкопланетарное, а как космическое явление, наведенное на живую материю факторами космического характера. По убеждению Вернадского, в последующем биосфера призвана перерасти в ноосферу (понимаемую как взаимодействие человека и природы), когда интеллект и разумная человеческая деятельность станут определяющими факторами развития. В середине XX века мыслитель утверждал: «Сейчас мы переживаем новое геологическое изменение биосферы. Мы входим в ноосферу» [Вернадский, 1989, *115*]. Учение Вернадского оказало мощное влияние и на формирование основ экологизации всего общественного сознания. Реальное воплощение многие идеи «русского космизма» нашли в деятельности выдающегося исследователя и конструктора в области космонавтики С.П. Королева (считавшего себя учеником К.Э. Циолковского). Им были созданы первые искусственные спутники Земли (ИСЗ) и космический корабль, на котором осуществил свой звездный полет Ю.А. Гагарин. Закономерно и логично, что именно Россия стала первопроходцем и открыла эру освоения космического пространства для всего человечества.

Таким образом, национальная система базовых духовно-нравственных ценностей, формировавшаяся на протяжении многих тысячелетий, несмотря на все пертурбации и коллизии истории (войны, нашествия, смуты, вторжения, репрессии, расколы, интервенции, перевороты / контрперевороты, голод, безвременье, блокады, санкции и т.п.), выдержала проверку временем, хотя и подверглась серьезным деформациям. В данном контексте продолжает сохранять остроту проблема, сформулированная Н.Я. Данилевским в середине XIX века: «Должно ли славянское племя – член арийской семьи, равноправной с племенами индийским, иранским, эллинским, латинским и романо-германским, создавшими каждое свою самобытную культуру, – оставаться только ничтожным придатком, так сказать прихвостнем Европы, или же в свою очередь приобрести миродержавное значение и положить свою печать на целый период истории?» [Данилевский, 1990, *90*].

И спустя полтора столетия – в начале XXI века – Россия находится в столь же сложном – дуалистичном – положении, переживая глубокий внутренний мировоззренческий (и социальный) кризис. Это подтверждают выводы широкомасштабного комплексного исследования «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века», выполненного под руководством профессора Л.А. Опенкина, в котором было задействовано около 100 ученых различных отраслей знания (историков, психологов, философов, правоведов, лингвистов, культурологов, экономистов, политологов, педагогов, международников, этнографов, археологов, биологов, юристов, аналитиков): «Если мы будем смотреть правде в глаза, то обязаны признать, что по ходу становления новой России, а это уже

два десятилетия, страна пребывает в состоянии глубокого мировоззренческого кризиса. **С одной стороны, он блокирует выработку долговременной политики социальных преобразований, с другой – подрывает идейные основы государственности**. Поскольку, как показывают и социологические замеры, и сама жизнь, идеи и ценности демократии, свободы, частной собственности, либерализма, рынка, т.е. идеи, которые составляют фундамент действующей Конституции РФ, **не пользуются доверием у большинства граждан страны**. Это серьезный сигнал для политиков и интеллектуалов» [Литературная газета, 2011, № 11–12, *9*].

В этой связи важно обратить особое внимание на те динамичные и опасные деструктивные трансформации, которые претерпевает сегодня русский язык: языковые процессы свидетельствуют о переизбытке «новоделов», «калькирований» и заимствований; наблюдается активизация экспрессивных моделей словообразования; имеют место рассогласования, асинхронизации, негативные сдвиги в стилистике и фразеологии. Смоленский ученый-филолог В.А. Королькова, анализируя эти изменения, точно подметила: «Люди склонны подражать образцам. Тем не менее, даже в речи дикторов, которая традиционно считалась образцовой, нередки грамматические и акцентологические ошибки. Ненормативная лексика поднимается до уровня нормы. Языковая неряшливость и элементарная неграмотность превышают все допустимые нормы. Количество переходит в качество, и происходит привыкание к ошибкам. К сожалению, приходится признать и тот факт, что книги перестали быть эталоном языка» [Королькова, 2009, *193*]. Деградационные проявления, ведущие к усилению турбулентности и хаотизации в государственном языке Российской Федерации (сфера обращения которого не только в мире, но даже в «ближнем пространстве» СНГ значительно сократилась), представляют реальную угрозу национальной безопасности, ибо именно язык есть первооснова системы ценностных ориентиров, носитель и хранитель культуры «государствообразующего народа», духовный стержень и системообразующее ядро уникальной цивилизации, коей является Россия.

Необходимо учитывать и те глобальные риски и вызовы, на которые провидчески указывал академик РАН Н. Моисеев: «Во-первых, на протяжении всей своей истории человечество занималось самоуничтожением. В конце концов, оно может преуспеть в этом. К катастрофе способны привести глобализация терроризма, случайные утечки вредоносных бактерий, возникновение новых эпидемий наподобие СПИДа. Каждая из возможностей представляется маловероятной, но она существенна, и за длительный промежуток времени вероятность вполне может приблизиться к единице. Во-вторых, человечество стало глобальным фактором, уничтожающим естественные связи, которые устанавливались миллионы лет. Можно долго перечислять примеры вымирания видов, загрязнения атмосферы и т.д.» [Моисеев, 2003, *128*]. Выражая надежду на имеющийся

у земной цивилизации шанс на выживание, ученый вместе с тем делал специальную оговорку: «Не наша цивилизация, так другая». Причем триггером катастрофического сценария может стать не только недальновидное и узкоутилитарное использование самых «креативных технологий», но и глобальная деградация межцивилизационных и этнокультурных взаимодействий: «Свободный луч культурного излучения, – отмечал Арнольд Тойнби, – как свободный электрон или вирус заразной болезни, может оказаться смертельным в случае, если будет сдвинут со своего места в строгой структуре, в которой он функционировал до того, и пущен на волю в совершенно новую для себя среду. В первоначальной, родной структуре этот культурный луч, бацилла или электрон не имели возможности сеять смуту, будучи жестко привязаны к остальным компонентам той структуры, где все части и функции их пребывали в равновесии. Теряя связь с первоначальной структурой, свободная частица, бацилла или культурный луч не изменяют своей природы, однако та же, прежде безвредная природа, вдруг обретает смертоносную силу, разорвав привычные связи. В этих обстоятельствах – "где усопшему мир, там лекарю пир", иными словами, "что одного лечит, то другого калечит"» [Тойнби, 1996, *183*].

«Затмение» культуры – так квалифицировал Питирим Сорокин состояние морально-нравственных отношений в современном мире: «Немного было в истории человечества периодов, когда миллионы людей были бы так же несчастны, лишены надежды, унижены, голодны и разорены, как в наше время… Это "затмение" культуры – признак времени. Лучшего доказательства ее практической несостоятельности и не надо» [Сорокин, 2000, *803*].

В условиях стремительно меняющегося мира все больше дают о себе знать разрушительные проявления (условно говоря) «глобальной декультурации», то есть аннигиляции самих духовно-нравственных основ, вандализации уже цивилизованного человека: разрушение биосферы планеты; всплески агрессивности; возникновение массовых психозов; расслоение и поляризация социума; массовый рост протестных настроений; криминализация и разложение политических элит; распространение коррупции в правящих кругах; неравноправие и отчуждение между гражданским обществом и властными структурами; дефицит доверия между государствами; деградация системы международных отношений; милитаризация и гонка вооружений; усиление конфликтогенности, экстремизма, радикализма; интенсификация кибервойн и гибридных противоборств; подрыв системы международной безопасности; утрата культурных традиций; «промывание мозгов» и манипуляция общественным сознанием; подмена подлинных ценностей фальшивками и «фейк-идеями». «Суррогатные ценности» (гедонизм, эскапизм, сексизм, мачизм, эгоцентризм, паразитизм, сатанизм, хоридность, алчность, вандализм и т.п.) через «глобальную паутину» и ангажированные СМИ активно тиражируются и внедряются в умы миллио-

нов людей (особенно молодежи). Но, как абсолютно точно указывал Г. Вайнер, «…колбаса, которой сегодня в изобилии, не может определять духовность общества, его устремленность. Гигантский выбор дубленок на Черкизовском рынке в Москве никогда не станет национальной идеей».

Внедрение и растление осуществляется посредством как давно апробированных, так и самых современных и изощренных методик, начиная от торговой и политрекламы вплоть до нейролингвистического программирования, сетевого зомбирования и перекодирования сознания. «Эти методы, – подчеркивал Э. Фромм, – побуждают нас покупать вещи, которые нам совсем не нужны и которые мы не хотим приобретать; вынуждают нас избирать тех политических деятелей, которых мы никогда не избрали бы, если бы полностью контролировали себя. Эти гипнотические методы представляют… серьезную угрозу психическому здоровью, особенно ясному и критическому мышлению и эмоциональной независимости. Обрушивающаяся на население реклама с ее чисто суггестивными методами, характерными прежде всего для телевизионных коммерческих фильмов, является одурманивающей. Специфический результат воздействия этих суггестивных методов состоит в том, что они создают атмосферу полузабытья, когда человек одновременно верит и не верит происходящему, теряя ощущение реальности» [Фромм, 2000].

На фоне углубляющихся хаоса, нестабильности и турбулентности происходит возрастание роли глобалистских телекоммуникационно-финансовых и технократических структур, производящих в общемировом масштабе выпуск паракультурных подделок, множество образчиков вульгарной халтуры; стимулирующих размывание института семьи и традиционных устоев, перерождение человека, превращение «гомо сапиенс» в антисоциального мутанта, стремящихся к демонтажу суверенитета национальных государств, переформатированию в своекорыстных интересах всего глобального пространства. Выражается это в возрождении (в деформированно-квазиинновационном виде) наихудших форм прошлого: неоколониализма, неофашизма, неорасизма, постимпериализма, технологического экспансионизма.

Необходимо подчеркнуть, что быстрое изменение техники и технологии, как и развитие «инновационной культуры», в современных условиях имеет своей обратной стороной обострение кризисных процессов и усиление всеобщих угроз для самой среды обитания человечества. Исторический опыт свидетельствует, что сам по себе «абстрактный прогресс», лишенный всяких духовно-нравственных основ и культурных корней, способен породить самые дикие формы варварства: учеными-германистами отмечалось, что в Германии 30-х годов (при наличии фашистской идеологии) была, по сути, создана суперпродвинутая «технотронная цивилизация», опередившая в своем научно-техническом и промышленном развитии как США, так и СССР. В 40-е годы

пальма первенства в техносфере перешла от III Рейха к Американской империи, которая первой в мире создала атомную бомбу и испытала ее на живых людях (единственный раз в истории человечества). Результаты общеизвестны. Воистину сон разума способен рождать чудовищ. Уже тогда стало ясно, что новейшие технологии могут быть использованы как во благо человечества, так и для его уничтожения.

Научно-технический прогресс, естественно, необратим, и его остановить нельзя, но задумываться о том, кто, зачем и как распорядится результатами «тотальной цифровизации», «искусственного интеллекта», безграничной роботизации, чипизации, киборгизации, полезно уже сегодня: куда бездуховный и свободный от всяких «химер морали» и пут совести «абсолютно чистый разум» может завести цивилизацию; зачем ему душа? Очевидно, что абсолютизированная новатика как самоценность и высшая цель в ее исключительно прагматичном смысле способна превратиться в инструментальное средство по искоренению традиционности, которая в подобном контексте рассматривается как архаика и «тормоз развития». Между тем в культурно-историческом процессе традиции обладают способностью к саморазвитию и внутренней трансформации, не только накапливая человеческий опыт, но и адаптируя его к условиям изменяющейся среды.

Глубинный смысл традиции, как известно, заключается в сохранении органической связи между прошлым, настоящим и будущим, обеспечении преемственности культурно-цивилизационного развития: «В традиции всегда есть несокрушимое ядро, неопалимая ее купина, благодаря которой она выполняет функцию хранительницы вечного, классического, хрестоматийно-нормативного в историческом становлении; тем самым ее онтологическим основанием является не преходящее, а вечное, поддерживающее связь времен» [Гатальска, 2005, *135*]. Очевидно, что оптимальной моделью развития является многоуровневая коэволюция и сочетание новаций и традиций, креатива и наследия в рамках системы обоюдоконструктивных балансиров. Современный мир полицентричен и многолик, и в нем имеют место самые разнообразные конструкции плодотворного взаимодействия базовой основы (коей служат трансформирующиеся традиции) и инновационных компонентов.

В этом плане весьма интересен опыт динамично развивающихся «тигров» и «драконов» Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапур, Южная Корея, Малайзия, Тайвань, Индонезия, Вьетнам, Лаос, Таиланд), где процесс преобразований и модернизации осуществлялся в соответствии со смыслосодержательной парадигмой: «Сохраним и приумножим». Не отвергая национальных традиций, а опираясь на самобытное наследие и культуру своих предков, эти страны успешно обогатили опыт прошлого и соединили его с достижениями дня сегодняшнего, экстраполируя этот синтез на систему целеполагания будущего. (Для европейцев же парадоксальным и не-

понятным кажется, например, регулярное пребывание в буддийских монастырях высших должностных лиц Лаоса и Вьетнама для очищения кармы и приобщения к высшим духовным ценностям, ибо, по мнению лидеров, «буддизм социализму не помеха».)

Симптоматично, что представители западного научного сообщества, рассматривая развитие стран АТР, первоначально «выявили» целый ряд «ограничителей» и негативных «сдержек», якобы тормозящих процесс модернизации (среди них – приоритет духовных и религиозно-нравственных ценностей; ориентация на вечность; самоценность семьи; жесткая социальная иерархия; традиционализм; почитание старших; патернализм; этатизм; вождизм; скромность; исполнение долга; аскетизм; открытость и автономность; гомогенность). Причем данное «выдающееся открытие» сделали ученые с громкими именами, которые смотрели на полифоничный и мозаичный мир через узкоместечковую форточку европоцентричных шаблонов. Однако выведенная западными мыслителями «архаичная» и «антирыночная» матрица национального характера народов региона нисколько не помешала последним сделать мощный технологический прорыв и осуществить эффективную модернизацию потихоокеански: зарубежные критики были вынуждены спешно при помощи псевдонаучной казуистики опровергать самих себя. Хитря и изворачиваясь, пришлось признавать неопровержимые факты реальности: те же самые скептики шумно взялись «доказывать», что вышеуказанные «ограничители» вовсе и не «ограничители», а стимулы и импульсы экономического развития.

Наиболее показателен опыт таких «органических цивилизаций», как Индия, Иран, Китай (последний демонстрирует уникальное сочетание конфуцианской системы морально-этических ценностей и «китаизированного марксизма»). Многотысячелетнее культурно-историческое развитие этих цивилизаций основывается на мудрой адаптации всякого рода креативных нововведений к уже существующей структуре собственных традиций, инкорпорировании новаций в систему традиционных установлений, что делает ее стабильной, духовно богатой и многообразной. Анализируя отечественный опыт приватизационно-ваучеризаторских прожектов в сравнении с результатами реальных реформ соседнего Китая, председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин обоснованно отмечал: «За это время китайцы на глазах у всего мира занялись медленной реформой своей системы. Категорически отказавшись от того, чтобы ее ошельмовывать, парализовывать и демонтировать. Занялись этим они, естественно, на свой манер. Каждая страна, которая хочет добиться какого-то позитивного результата, должна все делать на свой манер, то есть **с учетом культурно-исторической специфики**. Но ведь они именно этим занялись!» [Российская газета, 2009, 11 декабря].

В чем смысл нового позиционирования России в меняющемся мире с учетом важности успешного модернизационного опыта дальневосточных со-

седей? На этот вопрос отвечал много лет назад Ф.М. Достоевский: «Необходимо “оздоровить” взгляд России на Азию, освободиться от “стыда”, что нас назовут “азиатами”. Это ложный стыд, который может возникать или по невежеству, или из лакейства перед Европой». Подчеркивая значение подобного «оздоровления», он провидчески выразил пожелание, обращенное в будущее: «Если бы свершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи – о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш большой корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо» [Достоевский, 1976, *36*].

Духовная и историко-культурная уникальность России аксиоматична (она также относится к числу «органических цивилизаций»), но до недавнего времени она как бы «стеснялась» своей самобытности и идентичности (известно, что именно кризис идентичности порождает множество вторичных деструктивных факторов).

Далеко не многие страны ЕС сумели сохранить собственную национальную культуру – в XX веке они деградировали до уровня евроконтинентальной фашизации, а в поствоенный период стали объектом массированной культурной экспансии США; отдельными исключениями на этом фоне, вероятно, являются государства, сумевшие сберечь и соединить свои многовековые, самобытные традиции с самыми передовыми технологиями (избежав при этом фашистской заразы): Швейцария, Швеция, Ирландия. Преуспевание, устойчивость и стабильность этих государств в значительной степени обусловлены именно особенностями их культурно-исторического развития. Сегодня, на фоне внешних угроз (деградации международного права и безопасности, гонки вооружений, межцивилизационных разломов, усиления конфликтогенности и сетецентричных информационно-психологических противоборств, массированного санкционного прессинга), а также наличия внутренних факторов риска (глубокого мировоззренческого кризиса, социальной поляризации, отсутствия целостной и внятной идеологии), возникает закономерный вопрос: что следует предпринять России для самосохранения и обеспечения своего будущего?

Нам еще предстоит заново осознать, переосмыслить и оценить глубину и богатство национальной культуры, обратиться к незамутненным родникам своего духовного наследия. В данном контексте представляется очень точным и емким суждение отечественного философа С.С. Хоружего относительно того, что «…по высоте здания, как и по реалистической полноте охвата, такой образ человека, хотя и сформировавшийся в основных чертах полтора тысячелетия тому назад, по сей день остается скорее уж впереди нас, нежели позади. Он остается, таким образом, не только нераскрытым, но также и неустаревшим, непревзойденным – и потому не утрачивает способности оказаться нужным и ценным для современной мысли, современных духовных поисков, всей духовной ситуации наших дней» [Хоружий, 1994, *278*].

Обстоятельства нового времени делают жизненно важными сбережение сокровенного ядра своей души и национального исторического наследия, укрепление духовных устоев, защиту русского языка и литературы от разложения, сохранение идентификационной «матрицы» народа, культурного кода нашей цивилизации, системы смыслосодержательных и жизнеутверждающих идеалов и ценностей, заложенных нашими предками тысячелетия тому назад, с учетом ее адаптации к меняющимся условиям бытия.

Самоусиление через самопреодоление в самых сложных и тяжелых условиях – вот путь нашего движения в будущее, ибо, как справедливо подчеркивал В. Ключевский, «…одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу» [Ключевский, 1990, *77*].

Будущее альтернативно, но за него нужно бороться. Очевидно, что в современном мире эта борьба все больше напоминает «столкновение цивилизаций» (по С. Хантингтону) и в данном контексте судьбоносный вопрос будущего для России остается открытым: сохранить себя как самостоятельную и конкурентноспособную мировую державу или, подобно многим цивилизациям прошлого, кануть в Лету?

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. Судьба России. М.: МГУ, 1990.

Болянский О. О времени происхождения славянских письмен. М., 1865.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.

Востриков С.В. «Смутное сознание» как проявление русского катастрофизма. Смоленск: Шеремет, 2004. 21 с.

Даль В. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М.,1995.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1990.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1976.

Зорькин В. Повторение пройденного. К шестнадцатилетию российской Конституции // Российская газета. 2009. 11 декабря.

Ильин В.В. Люди Древней Руси. Смоленск: Посох, 2000. 224 с.

Ключевский В. Русский архив. Вып. 1. М., 1990.

Королькова В.А. Личность в современном языковом пространстве // Личность в пространстве и времени: материалы 2-й Международной научной конференции. Смоленск, 2009. 560 с.

Литературная газета. 2011. № 11–2.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.

Мацеевский В.А. История первобытной христианской церкви у славян. Варшава, 1840. Т. 1.

Моисеев Н.Н. Избранные труды. В 2 т. Т. 2: Междисциплинарные исследования глобальных проблем. М.: Тайдекс Ко, 2003.

Пространное житие Кирилла // Родник златострунный. Памятники болгарской литературы IX–XVII вв. М., 1990.

Сильницкий Г.Г. Западное славянство. Россия и Европа // Минск – Смоленск – Москва. Этнография славянских народов: материалы международной научно-практической конференции (21–23 сентября 2000 года). Смоленск: СГПУ, 2000. 560 с.

Сорокин П. Социология и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

Тойнби А.Д. Психология столкновения // Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996. 592 с.

Слово о законе и благодати // Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI века / публикация Н.Н. Розова. 1963.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895.

Франк С. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

Франк С. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.

Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.

Хомяков А.С. Сочинения. Прага, 1867.

Хоружий С.С. После перерыва. СПб., 1994. 278 с.

Шмелев А.Д. Языковые заимствования и картина мира // Учительская газета. 2009. Сентябрь.

Гатальска С.М. Філософія культури. К.: Либідь, 2005.

K.S. Bogatchikova
Candidate of Scinces in Law,
Lecturer,
Smolensk Region Training Center of the Ministry of Internal Affairs
Smolensk, Russia

S.V. Vostrikov
Doctor of Historical Scinces,
Professor,
Department of History and Theory of State and Law,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Spiritual Heritage as the Basis of Russian Civilizational Identity

This article examines psychohistorical and ideological aspects of origin, formation and transformation of the system of spiritual and value orientations and ideals that form the basis of the socio-cultural code of Russian unique civilization in the rapidly changing world.

The article is devoted to the analysis of a national system of basic moral values of Russia and the Russians, that has been formed over millennia, which, despite all the conflicts in history has stood the test of time, although it has undergone serious deformations. In the course of comparative-historical comparative analysis concerning the history of Russian unique civilization formation, the article reveals features of Russian spirituality further development.

The circumstances of the modern period make it vital to preserve the national historical heritage, strengthen spiritual foundations, protect the Russian language and literature from decay, preserve the people's identity «matrix», a cultural code of our civilization, the system of life-affirming ideals and values laid

down by our ancestors millenniums ago. As a result, they have adapted it to the changing conditions of life.

Key words*: spirituality; writing; language; values; ideals; justice; search for truth; collegiality; cosmism; civilization; ecology; sources; noosphere; risks and challenges.*

REFERENCES

A lengthy life of Cyril. Cyte by: Spring platetronic. Monuments of Bulgarian literature of the IX–XVII centuries [Prostrannoye zhitiye Kirilla. Tsit. po: Rodnik zlatostrunny. Pamyatniki bolgarskoy literatury IX–XVII vv.]. Moscow, 1990 (in Russian).

Berdyaev N. The Fate of Russia [Sud'ba Rossii]. Moscow, Moscow State University, 1990 (in Russian).

Dal V. Explanatory Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 3 [Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 3]. Moscow, 1995 (in Russian).

Danilevsky N.Ya. Russia and Europe [Rossiya i Yevropa]. St. Petersburg, 1990 (in Russian).

Dostoevsky F. M. Complete works [Polnoye sobranie sochineny]. Leningrad, 1976 (in Russian).

Frank S. Ethics of nihilism [Etika nigilizma]. Milestones. Intellectuals in Russia [Vekhi. Intelligentsiya v Rossii]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1991 (in Russian).

Frank S. Spiritual foundations of society [Dukhovnye osnovy obshchestva]. Moscow, Respublika, 1992 (in Russian).

Fromm E. To have or to be [Imet' ili byt']. Moscow, AST, 2000 (in Russian).

Ilyin V.V. People of Ancient Russia [Lyudi Drevnei Rusi]. Smolensk, Posokh, 2000. 224 p. (in Russian).

Khomyakov A.S. Essays [Sochineniya]. Prague, 1867 (in Russian).

Khoruzhy S.S. After a break [Posle pereryva]. St. Peterburg, 1994. p. 278. (in Russian).

Klyuchevsky V. Russian archive [Russky arkhiv]. Vol. 1. Moscow, 1990 (in Russian).

Korolkova V.A. Personality in modern language space [Lichnost' v sovremennom yazykovom prostranstve]. *Lichnost' v prostranstve i vremeni: materialy 2-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Personality in space and time: materials of the 2nd International scientific conference]. Smolensk, 2009. 560 p. (in Russian).

Literaturnaya gazeta, 2011, no. 11–12 (in Russian).

Lossky N.O. Conditions of absolute goodness [Usloviya absolyutnogo dobra]. Moscow, Politizdat, 1991 (in Russian).

Matseyevsky V.A. History of the primitive Christian Church among the Slavs [Istoriya pervobytnoi khristianskoi tserkvi u slavyan]. Warsaw, 1840. Vol. 1. (in Russian).

Moiseyev N.N. Selected works. In 2 volumes. Vol. 2. Interdisciplinary studies of global problems [Izbrannyye trudy. V 2 t. T. 2: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya global'nykh problem]. Moscow, Tidex Co, 2003 (in Russian).

Polansky O. About the time of origin of the Slavic writings [O vremeni proiskhozhdeniya slavyanskikh pis'men]. Moscow, 1865 (in Russian).

Rossiyskaya Gazeta, December 11, 2009 (in Russian).

Shmelev A.D. Language borrowings and the picture of the world [Yazykovye zaimstvovaniya i kartina mira]. *Uchitelskaya Gazeta*, September, 2009 (in Russian).

Silnitsky G.G. (2000). Western Slavs. Russia and Europe [Zapadnoye slavyanstvo. Rossiya i Yevropa]. *Minsk – Smolensk – Moskva. Etnografiya slavyanskikh narodov: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 21–23.09.2000* [Minsk – Smolensk –Moscow. Ethnography of Slavic peoples. Proceedings of the international scientific and practical conference, September 21–23, 2000]. Smolensk, SSPU, 2000. 560 p. (in Russian).

Sorokin P. Sociology and cultural dynamics: A study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and social relations [Sotsiologiya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmeneny v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheny]. St. Petersburg, Republican Artistic Gymnasium-Boarding School, 2000. 1054 p. (in Russian).

Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the old Russian language [Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka]. St. Petersburg, 1895 (in Russian).

The word about law and grace [Slovo o zakone i blagodati]. Synodal list of works of Hilarion-Russian writer of the XI century [Sinodal'ny spisok sochineny Ilariona – russkogo pisatelya XI veka]. Publication of N.N. Rozov, 1963 (in Russian).

Toynbee A.D. The Psychology of a collision [Psikhologiya stolknoveniya]. Civilization before the court of history [Tsivilizatsiya pered sudom istorii]. St. Petersburg, 1996. 592 p. (in Russian).

Vernadsky V.I. Biosphere and noosphere [Biosfera i noosfera]. Moscow, Nauka, 1989 (in Russian).

Vostrikov S.V. «Vague consciousness» as a manifestation of Russian catastrophism [«Smutnoye soznaniye» kak proyavleniye russkogo katastrofizma]. Smolensk, Sheremet, 2004. 21 p. (in Russian).

Gatalska S.M. Philosophy of culture [Filosofiya kul'turi]. K., Libid, 2005 (in Ukranian).

Ю.Е. Ивонин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94.430,03.05

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-251-259

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ И САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАРЛА V ГАБСБУРГА

Ключевые слова: *Священная Римская империя; репрезентация; государство; власть; подданные.*

Репрезентация власти являлась важным показателем политической культуры раннего Нового времени, требовавшей пышности, торжественности и празднеств. Важным моментом политики любого государства служит создание такого представления о себе, которое могло бы повлиять на формирование оценки его мощи и богатств. Весьма отчетливо данная тенденция проявилась в XVI веке в политике императора Карла V Габсбурга, стремившегося создать мировую католическую империю и использовавшего для этого опыт истории древнего Рима в виде триумфов и других массовых зрелищ. Это явление возникает при императоре Максимилиане I и римском папе Юлии II. Император приобретал опыт создания триумфов по мере расширения сферы влияния династии Габсбургов в Европе. Триумфы организовывались в Испании, а затем в Италии. Разумеется, этими акциями император хотел произвести впечатление как на противников, так и на союзников. Император пропагандировал себя как победоносного полководца и властителя. Репрезентация вла-

сти также проявилась в большом количестве портретов европейских правителей, в том числе и Карла V, написанных великими художниками, среди которых особенно выделялся Тициан Вечеллио. Помимо этого, во время Реформации апологетами лютеранства было написано значительное количество портретов реформаторов. Но самым ярким эпизодом репрезентации указанного времени являлся триумф Карла V во время въезда как сторонников императора, так и лидеров лютеранства в город Аугсбург перед Аугсбургским рейхстагом 1530 года.

Полицентризм Священной Римской империи вследствие ее центрального географического положения на европейском континенте был не только политическим, но и культурным. Многое в политической культуре зависело от репрезентации власти на присоединенных территориях и среди поверженных противников. Прежде всего, важны представления о богатстве страны и ее возможностях. При императоре Карле V Габсбурге это проявилось весьма отчетливо, особенно когда шла речь о представительстве монарха, который олицетворял государство, а в случае со Старой империей, по сути дела, конфедерацию имперских чинов. Как в теории, так и на практике в представительстве имперской власти использовалось бургундское наследство в погребальных мероприятиях относительно членов династии. Особую роль в демонстрации мощи династии играли триумфы после побед, подписания важных договоров, коронаций, а также при въезде в города, в которых проходили рейхстаги. За императором, как правило, следовал двор, что должно было произвести впечатление на подданных Империи. Если первый въезд Карла в Испанию был скромным, въезд в Болонью, где он был коронован императорской короной, довольно сдержанным, то въезд Карла V в Аугсбург на рейхстаг 1530 года был действительно впечатляющим по количеству и значимости его участников. Триумфы этого императора во многом повторяли древнеримские образцы. Воспитание и образование Карла хотя и не наделили его отличным знанием античной литературы и философии, но оказали влияние на его любовь к античной скульптуре и архитектуре, а также политику в античном стиле и личность. Главной целью императора и его окружения было стремление укрепить имперскую власть и образ императора через их репрезентацию как продолжателей Римской империи и империи Карла Великого.

Как известно, формирование и оформление этих функций было неустанной заботой всех государей и государств. Они были чем угодно, но только не эпизодическими явлениями в восприятии образа государства. Конечно, репрезентация власти принадлежала к фундаментальным функциям государства. Шла борьба за осуществление собственных интересов внутри складывающейся системы современных государств. Основным принципом, возникшим на исходе Средних веков, была борьба за приведение христианского общества в соответствие с потребностями усиливающихся властителей. Она сопровождалась стремлением обосновать свои притязания на верховную

власть. К этому стремились именно те политики и государи, которые наиболее рьяно желали превознести политическую значимость своих государств, династий и, не в последнюю очередь, собственной персоны. Имевшиеся в их распоряжении средства коммуникации своего времени содействовали распространению этих образов. Прежде всего, к подобного рода властителям относились император Максимилиан I (1459–1519) и римский папа Юлий II (1443–1513). Затем, в последующем поколении, это были французский король Франциск I и император Карл V, политическое и военное соперничество которых за господствующее положение в Европе нашло свое точное отражение в искусстве, и притом не только в портрете, но и в архитектуре, литературе и музыке [Шиллинг, 2009, *252–253*]. Вообще символы и церемонии играли значительную роль как во внутренних, так и во внешних делах Старой империи, как бы показывая ее стабильность и продолжение традиции европейской истории, прежде всего истории латинского государства [Stollberg-Rilinger, 2008, *12–15*]. Величие и мощь державы видны не только в победах, не только в присоединенных территориях и поверженных врагах. Прежде всего важны представления у побежденных и соседей.

Между тем император продолжал совершать триумфальные въезды в один средиземноморский город за другим. Венеция упорно отказывалась от такой «чести», и тогда Карл V поплыл на корабле 27 июля 1529 года из Барселоны в Геную. Итальянские города в то время были образцами политического разнообразия и гражданских традиций. Триумфальные эксперименты императора интересны, равно как и их причины. Собственно, везде он представлял различных монархов. В этом он следовал итальянской модели, согласно которой Венеция и некоторые республики вообще не признавали имперский суверенитет (дожи Венеции и Генуи получили свою власть в результате выборов). С другой стороны, великий поэт Данте Алигьери мечтал об объединении Италии под властью императора Генриха VII, а были и князья, которые думали подобным образом [Mitchell, 1998, *99–100*]. Генуя была старой олигархической республикой, страдавшей от напряженной гражданской борьбы. Ее верхушка впоследствии обращалась с просьбой к французскому королю Людовику XIV принять республику под его защиту, но, тем не менее, в начале XVI века в ней произошло четыре восстания. Окончательно Генуя получила автономию только в 1528 году, когда генуэзский флот под командой дожа Андреа Дориа перешел на сторону Карла V. Вступление в город императора 12 августа 1529 года было, можно сказать, морским. Для этого мероприятия специально построили пристань, покрыли ее богатыми тканями. После артиллерийского салюта император был принесен маврами на пристань, где прошел под первой аркой. После этого его приветствовали Андреа Дориа и члены Синьории, то есть городского управления. Настроение Карла V было приподнятым, так как незадолго до приезда в Геную были подписаны договоры между французским

королем Франциском I и римским папой Климентом VII о совместных действиях против Турецкой угрозы. Император ехал в Италию с желанием обсудить с папой вопрос о коронации его римским понтификом, что было редким в Священной Римской империи, тем более что он опасался ехать в Рим в ближайшие годы после того, как нанятые им для войны против римского папы и итальянских союзников немецкие наемники в начале мая 1527 года подвергли Рим жесточайшему разгрому и насилию [Mitchell, 1998, *100–101*].

4 ноября 1529 года император въехал в Болонью с оружием и в шлеме, увенчанном имперским орлом. Переговоры и разного рода увеселения, как того требовал обычай, продолжались два с половиной месяца. Наконец, 24 февраля 1530 года состоялась официальная коронация, которую многие современники восприняли как триумф. После Болоньи Карл совершил въезд в Мантую как сеньор к вассалу, а уже 20 апреля двинулся с большой свитой на рейхстаг в Аугсбург [Mitchell, 1998, *102–104*]. Из шести последовавших в 30-х годах XVI века въездов в разные города только один происходил по античным образцам. Это был триумф по случаю победы императора в Тунисе над тунисским беем Мюль Хасаном и корсарами Хайреддина Барбароссы и освобождения более ста тысяч пленных христиан. Император въезжал как победитель в разные города Северной Африки, запада Сицилии и Неаполитанского королевства [Mitchell, 1998, *104–105*]. В последующие годы Карл вступал с триумфом в ряд итальянских городов. Разумеется, неоклассицизм был базой с традиционными надписями, эмблемами, колоннами, а также литературными образами, которые легко можно было использовать для подготовки и проведения триумфов [Mitchell, 1998, *110–112*].

Другое дело, что посредством этой политики в сознание подданных внедрялась идея имперского патриотизма. Разумеется, в начале XVI века она отличалась от идеи имперского патриотизма в конце XVIII века. «Полувоображаемая» империя, так никогда и не ставшая модерным государством, сохраняла свою «святость» до 1806 года [Stolleis, 1998, *11–33*].

Причем следует постоянно помнить, что собственно габсбургские территории составляли три четвертых германских земель и вольных городов. Юг и Юго-Восток Старой империи защищали ее от турецкой угрозы, выполняли роль «antemurale Christianitatis», Фердинанду I, брату императора и самому императору в 1556–1564 годах, приходилось проводить более мягкую религиозную политику, нежели императору Карлу, поскольку имперские чины – сторонники Реформации могли прислать ему войска или нет [Schindling, 2011, *287–301*]. Последние играли значительную роль в формировании эмблематики Габсбургов, особенно это касается лозунга «PLUSULTRA», возникшего под итальянским влиянием при бургундском дворе, хотя и следует уточнить, что этот лозунг появился в лексиконе Карла V после поездки в Испанию. PLUSULTRA означало соединение в образе Геркулеса как одной из самых по-

пулярных фигур античной мифологии трех линий Дома Габсбургов – Бургундии, Кастилии и Австрии. Образ Геркулеса играл определенно политическую роль в символике, напоминая, например, о колонне римского императора Траяна [Vocelka, 1997, *220–223*].

Долгий век Священной Римской империи объясняется не большими территориями и населением или «особым путем» Германии до 1806 года, а, как пишет известный американский историк Т. Брэди, традиционной монархией, большим количеством малых государств (то есть территориальных княжеств), близким союзом религии и органов управления, а также коммунализмом |Brady, 1992, *197–216*].

Частые перемещения Карла V между тем создавали почву для проведения праздников или ярмарок. Например, в 1522 году, когда он едва оправился от поездки в Испанию, где участвовал в подавлении восстания городских коммун Кастилии под названием комунерос. Праздники по поводу его возвращения в Нидерланды начались сразу же после пересечения императором границы с Францией в Ауденаарде. Они сопровождались выпадами против французского короля Франциска I. Карл в общем-то не скрывал своей бургундской мечты о единой христианской Европе. В этом смысле он не следовал урокам имперского канцлера Меркурино ди Гаттинары, предпочитавшего явно не обнаруживать свои интересы [Erlanger, 1980, *122*]

Но тут следует отметить, что, будучи единственным монархом Европы, способным противостоять Габсбургам, в эти годы Франциск I не проводил еще политику борьбы против универсальной монархии Карла V. Его планы больше всего сосредоточивались на расширении владений Франции и слиянии культур Франции и Италии [Kohler, 2008, *132–136*].

В реальной политике того времени император нуждался в саморепрезентации в годы противостояния универсальной монархии и союза протестантских князей и городов Германии (именно его конфликта с Шмалькальденским союзом). В эти годы были написаны великим живописцем Тицианом Вечеллио знаменитые портреты Карла, хранящиеся теперь в Мюнхене и Мадриде [Kohler, 2008, *374–375*]. Избрание младшего брата Фердинанда становилось возможным как следствие юридического отречения. Во всяком случае, юридическое отлучение являлось символической смертью правителя [Рихтер, 2016, *96–123*].

В обстановке начавшейся Реформации можно определить репрезентацию лидеров Шмалькальденского союза как защитников истинной веры, опирающихся на Библию. Недаром знаменитый художник Лукас Кранах написал столько персональных и групповых портретов лидеров лютеранства. Открытие Аугсбургского рейхстага 1530 года состоялось через несколько месяцев после коронации Карла императорской короной в Болонье, что придавало его прибытию на рейхстаг особое значение после девятилетнего отсутствия в Германии. Примечательным был торжественный въезд участников рейхстага в Аугсбург в стиле театрализованного представления. За императором следовала

огромная свита, подобающая властелину мировой империи. Она состояла из испанцев, итальянцев, нидерландцев, немцев – императора сопровождали более двухсот князей, графов, баронов, тысяча ландскнехтов для охраны рейхстага, триста солдат личной гвардии и двести испанских охотничьих псов. Отдельно от этой процессии въехали курфюрст Бранденбургский и курфюрст Саксонский во главе соответственно 200 и 150 всадников, позади них во главе 120 всадников – ландграф Гессенский. Въезд стал сценой, на которой произошло испытание на прочность обеих партий, католической императорской и реформаторской. Это был своего рода политический театр, показавший как величие, так и слабость Габсбургов. Религиозное противостояние превращалось в противостояние политическое, происходившее затем не только на рейхстагах – оно вылилось впоследствии в череду религиозных войн [Brady, 1989, *19*]. В этой конфронтации протестантские князья играли роль защитников «истинной» веры в союзе с простым народом [Christensen, 1992, *14–25, 126–130*].

1540-е годы прошли в беспрестанных богословских дискуссиях и попытках решить вопрос о Реформации военным путем. В результате в первой Шмалькальденской войне имперские войска одержали победу. К этому времени относится написание Тицианом конного портрета Карла V в битве при Мюльберге в апреле 1547 года (кстати, императора там не было). Слишком жесткая политика императора вызвала недовольство имперских чинов. После длительных переговоров 14 сентября 1555 года был заключен Аугсбургский религиозный мир, главный принцип которого – «чья власть, того и вера» – стал символом княжеского территориализма [Lutz, 2000, *23–61*].

Император пропагандировал себя как победоносного полководца и властителя. По его заказу итальянский скульптор Леоне Леони создал бронзовую, с мускулистым торсом античного героя, что явно не соответствовало действительности, фигуру императора, на которую прикреплялись и с которой снимались рыцарские доспехи. Увы, эта репрезентация уже была не нужна. Аугсбургский религиозный мир стал концом эпохи Карла V. Он принял наконец решение отречься от императорской и испанской корон. Сначала он в октябре 1555 года передал власть в Нидерландах сыну Филиппу, будущему королю Филиппу II. Формальная передача титула императора Фердинанду Австрийскому произошла только в феврале 1558 года, а передача «Administratio imperii» состоялась 12 сентября 1556 года, и лишь после этого курфюрсты согласились признать его императором без избрания [Ивонин, 2021, *44–45*].

Но традиции репрезентации, основанные на истории древнего Рима, не только не были забыты, но и расширялись. Достаточно упомянуть триумфальные арки Нового времени от Мадрида до Москвы и Санкт-Петербурга.

ЛИТЕРАТУРА

Ивонин Ю.Е. Государи, политики, полководцы Священной Римской империи. XVI–XVIII вв. М.: РУСАЙНС, 2021. 250 с.

Рихтер С. Визуальный правовой акт: церемония отречения Карла V императора от Нидерландов и Священной Римской империи // PROSLOGION. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2(14). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. С. 96–123.

Шиллинг Х. Визуализация власти в системе государств раннего Нового времени (на примере Швеции) // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 252–263.

Brady Th. Rites of Autonomy, Rites of Dependence // South German Civic Culture in the Age of Renaissance and Reformation / ed. by S. Ozment. Kirksville, 1989. P. 9–23.

Brady T. Some Peculiarities of German Histories in the Early Modern Era // Germania Illustrata. Essays on Early Modern Germany Presented to Gerald Strauss / ed. by A. Fix and Susan C. Karant-Nunn. Kirksville, 1992. P. 197–216.

Christensen C. Princes and Propaganda. Electoral Saxon Art of the Reformation. Kirksville, 1992. 136 p.

Erlanger Ph. Charles Quint. Paris: Perrin, 1980. 394 p.

Kohler A. Karl V. 1500–1558. Eine Biographie. München: Beck, 2005. 424 S.

Kohler A. Expansion und Hegemonie 1450–1559. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 444 S.

Lutz H. Reformation und Gegenreformation. 5 Aufl. München: Oldenburg, 2000. 289 S.

Mitchell B. Charles V as Triumphator // In Laudem Caroli: Renaissance and Reformation Studies / ed. by James V. Mehl. Kirksville, 1998. P. 95–112.

Schindling A Die Habsburger, das Reich, die Erblanden und die Reformation // Primus Truber. Die slowenische Reformator und Württemberg / Hrsg. von S. Lorenz, A. Schindling. Stuttgart: Kohlhammer, 2011. S. 287–301.

Stollberg-Rilinger B. Des Kaisers alte Kleider. Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches. München, 2008. 439 S.

Stolleis M. Public Law and Patriotism in the Holy Roman Empire // Infinite Boundaries Order, Disorder, and Reorder in Early Modern German Culture / ed. by Reinhart. Kirksville, 1998. S. 11–32.

Vocelka K., Heller L. Die Lebenswelt der Habsburger. Kultur- und Mentalitätsgeschichte einer Familie. Graz; Wien; Köln: Verlag Styria, 1997. 359 S.

Yu.Ye. Ivonin
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Department of Universal History and International Relations,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Imperial Power Representation and Self-presentation of Charles V of Habsburg

The power representation was an important indicator of the political culture of the Early Modern Era. It required grandeur with solemnity and festivities. An important role in the policy of any state is played by the image that can influence the assessment of its power and wealth.

This tendency was very clearly manifested in the 16th century in the policy of Emperor Charles V of Habsburg, who sought to create a universal Catholic

Empire. He applied the experience of ancient Rome in the form of triumphs and other mass spectacles. This phenomenon appears during the reign of Emperor Maximilian I and Pope Julius II. The Emperor gained experience in creating triumphs as the Habsburg dynasty's sphere of influence expanded in Europe. Triumphs were organized in Spain and then in Italy. And obviously, these actions helped the Emperor to impress both opponents and allies. The Emperor promoted himself as a victorious commander and ruler.

Power representation also manifested itself in a large number of portraits of European rulers, including Charles V, painted by great artists, among whom Titian Vecellio stood out in particular. Besides, during the Reformation, a significant number of reformers' portraits were painted by the apologists of Lutheranism. But the most striking episode of the representation of that time was viewed in the triumph of Charles V during the entry of both the Emperor's supporters and the Lutheran leaders into the city of Augsburg before the Diet of Augsburg in 1530.

Key words: *Holy Roman Empire; representation; state; power; subjects.*

REFERENCES

Ivonin Yu.E. Princes, politicians, generals of the Holy Roman Empire. XVI – XVIII centuries [Gosudari, politiki, polkovodzi Svyaschennoi Rimskoi imperii. XVI – XVIII vv.] Moscow, RUSCIENCE, 2021. 250 p. (in Russian).

Rikhter S. Visual legal act: Ceremony of the abdication of Charles V, the Emperor of the Netherlands and the Holy Roman Empire [Vizualny pravovoi akt: zeremoniya otrecheniya Karla V imperatora ot Niderlandov i Svashchennoi Rimskoi imperii]. *PROSLOGION. Problemy sotsialnoi istorii i kultury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [PROSLOGION. The problems of social history and culture of the Middle Ages and Early Modern Time]. Issue. 2(14). St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2016, pp. 96–123 (in Russian).

Schilling Kh. Visualization of power in the state system of the Early Modern Time (on the example of Sweden) [Visualisaziya vlasti v sisteme gosudarstv rannego Novogo vremeni (na primere Shvetsii)]. *Rossiya, Polsha, Germaniya: istoriya i sovremennost' yevropeiskogo yedinstva v ideologii, politike i culture* [Russia, Poland, Germany: history and modernity of European unity in ideology, politics and culture]. Moscow, «Indrik», 2009, pp. 252–263 (in Russian).

Brady T. Rites of Autonomy, Rites of Dependence. *South German Civic Culture in the Age of Renaissance and Reformation*, ed. by S. Ozment. Kirksville, 1989, pp. 9–23 (in English).

Brady T. Some Peculiarities of German Histories in the Early Modern Era. *Germania Illustrata. Essays on Early Modern Germany Presented to Gerald Strauss*, ed. by A. Fix and Susan C. Karant-Nunn. Kirksville, 1992, pp. 197–216 (in English).

Christensen C. Princes and Propaganda. Electoral Saxon Art of the Reformation. Kirksville, 1992. 136 p. (in English).

Erlanger Ph. Charles Quint [Charles Quint]. Paris, Perrin, 1980. 394 p. (in French).

Kohler A. Expansion and hegemony 1450–1559 [Expansion und Hegemonie 1450–1559]. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2008. 444 p. (in German).

Kohler A. Karl V. 1500–1558. A biography [1500–1558. Eine Biographie]. Munich, Beck, 2005. 424 p. (in German).

Lutz H. Reformation and Counter-Reformation [Reformation und Gegenreformation]. 5th ed. Munich, Oldenburg, 2000. 289 p. (in German).

Mitchell B. Charles V as Triumphator. In Laudem Caroli: *Renaissance and Reformation Studies*, ed. by James V. Mehl. Kirksville, 1998, pp. 95–112 (in English).

Schindling A. The Habsburgs, the Empire, the Hereditary Lands and the Reformation [Die Habsburger, das Reich, die Erblande und die Reformation]. *Primus Truber. Der slowenische Reformator und Württemberg*, ed. by S. Lorenz, A. Schindlng. Stuttgart, Kohlhammer, 2011, pp. 287–301. (in German).

Stollberg-Rilinger B. The emperor's old clothes. Constitutional history and symbolic language of the Old Kingdom [Des Kaisers alte Kleider. Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches]. Munich, Oldenburg, 2008. 439 p. (in German).

Stolleis M. Public Law and Patriotism in the Holy Roman Empire. Infinite Boundaries Order, Disorder, and Reorder in Early Modern German Culture. Ed. by Reinhart. Kirksville, 1998, pp. 11–32 (in English).

Vocelka K., Heller L. The Habsburg world. Culture and mentality history of a family. [Die Lebenswelt der Habsburger. Kultur- und Mentalitätsgeschichte einer Familie]. Graz; Vienna; Cologne, Styria Publishing House, 1997. 359 p. (in German).

С.О. Сироткин

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия

УДК 94 (73)«1845/1861»

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-259-2

«СНАЧАЛА СВОБОДА, ПОТОМ СОЮЗ»: КОНСТИТУЦИЯ И СОЮЗ США В ТРАКТОВКЕ УЭНДЕЛЛА ФИЛЛИПСА

Ключевые слова: *Уэнделл Филлипс; американский аболиционизм; антирабовладельческое движение; рабство; Соединенные Штаты Америки.*

Статья посвящена одной из центральных фигур аболиционистского движения в США – Уэнделлу Филлипсу. Рассматривается его идейный вклад в доктрину разъединения Союза. Радикальное крыло аболиционистов придерживалось ее вплоть до начала Гражданской войны. Главное внимание уделено основным положениям критики Филлипсом Конституции США. Рассмотрена и систематизирована его аргументация в пользу упразднения федерального устройства США: разъединение для сохранения прав свободных штатов и как необходимая мера для борьбы с рабством.

«Конституция Соединенных Штатов! Сегодня мы произносим эти слова с любовью и благоговением, ибо она несет в своей величественной груди свободы всех… Но я возвращаю вас в то время, когда Конституция не была залогом свободы, а была гарантией рабства. Я говорю о том времени, когда, дав клятву Конституции, вы бы поклялись помочь уничтожить каждого чернокожего, набравшегося смелости бороться за свободу, прогнать дрожащего, голодающего беглеца от своей двери или связать и отправить его обратно на пытки или смерть. Это была Конституция, с которой аболиционисты не стали мириться». Такие слова были произнесены в 1911 году

на церемонии по случаю столетия со дня рождения Уэнделла Филлипса – лидера аболиционистского движения, неутомимого борца за избавление Америки от позорного института [Stafford, 1911, *10–11*].

Аболиционистское движение, бесспорно, можно назвать одной из ярких страниц американской истории. Отчаянные ратоборцы гуманизма и морали взяли на себя смелость бросить вызов главному противоречию передовой демократической республики – рабству и расовому неравенству. Глядя на США сегодня, трудно предположить, что когда-то американское общество называло эту идею безумной или несбыточной. Но именно так рассуждала белая Америка в то время.

В своей агитации и пропаганде аболиционисты покусились на самое святое – Конституцию США. Наиболее радикальные из них (гаррисонисты[1]) обличали этот документ как детище рабовладельцев, не имеющее ничего общего с демократическими и республиканскими идеалами. Верхом их радикального настроя стало стремление устранить поддерживаемую Конституцией политическую систему США – требование разорвать федеральные узы между свободными и рабовладельческими штатами.

В историографии эта идея прочно закрепилась за именем основателя движения – У.Л. Гаррисона. Ультрарелигиозный Гаррисон концептуализировал необходимость отделения свободных штатов христианской заповедью о неучастии в грехе. Вместе с тем в его мировоззрении ведущее место занимала концепция перфекционизма[2], постулирующая греховность государства как насильственной формы организации общества. Гаррисоновский курс на бойкотирование Конституции и разрыв государственного единства США в связи с этим, помимо стремления повлиять на вопрос о рабстве, строго коррелировал с его, по сути, анархическими взглядами.

Уэнделл Филлипс, несмотря на то что его имя куда реже фигурирует в исторических исследованиях, был не менее значимым идеологом доктрины разъединения, как в плане ее агитационного продвижения, так и в теоретическом обосновании. И, безусловно, в свете его мировозренческих установок, радикально отличных от гаррисоновских, требование разорвать союз с рабовладельцами открывается с новой стороны.

Борцы с рабством стали активно выступать за отделение северных штатов с начала 40-х годов. Однако само суждение о том, что Конституция санкционирует рабство и обеспечивает рабовладельцам гегемонию в Союзе,

[1]«Garrisonians» («гаррисонисты») – течение в аболиционизме, консолидировавшееся вокруг У.Л. Гаррисона и поддерживавшее его программу борьбы. Уэнделл Филлипс принадлежал к этому течению. О расколе аболиционистского движения см.: [Kraditor, 1989].

[2]Перфекционизм представлял из себя крайне радикальное вероучение, предполагавшее переустройство общества в духе религиозного анархизма. О Гаррисоне и связи идей перфекционизма с его аболиционистской программой см.: [Perry, 1973, *55–92*].

вынашивалось аболиционистами с самого момента зарождения их движения[3]. Их обвинения главным образом сводились к тезису о том, что в угоду институту рабовладения происходила утрата гражданских свобод [Nye, 1963, *117–219*]. Большинством аболиционистских деятелей этот тезис воспринимался как удачное агитационное средство, но для Филлипса он стал решающим мотивом борьбы.

Американский историк Бернард Маркус подметил, что Филлипса-аболициониста беспокоили не столько аморальность и греховность института рабства, сколько его разрушающее влияние на всю политическую и духовную жизнь нации, и прежде всего на свободный Север [Marcus, 1969, *43–44*]. И хотя биографы Уэнделла Филлипса справедливо не разделяют цинизма подобной формулировки, доля правды в ней есть [Bartlett, 1961; Sherwin, 1958; Stewart, 1986].

Филлипс был не меньшим моралистом, чем его соратники. Он искренне сочувствовал рабу, но на вопрос «Зачем мы боремся с южным рабством?» отвечал: «Чтобы оно не привело к рабству на Севере». «Дух свободы и дух рабства неизбежно находятся в борьбе за господство», – постулировал Филлипс, убежденный в том, что одно неизбежно победит, полностью уничтожив второе [Phillips, 1905, *4–6*]. Такая логика рассуждений обусловила его наиболее радикальный для аболиционистов вывод. Если дело спасения свободы должно «привести к распаду Союза, – говорил он в 1839 году, – то пусть распадется… Пусть погибнет Союз, цементом которого должна быть кровь раба, в котором права одного должны быть обеспечены за счет другого!» [The Liberator, 1839, vol. 9, № 7].

Филлипсу потребовалось еще несколько лет, чтобы полностью осмыслить корень проблемы. «Север является истинным рабовладельцем Америки! – такое, казалось бы, неожиданное и парадоксальное заявление он сделал 16 февраля 1842 года. – Нам всем давно пора отказаться от мысли, что проблема рабства коренится на Юге, а мы к ней не причастны… Без северного штыка Юг оказался бы достаточно слабым, и раб одолел бы угнетателя» [The Liberator, 1842, vol. 12, № 5]. Если именно Союз делал рабство сильным, значит долгом аболициониста было выступить за его роспуск [The Liberator, 1842, vol. 12, № 10].

Филлипс всегда предрекал гибель северной свободы от заразы рабства, но теперь он объявил молчаливого и равнодушного северянина настоящим рабовладельцем. Это не было отказом от прежних убеждений или противоречием. Оба утверждения гармонично уживались в его теории и общественной практике. «Многие кричат “Позор!”, когда им рассказывают о заключении невиновного человека. Но вы, белые рабы Севера, сами виноваты в этом! Вы, не смеющие разорвать цепи,

[3]Организационно аболиционистское движение окончательно сложилось к 1833 году, когда появилась первая национальная организация – Американское антирабовладельческое общество.

связывающие вас с рабством», – теперь уже с такими обвинениями Филлипс обращался к аудитории [Liberator, 1842, vol. 12, № 44; vol. 12, № 45].

Аболиционистская риторика Филлипса всегда строилась на аксиомах и пафосе американского республиканизма, берущего свое начало еще с революции [Алентьева, Филимонова, 2021, *86–118*]. Но вместе с тем свои рассуждения он стремился аргументировать фактами, как в памфлете «Конституция – прорабовладельческий документ»[4], который был призван задокументировать тот факт, что политическая система США изначально ориентирована на класс рабовладельцев.

Юрист по профессии, У. Филлипс обратился к точечному толкованию самого документа и предложил следующую аргументацию: а) «правило трех пятых», предусмотренное статьей 1 второго раздела Конституции, «наделяет рабовладельческую общину дополнительной политической властью за счет каждого раба и, таким образом, соблазняет их продолжать поддерживать систему»; б) введенный Конституцией двадцатилетний мораторий на запрет международной работорговли, «позорящий свободолюбивую нацию», на самом деле «не налагал на Конгресс обязательств к его исполнению», и по его же решению «работорговля могла быть легализована хоть завтра»; в) полномочия Конгресса подавлять восстания и гарантии от внутреннего насилия в штатах «были созданы с учетом того, что рабство существует среди нас, и намеренно обращают всю национальную силу против раба, если он… сопротивляется угнетению»; г) положение о беглых рабах не только рушит правовой суверенитет свободных штатов, но и «противоречит закону Божьему и человеческой природе» [Phillips, 1856, *6–7*].

С помощью этого памфлета аболиционистский реформатор стремился просветить массы, и его аргументация не отличалась особой новизной и оригинальностью. Она едва ли не буква в букву применялась некоторыми северными антифедералистами еще в 1787 году и позднее [Филимонова, 2012, *99–100*]. Более впечатляющей была историческая часть памфлета. Обратившись к заметкам Джеймса Мэдисона с Филадельфийского конвента, опубликованным в начале 1840-х годов, Филлипс подкрепил свое толкование Конституции США позицией ее создателей, которые «добровольно и обдуманно обменяли честность на выгоду и стали партнерами тиранов, чтобы разделить прибыль от их тирании»; пошли на компромисс с рабовладельцами, обеспечив свободным штатам униженное положение в Союзе. Печальными последствиями, по мнению Филлипса, стали «утроившееся число рабов; рабовладельцы, монополизировавшие должности и диктующие политику правительства: попирание прав свободных штатов; использование силы нации для поддержки рабства здесь и повсюду» [Phillips, 1856, *9–10*].

[4]«The Constitution a pro-slavery compact: or, Extracts from the Madison papers, selected by Wendell Phillips».

И все-таки Филлипс чаще обращался не к «белым рабам», а к «истинным рабовладельцам». Рядовой гражданин, возможно, никогда и не видевший раба, был столь же виновен в его участи, рассуждал аболиционист, как и тот, кто держит в руках хлыст. Даже если он презирает рабство, но продолжает признавать и поддерживать (голосуя, например) существующее политическое устройство, он обеспечивает южанину стабильность и процветание. По этому поводу Филлипс яростно обрушивался на своих «коллег» – политических аболиционистов, предпочитавших толковать Конституцию именно как антирабовладельческий документ с точки зрения его естественно-правовых начал[5].

Небольшая брошюра Филлипса «Могут ли аболиционисты голосовать или занимать должности под юрисдикцией Конституции США» самим своим названием демонстрирует строгость и последовательность его позиции[6]. Он утверждал, что, вступая в должность, например, шерифа, судьи или президента, даже человек с самыми чистыми помыслами будет обязан присягнуть Конституции. Тем самым «считая рабовладение грехом, он (аболиционист. – *С. С.*) неизбежно будет вознаграждать рабовладельца дополнительной политической властью, обещать ему помощь армии и флота всей нации, чтобы снова заковать раба в цепи, помогать ему в розыске беглецов и обеспечивать их возвращение» [Phillips, 1845, *11–12*].

Такая позиция определенно демонстрирует амбивалентность Филлипса в отношении к политической системе США. Он обличал ее фундаментальную цель – служение великому злу, но в то же время признавал и уважал силу и незыблемость политико-правовых институтов, на которых она стоит. Вывод, к которому он приходил, был один. Путь реформы, избранный политическими аболиционистами, невозможен и является «простой игрой в политику и пустой тратой усилий» [Phillips, 1845, *9*], ибо в рабовладельческой республике всегда побеждает класс рабовладельцев. Филлипс не был близок к марксистской идеологии, хотя сам Карл Маркс хвалил его больше других аболиционистов. Но его критика и вытекавшая из нее концепция борьбы буквально соответствовали главным положениям марксизма.

Филлипс постоянно подчеркивал (чего никогда не делал Гаррисон), что аболиционисты «борются не с правительством вообще, а только с этим Правительством, основанным на рабстве и существующим для рабства» [Phillips, 1845, *5*]. В то время как для Гаррисона лозунг «Никакого Союза с рабовладельцами!» зачастую означал максиму аболиционистской борьбы, Филлипс часто использовал и другую формулировку: «Сначала свобода, потом Союз» [Phillips, 1863, *303*].

---

[5]Политические аболиционисты откололись от движения в 1840 году, образовав Партию свободы. Позже вошли в Партию фрисойлеров, а с 1854 года составляли радикальное крыло республиканской партии [Прилуцкий, 2015, *340–351*; Kraditor, 1989, *118–178*].

[6]«Can abolitionists vote or take office under the United States Constitution».

В его понимании доктрина разъединения Союза не была антигосударственной и антиамериканской. Напротив, он всегда убеждал публику, что его позиция твердо стоит на американских принципах. Декларация Независимости провозгласила необходимость противостоять любому правительству, разрушающему права человека. Отцы-основатели, пойдя на сделку с рабством, создали нынешнее правительство. Противостоя ему, рассуждал Филлипс, аболиционисты следуют священной революционной традиции [Barlett, 1961, *118–119*]. «Если это революция, то пусть она случится, – цитировал он отцов-революционеров, – если я должен выбирать между Союзом и свободой, то сначала я выбираю свободу, потом Союз» [Sherwin, 1958, *140*]. Таким образом, стремления и замыслы Филлипса концептуально восходили к идее новой революции для Америки, хотя о самой революции он начнет говорить однозначно только в 1860 году. Когда Южная Каролина и другие южные штаты стали один за другим покидать Союз, он красноречиво объявил, что нация наконец пришла туда, «где находились Хэнкок, Адамс и Джефферсон, когда гербовый акт и налог на чай, речи Патрика Генри и резня 5 марта, кровь Отиса и Банкер-Хилл перенесли их в июль 1776 года» [Phillips, 1863, *349*]. Когда же прогремели первые выстрелы, он быстро понял, как должна закончиться новая революция. Он и другие аболиционисты стали первыми, кто увидел перспективу придать войне за спасение Союза именно антирабовладельческий характер.

Уэнделл Филлипс и его единомышленники оказались не понятыми современниками. Безумец и фанатик – эти эпитеты были самыми частыми, когда речь заходила о нем и его идеях. Рядовой американец зачастую видел в них обыкновенный экстремизм, и не более того. Большинство аболиционистов также не приняло доктрину разъединения, не находя в ней практических перспектив для борьбы.

Аболиционистскую доктрину разъединения трудно оценивать однозначно. С одной стороны, Филлипс определенно был прав, говоря об униженном положении Севера и первенстве Юга в Союзе. Откровенно проюжная политика компромиссов федеральных властей 1850-х годов продемонстрировала это весьма ярко. Не менее верен тезис Филлипса о том, что именно гегемония Юга в Союзе была главным фактором процветания рабовладельческой системы. Не случайно рабовладельческие штаты решились на сецессию в момент, когда их многолетнее засилье в правительстве оборвалось победой республиканской партии. Но в практическом выражении идея разъединения сулила мало перспектив. Едва ли переживавший промышленный переворот Север был готов самостоятельно разорвать выгодные экономические связи с Югом. Убеждение аболиционистов, что лишенные федерального ресурса рабовладельцы не смогут удержать рабов в повиновении, также было весьма наивным.

Идея разъединения как концепция революции в исторической перспективе оказалась оправданной, хотя сам Филлипс в начале 1840-х годов не мог

представить себе, как именно она осуществится. Компромисс в вопросе о рабстве, заложенный отцами-основателями в фундамент нового государства, в конечном счете разделил дом надвое. А золотая формула Уэнделла Филлипса – «сначала свобода, потом Союз» – оказалась пророчески верной, став лозунгом Второй американской революции.

ЛИТЕРАТУРА

Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. СПб.: Алетейя, 2021. 518 с.

Прилуцкий В.В. Протестные движения в США в 1820–1850-е гг.: дис. … д-ра ист. наук. Брянск, 2015. 569 с.

Филимонова М.А. Ранний аболиционизм в Америке во взглядах «отцов-основателей» // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 95–107.

Bartlett I.H. Wendell Phillips: Brahmin Radical. Boston: Beacon Press, 1961. 438 p.

Kraditor A.S. Means and ends in American abolitionism: Garrison and his critics on strategy and tactics, 1834–1850. Chicago: Pantheon Books, 1989. 296 p.

Marcus R.D. Wendell Phillips and American Institutions // The Journal of American History. 1969. Vol. 56, no. 1. P. 41–58.

Mayer H. All on Fire: William Lloyd Garrison and the Abolition of Slavery. N.Y.: St. Martin's Press, 1998. 707 p.

Nye R.B. Fettered freedom: Civil Liberties and the Slavery Controversy 1830–1860. State University press, 1963. 353 p.

Remarks of Wendell Phillips on the Faneuil Hall Meeting. Oct. 30, 1842 // The Liberator. 1842. Vol. 12, № 45. P. 2.

Report from Abolition Meeting at Faneuil Hall. Nov. 3, 1842 // The Liberator. 1842. Vol. 12, № 44. P. 2.

Report from Anti-slavery meeting in Faneuil Hall // The Liberator. 1839. Vol. 9, № 7. P. 1.

Report from Great Meeting in Faneuil Hall, for the Abolition of Slavery in the District of Columbia. Jun. 28, 1842 // The Liberator. 1842. Vol. 12, № 5. P. 2.

Report from Meeting in Worcester Co. North Division Society. Feb. 16, 1842 // The Liberator. 1842. Vol. 12, № 10. P. 2.

Perry L. Radical abolitionism: anarchy and the government of God in antislavery thought. Ithaca: Cornell University Press, 1973. 328 p.

Phillips W. Can abolitionists vote or take office under the United States Constitution. N.Y.: American Anti-Slavery Society, 1845. 39 p.

Phillips W. The Constitution a pro-slavery compact: or, Extracts from the Madison papers, selected by Wendell Phillips. N.Y.: American Anti-Slavery Society, 1856. 208 p. (third edition)

Phillips W. Speeches, lectures, and letters. Boston: Published by James Redpatch, 1863. 562 p.

Phillips W. Speeches, lectures, and letters. Second series. Boston: Lee and Shepard, 1905 (Copyright, 1891). 476 p.

Sherwin O. Prophet of Liberty: The Life and Times of Wendell Phillips. N.Y.: Bookman Associates, 1958. 814 p.

Stafford W.P. Wendell Phillips: a centennial oration delivered at Park street church. Boston, November 28, 1911. Boston: W.B. Clarke Company, 1911. p. 70.

Stewart J.B. Wendell Phillips, liberty's hero. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1986. 356 p.

S.O. Sirotkin
Postgraduate student,
Department of World History,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

«Liberty first and Union afterwards»: The Constitution and the Union of the United States in Wendell Phillips' View

The article is devoted to Wendell Phillips, the main figure of the abolition movement in the USA. The author considers Phillips' ideological contribution to the doctrine of the Union separation. The abolitionists' radical wing adhered to it until the beginning of the Civil War. The main attention is paid to the main provisions of Phillips' criticism of the US Constitution. The article considers and systemizes his arguments in favor of the abolition of the United States federal structure. He implied disunion to preserve the rights of free states, which was seen as a necessary measure to fight against slavery.

Key words: *Wendell Phillips; American abolitionism; anti-slavery movement; slavery; the United States of America.*

REFERENCES

Alentyeva T.V., Filimonova M.A. Enlightenments ideas and the revolutionary process in North America [Prosvetitel'skie idei i revolyutsionny protsess v Severnoi Amerike]. St. Petersburg, Aleteiya, 2021. 518 p. (in Russian).

Filimonova M.A. Early abolitionism in America in the views of the «Founding Fathers» [Ranny abolitsionizm v Amerike vo vzglyadakh «ottsov-osnovatelei»]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2012, no. 4, pp. 95–107 (in Russian).

Prilutszky V.V. Protest movements in the USA in the 1820s–1850s: Thesis of doctor of historical sciences [Protestnye dvizheniya v SSHA v 1820–1850-e gg.: diss. … d-r ist. nauk]. Bryansk, Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University, 2015. 569 p. (in Russian).

Bartlett I.H. Wendell Phillips: Brahmin Radical. Boston, Beacon Press, 1961. 438 p. (in English).

Kraditor A.S. Means and ends in American abolitionism: Garrison and his critics on strategy and tactics, 1834–1850. Chicago, Pantheon Books, 1989. 296 p. (in English).

Marcus R.D. Wendell Phillips and American Institutions. *The Journal of American History*, vol. 56, no. 1, 1969, pp. 41–58 (in English).

Mayer H. All on fire: William Lloyd Garrison and the abolition of slavery. N.-Y., St. Martin's Press, 1998. 707 p. (in English).

Nye R.B. Fettered freedom: Civil liberties and the slavery controversy 1830–1860. State University press, 1963. 353 p. (in English).

Perry L. Radical abolitionism: anarchy and the government of God in antislavery thought. Ithaca, Cornell University Press, 1973. 328 p. (in English).

Phillips W. Can abolitionists vote or take office under the United States Constitution. N.-Y., American Anti-Slavery Society, 1845. 39 p. (in English).

Phillips W. Speeches, lectures, and letters. Boston, published by James Redpatch, 1863. 562 p. (in English).

Phillips W. Speeches, lectures, and letters. Second series. Boston, Lee and Shepard, 1905 (Copyright, 1891). 476 p. (in English).

Phillips W. The Constitution a pro-slavery compact: or, extracts from the Madison papers, selected by Wendell Phillips. N.-Y., American Anti-Slavery Society, 1856. 208 p. (third edition) (in English).

Remarks of Wendell Phillips on the Faneuil Hall Meeting. Oct. 30, 1842. *The Liberator*, 1842, vol. 12, no. 45, p. 2 (in English).

Report from Abolition Meeting at Faneuil Hall. Nov. 3, 1842. *The Liberator*, 1842, vol. 12, no. 44, p. 2 (in English).

Report from Anti-slavery meeting in Faneuil Hall. *The Liberator*, 1839, vol. 9, no. 7, p. 1 (in English).

Report from Great Meeting in Faneuil Hall, for the abolition of slavery in the District of Columbia. Jun. 28, 1842. *The Liberator*, 1842, vol. 12, no. 5, p. 2 (in English).

Report from Meeting in Worcester Co. North Division Society. Feb. 16, 1842. *The Liberator*, 1842, vol. 12, no. 10, p. 2 (in English).

Sherwin O. Prophet of liberty: The life and times of Wendell Phillips. N.-Y., Bookman Associates, 1958. 814 p. (in English).

Stafford W.P. Wendell Phillips: a centennial oration delivered at Park street church. Boston, November 28, 1911. Boston, W.B. Clarke Company, 1911. p. 70 (in English).

Stewart J.B. Wendell Phillips, liberty's hero. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 1986. 356 p. (in English).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 9

DOI 10.35785/2072-9464-2021-56-4-268-273

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И СТРУКТУРИЗАЦИЯ ИСТОРИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПРОЕКТА

Ключевые слова: *исследование; проект; «Хронотоп»; история; пространство; время; новизна; полезность; достоверность.*

Статья представляет собой анализ и размышления по поводу научно-исторического проекта «Хронотоп», представляющего собой хронологическую карту евро-азиатского пространства и визуализирующего мировую историю с 300 по 1914 год на основе специально разработанных табличных схем. Автор оценивает это издание с позиций новизны, полезности и достоверности и выделяет его сильные и слабые стороны. Позитивными моментами «Хронотопа» являются: 1) оригинальная форма реализации проекта: иллюстративная и огромная по сравнению с обычным форматом книжка-раскладушка, легко преобразующаяся в настенное панно; 2) визуальная структура проекта, представляющая собой модель мировой истории в виде двумерной «бумажной» адаптации карты исторических процессов и событий IV–XX веков нашей эры. Вертикальная (процессы, события) и горизонтальная линейки (годы, столетия) позволяют сравнить и сопоставить историю интересующих читателя стран в пространстве и времени; 3) фиксация численности населения, бедствий, природных катаклизмов, сопровождавших события обозначенного периода, а также схем правящих династий. Вместе с тем автор придерживается мнения, что было бы более целесообразно начать издание с наступления железного века и развития античной цивилизации, поделившей мир на Запад и Восток. В сущности, ретроспективу большинства процессов и явлений будущего заложило именно первое тысячелетие до нашей эры, «осевое время», когда мир-система переживала фазовый переход в качественно новое состояние. Кроме того, неточности, упущения и даже явные ошибки в «Хронотопе», целый ряд которых приведен и проанализирован в статье, не позволяют говорить о его полной достоверности. По мнению автора, реализация проекта не снимает вопросы, а, наоборот, рождает, что можно

рассматривать и в качестве позитивного момента в плане стимула для дальнейшего совершенствования «Хронотопа».

Пожалуй, сегодня в силу разных причин и личных побуждений, среди которых, несомненно, присутствует и вечный исследовательский поиск, ученые как никогда ранее интенсивно работают над множеством различных проектов. Реализацией одного из них стало информационно-аналитическое издание «Хронотоп», визуализирующее мировую историю с 300 по 1914 год на основе специально разработанных табличных схем. Сложно спорить с тем, что новизна, полезность, достоверность должны являться основными принципами любой исследовательского проекта. Насколько «Хронотоп» отвечает этим критериям?

Признаться, первый взгляд на издание приводит к позитивному, даже несколько восторженному восприятию «Хронотопа». Яркая, иллюстративная, огромная по сравнению с обычным форматом книжка-раскладушка, легко преобразующаяся в настенное панно. В последнем виде, кстати, его гораздо удобнее изучать. К изданию прилагается удобная, легкая и столь же красочная сумка для его перемещения с места на место без проблем. Форма реализации проекта, безусловно, оригинальна и нова.

Новизной отличается и содержание издания, точнее будет сказать, его визуальная структура. Научный руководитель проекта Алексей Муравьев совершенно верно подчеркнул, что «Исторические процессы не происходят автономно, они постоянно взаимодействуют между собой, зарождаются и умирают, активизируются и затихают, определяя развитие цивилизаций» [Хронотоп, 2019]. Вследствие этого и создан «Хронотоп» – модель мировой истории с IV по XX век нашей эры, позиционирующаяся как двумерная «бумажная» адаптация карты исторических процессов и событий, навигацию по которой авторы предлагают вести глазами и пальцем по предложенным ими маршрутам и ориентирам. Вертикальная (процессы, события) и горизонтальная линейки (годы, столетия) позволяют сравнить и сопоставить историю интересующих читателя стран в пространстве и времени.

Полезным дополнением стала фиксация численности населения, бедствий, природных катаклизмов, сопровождавших события обозначенного периода, а также схем правящих династий с пояснениями, в значительной степени снимающими претензии к их неполноте.

Вследствие обозначенных позитивных достижений «Хронотоп» представляется новым, оригинальным и полезным изданием. Но насколько он достоверен?

Одна из цитат, размещенных на последней странице (Лао-Цзы), звучит следующим образом: «Будь способен знать начало и путь древности, и это знание позволит тебе увидеть путеводную нить, ведущую к сегодняшнему дню» [Хронотоп, 2019]. Но этой «древности» читатель как раз и не

увидит, ибо «Хронотоп» начинается с Великого переселения народов. Почему? Объяснения данному факту нет. Конечно, нет сомнений в том, что этот процесс явился мощным толчком к падению Западной Римской империи, стимулом к трансформации и новому витку исторического процесса в евро-азиатском пространстве, но он не был Началом.

К тому же исследователи придерживаются разных датировок Великого переселения народов. Так, большинство историков в Германии, Польше и Швеции считают, что одной из важнейших предтеч Великого переселения народов стало появление примерно на рубеже старой и новой эры – либо в конце I века до нашей эры, либо в начале I века нашей эры – в бассейне Вислы готов, сыгравших ключевую роль во всех дальнейших событиях. Ряд исследователей вообще связывают начало преобразования Европы с кельтскими нашествиями I тысячелетия до нашей эры [Яковлева, 2019].

Учитывая тот факт, что с III века нашей эры начался генезис протофеодальных отношений в Римской империи и трансформация ее государственной системы, можно констатировать, что «Хронотоп» фактически начинается со Средневековья, а не с древности. Однако было бы более целесообразно начать издание с первого тысячелетия до нашей эры, с железного века, изменившего жизнь человечества, и с развития античной цивилизации, своим существованием поделившей мир на Запад и Восток. В сущности, ретроспективу большинства процессов и явлений будущего заложило именно первое тысячелетие до нашей эры. Не случайно выдающийся немецкий философ Карл Ясперс именно этот период истории человечества обозначил как «осевое время» (он датировал его 800–200 годами до нашей эры), во время которого на смену мифологическому мировоззрению пришло рациональное, философское, сформировавшее тот тип человека, который существует и поныне [Ясперс, 1991, *32–50*]. К тому же недавние исследования подтверждают обоснованность выделения 800–200 годов до нашей эры в качестве ключевой эпохи в эволюции мир-системы [Панченко, 2003, *11–43*]. Например, на этом этапе истории человечества возникли республиканско-правовые формы государственности и наука, значительно вырос уровень мировой урбанизации и грамотности. На новую ступень развития перешли международные отношения и военное искусство, армия стала профессиональной и превратилась в государственный институт. Как видно, в данное время мир-система переживала фазовый переход в качественно новое состояние.

К сожалению, и это сразу бросается в глаза профессиональному историку, «Хронотоп» пестрит неточностями и упущениями. Следует ради справедливости отметить, что авторы оговорились: «При работе с “Хронотопом” надо понимать, что это схема со всеми присущими ей упрощениями и условностями. Ни одна схема не способна передать все сложности развития. За пределами “Хронотопа” осталась пока история культуры, а также многие экономические и социальные процессы» [Хронотоп, 2019]. Но упрек

в адрес издания заключается не в отсутствии демонстрации культуры, экономических и социальных процессов. Объять необъятное невозможно, и их опущение логично. Просто неточностей и упущений, приводящих иной раз к ошибочному выводу, довольно много. И, возможно, в некоторой степени они обусловлены специфическим авторским составом проекта, половина участников которого являются специалистами по истории Востока – Китая, Ирана, Центральной Азии, арабских стран.

Принимая во внимание количество авторов-востоковедов и не будучи сама специалистом в этой области, допускаю, что эта часть издания должна быть вне всякой критики. Равно как и красная линейка отечественной истории, хотя хронология войн для читателя видится не совсем удобной. К примеру, в «Хронотопе» Смоленская война обозначена только 1632 годом, а далее читатель должен напрягать зрение, водя пальцем по карте, чтобы обнаружить ее завершение Поляновским миром 1634 года. Впрочем, это неудобство распространяется практически на все военные конфликты издания.

Неудобство поиска завершения войн еще не проблема. Главная проблема издания заключается в нередко грубых ошибках при наличии хронологических аксиом, а также фиксации событий, приводящих к искаженным либо старым представлениям в исторической науке. Обнаружение осады Ларошели под 1637, а не 1627 годом вызвало удивленное недоумение: как одна неверная дата может извратить представление о политике великого первого министра Франции кардинала Ришелье! Ведь главная внутриполитическая задача последнего заключалась в усилении королевской власти, для чего и требовалось уничтожение гугенотского государства в государстве. А основную цель внешней политики Ришелье усматривал в победе над испанскими и австрийскими Габсбургами в союзе с протестантскими силами, планируя вступить в Тридцатилетнюю войну тогда, когда союзники и противники изрядно истощат свои силы. Таким путем можно было достичь гегемонии Франции на континенте, к чему в конечном итоге кардинал и стремился. При этом он не собирался вступать в Тридцатилетнюю войну, не уладив гугенотскую проблему – препятствие к единству королевства. Как известно, Франция начала военные действия в 1635 году, но, согласно «Хронотопу», через два года, в сложнейший для нее период войны, Ришелье вдруг решил осадить Ларошель. Получается нонсенс.

Недоумение вызвала и позиция с французской Фрондой, которая обозначена одним 1648 годом и ограничена лишь парламентской Фрондой (1648–1649). Фронды принцев (1650–1653) как будто не существовало, хотя она длилась дольше и являлась более опасной для трона, поскольку тогдашнему первому министру Франции кардиналу Мазарини удалось справиться с парламентской Фрондой. В этой связи вспоминается один случай на Вестфальском международном научном конгрессе 1996 года в Мюнстере, посвященном 350-летию заключения Вестфальского мира 1648 года, участником

которого мне посчастливилось быть. Американский ученый Пол Соннино анализировал в своем докладе взаимосвязь между Фрондой и Тридцатилетней войной. Не обнаружив в речи историка упоминания о парламентской Фронде, я задала соответствующий вопрос. И получила короткий ответ: «А парламентской Фронды вообще не было!»

Авторы издания стремились к мировому охвату событий и процессов, но не везде это у них получилось. Например, ключевыми процессами Европы раннего Нового времени являлись Реформация, которая, согласно «Хронотопу», имела место в Германии и Англии, и Тридцатилетняя война, с которой столкнулись, по мнению авторов издания, Священная Римская империя, Испания и Нидерланды. На «адаптации карты» можно увидеть, что во время Тридцатилетней войны во Франции кардинал Ришелье вместо ведения войны осаждает Ларошель, затем начинается парламентская Фронда, Англия воюет с Испанией и Голландией (хотя война с Испанией имела место лишь в 1625–1630 годах, а противостояние с Республикой Соединенных Провинций – в 1652–1654 годах). Швеция тем временем ведет военные действия с Данией, Речью Посполитой и Россией. Вместе с тем по Вестфальскому миру именно Франция и Швеция стали гарантами европейского равновесия. Как это случилось, если они не вступали в европейскую войну?

А ведь Тридцатилетняя война являлась кризисом и трагедией всего континента, заняв огромное пространство в исторической памяти и породив новые реалии в государственном строе и международных отношениях во всей Европе. Современные историки отмечают, что, зародившись на германской почве, «немецкая война» имела общеевропейский и даже глобальный охват, потому что и заморские колонии были вовлечены в конфликт [Кризис и трагедия континента, 2015, *9*]. Этот крупномасштабный военный конфликт явился катализатором политического кризиса, охватившего весь континент, превратившись, по сути, в европейскую гражданскую войну. Проявления этого кризиса в виде гражданских потрясений, к числу которых относится и восстание Богдана Хмельницкого, можно проследить в «Хронотопе». Поэтому подчеркнуть масштаб Тридцатилетней войны было просто необходимо.

К слову, Богдан Хмельницкий является в польской линейке «Хронотопа», представленной довольно скупо, чуть ли не единственным политиком, за исключением Станислава Понятовского, в портретном выражении представляющим Речь Посполитую. Можно, например, было дополнить эту линейку образом знаменитого короля Яна Собеского – героя второй осады Вены 1683 года.

В издании почти не нашлось места выделению процесса формирования Вестфальской системы международных отношений. Как видно из карты, в рамках Вестфальской системы развивалась лишь Пруссия и «Австрия» (точнее для этого времени было бы употреблять термин «Австрий-

ский дом» или «монархия Габсбургов»). Да и в целом из обозначенных европейских войн выпадают целые страны и регионы. Например, войну за Испанское наследство в «Хронотопе» ведут Испания, Нидерланды, Франция, но никак не Священная Римская империя (Австрийский дом) и Пруссия, которые в это время, оказывается, ведут войну между собой (таковая началась позже, во время войны за Австрийское наследство (1740–1748)). Великобритания, душа Великого Альянса 1702 года, великий полководец которой герцог Мальборо одержал знаменитую победу при Бленхайме в 1704 году, тоже как будто не участвовала в этой европейской войне, завершившей становление Вестфальской системы.

Нет смысла перечислять все упущения, неточные представления и ошибочные фиксации событий в «Хронотопе». Я остановилась лишь на тех, которые ближе мне, как специалисту по политической истории и истории международных отношений Нового времени. «Видеть, не находить и сомневаться», – такие мысли приходят в голову при основательном знакомстве с изданием. Вопросы реализация проекта не снимает, а, наоборот, рождает. С другой стороны, это можно рассматривать и в качестве позитивного момента в плане стимула для дальнейшего совершенствования проекта.

В итоге «Хронотоп» производит неоднозначное впечатление. Несмотря на имеющиеся положительные моменты, он будет пригоден для профессионального историка лишь отчасти и вряд ли станет приемлемой шпаргалкой для студента-отличника. Разумеется, мое мнение можно оспорить, «Хронотоп» действительно, как заметили его авторы, является «просветительской программой, дружелюбной к пользователю» [Хронотоп, 2019]. Как бы то ни было, он будет полезен людям, интересующимся историей и стремящимся сопоставить отдельные события разных регионов мира, школьникам и даже (может быть, особенно) политикам.

ЛИТЕРАТУРА

Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы. М.: ТрансЛит, 2015. 563 с.

Панченко Д.В. Феномен осевого времени // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России: альманах (серия: Bibliotheca classica Petropolitana). СПб.: Алетейя, 2003. Вып. III. С. 11–43.

Хронотоп. Хронологическая карта истории Евро-азиатского пространства (300–1914) / А.В. Муравьев [и др.]; под ред. А.В. Муравьева; науч. ред. Д.А. Косоуров; отв. ред. В. Червонящая. М.: ИМА-пресс, 2019.

Яковлева Э.Б. Великое переселение народов и языковая ситуация в Западной Европе. М.: РАН, 2019. 47 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991. 527 с.

MEMORIA

М.В. Каиль

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

MEMORIA. ПАМЯТИ ОЛЕГА ВЛАДИМИРОВИЧА КОЗЛОВА (28.04.1950–25.11.2021)

25 ноября скоропостижно ушел из жизни профессор кафедры истории России СмолГУ, член редакционной коллегии научного журнала «Известия СмолГУ», член ученого совета Олег Владимирович Козлов. В этот день он направлялся в университет, с которым была связана вся его жизнь, со студенчества…

Для многих поколений историков Смоленска последних трех десятилетий исторический факультет и кафедра истории России ассоциируются во многом с ним, открытым и жизнерадостным, всегда ироничным, доброжелательным. Олег Владимирович родился в Новогрудке Гродненской области Беларуси, в семье смолян, работавших в то время на Гродненщине. После окончания школы в Смоленске, трудового года на заводе и службы в армии Олег Владимирович, поступил в СГПИ, который окончил в 1976 году. Как и все выпускники той поры, по распределению свой трудовой путь он начал учителем английского языка и воспитателем в Сафоновской школе-интернате. Но пединститут был заинтересован в перспективных кадрах, и с 1977 года Олег Владимирович начинает работу учебным мастером кафедры истории СССР, ведет занятия. Многие аудитории старого истфака буквально были собраны и оснащены Олегом Владимировичем (и ныне в одной из учебных аудиторий хитроумная стена с секциями-шкафами – продукт его работы конца 1970-х). В студенчестве пришло еще одно поприще, запомнившееся на всю жизнь, – стройотряд «Реставратор», в котором трудились многие студенты СмолГУ. Трудились не где-либо, а в самом Свято-Троицком Болдинском монастыре, опекаемом гением советской реставраторской школы П.П. Барановским.

С той поры у будущего профессора сформировался интерес к истории культуры и образования. В переходные 1980-е О.В. Козлов окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную становлению раннесоветской системы управления народным образованием и культурой. В эти же годы Козлов был лектором и членом правления Смоленской областной организации общества «Знание», лектором Смоленского обкома КПСС.

Тридцатилетие с судьбоносного 1991 года связано у Олега Владимировича только с СГПИ – СГПУ – СмолГУ. В 1998 году он возглавил кафедру истории России, в те последние годы, когда на ней работали его учителя – легендарные профессоры, почетные граждане Смоленска А.А. Кондрашенков (1915–2005) и Д.И. Будаев (1923–2011).

Защитив в 2001 году докторскую диссертацию (защита прошла в МПГУ, где в то время работали ключевые эксперты по истории раннесоветского общества, его культуре), он стал преемником этих титанов науки и общественного служения, достойным и чутким хранителем традиции. Вдумчивым консерватором, язвительно относящимся к перманентным реформам российского образования в 1990–2000-е.

Тематика истории культуры и образования в российской провинции стала центральной в работах О.В. Козлова конца 1990 – 2010-х годов. В преддверии докторской защиты вышла монография, подводящая промежуточные итоги изучения раннесоветской модели образования, системы ее управления [Козлов, 2000]. В это время ученики О.В. Козлова готовят диссертации, посвященные отдельным аспектам истории системы провинциального образования XIX века. В 2009 году с коллегами по кафедре Олег Владимирович инициирует исследовательский проект, получивший поддержку РФФИ и Администрации Смоленской области «Культура Российской провинции XIX – начала XX века: между традицией и модернизацией», итоги реализации которого были подведены в коллективной монографии под его редакцией [Культура российской провинции, 2012].

Олег Владимирович был соавтором крупного исследовательского проекта, посвященного истории раннесоветских университетских центров. Коллектив авторов, по сути, написал новую исследовательскую историю создания Смоленского госуниверситета, изучил формы организации высшего образования в Советской России, от рабфаков до ФОНов[1]. В рамках исследования, посвященного социальной истории советской России 1920–1930-х годов, О.В. Козлов исследовал системы образования, организационные формы массового и высшего образования, ликвидации неграмотности[2]. Многие его статьи этой тематики появлялись на страницах научного журнала «Известия Смоленского государственного университета».

В 2010-е в исследованиях О.В. Козлова появляется новая тема – история иностранцев в России XIX века, разрабатываемая в соавторстве с А.В. Тихоновой. Результаты этой работы увидели свет на страницах ведущих журналов [Козлов, Тихонова, 2013], были представлены в научной монографии.

[1] Проект РГНФ «История советского университета: идеология и практика создания региональных университетов. 1917–1941 гг.», 2015–2017 годы.

[2] Проект РГНФ «Социальная история российской провинции 1920–1930-х гг.: теоретические проблемы и практика изучения», 2011–2013 годы.

Многие годы Олег Владимирович трудился заместителем председателя совместного диссовета по историческим наукам Брянского и Смоленского госуниверситетов (ныне 99.2.048.02), своей благожелательностью способствуя профессиональному становлению многих коллег.

Сотни курсовых работ, десятки выпускных квалификационных, несколько подготовленных кандидатов наук, деятельная помощь коллегам в защите докторских диссертаций. Счет им не вел, не пополнял список тщеславия, щедро делился «своими» (лишь бы им пошло на пользу). Олег Владимирович – основатель научного направления, объединившего на кафедре нескольких коллег, исследующих историю учреждений и процессов развития культуры и образования в российской провинции XIX – начала XX века. Десятки публикаций и выступлений на научных конференциях в различных городах (Олег Владимирович любил поездки; посещение, помимо архивов, музеев и театров было частью обязательной программы).

Коллеги и ученики запомнят Олега Владимировича отзывчивым и теплым собеседником, немногословным и содержательным научным руководителем. Память о нем сохранится на факультете истории и права.

ЛИТЕРАТУРА

Козлов О.В. Народное образование и культурно-просветительная работа в российской провинции (1917–1922 гг.): по материалам Зап. региона РФ: монография. Смоленск: СГПУ, 2000. 288 с.

Козлов О.В., Тихонова А.В. Швейцарские учителя и гувернеры в Смоленской губернии в первой половине XIX века // Российская история. 2013. № 2. С. 127–133

Культура российской провинции XIX – начала XX века: между традицией и модернизацией: очерки культурной жизни Смоленской губернии / под ред. О.В. Козлова, М.В. Каиля. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. 162 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Вадим Сергеевич – доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета – заведующий кафедрой иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: vadim.andreev@ymail.com.

Артемова Вера Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Брянского государственного инженерно-технологического университета. E-mail: artmurom@yandex.ru.

Белютина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Богатчикова Карина Сергеевна – кандидат юридических наук, преподаватель Центра профессиональной подготовки УМВД России по Смоленской области, майор полиции. E-mail: karina.bogatchikova@bk.ru.

Востриков Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Смоленского государственного университета. E-mail: termenvoxpopuli@gmail.com.

Дедова Наталья Александровна – аспирант кафедры перевода и переводоведения Смоленского государственного университета. E-mail: pshenjannikvanatali23@gmail.com.

Демидова Мария Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Брянского государственного технического университета. E-mail: marri25@mail.ru.

Дмитриева Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru.

Ивонин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: juri_ivonin@rambler.ru.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Каиль Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, советник при ректорате по административной работе и стратегическому развитию. E-mail: mvkail@mail.ru.

Козлов Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: 0legkoz28@gmail.com.

Козлова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Брянского государственного технического университета. E-mail: lyu-k@mail.ru.

Костюк Александр Эдмундович – аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: kostyuk.ae@gmail.com.

Краснова Ольга Николаевна – аспирант Института массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: olg.isupowa@yandex.ru.

Максимчук Нина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: nmaximchuk@yandex.ru.

Минаева Ольга Николаевна – магистр, аспирант кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна). E-mail: olga_minaeva_00@mail.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета – профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru.

Радионова Алла Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: allarad1@rambler.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета – заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Семенов Сергей Евгеньевич – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета, ведущий программист Культурно-выставочного центра имени Тенишевых (г. Смоленск). E-mail: alarm-xxx@yandex.ru.

Сильницкий Антон Георгиевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета. E-mail: anton-silnitsky@mail.ru.

Сироткин Станислав Олегович – аспирант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. (г. Калининград) E-mail: Ssirotkin444548@gmail.com.

Скулачева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва). E-mail: skulacheva@yandex.ru.

Смирнов Александр Семенович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь). E-mail: smialex8@mail.ru.

Стрельцов Алексей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ Института филологии, журналистики и МКК Южного федерального университета. E-mail: al-astr@yandex.ru.

Стрыгин Артем Юрьевич – магистр лингвистики, аспирант по направлению подготовки «Языкознание и литературоведение» Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград). E-mail: artem1134th@gmail.com.

Тришина Мария Николаевна – ассистент кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: trim4ik@mail.ru.

Троицкий Евгений Федорович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: anna6772@mail.ru.

Шанина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. E-mail: shanina.julia.a@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2021 ГОД

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андреев В.С., Романова И.В., Павлова Л.В. Цветообозначения В. Набокова: смыслы и приемы создания. – № 4(56). – С. 47–62.

Балашова Е.А. Поэзия А. Тинякова: от «идиллического» до «противного». – № 2(54). – С. 21–31.

Булгакова А.А. Поэма С. Боброва «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» и концепция русского масонства XVIII – начала XIX века. – № 1(53). – С. 5–20.

Гончарова Н.Н. Новозаветные притчи о росте Царствия Божия и «Степь» А.П. Чехова. – № 3(55). – С. 5–16.

Ковалева В.С., *Похаленков О.Е.* Карнавальная поэтика повести Б. Васильева «Завтра была война». – № 1(53). – С. 33–45.

Краснова О.Н. Ассоциаты «натура» и «природа»: текстовые связи с глубинными художественно-психологическими характеристиками образа повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина. – № 4(56). – С. 14–23.

Кретов А.А., Чуриков С.А. Четыре стихотворения А.В. Кольцова на смерть А.С. Пушкина. – № 1(53). – С. 20–32.

Кротова Д.В. Поэтика телесности в лирике В. Шаламова. – № 2(54). – С. 52–64.

Минаева О.Н. Письмо из гротескного мира: «Хулио Хуренито» И. Эренбурга и «Голый год» Б. Пильняка. – № 4(56). – С. 39–47.

Молнар А. Взросление и «лемурность» у Ласло Гараци. – № 1(53). – С. 45–60.

Никулина А.К. Диалог аналитической и континентальной философии в романе Д.Ф. Уоллеса «Швабра системы». – № 3(55). – С. 40–52.

Павлова Л.В., Романова И.В. Устойчивые лексические комбинации в книжной поэтической «Персональной серии» в свете компьютерного исследования и авторской рефлексии. – № 2(54). – С. 64–79.

Радионова А.В. Концепция добра в произведениях Бориса Васильева. – № 4(56). – С.

Синицына М.В. Журнал «Приятное и полезное препровождение времени»: формирование литературного канона. – № 2(54). – С. 5–21.

Скулачева Т.В., Костюк А.Э. Стих и проза: лингвистические различия и их функции. – № 4(56). – С. 5–14.
Смирнов А.С. «Слово» героя как предмет изображения в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – № 4(56). – С. 24–38.
Стрыгин А.Ю. Сенсорная образность стихотворений Р. Брука в переводах В.В. Набокова: синестезия и метафизика. – № 4(56). – С. 62–74.
Чевтаев А.А. Символика души в книге стихов А. Ладинского «Черное и голубое» (к вопросу о специфике художественного мира). – № 2(54). – С. 31–51.
Шадурский В.В. Марк Алданов о восприятии наследия Л.Н. Толстого (по статьям 1920–1940-х годов). – № 3(55). – С. 16–28.
Шанина Ю.А. Традиции мистицизма и духовная проблематика в романе У. Голдинга «Зримая тьма». – № 4(56). – С. 87–98.
Юркина Я.В. Из истории литературной деятельности российского немецкого писателя Андреаса Закса: подготовка его шванков к изданию на русском языке (1960–1970-е годы). – № 3(55). – С. 28–40.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрютина А.Ю., Пономарева А.В. Немецко-английская интерференция в области вокализма (на материале речи немцев, изучающих английский язык как иностранный). – № 1(53). – С. 128–143.
Андреев В.С. Индивидуальный стиль как система соотношений разноуровневых признаков. – № 3(55). – С. 88–101.
Андреев С.Н. Частеречные характеристики лирики Б. Пастернака. – № 2(54). – С. 124–135.
Артемова В.С., Дмитриева М.Н. Парадигматика и синтагматика имени прилагательного в швейцарском варианте немецкого языка. – № 4(56). – С. 155–162.
Белютин Р.В. Ономастические реалии в дискурсе немецких футбольных фанатов (на примере коммуникативного домена «Fangesäenge»). – № 3(55). – С. 118–127.
Белютина Ю.А. Речевой портрет Дональда Трампа (по материалам предвыборных выступлений в кампаниях 2016 и 2020 годов). – № 4(56). – С. 145–154.
Варнаева А.Е. Целостность сочинительной конструкции как системы. – № 1(53). – С. 76–86.
Галкина Н.П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике. – № 1(53). – С. 86–101.
Гончарова Е.А. Текстовые и дискурсные характеристики современного немецкого политического плаката. – № 1(53). – С. 102–117.
Гуревич Р.В. Автобиографический роман Г. Канта «Остановка в пути» (Hermann Kant. Der Aufenthalt): поэзия и правда. – № 1(53). – С. 117–127.

Демидова М.М., Козлова Л.Н. Особенности передачи русской разговорной субстантивной лексики на английский язык. – № 4(56). – С. 130–144.
Домашевич Ю.В. Понятие индивидуального стиля и уникальность авторского способа повествования В. Мерса. – № 3(55). – С. 128–140.
Журова А.В. Зоны коммуникативного риска в современном русском языке (на основе анализа эвфемизмов). – № 2(54). – С. 99–111.
Кирчанов М.В. Неакадемические теории в исторической лингвистике и националистическое воображение в Европе (проблемы сосуществования и взаимовлияния). – № 3(55). – С. 101–117.
Колокольникова О.Д. Основа метафорической системы Роберта Бриджеса в поздней лирике. – № 1(53). – С. 143–155.
Королева И.А. Диалектные особенности смоленско-могилевского приграничья в свете лексикографии. – № 3(55). – С. 64–72.
Королькова А.В. Языковая репрезентация ценностных приоритетов В.Г. Белинского (на материале афористики). – № 3(55). – С. 53–72.
Лунькова Е.С. Взаимодействие смоленских говоров и белорусского языка: полные лексические соответствия. – № 2(54). – С. 80–98.
Максимчук Н.А., Троицкий Е.Ф. Устойчивые обороты с зоономической лексикой в аспекте фразеографии (на материале Словаря смоленских говоров). – № 4(56). – С. 99–112.
Мошина Е.А. Доместическая метафора как способ объективации национального символа земли в русской лингвокультуре. – № 3(55). – С. 73–87.
Нюбина Л.М. Особенности идиостиля В. Мерса в произведении «Der Schrecksenmeister». – № 2(54). – С. 149–163.
Поведская О.А. Концепт «Спортивный врач» в автобиографическом дискурсе. – № 2(54). – С. 163–172.
Рогалева О.С. Специализированное новостное телевидение: структурно-содержательные и стилистические особенности (на примере новостей культуры). – № 2(54). – С. 111–123.
Сафина М.Р. Роль многофазовой структуры действия в классификации ситуаций по степени контролируемости (на материале английского языка). – № 2(54). – С. 136–148.
Сильницкий А.Г., Дедова Н.А. Анализ структуры семантического пространства образных метафор романа Р. Брэдбэри «451 градус по Фаренгейту». – № 4(56). – С. 174–189.
Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке. – № 1(53). – С. 61–76.
Стрельцов А.А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: словообразовательный аспект. – № 4(56). – С. 113–129.
Тришина М.Н. О калейдоскопичности концепта «Противостояние» в дискурсивных и культурных практиках (на материале немецкого языка). – № 4(56). – С. 163–174.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Богатчикова К.С., Востриков С.В. Духовное наследие как основа цивилизационной идентичности России. – № 4(56). – С. 232–251.

Борисов В.И. Товарообмен в первые месяцы советской власти и участие в нем потребительской кооперации (январь – апрель 1918 года). – № 2(54). – С. 173–187.

Денисов С.А. Помезанские ленники в государстве Тевтонского ордена в 1260–1370 годах. – № 2(54). – С. 225–243.

Ивонин Ю.Е. Репрезентация императорской власти и самопрезентация Карла V Габсбурга. – № 4(56). – С. 251–259.

Ивочкин Д.А. Епископ Смоленский и Дорогобужский Серафим (Протопопов) в истории Смоленской епархии второй половины XIX века. – № 1(53). – С. 175–186.

Кобец О.В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности). – № 1(53). – С. 199–217.

Кодин Е.В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию. – № 2(54). – С. 187–204.

Козлов О.В. Народные дома как центры культурно-просветительной работы в преддверии революции и в первые годы советской власти (на материалах Западного региона России). – № 4(56). – С. 190–200.

Комаров Д.Е. Перспективы изучения участия смолян в Первой мировой войне в контексте воссоздания в Вязьме памятника героям Первой мировой войны. – № 3(55). – С. 154–169.

Кочетов Д.В. Колониальное прошлое в отношениях Италии с бывшими африканскими колониями. – № 2(54). – С. 214–225.

Красовская Ю.В., Христенко Д.Н. Городское самоуправление в 1917 году: против Временного правительства и большевиков (на материалах Костромской и Ярославской губерний). – № 1(53). – С. 156–174.

Кузнецов М.В. «Правый уклон» в советских земельных органах на Смоленщине в 1928–1929 годах. – № 3(55). – С. 169–180.

Марней Л.П., Носов Б.В. Проблема целостности национального хозяйства разделенных польских земель: Царство Польское (1815–1830). – № 3(55). – С. 181–194.

Полугодин А.Д. Административный коллаборационизм в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 годов. – № 1(53). – С. 218–239.

Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда и политика по национальному вопросу на территории генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах. – № 4(56). – С. 201–216.

Родионов И.И. Зарубежные центры белорусоведения. Центр М. Острогорского в Лондоне. – № 1(53). – С. 186–198.

Рощупкин А.Ю. «Царь, государь, смилуйся, пожалуй». Проблемы набора в елецкую крепость служилых людей «по прибору» в конце XVI века. – № 2(54). – С. 205–213.
Семенов С.Е. Между тылом и фронтом. Смоленские железнодорожники – труженики тыла Великой Отечественной войны. – № 4(56). – С. 216–231.
Сироткин С.О. «Сначала свобода, потом Союз»: Конституция и Союз США в трактовке Уэнделла Филипса. – № 4(56). – С. 259–267.
Тихонова А.В. Швейцарец Ф.И. Ягги – образцовый управляющий дворянским имением пореформенной эпохи. – № 3(55). – С. 141–153.
Часовских Г.А. Кровнородственные связи и социальные страты средневекового Уэльса в трудах историков XIX–XXI веков. – № 3(55). – С. 195–212.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ивонина Л.И. Визуализация и структуризация истории: размышления по поводу одного проекта. – № 4(56). – С. 268–273.
Итунина Н.Б. MEMORIA. Памяти Александра Васильевича Славина (27.11.1924–25.03.2021). – № 2(54). – С. 244–246.
Каиль М.В. Memoria. Памяти Олега Владимировича Козлова (28.04.1950–25.11.2021). – № 4(56). – С. 274–276.
Федотов О.И. «Бог сохраняет все; особенно – слова...» (Заметки на полях последней статьи С.И. Кормилова «Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского 1962 года о смерти и вечности»). – № 1(53). – С. 240–254.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

М.А. Можейко (Минск, Республика Беларусь)

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Института теологии Белорусского государственного университета

Б.В. Носов (Москва)

Борис Владимирович Носов – доктор исторических наук, завотделом истории стран Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

А. Тишер (Германия)

Анушка Тишер – профессор кафедры Новой истории философского факультета Вюрцбургского университета им. Юлиуса и Максимилиана (Германия)

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета, профессор кафедры неофилологии Белостокского государственного университета (Польша)

М. Хикки (Блумсберг, США)

Майкл Хикки – доктор философских наук, профессор отдела истории, директор Института общества и культуры Блумсбергского университета

С. Майер-Фиракер (Германия)

Симон Майер-Фиракер – профессор Института германистики (направление «Прикладная лингвистика») Технического университета г. Дрездена (Германия)

THE EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL «IZVESTIA OF SMOLENSK STATE UNIVERSITY»

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)
Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – candidate PhD in History, Associate professor, holds the Chair of State-legal Disciplines, rector at Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)
Irina Viktorovna Romanova – PhD in Philology, holds the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

M.A. Mozheiko (Minsk, Republic of Belarus)
Marina Alexandrovna Mozheiko – PhD in Philosophy, Professor, Pro-rector for Science and International Connections of the Institute of Theology at Belarus State University

B.V. Nosov (Moscow)
Boris Vladimirovich Nosov – PhD in History, Head of the Department of History of the Countries of Central Europe in the Modern Era of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

A. Tisher (Germany)
Anushka Tisher – Professor of the Chair of Modern History, Faculty of Philosophy at The Julius Maximilian University of Würzburg

F.B. Uspensky
Fyodor Borisovich Uspensky – PhD in Philology, Corresponding member of The Russian Academy of Sciences, Associate Director of Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, Republic of Belarus)
Zinaida Andreevna Kharitonchik – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of General Linguistics at Minsk State Linguistic University, Professor of the Chair of Neophilology at Belostok State University (Poland)

M. Hickey (Pennsylvania, the USA)
Michael Hickey – PhD in Philosophy, Professor of the Department of History, Director of the Institute of Society and Culture at Bloomsburg University of Pennsylvania

S. Mayer-Firacker (Germany)
Simon Mayer-Firacker – Professor of the Institute of German Studies (majoring in "Applied Linguistics"), Dresden University of Technology (Germany)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, директор музея истории Смоленского государственного университета, профессор кафедры истории России

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

Ю.А. Грибер

Юлия Александровна Грибер – доктор культурологии, профессор кафедры социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

А.Г. Егоров

Александр Григорьевич Егоров – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

Ю.Е. Ивонин

Юрий Евгеньевич Ивонин – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Смоленского областного института промышленных технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

О.В. Козлов

Олег Владимирович Козлов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета

Е.А. Кучинская

Кучинская Елизавета Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск)

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Рацибурская

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ)

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Сергеев

Виктор Владимирович Сергеев – доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта

А.Г. Сильницкий

Антон Георгиевич Сильницкий – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета

Н.А. Фатеева

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова, А.Г. Сильницкий (литературоведение, языкознание)

Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов (исторические науки и археология)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIA OF SMOLENSK STATE UNIVERSITY»

I.V. Romanova (editor-in-chief)
Irina Viktorovna Romanova – PhD in Philology, holds the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

A.V. Tikhonova (deputy editor-in-chief)
Anastasia Vladimirovna Tikhonova – PhD of Historical Sciences, Director of the Historical Museum of Smolensk State University, Professor of Russian History Department

R.V. Belutin (executive secretary)
Roman Vyacheslavovich Belutin –PhD in Philology, Associate professor, holdas the Chair of the German language at Smolensk State University

S.N. Andreev
Sergey Nickolayevich Andreev – PhD, professor of the Chair for the Foreign Languages

J.A. Griber
Julia Alexandrovna Griber – PhD in Culturology, Professor of the Chair of Sociology, Philosophy and Organization of Work with Young People at Smolensk State University

A.G. Yegorov
Alexander Grigoryevich Yegorov – PhD in Philosophy, Professor, holds the Chair of Sociology, Philosophy and Organization of Work with Young People at Smolensk State University

Y.E. Ivonin
Yury Evgenyevich Ivonin – PhD in History, Professor, of the Chair of General History at Smolensk State University, Honored Scientist of RF

D.Y. Komarov
Dmitry Yevgenyevich Komarov – PhD in History, Associate professor, Associate director of Smolensk Regional University of Technologies and Management, the branch of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)»

O.V. Kozlov
Oleg Vladimirovich Kozlov – PhD in History, Professor of the Chair of Russian History at Smolensk State University

Y.A. Kuchinskaya
Yelizaveta Alexandrovna Kuchinskaya – PhD in Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages at The Army Air Defense Military Academy of the Russian Armed Forces named after A.M. Vasilevsky, the Marshall of the Soviet Union

L.V. Pavlova
Larissa Victorovna Pavlova – PhD in Philology, Professor of the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

L.V. Ratsiburskaya
Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of The Modern Russian Language and General Linguistics at Federal State Budget Independent Educational Institution of Higher Education Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN)

A.M. Ranchin
Andrei Mikhailovich Ranchin – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of Russian Literature History of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University

V.V. Sergeev
Viktor Vladimirovich Sergeyev – PhD in History, Professor at the Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University

A.G. Silnitsky
Anton Georgievich Silnitsky – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of The English Language and Theory of Translation at Smolensk State University

N.A. Fateyeva
Natalya Alexandrovna Fateyeva – PhD in Philology, Chief Research Associate at The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

EDITORS OF SECTIONS:

Andreev S.N., Pavlova L.V., Silnitsky A.G., (Literature study, Linguistics)
Ivonin Y.E., Kozlov O.V. (History, Archeology)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2020 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2021», 1 том, зеленая обложка.

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 814 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 421 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2021»

Подписка на **I полугодие – 80190**
Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**
Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru, arpk@eg-online.ru.**

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** http://www.arpk.org.

Адрес редакции:
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700232, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
2021, № 4(56)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова*
Редактор англоязычных текстов *А.С. Герц*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Подписано к печати 24. 01. 2022. Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 23,5. Тираж 300 экз. Заказ №